

Arizona Territory

Антон Павлович Чехов

Пьесы. 1889-1891

(Полное собрание сочинений и писем #12)

Содержание

Иванов	0006
#1	0006
Действие первое	0007
Действие второе	0035
Действие третье	0068
Действие четвертое	0103
Татьяна Репина	0128
Трагик поневоле	0158
Свадьба	0169
Леший	0195
#1	0195
Действие первое	0196
Действие второе	0230
Действие третье	0257
Действие четвертое	0287
Юбилей	0322
Неоконченное	0348
Ночь перед судом	0348
Примечания	0361
1	0361
2	0363
3	0372
4	0380
Иванов	0394
Татьяна Репина	0515

Трагик поневоле0526
Свадьба0538
Леший0555
Юбилей0597
Ночь перед судом0609

Антон Павлович Чехов
Пьесы.
1889-1891

Иванов

Драма в четырех действиях

Действующие лица

Иванов Николай Алексеевич, *непременный член по крестьянским делам присутствия.*

Анна Петровна, *его жена, урожденная Сарра Абрамсон.*

Шабельский Матвей Семенович, *граф, его дядя по матери.*

Лебедев Павел Кириллыч, *председатель земской управы.*

Зинаида Савишна, *его жена.*

Саша, *дочь Лебедевых, 20-ти лет.*

Львов Евгений Константинович, *молодой земский врач.*

Бабакина Марфа Егоровна, *молодая вдова, помещица, дочь богатого купца.*

Косых Дмитрий Никитич, *акцизный.*

Боркин Михаил Михайлович, *дальний родственник Иванова и управляющий его имением.*

Авдотья Назаровна, *старуха с неопределенною профессией.*

Егорушка, *нахлебник Лебедевых.*

1-й гость.

2-й гость.

3-й гость.

4-й гость.

Петр, *лакей Иванова.*

Гаврила, *лакей Лебедевых.*

Гости обоего пола, лакеи.

Действие происходит в одном из уездов средней полосы России.

Действие первое

Сад в имении Иванова. Слева фасад дома с террасой. Одно окно открыто. Перед террасой широкая полукруглая площадка, от которой в сад, прямо и вправо, идут аллеи. На правой стороне садовые диванчики и столики. На одном из последних горит лампа. Вечерет. При поднятии занавеса слышно, как в доме разучивают дуэт на рояле и виолончели.

I

Иванов и Боркин.

Иванов сидит за столом и читает книгу. Боркин в больших сапогах, с ружьем, показывается в глубине сада; он навеселе; увидев Ива-

нова, на цыпочках идет к нему и, поравнявшись с ним, прицеливается в его лицо.

Иванов (увидев Боркина, вздрагивает и вскакивает). Миша, бог знает что... вы меня испугали... Я и так расстроен, а вы еще с глупыми шутками... (Садится.) Испугал и радуется...

Боркин (хохочет). Ну, ну... виноват, виноват. (Садится рядом.) Не буду больше, не буду... (Снимает фуражку.) Жарко. Верите ли, душа моя, в какие-нибудь три часа семнадцать верст отмахал... замучился... Пощупайте-ка, как у меня сердце бьется...

Иванов (читая). Хорошо, после...

Боркин. Нет, вы сейчас пощупайте. (Берет его руку и прикладывает к груди.) Слышите? Ту-ту-ту-ту-ту-ту. Это, значит, у меня порок сердца. Каждую минуту могу скоропостижно умереть. Послушайте, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Я читаю... после...

Боркин. Нет, серьезно, вам будет жаль, если я вдруг умру? Николай Алексеевич, вам будет жаль, если я умру?

Иванов. Не приставайте!

Боркин. Голубчик, скажите: будет жаль?

Иванов. Мне жаль, что от вас водкой пахнет. Это, Миша, противно.

Боркин *(смеется)*. Разве пахнет? Удивительное дело... Впрочем, тут нет ничего удивительного. В Плесниках я встретил следователя, и мы, признаться, с ним рюмок по восьми стукнули. В сущности говоря, пить очень вредно. Послушайте, ведь вредно? А? вредно?

Иванов. Это, наконец, невыносимо... Поймите, Миша, что это издевательство...

Боркин. Ну, ну... виноват, виноват!.. Бог с вами, сидите себе... *(Встает и идет.)* Удивительный народ, даже и поговорить нельзя. *(Возвращается.)* Ах, да! Чуть было не забыл... Пожалуйста восемьдесят два рубля!..

Иванов. Какие восемьдесят два рубля?

Боркин. Завтра рабочим платить.

Иванов. У меня нет.

Боркин. Покорнейше благодарю! *(Дразнит.)* У меня нет... Да ведь нужно платить рабочим? Нужно?

Иванов. Не знаю. У меня сегодня ничего нет. Подождите до первого числа, когда жалованье получу.

Боркин. Вот и извольте разговаривать с такими субъектами!.. Рабочие придут за деньгами не первого числа, а завтра утром!..

Иванов. Так что же мне теперь делать? Ну, режьте меня, пилите... И что у вас за отвратительная манера приставать ко мне именно тогда, когда я читаю, пишу или...

Боркин. Я вас спрашиваю: рабочим нужно платить или нет? Э, да что с вами говорить!.. *(Машет рукой.)* Помещики тоже, черт подери, землевладельцы... Рациональное хозяйство... Тысяча десятин земли – и ни гроша в кармане... Винный погреб есть, а штопора нет... Возьму вот и продам завтра тройку! Да-с!.. Овес на корню продал, а завтра возьму и рожь продам. *(Шагает по сцене.)* Вы думаете, я стану церемониться? Да? Ну, нет-с, не на такого напали...

II

Те же, Шабельский (за сценой) и Анна Петровна.

Голос Шабельского за окном: «Играть с вами нет никакой возможности... Слуха у вас меньше, чем у фаршированной щуки, а туше возмутительное».

Анна Петровна (*показывается в открытом окне*). Кто здесь сейчас разговаривал? Это вы, Миша? Что вы так шагаете?

Боркин. С вашим Nicolas-voilà еще не так зашагаешь.

Анна Петровна. Послушайте, Миша, прикажите принести на крокет сена.

Боркин (*машет рукой*). Оставьте вы меня, пожалуйста...

Анна Петровна. Скажите, какой тон... К вам этот тон совсем не идет. Если хотите, чтобы вас любили женщины, то никогда при них не сердитесь и не солидничайте... (*Мужу*.) Николай, давайте на сене кувыркаться!..

Иванов. Тебе, Анюта, вредно стоять у открытого окна. Уйди, пожалуйста... (*Кричит*.) Дядя, закрой окно!

Окно закрывается.

Боркин. Не забывайте еще, что через два дня нужно проценты платить Лебедеву.

Иванов. Я помню. Сегодня я буду у Лебедева и попрошу его подождать... (*Смотрит на часы*.)

Боркин. Вы когда туда поедете?

Иванов. Сейчас.

Боркин (*живо*). Постойте, постойте!.. ведь сегодня, кажется, день рождения Шурочки.. Те-те-те-те... А я забыл... Вот память, а? (*Прыгает.*) Поеду, поеду... (*Поет.*) Поеду... Пойду выкупаюсь, пожую бумаги, приму три капли нашатырного спирта и – хоть сначала начинай... Голубчик, Николай Алексеевич, мамуся моя, ангел души моей, вы всё нервничаете, ей-богу, ноете, постоянно в мерлехлюндии, а ведь мы, ей-богу, вместе черт знает каких делов могли бы наделать! Для вас я на все готов... Хотите, я для вас на Марфуше Бабакиной женюсь? Половина приданого ваша... То есть не половина, а всё берите, всё!..

Иванов. Будет вам вздор молоть...

Боркин. Нет, серьезно, ей-богу, хотите, я на Марфуше женюсь? Приданое пополам... Впрочем, зачем я это вам говорю? Разве вы поймете? (*Дразнит.*) «Будет вздор молоть». Хороший вы человек, умный, но в вас не хватает этой жилки, этого, понимаете ли, взмаха. Этак бы размахнуться, чтобы чертям тошно стало... Вы психопат, нюня, а будь вы нормальный человек, то через год имели бы миллион. Например, будь у меня сейчас две тысячи триста

рублей, я бы через две недели имел двадцать тысяч. Не верите? И это, по-вашему, вздор? Нет, не вздор... Вот дайте мне две тысячи триста рублей, и я через неделю доставлю вам двадцать тысяч. На том берегу Овсянов продает полоску земли, как раз против нас, за две тысячи триста рублей. Если мы купим эту полоску, то оба берега будут наши. А если оба берега будут наши, то, понимаете ли, мы имеем право запрудить реку. Ведь так? Мы мельницу будем строить, и как только мы объявим, что хотим запруду сделать, так все, которые живут вниз по реке, поднимут гвалт, а мы сейчас: коммен зи гер,[1] – если хотите, чтобы плотины не было, заплатите. Понимаете? Заревская фабрика даст пять тысяч, Корольков три тысячи, монастырь даст пять тысяч...

Иванов. Все это, Миша, фокусы... Если не хотите со мною ссориться, то держите их при себе.

Боркин (*садится за стол*). Конечно!.. Я так и знал!.. И сами ничего не делаете, и меня связываете...

III

Те же, Шабельский и Львов.

Шабельский *(выходя со Львовым из дома)*. Доктора – те же адвокаты, с тою только разницей, что адвокаты только грабят, а доктора и грабят и убивают... Я не говорю о присутствующих. *(Садится на диванчик.)* Шарлатаны, эксплуататоры... Может быть, в какой-нибудь Аркадии попадаются исключения из общего правила, но... я в свою жизнь пролечил тысяч двадцать и не встретил ни одного доктора, который не казался бы мне патентованным мошенником.

Боркин *(Иванову)*. Да, сами ничего не делаете и меня связываете. Оттого у нас и денег нет...

Шабельский. Повторяю, я не говорю о присутствующих... Может быть, есть исключения, хотя, впрочем... *(Зевает.)*

Иванов *(закрывая книгу)*. Что, доктор, скажете?

Львов *(оглядываясь на окно)*. То же, что и утром говорил: ей немедленно нужно в Крым ехать. *(Ходит по сцене.)*

Шабельский *(прыскает)*. В Крым!.. Отчего, Миша, мы с тобою не лечим? Это так просто... Стала перхоть или кашлять от скуки ка-

кая-нибудь мадам Анго или Офелия, бери сейчас бумагу и прописывай по правилам науки: сначала молодой доктор, потом поездка в Крым, в Крыму татарин...

Иванов (*графу*). Ах, не зуди ты, зуда! (*Львову.*) Чтобы ехать в Крым, нужны средства. Допустим, что я найду их, но ведь она решительно отказывается от этой поездки...

Львов. Да, отказывается.

Пауза.

Боркин. Послушайте, доктор, разве Анна Петровна уж так серьезно больна, что необходимо в Крым ехать?..

Львов (*оглядывается на окно*). Да, чахотка...

Боркин. Псс!.. нехорошо... Я сам давно уже по лицу замечал, что она не протянет долго.

Львов. Но... говорите потише... в доме слышно...

Пауза.

Боркин (*вздыхая*). Жизнь наша... Жизнь человеческая подобна цветку, пышно произрастающему в поле: пришел козел, съел и – нет цветка...

Шабельский. Все вздор, вздор и вздор!..

(Зевает.) Вздор и плутни.

Пауза.

Боркин. А я, господа, тут все учу Николая Алексеевича деньги наживать. Сообщил ему одну чудную идею, но мой порошок, по обыкновению, упал на влажную почву. Ему не втолкуешь... Посмотрите, на что он похож: меланхолия, сплин, тоска, хандра, грусть...

Шабельский *(встает и потягивается)*. Для всех ты, гениальная башка, изобретаешь и учишь всех, как жить, а меня хоть бы раз поучил... Поучи-ка, умная голова, укажи выход...

Боркин *(встает)*. Пойду купаться... Прощайте, господа... *(Графу.)* У вас двадцать выходов есть... На вашем месте я через неделю имел бы тысяч двадцать. *(Идет.)*

Шабельский *(идет за ним)*. Каким это образом? Ну-ка, научи.

Боркин. Тут и учить нечему. Очень просто... *(Возвращается.)* Николай Алексеевич, дайте мне рубль!

Иванов молча дает ему деньги.

Мерси *(Графу.)* У вас еще много козырей на руках.

Шабельский (*идя заним*). Ну, какие же?

Боркин. На вашем месте я через неделю имел бы тысяч тридцать, если не больше. (*Уходит с графом.*)

Иванов (*после паузы*). Лишние люди, лишние слова, необходимость отвечать на глупые вопросы – всё это, доктор, утомило меня до болезни. Я стал раздражителен, вспыльчив, резок, мелочен до того, что не узнаю себя. По целым дням у меня голова болит, бессонница, шум в ушах... А деваться положительно некуда... Положительно...

Львов. Мне, Николай Алексеевич, нужно серьезно поговорить с вами.

Иванов. Говорите.

Львов. Я об Анне Петровне. (*Садится.*) Она не соглашается ехать в Крым, но с вами она поехала бы.

Иванов (*подумав*). Чтобы ехать вдвоем, нужны средства. К тому же, мне не дадут продолжительного отпуска. В этом году я уже брал раз отпуск...

Львов. Допустим, что это правда. Теперь далее. Самое главное лекарство от чахотки – это абсолютный покой, а ваша жена не знает

ни минуты покоя. Ее постоянно волнуют ваши отношения к ней. Простите, я взволнован и буду говорить прямо. Ваше поведение убивает ее.

Пауза.

Николай Алексеевич, позвольте мне думать о вас лучше!..

Иванов. Все это правда, правда... Вероятно, я страшно виноват, но мысли мои перепутались, душа скована какою-то ленью, и я не в силах понимать себя. Не понимаю ни людей, ни себя... (*Взглядывает на окно.*) Нас могут услышать, пойдете, пройдемся.

Встают.

Я, милый друг, рассказал бы вам с самого начала, но история длинная и такая сложная, что до утра не расскажешь.

Идут.

Анюта замечательная, необыкновенная женщина... Ради меня она переменила веру, бросила отца и мать, ушла от богатства, и если бы я потребовал еще сотню жертв, она принесла бы их, не моргнув глазом. Ну-с, а я ничем не замечателен и ничем не жертвовал. Впрочем, это длинная история... Вся суть в

том, милый доктор (*мнется*), что... короче говоря, женился я по страстной любви и клялся любить вечно, но... прошло пять лет, она все еще любит меня, а я... (*Разводит руками.*) Вы вот говорите мне, что она скоро умрет, а я не чувствую ни любви, ни жалости, а какую-то пустоту, утомление. Если со стороны поглядеть на меня, то это, вероятно, ужасно; сам же я не понимаю, что делается с моею душой...

Уходят по аллее.

IV

Шабельский, потом Анна Петровна.

Шабельский (*входит и хохочет*). Честное слово, это не мошенник, а мыслитель, виртуоз! Памятник ему нужно поставить. В себе одном совмещает современный гной во всех видах: и адвоката, и доктора, и кукуевца, и кассира. (*Садится на нижнюю ступень террасы.*) И ведь нигде, кажется, курса не кончил, вот что удивительно... Стало быть, каким был бы гениальным подлецом, если бы еще усвоил культуру, гуманитарные науки! «Вы, говорит, через неделю можете иметь двадцать тысяч. У вас, говорит, еще на руках козырный туз – ваш графский титул. (*Хохочет.*) За вас любая

девица пойдет с приданным»...

Анна Петровна открывает окно и смотрит вниз.

«Хотите, говорит, посватаю за вас Марфушу?» Qui est ce que c'est[2] Марфуша? Ах, это та, Балабалкина... Бабакалкина... эта, что на прачку похожа.

Анна Петровна. Это вы, граф?

Шабельский. Что такое?

Анна Петровна смеется.

(Еврейским акцентом.) Зачиво вы шмее-тесь?

Анна Петровна. Я вспомнила одну вашу фразу. Помните, вы говорили за обедом? Вор прощенный, лошадь... Как это?

Шабельский. Жид крещеный, вор прощенный, конь леченый – одна цена.

Анна Петровна *(смеется).* Вы даже простого каламбура не можете сказать без злости. Злой вы человек. *(Серьезно.)* Не шутя, граф, вы очень злы. С вами жить скучно и жутко. Всегда вы брюзжите, ворчите, все у вас подлецы и негодяи. Скажите мне, граф, откровенно: говорили вы когда-нибудь о ком хорошо?

Шабельский. Это что за экзамен?

Анна Петровна. Живем мы с вами под одною крышей уже пять лет, и я ни разу не слышала, чтобы вы отзывались о людях спокойно, без желчи и без смеха. Что вам люди сделали худого? И неужели вы думаете, что вы лучше всех?

Шабельский. Вовсе я этого не думаю. Я такой же мерзавец и свинья в ермолке, как все. Моветон и старый башмак. Я всегда себя браню. Кто я? Что я? Был богат, свободен, немного счастлив, а теперь... нахлебник, приживалка, обезличенный шут. Я негодую, презираю, а мне в ответ смеются; я смеюсь, на меня печально кивают головой и говорят: спятил старик... А чаще всего меня не слышат и не замечают...

Анна Петровна (*покойно*). Опять кричит...

Шабельский. Кто кричит?

Анна Петровна. Сова. Каждый вечер кричит.

Шабельский. Пусть кричит. Хуже того, что уже есть, не может быть. (*Потягивается.*) Эх, милейшая Сарра, выиграй я сто или двести тысяч, показал бы я вам, где раки зимуют!..

Только бы вы меня и видели. Ушел бы я из этой ямы, от даровых хлебов, и ни ногой бы сюда до самого страшного суда...

Анна Петровна. А что бы вы сделали, если бы вы выиграли?

Шабельский (*подумав*). Я прежде всего поехал бы в Москву и цыган послушал. Потом... потом махнул бы в Париж. Нанял бы себе там квартиру, ходил бы в русскую церковь...

Анна Петровна. А еще что?

Шабельский. По целым дням сидел бы на жениной могиле и думал. Так бы я и сидел на могиле, пока не окошел. Жена в Париже похоронена...

Пауза.

Анна Петровна. Ужасно скучно. Сыграть нам дуэт еще, что ли?

Шабельский. Хорошо, приготовьте ноты.

Анна Петровна уходит.

V

Шабельский, Иванов и Львов.

Иванов (*показывается на аллее со Львовым*). Вы, милый друг, кончили курс только в прошлом году, еще молоды и бодры, а мне тридцать пять. Я имею право вам советовать.

Не женитесь вы ни на еврейках, ни на психопатках, ни на синих чулках, а выбирайте себе что-нибудь заурядное, серенькое, без ярких красок, без лишних звуков. Вообще всю жизнь стройте по шаблону. Чем серее и монотоннее фон, тем лучше. Голубчик, не воюйте вы в одиночку с тысячами, не сражайтесь с мельницами, не бейтесь лбом о стены... Да хранит вас бог от всевозможных рациональных хозяйств, необыкновенных школ, горячих речей... Запритесь себе в свою раковину и делайте свое маленькое, богом данное дело... Это теплее, честнее и здоровее. А жизнь, которую я пережил, – как она утомительна! Ах, как утомительна!.. Сколько ошибок, несправедливостей, сколько нелепого... *(Увидев графа, раздраженно.)* Всегда ты, дядя, перед глазами вертишься, не даешь поговорить наедине!

Шабельский *(плачущим голосом)*. А черт меня возьми, нигде приюта нет! *(Вскакивает и идет в дом.)*

Иванов *(кричит ему вслед)*. Ну, виноват, виноват! *(Львову.)* За что я его обидел? Нет, я решительно развинтился. Надо будет с собою

что-нибудь сделать. Надо...

ЛЬВОВ (*волнуясь*). Николай Алексеевич, я выслушал вас и... и, простите, буду говорить прямо, без обиняков. В вашем голосе, в вашей интонации, не говоря уж о словах, столько бездушного эгоизма, столько холодного бессердечия... Близкий вам человек погибает оттого, что он вам близок, дни его сочтены, а вы... вы можете не любить, ходить, давать советы, рисоваться... Не могу я вам высказать, нет у меня дара слова, но... но вы мне глубоко несимпатичны!..

Иванов. Может быть, может быть... Вам со стороны виднее... Очень возможно, что вы меня понимаете... Вероятно, Я очень, очень виноват... (*Прислушивается.*) Кажется, лошадей подали. Пойду одеться... (*Идет к дому и останавливается.*) Вы, доктор, не любите меня и не скрываете этого. Это делает честь вашему сердцу... (*Уходит в дом.*)

ЛЬВОВ (*один*). Проклятый характер... Опять упустил случай и не поговорил с ним как следует... Не могу говорить с ним хладнокровно! Едва раскрою рот и скажу одно слово, как у меня вот тут (*показывает на грудь*) начинает

душить, переворачиваться, и язык прилипает к горлу. Ненавижу этого Тартюфа, возвышенного мошенника, всею душой... Вот уезжает... У несчастной жены все счастье в том, чтобы он был возле нее, она дышит им, умоляет его провести с нею хоть один вечер, а он... он не может... Ему, видите ли, дома душно и тесно. Если он хоть один вечер проведет дома, то с тоски пулю себе пустит в лоб. Бедный... ему нужен простор, чтобы затеять какую-нибудь новую подлость... О, я знаю, зачем ты каждый вечер едешь к этим Лебедевым! Знаю!

VI

Львов, Иванов (в шляпе и пальто), Шабельский и Анна Петровна.

Шабельский (выходя с Ивановым и с Анной Петровной из дому). Наконец, Nicolas, это бесчеловечно!.. Сам уезжаешь каждый вечер, а мы остаемся одни. От скуки ложимся спать в восемь часов. Это безобразие, а не жизнь! И почему это тебе можно ездить, а нам нельзя? Почему?

Анна Петровна. Граф, оставьте его! Пусть едет, пусть...

Иванов (жене). Ну, куда ты, больная, по-

едешь? Ты больна и тебе нельзя после заката солнца быть на воздухе... Спроси вот доктора. Ты не дитя, Анюта, нужно рассуждать... (*Графу.*) А тебе зачем туда ехать?

Шабельский. Хоть к черту в пекло, хоть к крокодилу в зубы, только чтоб не здесь оставаться. Мне скучно! Я оступел от скуки! Я надоел всем. Ты оставляешь меня дома, чтобы ей не было одной скучно, а я ее загрыз, заел!

Анна Петровна. Оставьте его, граф, оставьте! Пусть едет, если ему там весело.

Иванов. Аня, к чему этот тон? Ты знаешь, я не за весельем туда еду! Мне нужно поговорить о векселе.

Анна Петровна. Не понимаю, зачем ты оправдываешься? Поезжай! Кто тебя держит?

Иванов. Господа, не будемте есть друг друга! Неужели это так необходимо!?

Шабельский (*плачущим голосом*). Nicolas, голубчик, ну, я прошу тебя, возьми меня с собою! Я погляжу там мошенников и дураков и, может быть, развлекусь. Ведь я с самой Пасхи нигде не был!

Иванов (*раздраженно*). Хорошо, поедем! Как вы мне все надоели!

Шабельский. Да? Ну, мерсі, мерсі... (*Весело берет его под руку и отводит в сторону.*) Твою соломенную шляпу можно надеть?

Иванов. Можно, только поскорей, пожалуйста!

Граф бежит в дом.

Как вы все надоели мне! Впрочем, господа, что я говорю? Аня, я говорю с тобою невозможным тоном. Никогда этого со мною раньше не было. Ну, прощай, Аня, я вернусь к чаю.

Анна Петровна. Коля, милый мой, останься дома!

Иванов (*волнуясь*). Голубушка моя, родная моя, несчастная, умоляю тебя, не мешай мне уезжать по вечерам из дому. Это жестоко, несправедливо с моей стороны, но позволяй мне делать эту несправедливость! Дома мне мучительно тяжело! Как только прячется солнце, душу мою начинает давить тоска. Какая тоска! Не спрашивай, отчего это. Я сам не знаю. Клянусь истинным богом, не знаю! Здесь тоска, а поедешь к Лебедевым, там еще хуже; вернешься оттуда, а здесь опять тоска, и так всю ночь... Просто отчаяние!..

Анна Петровна. Коля... а то остался бы! Будем, как прежде, разговаривать... Поужинаем вместе, будем читать... Я и брюзга разучили для тебя много дуэтов... *(Обнимает его.)* Останься!..

Пауза.

Я тебя не понимаю. Это уж целый год продолжается. Отчего ты изменился?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Анна Петровна. А почему ты не хочешь, что-бы я уезжала вместе с тобою по вечерам?

Иванов. Если тебе нужно, то, пожалуй, скажу. Немножко жестоко это говорить, но лучше сказать... Когда меня мучает тоска, я... я начинаю тебя не любить. Я и от тебя бегу в это время. Одним словом, мне нужно уезжать из дому.

Анна Петровна. Тоска? понимаю, понимаю... Знаешь что, Коля? Ты попробуй, как прежде, петь, смеяться, сердиться... Останься, будем смеяться, пить наливку, и твою тоску разгоним в одну минуту. Хочешь, я буду петь? Или пойдем, сядем у тебя в кабинете, в потемках, как прежде, и ты мне про свою тоску расскажешь... У тебя такие страдальческие глаза!

Я буду смотреть в них и плакать, и нам обоим станет легче... *(Смеется и плачет.)* Или, Коля, как? Цветы повторяются каждую весну, а радости – нет? Да? Ну, поезжай, поезжай...

Иванов. Ты помолишься за меня богу, Аня! *(Идет, останавливается и думает.)* Нет, не могу! *(Уходит.)*

Анна Петровна. Поезжай... *(Садится у стола.)*

Львов *(ходит по сцене).* Анна Петровна, возьмите себе за правило: как только бьет шесть часов, вы должны идти в комнаты и не выходить до самого утра. Вечерняя сырость вредна вам.

Анна Петровна. Слушаю-с.

Львов. Что «слушаю-с»! Я говорю серьезно.

Анна Петровна. А я не хочу быть серьезною. *(Кашляет.)*

Львов. Вот видите, – вы уже кашляете...

VII

Львов, Анна Петровна и Шабельский.

Шабельский *(в шляпе и пальто выходит из дому).* А где Николай? Лошадей подали? *(Быстро идет и целует руку Анне Петровне.)* Покойной ночи, прелесть! *(Гримасничает.)*

Гевалт! Жвините, пожалуста! (*Быстро уходит.*)

ЛЬВОВ. Шут!

Пауза; слышны далекие звуки гармоники.

Анна Петровна. Какая скука!.. Вон кучера и кухарки задают себе бал, а я... я – как брошенная... Евгений Константинович, где вы там шагаете? Идите сюда, сядьте!..

ЛЬВОВ. Не могу я сидеть.

Пауза.

Анна Петровна. На кухне «чижика» играют. (*Поет.*) «Чижик, чижик, где ты был? Под горою водку пил».

Пауза.

Доктор, у вас есть отец и мать?

ЛЬВОВ. Отец умер, а мать есть.

Анна Петровна. Вы скучаете по матери?

ЛЬВОВ. Мне некогда скучать.

Анна Петровна (*смеется*). Цветы повторяются каждую весну, а радости – нет. Кто мне сказал эту фразу? Дай бог память... Кажется, сам Николай сказал. (*Прислушивается.*) Опять сова кричит!

ЛЬВОВ. Ну и пусть кричит.

Анна Петровна. Я, доктор, начинаю ду-

мать, что судьба меня обсчитала. Множество людей, которые, может быть, и не лучше меня, бывают счастливы и ничего не платят за свое счастье. Я же за всё платила, решительно за всё!.. И как дорого! За что брать с меня такие ужасные проценты?.. Душа моя, вы все осторожны со мною, деликатничаете, боитесь сказать правду, но думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю. Впрочем, скучно об этом говорить... *(Еврейским акцентом.)* Жвините, пожалуста! Вы умеете рассказывать смешные анекдоты?

Львов. Не умею.

Анна Петровна. А Николай умеет. И начинаю я также удивляться несправедливости людей: почему на любовь не отвечают любовью и за правду платят ложью? Скажите: до каких пор будут ненавидеть меня отец и мать? Они живут за пятьдесят верст отсюда, а я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть. А как прикажете понимать тоску Николая? Он говорит, что не любит меня только по вечерам, когда его гнетет тоска. Это я понимаю и допускаю, но представьте, что он разлюбил меня совершенно! Конечно, это

невозможно, ну – а вдруг? Нет, нет, об этом и думать даже не надо. *(Поет.)* «Чижик, чижик, где ты был?..» *(Вздрагивает.)* Какие у меня страшные мысли!.. Вы, доктор, не семейный и не можете понять многого...

ЛЬВОВ. Вы удивляетесь... *(Садится рядом.)* Нет, я... я удивляюсь, удивляюсь вам! Ну, объясните, растолкуйте мне, как это вы, умная, честная, почти святая, позволили так нагло обмануть себя и затащить вас в это свиное гнездо? Зачем вы здесь? Что общего у вас с этим холодным, бездушным... но оставим вашего мужа! – что у вас общего с этою пустою, пошлою средой? О, господи боже мой!.. Этот вечно брюзжащий, заржавленный, сумасшедший граф, этот пройдоха, мошенник из мошенников, Миша, со своею гнусною физиономией... Объясните же мне, к чему вы здесь? Как вы сюда попали?..

Анна Петровна *(смеется).* Вот точно так же и он когда-то говорил... Точь-в-точь... Но у него глаза больше, и, бывало, как он начнет говорить о чем-нибудь горячо, так они как угли... Говорите, говорите!..

ЛЬВОВ *(встает и машет рукой).* Что мне

говорить? Идите в комнаты...

Анна Петровна. Вы говорите, что Николай то да сё, пятое, десятое. Откуда вы его знаете? Разве за полгода можно узнать человека? Это, доктор, замечательный человек, и я жалею, что вы не знали его года два-три тому назад. Он теперь хандрит, молчит, ничего не делает, но прежде... Какая прелесть!.. Я полюбила его с первого взгляда. *(Смеется.)* Взглянула, а меня мышеловка – хлоп! Он сказал: пойдём... Я отрезала от себя всё, как, знаете, отрезают гнилые листья ножницами, и пошла...

Пауза.

А теперь не то... Теперь он едет к Лебедевым, чтобы развлечься с другими женщинами, а я... сижу в саду и слушаю, как сова кричит...

Стук сторожа.

Доктор, а братьев у вас нет?

ЛЬВОВ. Нет.

Анна Петровна рыдает.

Ну, что еще? Что вам?

Анна Петровна *(встает)*. Я не могу, доктор, я поеду туда...

ЛЬВОВ. Куда это?

Анна Петровна. Туда, где он... Я поеду...
Прикажите заложить лошадей... *(Идет к до-
му.)*

ЛЬВОВ. Вам нельзя ехать...

Анна Петровна. Оставьте меня, не ваше
дело... Я не могу, поеду... Велите дать лоша-
дей... *(Бежит в дом.)*

ЛЬВОВ. Нет, я решительно отказываюсь ле-
чить при таких условиях! Мало того, что ни
копейки не платят, но еще душу выворачива-
ют вверх дном!.. Нет, я отказываюсь! Доволь-
но!.. *(Идет в дом.)*

Занавес

Действие второе

Зал в доме Лебедевых; прямо выход в сад; направо и налево двери. Старинная, дорогая мебель. Люстра, канделябры и картины – все это в чехлах.

I

Зинаида Савишна, 1-й гость, 2-й гость, 3-й гость, Косых, Авдотья Назаровна, Егорушка, Гаврила, горничная, старухи-гостьи, барышни и Бабакина.

Зинаида Савишна сидит на диване. По обе стороны ее на креслах старухи-гостьи; на стульях молодежь. В глубине, около выхода в сад, играют в карты; между играющими: Косых, Авдотья Назаровна и Егорушка. Гаврила стоит у правой двери; горничная разносит на подносе лакомства. Из сада в правую дверь и обратно в продолжение всего действия циркулируют гости. Бабакина выходит из правой двери и направляется к Зинаиде Савишне.

Зинаида Савишна (радостно). Душечка, Марфа Егоровна...

Бабакина. Здравствуйте, Зинаида Савишна! Честь имею вас поздравить с новорожден-

НОЮ...

Целуются.

Дай бог, чтоб...

Зинаида Савишна. Благодарю вас, душечка, я так рада... Ну, как ваше здоровье?..

Бабакина. Очень вами благодарна. (*Садится рядом на диван.*) Здравствуйте, молодые люди!..

Гости встают и кланяются.

1-й гость (*смеется*). Молодые люди... а вы разве старая?

Бабакина (*вздыхая*). Где уж нам в молодые лезть...

1-й гость (*почтительно смеясь*). Помилуйте, что вы... Одно только звание, что вдова, а вы любой девице можете десять очков вперед дать.

Гаврила подносит Бабакиной чай.

Зинаида Савишна (*Гавриле*). Что же ты так подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья. Кружовенного, что ли...

Бабакина. Не беспокойтесь, очень вами благодарна...

Пауза.

1-й гость. Вы, Марфа Егоровна, через Муш-

кино ехали?..

Бабакина. Нет, на Займище. Тут дорога лучше.

1-й гость. Так-с.

Косых. Два пики.

Егорушка. Пас.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Бабакина. Выигрышные билеты, душечка Зинаида Савишна, опять пошли шибко в гору. Видано ли дело: первый заем стоит уж двести семьдесят, а второй без малого двести пятьдесят... Никогда этого не было...

Зинаида Савишна *(вздыхает)*. Хорошо, у кого их много...

Бабакина. Не скажите, душечка; хоть они и в большой цене, а держать в них капитал невыгодно. Одна страховка сживет со света.

Зинаида Савишна. Так-то так, а все-таки, моя милая, надеешься... *(Вздыхает.)* Бог милостив...

3-й гость. С моей точки зрения, mesdames, я так рассуждаю, что в настоящее время иметь капитал очень невыгодно. Процентные бумаги дают весьма немного дивиденда, а

пускать деньги в оборот чрезвычайно опасно. Я так понимаю, mesdames, что человек, который в настоящее время имеет капитал, находится более в критическом положении, чем тот, mesdames, который...

Бабакина (*вздыхает*). Это верно!

1-й гость зевает.

А разве можно при дамах зевать?

1-й гость. Pardon, mesdames, это я нечаянно.

Зинаида Савишна встает и уходит в правую дверь; продолжительное молчание.

Егорушка. Два бубны.

Авдотья Назаровна. Пас.

2-й гость. Пас.

Косых. Пас.

Бабакина (*в сторону*). Господи, какая скука, помереть можно!

II

Те же, Зинаида Савишна и Лебедев.

Зинаида Савишна (*выходя из правой двери с Лебедевым, тихо*). Что уселся там? Примадонна какая! Сиди с гостями! (*Садится на прежнее место.*)

Лебедев (*зевает*). Ох, грехи наши тяжкие!

(Увидев Бабакину.) Батюшки, мармелад сидит! Рахат-лукум!.. *(Здоровается.)* Как ваше драгоценнейшее?..

Бабакина. Очень вами благодарна.

Лебедев. Ну, слава богу!.. Слава богу! *(Садится в кресло.)* Так, так... Гаврила!

Гаврила подносит ему рюмку водки и стакан воды; он выпивает водку и запивает водой.

1-й гость. На доброе здоровье!..

Лебедев. Какое уж тут доброе здоровье!.. Околеванца нет, и на том спасибо. *(Жене.)* Зю-зюшка, а где же наша новорожденная?

Косых *(плаксиво).* Скажите мне, ради бога: ну, за что мы остались без взятки? *(Вскакивает.)* Ну, за что мы проиграли, черт меня подери совсем?

Авдотья Назаровна *(вскакивает и сердито).* А за то, что если ты, батюшка, не умеешь играть, так не садись. Какое ты имеешь полное право ходить в чужую масть? Вот и остался у тебя маринованный туз!..

Оба бегут из-за стола вперед.

Косых *(плачущим голосом).* Позвольте, господа... У меня на бубнах: туз, король, дама,

коронка сам-восемь, туз пик и одна, понимаете ли, одна маленькая червонка, а она, черт знает, не могла объявить маленький шлем!.. Я сказал: без козыря...

Авдотья Назаровна (*перебивая*). Это я сказала: без козыря! Ты сказал: два без козыря...

Косых. Это возмутительно!.. Позвольте... у вас... у меня... у вас... (*Лебедеву*.) Да вы посудите, Павел Кириллыч... У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь...

Лебедев (*затыкает уши*). Отстань, сделай милость... отстань...

Авдотья Назаровна (*кричит*). Это я сказала: без козыря!

Косых (*свирепо*). Будь я подлец и анафема, если я сяду еще когда-нибудь играть с этою севрюгой! (*Быстро уходит в сад*.)

2-й гость уходит за ним, за столом остается Егорушка.

Авдотья Назаровна. Уф!.. Даже в жар от него бросило... Севрюга!.. Сам ты севрюга!..

Бабакина. Да и вы, бабушка, сердитая...

Авдотья Назаровна (*увидев Бабакину, всплескивает руками*). Ясочка моя, красавица!.. Она здесь, а я, куриная слепота, и не ви-

жу... Голубочка... (*Целует ее в плечо и садится рядом.*) Вот радость! Дай же я на тебя погляжу, лебедь белая! Тьфу, тьфу, тьфу... чтоб не сглазить!..

Лебедев. Ну, распелась... Жениха бы ей лучше подыскала...

Авдотья Назаровна. И найду! В гроб, грешница, не лягу, а ее да Саничку замуж выдам!.. В гроб не лягу... (*Вздых.*) Только вот, где их найдешь нынче, женихов-то? Вон они, наши женихи-то, сидят нахохлившись, словно петухи мокрые!..

3-й гость. Весьма неудачное сравнение. С моей точки зрения, mesdames, если теперешние молодые люди предпочитают холостую жизнь, то в этом виноваты, так сказать, социальные условия...

Лебедев. Ну, ну!.. не философствуй!.. не люблю!..

III

Те же и Саша.

Саша (*входит и идет к отцу*). Такая великолепная погода, а вы сидите здесь, господа, в духоте.

Зинаида Савишна. Сашенька, разве ты не

видишь, что у нас Марфа Егоровна?

Саша. Виновата. *(Идет к Бабакиной и здоровается.)*

Бабакина. Загорделась, Саничка, загорделась, хоть бы разок приехала. *(Целуется.)* Поздравляю, душечка...

Саша. Благодарю. *(Садится рядом с отцом.)*

Лебедев. Да, Авдотья Назаровна, трудно теперь с женихами. Не то что жениха – путевых шаферов достать негде. Нынешняя молодежь, не в обиду будь сказано, какая-то, господь с нею, кислая, переваренная... Ни поплясать, ни поговорить, ни выпить толком...

Авдотья Назаровна. Ну, пить-то они все мастера, только дай...

Лебедев. Не велика штука пить – пить и лошадь умеет... Нет, ты с толком выпей!.. В наше время, бывало, день-деньской с лекциями бьешься, а как только настал вечер, идешь прямо куда-нибудь на огонь и до самой зари волчком вертишься... И пляшешь, и барышень забавляешь, и эта штука. *(Щелкает себя по шее.)* Бывало, и брешешь, и философствуешь, пока язык не отнимется... А нынешние...

(Машет рукой.) Не понимаю... Ни богу свечка, ни черту кочерга. Во всем уезде есть только один путевый малый, да и тот женат *(вздыхает)* и, кажется, уж беситься стал...

Бабакина. Кто это?

Лебедев. Николаша Иванов.

Бабакина. Да, он хороший мужчина *(делает гримасу)*, только несчастный!..

Зинаида Савишна. Еще бы, душечка, быть ему счастливым! *(Вздыхает.)* Как он, бедный, ошибся!.. Женился на своей жидовке и так, бедный, рассчитывал, что отец и мать за нею золотые горы дадут, а вышло совсем напротив... С того времени, как она переменяла веру, отец и мать знать ее не хотят, прокляли... Так ни копейки и не получил. Теперь кается, да уж поздно...

Саша. Мама, это неправда.

Бабакина *(горячо)*. Шурочка, как же неправда? Ведь это все знают. Ежели бы не было интереса, то зачем бы ему на еврейке жениться? Разве русских мало? Ошибся, душечка, ошибся... *(Живо.)* Господи, да и достается же теперь ей от него! Просто смех один. Придет откуда-нибудь домой и сейчас к ней:

«Твой отец и мать меня надули! Пошла вон из моего дома!» А куда ей идти? Отец и мать не примут; пошла бы в горничные, да работать не приучена... Уж он мудрует-мудрует над нею, пока граф не вступится. Не будь графа, давно бы ее со света сжил...

Авдотья Назаровна. А то, бывает, запрет ее в погреб и – «ешь, такая-сякая, чеснок»... Ест-ест, покуда из души переть не начнет.

Смех.

Саша. Папа, ведь это ложь!

Лебедев. Ну, так что же? Пусть себе мелют на здоровье... *(Кричит.)* Гаврила!..

Гаврила подает ему водку и воду.

Зинаида Савишна. Оттого вот и разорился, бедный. Дела, душечка, совсем упали... Если бы Боркин не глядел за хозяйством, так ему бы с жидовкой есть нечего было. *(Вздыхает.)* А как мы-то, душечка, из-за него пострадали!.. Так пострадали, что один только бог видит! Верите ли, милая, уж три года, как он нам девять тысяч должен!

Бабакина *(с ужасом)*. Девять тысяч!..

Зинаида Савишна. Да... это мой милый Пашенька распорядился дать ему. Не разбирает,

кому можно дать, кому нельзя. Про капитал я уже не говорю – бог с ним, но лишь бы проценты исправно платил!..

Саша (горячо). Мама, об этом вы говорили уже тысячу раз!

Зинаида Савишна. Тебе-то что? Что ты заступаешься?

Саша (встает). Но как у вас хватает духа говорить все это про человека, который не сделал вам никакого зла? Ну, что он вам сделал?

3-й гость. Александра Павловна, позвольте мне сказать два слова! Я уважаю Николая Алексеича и всегда считал за честь, но, говоря *entre nous*, [3] он мне кажется авантюристом.

Саша. И поздравляю, если вам так кажется.

3-й гость. В доказательство приведу вам следующий факт, который передавал мне его атташе, или, так сказать, чичероне Боркин. Два года тому назад, во время скотской эпизоотии, он накупил скота, застраховал его...

Зинаида Савишна. Да, да, да! Я помню этот случай. Мне тоже говорили.

3-й гость. Застраховал его, можете иметь в

виду, потом заразил чумой и взял страховую премию.

Саша. Ах, да вздор все это! Вздор! Никто не покупал и не заражал скота! Это сам Боркин сочинил такой проект и везде хвастался им. Когда Иванов узнал об этом, то Боркин потом у него две недели прощения просил. Виноват же Иванов только, что у него слабый характер и не хватает духа прогнать от себя этого Боркина, и виноват, что он слишком верит людям! Все, что у него было, растащили, расхитили; около его великодушных затей наживался всякий, кто только хотел.

Лебедев. Шура-горячка! Будет тебе!

Саша. Зачем же они говорят вздор? Ах, да все это скучно и скучно! Иванов, Иванов, Иванов – и больше нет других разговоров. *(Идет к двери и возвращается.)* Удивляюсь! *(Молодым людям.)* Положительно удивляюсь вашему терпению, господа! Неужели вам не скучно так сидеть? Ведь воздух застыл от тоски! Говорите же что-нибудь, забавляйте барышень, шевелитесь! Ну, если у вас нет других сюжетов, кроме Иванова, то смейтесь, пойте, пляшите, что ли...

Лебедев (*смеется*). Пробери-ка, пробери их хорошенько!

Саша. Ну, послушайте, сделайте мне такое одолжение! Если не хотите плясать, смеяться, петь, если все это скучно, то прошу вас, умоляю, хоть раз в жизни, для курьеза, чтобы удивить или насмешить, соберите силы и все разом придумайте что-нибудь остроумное, блестящее, скажите даже хоть дерзость или пошлость, но чтоб было смешно и ново! Или все разом совершите что-нибудь маленькое, чуть заметное, но хоть немножко похожее на подвиг, чтобы барышни хоть раз в жизни, глядя на вас, могли бы сказать: «Ах!» Послушайте, ведь вы желаете нравиться, но почему же вы не стараетесь нравиться? Ах, господа! Все вы не то, не то, не то!.. На вас глядя, мухи мрут и лампы начинают коптеть. Не то, не то!.. Тысячу раз я вам говорила и всегда буду говорить, что все вы не то, не то, не то!..

IV

Те же, Иванов и Шабельский.

Шабельский (*входя с Ивановым из правой двери*). Кто это здесь декламирует? Вы, Шурочка? (*Хохочет и пожимает ей руку.*) Поздрав-

ляю, ангел мой, дай вам бог попозже умереть и не рождаться во второй раз...

Зинаида Савишна (*радостно*). Николай Алексеевич, граф!..

Лебедев. Ба! Кого вижу... граф! (*Идет навстречу.*)

Шабельский (*увидав Зинаиду Савишну и Бабакину, протягивает в сторону их руки*). Два банка на одном диване!.. Глядеть любо! (*Здоровается; Зинаиде Савишне.*) Здравствуй-те, Зюзюшка! (*Бабакиной.*) Здравствуйте, помпончик!..

Зинаида Савишна. Я так рада. Вы, граф, у нас такой редкий гость! (*Кричит.*) Гаврила, чаю! Садитесь, пожалуйста! (*Встает, уходит в правую дверь и тотчас же возвращается; вид крайне озабоченный.*)

Саша садится на прежнее место. Иванов молча здоровается со всеми.

Лебедев (*Шабельскому*). Откуда ты взялся? Какие это силы тебя принесли? Вот сюрприз, накажи меня бог... (*Целует его.*) Граф, ведь ты разбойник! Так не делают порядочные люди! (*Ведет его за руку к рампе.*) Отчего ты у нас не бываешь? Сердит, что ли?

Шабельский. На чем же я могу к тебе ездить? Верхом на палке? Своих лошадей у меня нет, а Николай не берет с собою, велит с Саррой сидеть, чтоб та не скучала. Присылай за мною своих лошадей, тогда и буду ездить...

Лебедев (*машет рукой*). Ну, да!.. Зюзюшка скорее треснет, чем даст лошадей. Голубчик ты мой, милый, ведь ты для меня дороже и роднее всех! Из всего старья уцелели я да ты! Люблю в тебе я прежние страдания и молодость погибшую мою... Шутки шутками, а я вот почти плачу. (*Целует графа.*)

Шабельский. Пусти, пусти! От тебя, как из винного погреба...

Лебедев. Душа моя, ты не можешь себе представить, как мне скучно без моих друзей! Вешаться готов с тоски... (*Тихо.*) Зюзюшка со своею ссудною кассой разогнала всех порядочных людей, и остались, как видишь, одни только зулусы... эти Дудкины, Будкины... Ну, кушай чай...

Гаврила подносит графу чай.

Зинаида Савишна (*озабоченно Гавриле*). Ну, как же ты подаешь? Принес бы какого-нибудь варенья... Кружовенного что ли...

Шабельский (*хохочет; Иванову*). Что, не говорил я тебе? (*Лебедеву*.) Я с ним пари дорогой держал, что, как приедем, Зюзюшка сейчас же начнет угощать нас кружовенным вареньем...

Зинаида Савишна. Вы, граф, все такой же насмешник... (*Садится*.)

Лебедев. Двадцать бочек его наварили, так куда же его девать?

Шабельский (*сядась около стола*). Всё копите, Зюзюшка? Ну, что, уж миллиончик есть, а?

Зинаида Савишна (*со вздохом*). Да, со стороны поглядеть, так богаче нас и людей нет, а откуда быть деньгам? Один разговор только...

Шабельский. Ну, да, да!.. знаем!.. Знаем, как вы плохо в шашки играете... (*Лебедеву*.) Паша, скажи по совести: скопили миллион?

Лебедев. Ей-богу, не знаю. Это у Зюзюшки спроси...

Шабельский (*Бабакиной*). И у жирненького помпончика скоро будет миллиончик! Ей-богу, хорошеет и полнеет не по дням, а по часам! Что значит деньжищ много...

Бабакина. Очень вами благодарна, ваше

сиятельство, а только я не люблю насмешек.

Шабельский. Милый мой банк, да разве это насмешки? Это просто вопль души, от избытка чувств глаголят уста... Вас и Зюзюшку я люблю бесконечно... *(Весело.)* Восторг!.. Упоеание!.. Вас обеих не могу видеть равнодушно...

Зинаида Савишна. Вы все такой же, как и были. *(Егорушке.)* Егорушка, потуши свечи! Зачем им гореть попусту, если не играете?

Егорушка вздрагивает; тушит свечи и садится.

(Иванову.) Николай Алексеевич, как здоровье вашей супруги?

Иванов. Плохо. Сегодня доктор положительно сказал, что у нее чахотка...

Зинаида Савишна. Неужели? Какая жалость!.. *(Вздых.)* А мы все ее так любим...

Шабельский. Вздор, вздор и вздор!.. Никакой чахотки нет, докторское шарлатанство, фокус. Хочется эскулапу шляться, вот и выдумал чахотку. Благо муж не ревнив. *(Иванов делает нетерпеливое движение.)* Что касается самой Сарры, то я не верю ни одному ее слову, ни одному движению. В своей жизни я никогда не верил ни докторам, ни адвокатам,

ни женщинам. Вздор, вздор, шарлатанство и фокусы!

Лебедев (*Шабельскому*). Удивительный ты субъект, Матвей!.. Напустил на себя какую-то мизантропию и носится с нею, как дурак с писаною торбой. Человек как человек, а заговоришь, так точно у тебя типун на языке или сплошной катар... Да, ей-богу!..

Шабельский. Что же мне, целоваться с мошенниками и подлецами, что ли?

Лебедев. Где же ты видишь мошенников и подлецов?

Шабельский. Я, конечно, не говорю о присутствующих, но...

Лебедев. Вот тебе и но... Все это напускное.

Шабельский. Напускное... Хорошо, что у тебя никакого мировоззрения нет.

Лебедев. Какое мое мировоззрение? Сижу и каждую минуту околеванца жду. Вот мое мировоззрение. Нам, брат, не время с тобою о мировоззрениях думать. Так-то... (*Кричит.*) Гаврила!

Шабельский. Ты уж и так нагаврился... Погляди, как нос насандалил!

Лебедев (*пьет*). Ничего, душа моя... не вен-

чатся мне ехать.

Зинаида Савишна. Давно уже у нас доктор Львов не был. Совсем забыл.

Саша. Моя антипатия. Ходячая честность. Воды не попросит, папиросы не закурит без того, чтобы не показать своей необыкновенной честности. Ходит или говорит, а у самого на лбу написано: я честный человек! Скучно с ним.

Шабельский. Узкий, прямолинейный лекарь! (*Дразнит.*) «Дорогу честному труду!» Орет на каждом шагу, как попугай, и думает, что в самом деле второй Добролюбов. Кто не орет, тот подлец. Взгляды удивительные по своей глубине. Если мужик зажиточный и живет по-человечески, то, значит, подлец и кулак. Я хожу в бархатном пиджаке, и одева-ет меня лакей – я подлец и крепостник. Так честен, так честен, что всего распирает от честности. Места себе не находит. Я даже бо-юсь его... Ей-ей!.. Того и гляди, что из чувства долга по рылу хватит или подлеца пустит.

Иванов. Он меня ужасно утомил, но все-та-ки мне симпатичен; в нем много искренно-сти.

Шабельский. Хороша искренность! Подходит вчера ко мне вечером и ни с того ни с сего: «Вы, граф, мне глубоко несимпатичны!» Покорнейше благодарю! И все это не просто, а с тенденцией: и голос дрожит, и глаза горят, и поджилки трясутся... Черт бы побрал эту деревянную искренность! Ну, я противен ему, гадок, это естественно... я и сам сознаю, но к чему говорить это в лицо? Я дрянной человек, но ведь у меня, как бы то ни было, седые волосы... Бездарная, безжалостная честность!

Лебедев. Ну, ну, ну!.. Сам, небось, был молодым и понимаешь.

Шабельский. Да, я был молод и глуп, в свое время разыгрывал Чацкого, обличал мерзавцев и мошенников, но никогда в жизни я воров не называл в лицо ворами и в доме повешенного не говорил о веревке. Я был воспитан. А ваш этот тупой лекарь почувствовал бы себя на высоте своей задачи и на седьмом небе, если бы судьба дала ему случай, во имя принципа и общечеловеческих идеалов, хватить меня публично по рылу и под микитки.

Лебедев. Молодые люди все с норовом. У

меня дядя гегелианец был... так тот, бывало, соберет к себе гостей полон дом, выпьет, станет вот этак на стул и начинает: «Вы невежды! Вы мрачная сила! Заря новой жизни!» Та-та, та-та, та-та... Уж он отчитывает-отчитывает...

Саша. А гости что же?

Лебедев. А ничего... Слушают да пьют себе. Раз, впрочем, я его на дуэль вызвал... дядю-то родного. Из-за Бэкона вышло. Помню, сидел я, дай бог память, вот так, как Матвей, а дядя с покойным Герасимом Нилычем стояли вот тут, примерно, где Николаша... Ну-с, Герасим Нилыч и задает, братец ты мой, вопрос...

Входит Боркин.

V

Те же и Боркин (одетый франтом, со свертком в руках, подпрыгивая и напевая, входит из правой двери. Гул одобрения).

Барышни, Лебедев, Шабельский вместе:

Барышни. Михаил Михайлович!..

Лебедев. Мишель Мишелич! Слыхом-слыхать...

Шабельский. Душа общества!

Боркин. А вот и я! (*Подбегает к Саше.*) Бла-

городная синьорина, беру на себя смелость поздравить вселенную с рождением такого чудного цветка, как вы... Как дань своего восторга, осмеливаюсь преподнести (*подает сверток*) фейерверки и бенгальские огни собственного изделия. Да прояснят они ночь так же, как вы просветляете потемки темного царства. (*Театрально раскланивается.*)

Саша. Благодарю вас...

Лебедев (*хохочет, Иванову*). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Боркин (*Лебедеву*). Павлу Кириллычу! (*Иванову.*) Патрону... (*Поет.*) Nicolas-voilà, го-ги-го! (*Обходит всех.*) Почтеннейшей Зинаиде Савишне... Божественной Марфе Егоровне... Древнейшей Авдотье Назаровне... Сиятельнейшему графу...

Шабельский (*хохочет*). Душа общества... Едва вошел, как атмосфера стала жиже. Вы замечаете?

Боркин. Уф, утомился... Кажется, со всеми здоровался. Ну, что новенького, господа? Нет ли чего-нибудь такого особенного, в нос шибающего? (*Живо Зинаиде Савишне.*) Ах, послушайте, мамаша... Еду сейчас к вам... (*Гавриле.*)

Дай-ка мне, Гаврюша, чаю, только без кружовенного варенья! (*Зинаиде Савишне.*) Еду сейчас к вам, а на реке у вас мужики с лозняка кору дерут. Отчего вы лозняк на откуп не отдадите?

Лебедев (*Иванову*). Отчего ты не прогонишь эту Иуду?

Зинаида Савишна (*испуганно*). А ведь это правда, мне и на ум не приходило!..

Боркин (*делает ручную гимнастику*). Не могу без движений... Мамаша, что бы такое особенное выкинуть? Марфа Егоровна, я в ударе... Я экзальтирован! (*Поет.*) «Я вновь пред тобою...»

Зинаида Савишна. Устройте что-нибудь, а то все соскучились.

Боркин. Господа, что же вы это в самом деле носы повесили? Сидят, точно присяжные заседатели!.. Давайте изобразим что-нибудь. Что хотите? Фанты, веревочку, горелки, танцы, фейерверки?..

Барышни (*хлопают в ладоши*). Фейерверки, фейерверки! (*Бегут в сад.*)

Саша (*Иванову*). Что вы сегодня такой скучный?..

Иванов. Голова болит, Шурочка, да и скучно...

Саша. Пойдемте в гостиную.

Идут в правую дверь; уходят в сад все, кроме Зинаиды Савишны и Лебедева.

Зинаида Савишна. Вот это я понимаю – молодой человек: и минуты не побыл, а уж всех развеселил. *(Притушивает большую лампу.)* Пока они все в саду, нечего свечам даром гореть. *(Тушит свечи.)*

Лебедев *(идя за нею).* Зюзюшка, надо бы дать гостям закусить чего-нибудь...

Зинаида Савишна. Ишь свечей сколько... недаром люди судят, что мы богатые. *(Тушит.)*

Лебедев *(идя за нею).* Зюзюшка, ей-богу, дала бы чего-нибудь поесть людям... Люди молодые, небось, проголодались, бедные... Зюзюшка...

Зинаида Савишна. Граф не допил своего стакана. Даром только сахар пропал. *(Идет в левую дверь.)*

Лебедев. Тьфу!.. *(Уходит в сад.)*

VI

Иванов и Саша.

Саша (входя с Ивановым из правой двери).
Все ушли в сад.

Иванов. Такие-то дела, Шурочка. Прежде я много работал и много думал, но никогда не утомлялся; теперь же ничего не делаю и ни о чем не думаю, а устал телом и душой. День и ночь болит моя совесть, я чувствую, что глубоко виноват, но в чем собственно моя вина, не понимаю. А тут еще болезнь жены, безденежье, вечная грызня, сплетни, лишние разговоры, глупый Боркин... Мой дом мне опротивел, и жить в нем для меня хуже пытки. Скажу вам откровенно, Шурочка, для меня стало невыносимо даже общество жены, которая меня любит. Вы – мой старый приятель, и вы не будете сердиться за мою искренность. Приехал я вот к вам развлечься, но мне скучно и у вас, и опять меня тянет домой. Простите, я сейчас потихоньку уеду.

Саша. Николай Алексеевич, я понимаю вас. Ваше несчастье в том, что вы одиноки. Нужно, чтобы около вас был человек, которого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас.

Иванов. Ну, вот еще, Шурочка! Недостает,

чтоб я, старый, мокрый петух, затянул новый роман! Храни меня бог от такого несчастья! Нет, моя умница, не в романе дело. Говорю, как пред богом, я снесу все: и тоску, и психопатию, и разоренье, и потерю жены, и свою раннюю старость, и одиночество, но не снесу, не выдержу я своей насмешки над самим собою. Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился не то в Гамлета, не то в Манфреда, не то в лишние люди... сам черт не разберет! Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это – позор! Это возмущает мою гордость, стыд гнетет меня, и я страдаю...

Саша (*шутя, сквозь слезы*). Николай Алексеевич, бежимте в Америку.

Иванов. Мне до этого порога лень дойти, а вы в Америку... (*Идут к выходу в сад.*) В самом деле, Шура, вам здесь трудно живется! Как погляжу я на людей, которые вас окружают, мне становится страшно: за кого вы тут замуж пойдете? Одна только надежда, что какой-нибудь проезжий поручик или студент украдет вас и увезет...

VII

Те же и Зинаида Савишна.

Зинаида Савишна выходит из левой двери с банкой варенья.

Иванов. Виноват, Шурочка, я догоню вас...

Саша уходит в сад.

Зинаида Савишна, я к вам с просьбой...

Зинаида Савишна. Что вам, Николай Алексеевич?

Иванов (*мнется*). Дело, видите ли, в том, что послезавтра срок моему векселю. Вы непременно обязали бы меня, если бы дали отсрочку или позволили приписать проценты к капиталу. У меня теперь совсем нет денег...

Зинаида Савишна (*испуганно*). Николай Алексеевич, да как это можно? Что же это за порядок? Нет, и не выдумывайте вы, бога ради, не мучьте меня несчастную...

Иванов. Виноват, виноват... (*Уходит в сад.*)

Зинаида Савишна. Фуй, батюшки, как он меня встревожил!.. Я вся дрожу... вся дрожу... (*Уходит в правую дверь.*)

VIII

Косых.

Косых (*входит из левой двери и идет через*

цену). У меня на бубнах: туз, король, дама, коронка сам-восемь, туз пик и одна... одна маленькая червонка, а она, черт ее возьми совсем, не могла объявить маленького шлема! (Уходит в правую дверь.)

IX

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

Авдотья Назаровна (выходя с 1-м гостем из сада). Вот так бы я ее и растерзала, сквалыгу... так бы и растерзала! Шутка ли, с пяти часов сижу, а она хоть бы ржавою селедкой попотчевала!.. Ну, дом!.. Ну, хозяйство!..

1-й гость. Такая скучища, что просто разбежался бы и головой об стену! Ну, люди, господи помилуй!.. Со скуки да с голоду волком завоюешь и людей грызть начнешь...

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала, грешница.

1-й гость. Выпью, старая, и – домой! И невест мне твоих не надо. Какая тут, к нечистому, любовь, ежели с самого обеда ни рюмки?

Авдотья Назаровна. Пойдем, поищем, что ли...

1-й гость. Тсс!.. Потихоньку! Шнапс, кажет-

ся, в столовой, в буфете стоит. Мы Егорушку за бока... Тсс!..

Уходят в левую дверь.

Х

Анна Петровна и Львов (выходят из правой двери).

Анна Петровна. Ничего, нам рады будут. Никого нет. Должно быть, в саду.

Львов. Ну, зачем, спрашивается, вы привезли меня сюда, к этим коршунам? Не место тут для нас с вами! Честные люди не должны знать этой атмосферы!

Анна Петровна. Послушайте, господин честный человек! Нелюбезно провожать даму и всю дорогу говорить с нею только о своей честности! Может быть, это и честно, но, по меньшей мере, скучно. Никогда с женщинами не говорите о своих добродетелях. Пусть они сами поймут. Мой Николай, когда был таким, как вы, в женском обществе только пел песни и рассказывал небылицы, а между тем каждая знала, что он за человек.

Львов. Ах, не говорите мне про вашего Николая, я его отлично понимаю!

Анна Петровна. Вы хороший человек, но

ничего не понимаете. Пойдемте в сад. Он никогда не выражался так: «Я честен! Мне душно в этой атмосфере! Коршуны! Совиное гнездо! Крокодилы!» Зверинец он оставлял в покое, а когда, бывало, возмущался, то я от него только и слышала: «Ах, как я был несправедлив сегодня!» или: «Анюта, жаль мне этого человека!» Вот как, а вы...

Уходят.

XI

Авдотья Назаровна и 1-й гость.

1-й гость (*выходя из левой двери*). В столовой нет, так, стало быть, где-нибудь в кладовой. Надо бы Егорушку пощупать. Пойдем через гостиную.

Авдотья Назаровна. Так бы я ее и растерзала!..

Уходят в правую дверь.

XII

Бабакина, Боркин и Шабельский.

Бабакина и Боркин со смехом выбегают из сада; за ними, смеясь и потирая руки, семенил Шабельский.

Бабакина. Какая скука! (*Хохочет.*) Какая скука! Все ходят и сидят, как будто аршин

проглотили! От скуки все косточки застыли.
(Прыгает.) Надо размяться!..

Боркин хватает ее за талию и целует в щеку.

Шабельский (хохочет и щелкает пальцами). Черт возьми! (Крякает.) Некоторым образом...

Бабакина. Пустите, пустите руки, бесстыдник, а то граф бог знает что подумает! Отстаньте!..

Боркин. Ангел души моей, карбункул моего сердца!.. (Целует.) Дайте займы две тысячи триста рублей!..

Бабакина. Не-не-нет... Что хотите, а насчет денег – очень вами благодарна... Нет, нет, нет!.. Ах, да пустите руки!..

Шабельский (семенит около). Помпончик... Имеет свою приятность...

Боркин (серьезно). Но довольно. Давайте говорить о деле. Будем рассуждать прямо, по-коммерчески. Отвечайте мне прямо, без subtilностей и без всяких фокусов: да или нет? Слушайте! (Указывает на графа.) Вот ему нужны деньги, минимум три тысячи годового дохода. Вам нужен муж. Хотите быть графиней?

ней?

Шабельский (*хохочет*). Удивительный цирник!

Боркин. Хотите быть графиней? Да или нет?

Бабакина (*взволнованно*). Выдумываете, Миша, право... И эти дела не делаются так, с бухты-барахты... Если графу угодно, он сам может и... и я не знаю, как это вдруг, сразу...

Боркин. Ну, ну, будет тень наводить! Дело коммерческое... Да или нет?

Шабельский (*смеясь и потирая руки*). В самом деле, а? Черт возьми, разве устроить себе эту гнусность? а? Помпончик... (*Целует Бабакину в щеку.*) Прелесть!.. Огурчик!..

Бабакина. Постойте, постойте, вы меня совсем встревожили... Уйдите, уйдите!.. Нет, не уходите!..

Боркин. Скорей! Да или нет? Нам некогда...

Бабакина. Знаете что, граф? Вы приезжайте ко мне в гости дня на три... У меня весело, не так, как здесь... Приезжайте завтра... (*Боркину.*) Нет, вы это шутите?

Боркин (*сердито*). Да кто же станет шу-

тить в серьезных делах?

Бабакина. Пойдите, пойдите... Ах, мне дурно! Мне дурно! Графиня... Мне дурно!... Я падаю...

Боркин и граф со смехом берут ее под руки и, целуя в щеки, уводят в правую дверь.

XIII

Иванов, Саша, потом Анна Петровна.

Иванов и Саша вбегают из сада.

Иванов (в отчаянии хватая себя за голову). Не может быть! Не надо, не надо, Шурочка!.. Ах, не надо!..

Саша (с увлечением). Люблю я вас безумно... Без вас нет смысла моей жизни, нет счастья и радости! Для меня вы всё...

Иванов. К чему, к чему! Боже мой, я ничего не понимаю... Шурочка, не надо!..

Саша. В детстве моем вы были для меня единственной радостью; я любила вас и вашу душу, как себя, а теперь... я вас люблю, Николай Алексеевич... С вами не то что на край света, а куда хотите, хоть в могилу, только, ради бога, скорее, иначе я задохнусь...

Иванов (закатывается счастливым смехом). Это что же такое? Это, значит, начинать

жизнь сначала? Шурочка, да?.. Счастье мое!
(Привлекает ее к себе.) Моя молодость, моя
свежесть...

Анна Петровна входит из сада и, увидев мужа и Сашу, останавливается как вкопанная.

Значит, жить? Да? Снова за дело?

Поцелуй. После поцелуя Иванов и Саша оглядываются и видят Анну Петровну.

(В ужасе.) Сарра!

Занавес

Действие третье

Кабинет Иванова. Письменный стол, на котором в беспорядке лежат бумаги, книги, казенные пакеты, безделушки, револьверы; возле бумаг лампа, графин с водкой, тарелка с селедкой, куски хлеба и огурцы. На стенах ландкарты, картины, ружья, пистолеты, серпы, нагайки и проч. – Полдень.

I

Шабельский, Лебедев, Боркин и Петр. Шабельский и Лебедев сидят по сторонам письменного стола. Боркин среди сцены верхом на стуле. Петр стоит у двери.

Лебедев. У Франции политика ясная и

определенная... Французы знают, чего хотят. Им нужно лущить колбасников и больше ничего, а у Германии, брат, совсем не та музыка. У Германии кроме Франции еще много сучков в глазу...

Шабельский. Вздор!.. По-моему, немцы трусы и французы трусы... Показывают только друг другу кукиши в кармане. Поверь, кукишами дело и ограничится. Драться не будут.

Боркин. А по-моему, зачем драться? К чему все эти вооружения, конгрессы, расходы? Я что бы сделал? Собрал бы со всего государства собак, привил бы им пастёровский яд в хорошей дозе и пустил бы в неприятельскую страну. Все враги перебесились бы у меня через месяц.

Лебедев *(смеется)*. Голова, посмотришь, маленькая, а великих идей в ней тьма-тьмуцкая, как рыб в океане.

Шабельский. Виртуоз!

Лебедев. Бог с тобою, смешишь ты, Мишель Мишелич! *(Перестав смеяться.)* Что ж, господа, Жомини да Жомини, а об водке ни полслова. Repetatur![4] *(Наливает три рюм-*

ки.) Будемте здоровы...

Пьют и закусывают.

Селедочка, матушка, всем закускам закуска.

Шабельский. Ну, нет, огурец лучше... Ученые с сотворения мира думают и ничего умнее соленого огурца не придумали. *(Петру.)* Петр, поди-ка еще принеси огурцов да вели на кухне изжарить четыре пирожка с луком. Чтоб горячие были.

Петр уходит.

Лебедев. Водку тоже хорошо икрой закусывать. Только как? С умом надо... Взять икры паюсной четверку, две луковочки зеленого лучку, прованского масла, смешать все это и, знаешь, этак... поверх всего лимончиком... Смерть! От одного аромата угоришь.

Боркин. После водки хорошо тоже закусывать жареными пескарями. Только их надо уметь жарить. Нужно почистить, потом обвалить в толченых сухарях и жарить досуха, чтобы на зубах хрустели... хру-хру-хру...

Шабельский. Вчера у Бабакиной была хорошая закуска – белые грибы.

Лебедев. А еще бы...

Шабельский. Только как-то особенно приготовлены. Знаешь, с луком, с лавровым листом, со всякими специями. Как открыли кастрюлю, а из нее пар, запах... просто восторг!

Лебедев. А что ж? Repetatur, господа!

Выпивают.

Будемте здоровы... *(Смотрит на часы.)* Должно быть, не дождусь я Николаши. Пора мне ехать. У Бабакиной, ты говоришь, грибы подавали, а у нас еще не видать грибов. Скажи на милость, за каким это лешим ты зачистил к Марфутке?

Шабельский *(кивает на Боркина)*. Да вот, женить меня на ней хочет...

Лебедев. Женить?.. Тебе сколько лет?

Шабельский. Шестьдесят два года.

Лебедев. Самая пора жениться. А Марфутка как раз тебе пара.

Боркин. Тут не в Марфутке дело, а в Марфуткиных стерлингах.

Лебедев. Чего захотел: Марфуткиных стерлингов... А гусяного чаю не хочешь?

Боркин. А вот как женится человек, да набьет себе ампоше,^[5] тогда и увидите гусяный чай. Облизнетесь...

Шабельский. Ей-богу, а ведь он серьезно. Этот гений уверен, что я его послушаюсь и женюсь...

Боркин. А то как же? А вы разве уже не уверены?

Шабельский. Да ты с ума сошел... Когда я был уверен? Псс...

Боркин. Благодарю вас... Очень вам благодарен! Так это, значит, вы меня подвести хотите? То женюсь, то не женюсь... сам черт не разберет, а я уж честное слово дал! Так вы не женитесь?

Шабельский (*пожимает плечами*). Он серьезно... Удивительный человек!

Боркин (*возмущаясь*). В таком случае, зачем же было баламутить честную женщину? Она помешалась на графстве, не спит, не ест... Разве этим шутят?.. Разве это честно?

Шабельский (*щелкает пальцами*). А что, в самом деле, не устроить ли себе эту гнусность? А? Назло! Возьму и устрою. Честное слово... Вот будет потеха!

Входит Львов.

II

Те же и Львов.

Лебедев. Эскулапии наше нижайшее... *(Подает Львову руку и поет.)* «Доктор, батюшка, спасите, смерти до смерти боюсь...»

Львов. Николай Алексеевич еще не приходил?

Лебедев. Да нет, я сам его жду больше часа.

Львов нетерпеливо шагает по сцене. Милый, ну, как здоровье Анны Петровны?

Львов. Плохо.

Лебедев *(вздых).* Можно пойти засвидетельствовать почтение?

Львов. Нет, пожалуйста, не ходите. Она, кажется, спит...

Пауза.

Лебедев. Симпатичная, славная... *(Вздыхает.)* В Шурочкин день рождения, когда она у нас в обморок упала, поглядел я на ее лицо и тогда еще понял, что уж ей, бедной, недолго жить. Не понимаю, отчего с нею тогда дурно сделалось? Прибегаю, гляжу: она, бледная, на полу лежит, около нее Николаша на коленях, тоже бледный, Шурочка вся в слезах. Я и Шурочка после этого случая неделю как шальные ходили.

Шабельский (*Львову*). Скажите мне, почтеннейший жрец науки, какой ученый открыл, что при грудных болезнях дамам бывают полезны частые посещения молодого врача? Это великое открытие! Великое! Куда оно относится: к аллопатии или гомеопатии?

Львов хочет ответить, но делает презрительное движение и уходит.

Какой уничтожающий взгляд...

Лебедев. А тебя дергает нелегкая за язык! За что ты его обидел?

Шабельский (*раздраженно*). А зачем он врёт? Чахотка, нет надежды, умрет... Врет он! Я этого терпеть не могу!

Лебедев. Почему же ты думаешь, что он врёт?

Шабельский (*встает и ходит*). Я не могу допустить мысли, чтобы живой человек вдруг, ни с того, ни с сего, умер. Оставим этот разговор!

III

Лебедев, Шабельский, Боркин и Косых.

Косых (*вбегает запыхавшись*). Дома Николай Алексеевич? Здравствуйте! (*Быстро пожимает всем руки.*) Дома?

Боркин. Его нет.

Косых (*садится и вскакивает*). В таком случае, прощайте! (*Выпивает рюмку водки и быстро закусывает.*) Поеду дальше... Дела... Замучился... Еле на ногах стою...

Лебедев. Откуда ветер принес?

Косых. От Барабанова. Всю ночь провинтили и только что кончили... Проигрался в пух... Этот Барабанов играет как сапожник! (*Плачущим голосом.*) Вы послушайте: все время несую я черву... (*Обращается к Боркину, который прыгает от него.*) Он ходит бубну, я опять черву, он бубну... Ну, и без взятки. (*Лебедеву.*) Играем четыре трефы. У меня туз, дама-шост на руках, туз, десятка-третей пик...

Лебедев (*затыкает уши*). Уволь, уволь, ради Христа, уволь!

Косых (*графу*). Понимаете: туз, дама-шост на трефах, туз, десятка-третей пик...

Шабельский (*отстраняет его руками*). Уходите, не желаю я слушать!

Косых. И вдруг несчастье: туза пик по первой бьют...

Шабельский (*хватает со стола револьвер*). Отойдите, стрелять буду!..

Косых (*машет рукой*). Черт знает... Неужели даже поговорить не с кем? Живешь как в Австралии: ни общих интересов, ни солидарности... Каждый живет врозь... Однако, надо ехать... пора. (*Хватает фуражку*.) Время дорого... (*Подает Лебедеву руку*.) Пас!..

Смех.

Косых уходит и в дверях сталкивается с Авдотьей Назаровной.

IV

Шабельский, Лебедев, Боркин и Авдотья Назаровна.

Авдотья Назаровна (*вскрикивает*). Чтоб тебе пусто было, с ног сшиб!

Все. А-а-а!.. вездесущая!..

Авдотья Назаровна. Вот они где, а я по всему дому ищу. Здравствуйте, ясные соколы, хлеб да соль... (*Здоровается*.)

Лебедев. Зачем пришла?

Авдотья Назаровна. За делом, батюшка! (*Графу*.) Дело вас касающее, ваше сиятельство. (*Кланяется*.) Велели кланяться и о здоровье спросить... И велела она, куколочка моя, сказать, что ежели вы нынче к вечеру не приедете, то она глазочки свои проплачет.

Так, говорит, милая, отзови его в стороночку и шепни на ушко по секрету. А зачем по секрету? Тут всё люди свои. И такое дело, не кур крадем, а по закону да по любви, по междоусобному согласию. Никогда, грешница, не пью, а через такой случай выпью!

Лебедев. И я выпью. *(Наливает.)* А тебе, старая скворешня, и сносу нет. Лет тридцать я тебя старухой знаю...

Авдотья Назаровна. И счет годам потеряла... Двух мужей похоронила, пошла бы еще за третьего, да никто не хочет без приданого брать. Детей душ восемь было... *(Берет рюмку.)* Ну, дай бог, дело хорошее мы начали, дай бог его и кончить! Они будут жить да поживать, а мы глядеть на них да радоваться! Совет им и любовь... *(Пьет.)* Строгая водка!

Шабельский *(хохоча, Лебедеву).* Но что, понимаешь, курьезнее всего, так это то, что они думают серьезно, будто я... Удивительно! *(Встает.)* А то в самом деле, Паша, не устроить ли себе эту гнусность? Назло... Этак, мол, на, старая собака, ешь! Паша, а? Ей-богу...

Лебедев. Пустое ты городишь, граф. Наше, брат, дело с тобою об околеванце думать, а

Марфутки да стерлинги давно мимо проехали... Прошла наша пора.

Шабельский. Нет, я устрою! Честное слово, устрою!

Входят Иванов и Львов.

V

Те же, Иванов и Львов.

Львов. Я прошу вас уделить мне только пять минут.

Лебедев. Николаша! *(Идет навстречу к Иванову и целует его.)* Здравствуй, дружище... Я тебя уж целый час дожидаясь.

Авдотья Назаровна *(кланяется).* Здравствуйте, батюшка!

Иванов *(с горечью).* Господа, опять в моем кабинете кабак завели!.. Тысячу раз просил я всех и каждого не делать этого... *(Подходит к столу.)* Ну, вот, бумагу водкой облили... крошки... огурцы... Ведь противно!

Лебедев. Виноват, Николаша, виноват... Прости. Мне с тобою, дружище, поговорить надо о весьма важном деле...

Боркин. И мне тоже.

Львов. Николай Алексеевич, можно с вами поговорить?

Иванов (*указывает на Лебедева*). Вот и ему я нужен. Подождите, вы после... (*Лебедеву*)
Чего тебе?

Лебедев. Господа, я желаю говорить конфиденциально. Прошу...

Граф уходит с Авдотьей Назаровной, за ними Боркин, потом Львов.

Иванов. Паша, сам ты можешь пить, сколько тебе угодно, это твоя болезнь, но прошу не спаивать дядю. Раньше он у меня никогда не пил. Ему вредно.

Лебедев (*испуганно*). Голубчик, я не знал... Я даже внимания не обратил...

Иванов. Не дай бог, умрет этот старый ребенок, не вам будет худо, а мне... Что тебе нужно?..

Пауза.

Лебедев. Видишь ли, любезный друг... Не знаю, как начать, чтобы это вышло не так бессовестно... Николаша, совестно мне, краснею, язык заплетается, но, голубчик, войди в мое положение, пойми, что я человек подневольный, негр, тряпка... Извини ты меня...

Иванов. Что такое?

Лебедев. Жена послала... Сделай милость,

будь другом, заплати ты ей проценты! Веришь ли, загрызла, заездила, замучила! Отвяжись ты от нее, ради создателя!..

Иванов. Паша, ты знаешь, у меня теперь нет денег.

Лебедев. Знаю, знаю, но что же мне делать? Ждать она не хочет. Если протестует вексель, то как я и Шурочка будем тебе в глаза глядеть?

Иванов. Мне самому совестно, Паша, рад сквозь землю провалиться, но... но где взять? Научи: где? Остается одно: ждать осени, когда я хлеб продам.

Лебедев *(кричит)*. Не хочет она ждать!

Пауза.

Иванов. Твое положение неприятное, щекотливое, а мое еще хуже. *(Ходит и думает.)* И ничего не придумаешь... Продать нечего...

Лебедев. Съездил бы к Мильбаху, попросил, ведь он тебе шестнадцать тысяч должен.

Иванов безнадежно машет рукой.

Вот что, Николаша... Я знаю, ты станешь браниться, но... уважь старого пьяницу! Подружески... Гляди на меня, как на друга... Студенты мы с тобою, либералы... Общность

идей и интересов... В Московском университете оба учились... Alma mater... *(Вынимает бумажник.)* У меня вот есть заветные, про них ни одна душа в доме не знает. Возьми займы... *(Вынимает деньги и кладет на стол.)* Брось самолюбие, а взгляни по-дружески... Я бы от тебя взял, честное слово...

Пауза.

Вот они на столе: тысяча сто. Ты съезди к ней сегодня и отдай собственноручно. Натe, мол, Зинаида Савишна, подавитесь! Только, смотри, и виду не подавай, что у меня занял, храни тебя бог! А то достанется мне на орехи от кружовенного варенья! *(Всматривается в лицо Иванова.)* Ну, ну, не надо! *(Быстро берет со стола деньги и прячет в карман.)* Не надо! Я пошутил... Извини, ради Христа!

Пауза.

Мутит на душе?

Иванов машет рукой.

Да, дела... *(Вздыхает.)* Настало для тебя время скорби и печали. Человек, братец ты мой, все равно что самовар. Не все он стоит в холодке на полке, но, бывает, и угольки в него кладут: пш... пш! Ни к черту это сравне-

ние не годится, ну, да ведь умнее не придумаешь... *(Вздыхает.)* Несчастья закаляют душу. Мне тебя не жалко, Николаша, ты выскочишь из беды, перемелется – мука будет, но обидно, брат, и досадно мне на людей... Скажи на милость, откуда эти сплетни берутся! Столько, брат, про тебя по уезду сплетен ходит, что, того и гляди, к тебе товарищ прокурора придет... Ты и убийца, и кровопийца, и грабитель, и изменник...

Иванов. Это все пустяки, вот у меня голова болит.

Лебедев. Все оттого, что много думаешь.

Иванов. Ничего я не думаю.

Лебедев. А ты, Николаша, начихай на все да поезжай к нам. Шурочка тебя любит, понимает и ценит. Она, Николаша, честный, хороший человек. Не в мать и не в отца, а, должно быть, в проезжего молодца... Гляжу, брат, иной раз и не верю, что у меня, у толстоногого пьяницы, такое сокровище. Поезжай, потолкуй с нею об умном и – развлечешься. Это верный, искренний человек...

Пауза.

Иванов. Паша, голубчик, оставь меня од-

НОГО...

Лебедев. Понимаю, понимаю... *(Торопливо смотрит на часы.)* Я понимаю. *(Целует Иванову.)* Прощай. Мне еще на освящение школы ехать. *(Идет к двери и останавливается.)* Умная... Вчера стали мы с Шурочкой насчет сплетен говорить. *(Смеется.)* А она афоризмом выпалила: «Папочка, светляки, говорит, светят ночью только для того, чтобы их легче могли увидеть и съесть ночные птицы, а хорошие люди существуют для того, чтобы было что есть клевете и сплетне». Каково? Гений! Жорж Занд!..

Иванов. Паша! *(Останавливает его.)* Что со мною?

Лебедев. Я сам тебя хотел спросить об этом, да, признаться, стеснялся. Не знаю, брат! С одной стороны, мне казалось, что тебя одолели несчастья разные, с другой же стороны, знаю, что ты не таковский, чтобы того... Бедой тебя не победишь. Что-то, Николаша, другое, а что – не понимаю!

Иванов. Я сам не понимаю. Мне кажется, или... впрочем, нет!

Пауза.

Видишь ли, что я хотел сказать. У меня был рабочий Семен, которого ты помнишь. Раз, во время молотьбы, он захотел похватать перед девками своею силой, взвалил себе на спину два мешка ржи и надорвался. Умер скоро. Мне кажется, что я тоже надорвался. Гимназия, университет, потом хозяйство, школы, проекты... Веровал я не так, как все, женился не так, как все, горячился, рисковал, деньги свои, сам знаешь, бросал направо и налево, был счастлив и страдал, как никто во всем уезде. Все это, Паша, мои мешки... Взвалил себе на спину ношу, а спина-то и треснула. В двадцать лет мы все уже герои, за всё беремся, всё можем, и к тридцати уже утомляемся, никуда не годимся. Чем, чем ты объяснишь такую утомляемость? Впрочем, быть может, это не то... Не то, не то!.. Иди, Паша, с богом, я надоел тебе.

Лебедев (*живо*). Знаешь что? Тебя, брат, среда заела!

Иванов. Глупо, Паша, и старо. Иди!

Лебедев. Действительно, глупо. Теперь и сам вижу, что глупо. Иду, иду!.. (*Уходит.*)

Иванов, потом Львов.

Иванов (один). Нехороший, жалкий и ничтожный я человек. Надо быть тоже жалким, истасканным, испытанным, как Паша, чтобы еще любить меня и уважать. Как я себя презираю, боже мой! Как глубоко ненавижу я свой голос, свои шаги, свои руки, эту одежду, свои мысли. Ну, не смешно ли, не обидно ли? Еще года нет, как был здоров и силен, был бодр, неутомим, горяч, работал этими самыми руками, говорил так, что трогал до слез даже невежд, умел плакать, когда видел горе, возмущался, когда встречал зло. Я знал, что такое вдохновение, знал прелесть и поэзию тихих ночей, когда от зари до зари сидишь за рабочим столом или тешишь свой ум мечтами. Я веровал, в будущее глядел, как в глаза родной матери... А теперь, о, боже мой! утомился, не верю, в безделье провожу дни и ночи. Не слушаются ни мозг, ни руки, ни ноги. Имение идет прахом, леса трещат под топором. *(Плачет.)* Земля моя глядит на меня, как сирота. Ничего я не жду, ничего не жаль, душа дрожит от страха перед завтрашним днем... А история с Саррой? Клялся в вечной любви, пророчил

счастье, открывал перед ее глазами будущее, какое ей не снилось даже во сне. Она поверила. Во все пять лет я видел только, как она угасала под тяжестью своих жертв, как изнемогала в борьбе с совестью, но, видит бог, ни косога взгляда на меня, ни слова упрека!.. И что же? Я разлюбил ее... Как? Почему? За что? Не понимаю. Вот она страдает, дни ее сочтены, а я, как последний трус, бегу от ее бледного лица, впалой груди, умоляющих глаз... Стыдно, стыдно!

Пауза.

Сашу, девочку, трогают мои несчастья. Она мне, почти старику, объясняется в любви, а я пьянею, забываю про все на свете, обвороженный, как музыкой, и кричу: «Новая жизнь! счастье!» А на другой день верю в эту жизнь и в счастье так же мало, как в домового... Что же со мною? В какую пропасть толкаю я себя? Откуда во мне эта слабость? Что стало с моими нервами? Стоит только больной жене уколоть мое самолюбие, или не угодит прислуга, или ружье даст осечку, как я становлюсь груб, зол и не похож на себя...

Пауза.

Не понимаю, не понимаю, не понимаю!
Просто хоть пулю в лоб!..

ЛЬВОВ (входит.) Мне нужно с вами объясниться, Николай Алексеевич!

Иванов. Если мы, доктор, будем каждый день объясняться, то на это сил никаких не хватит.

ЛЬВОВ. Вам угодно меня выслушать?

Иванов. Выслушиваю я вас каждый день и до сих пор никак не могу понять: что собственно вам от меня угодно?

ЛЬВОВ. Говорю я ясно и определенно, и не может меня понять только тот, у кого нет сердца...

Иванов. Что у меня жена при смерти – я знаю; что я непоправимо виноват перед нею – я тоже знаю; что вы честный, прямой человек – тоже знаю! Что же вам нужно еще?

ЛЬВОВ. Меня возмущает человеческая жестокость... Умирает женщина. У нее есть отец и мать, которых она любит и хотела бы видеть перед смертью; те знают отлично, что она скоро умрет и что все еще любит их, но, проклятая жестокость, они точно хотят удивить Иегову своим религиозным закалом: всё

еще проклинаят ее! Вы, человек, которому она пожертвовала всем – и верой, и родным гнездом, и покоем совести, вы откровеннейшим образом и с самыми откровенными целями каждый день катаетесь к этим Лебедевым!

Иванов. Ах, я там уже две недели не был...

Львов (*не слушая его*). С такими людьми, как вы, надо говорить прямо, без обиняков, и если вам не угодно слушать меня, то не слушайте! Я привык называть вещи настоящим их именем... Вам нужна эта смерть для новых подвигов; пусть так, но неужели вы не могли бы подождать? Если бы вы дали ей умереть естественным порядком, не долбили бы ее своим откровенным цинизмом, то неужели бы от вас ушла Лебедева со своим приданым? Не теперь, так через год, через два, вы, чудный Тартюф, успели бы вскружить голову девочке и завладеть ее приданым так же, как и теперь... К чему же вы торопитесь? Почему вам нужно, чтобы ваша жена умерла теперь, а не через месяц, через год?..

Иванов. Мучение... Доктор, вы слишком плохой врач, если предполагаете, что человек

может сдерживать себя до бесконечности. Мне страшных усилий стоит не отвечать вам на ваши оскорбления.

ЛЬВОВ. Полноте, кого вы хотите одурачить? Сбросьте маску.

ИВАНОВ. Умный человек, подумайте: по-вашему, нет ничего легче, как понять меня! Да? Я женился на Анне, чтобы получить большое приданое... Приданого мне не дали, я промахнулся и теперь сживаю ее со света, чтобы жениться на другой и взять приданое... Да? Как просто и несложно... Человек такая простая и немудреная машина... Нет, доктор, в каждом из нас слишком много колес, винтов и клапанов, чтобы мы могли судить друг о друге по первому впечатлению или по двум-трем внешним признакам. Я не понимаю вас, вы меня не понимаете, и сами мы себя не понимаем. Можно быть прекрасным врачом – и в то же время совсем не знать людей. Не будьте же самоуверенны и согласитесь с этим.

ЛЬВОВ. Да неужели же вы думаете, что вы так непрозрачны и у меня так мало мозга, что я не могу отличить подлости от честности?

ИВАНОВ. Очевидно, мы с вами никогда не

споемся... В последний раз я спрашиваю и отвечайте, пожалуйста, без предисловий: что собственно вам нужно от меня? Чего вы добиваетесь? (*Раздраженно.*) И с кем я имею честь говорить: с моим прокурором или с врачом моей жены?

Львов. Я врач и, как врач, требую, чтобы вы изменили ваше поведение... Оно убивает Анну Петровну!

Иванов. Но что же мне делать? Что? Если вы меня понимаете лучше, чем я сам себя понимаю, то говорите определенно: что мне делать?

Львов. По крайней мере, действовать не так откровенно.

Иванов. А, боже мой! Неужели вы себя понимаете? (*Пьет воду.*) Оставьте меня. Я тысячу раз виноват, отвечу перед богом, а вас никто не уполномочивал ежедневно пытаться меня...

Львов. А кто вас уполномочивал оскорблять во мне мою правду? Вы измучили и отравили мою душу. Пока я не попал в этот уезд, я допускал существование людей глупых, сумасшедших, увлекающихся, но нико-

гда я не верил, что есть люди преступные осмысленно, сознательно направляющие свою волю в сторону зла... Я уважал и любил людей, но, когда увидел вас...

Иванов. Я уже слышал об этом!

Львов. Слышали? *(Увидев входящую Сашу; она в амазонке.)* Теперь уж, надеюсь, мы отлично понимаем друг друга! *(Пожимает плечами и уходит.)*

VII

Иванов и Саша.

Иванов *(испуганно)*. Шура, это ты?

Саша. Да, я. Здравствуй. Не ожидал? Отчего ты так долго не был у нас?

Иванов. Шура, ради бога, это неосторожно! Твой приезд может страшно подействовать на жену.

Саша. Она меня не увидит. Я прошла черным ходом. Сейчас уеду. Я беспокоюсь: ты здоров? Отчего не приезжал так долго?

Иванов. Жена и без того уж оскорблена, почти умирает, а ты приезжаешь сюда. Шура, Шура, это легкомысленно и бесчеловечно!

Саша. Что же мне было делать? Ты две недели не был у нас, не отвечал на письма. Я

измучилась. Мне казалось, что ты тут невыносимо страдаешь, болен, умер. Ни одной ночи я не спала покойно. Сейчас уеду... По крайней мере, скажи: ты здоров?

Иванов. Нет, замучил я себя, люди мучают меня без конца... Просто сил моих нет! А тут еще ты! Как это нездорово, как ненормально! Шура, как я виноват, как виноват!..

Саша. Как ты любишь говорить страшные и жалкие слова! Виноват ты? Да? Виноват? Ну, так говори же: в чем?

Иванов. Не знаю, не знаю...

Саша. Это не ответ. Каждый грешник должен знать, в чем он грешен. Фальшивые бумажки делал, что ли?

Иванов. Неостроумно!

Саша. Виноват, что разлюбил жену? Может быть, но человек не хозяин своим чувствам, ты не хотел разлюбить. Виноват ты, что она видела, как я объяснялась тебе в любви? Нет, ты не хотел, чтобы она видела...

Иванов (*перебивая*). И так далее, и так далее... Полюбил, разлюбил, не хозяин своим чувствам – все это общие места, избитые фразы, которыми не поможешь...

Саша. Утомительно с тобою говорить. *(Смотрит на картину.)* Как хорошо собака нарисована! Это с натуры?

Иванов. С натуры. И весь этот наш роман – общее, избитое место: он пал духом и потерял почву. Явилась она, бодрая духом, сильная, и подала ему руку помощи. Это красиво и похоже на правду только в романах, а в жизни...

Саша. И в жизни то же самое.

Иванов. Вижу, тонко ты понимаешь жизнь! Мое нытье внушает тебе благоговейный страх, ты воображаешь, что обрела во мне второго Гамлета, а, по-моему, эта моя психопатия, со всеми ее аксессуарами, может служить хорошим материалом только для смеха и больше ничего! Надо бы хохотать до упаду над моим кривляньем, а ты – караул! Спасать, совершать подвиг! Ах, как я зол сегодня на себя! Чувствую, что сегодняшнее мое напряжение разрешится чем-нибудь... Или я сломаю что-нибудь, или...

Саша. Вот, вот, это именно и нужно. Сломай что-нибудь, разбей или закричи. Ты на меня сердит, я сделала глупость, что решилась приехать сюда. Ну, так возмутись, закри-

чи на меня, затопай ногами. Ну? Начинай сердиться...

Пауза.

Ну?

Иванов. Смешная.

Саша. Отлично! Мы, кажется, улыбаемся! Будьте добры, соблаговолите еще раз улыбнуться!

Иванов *(смеется)*. Я заметил: когда ты начинаешь спасать меня и учить уму-разуму, то у тебя делается лицо наивное-пренаивное, а зрачки большие, точно ты на комету смотришь. Постой, у тебя плечо в пыли. *(Смахивает с ее плеча пыль.)* Наивный мужчина – это дурак. Вы же, женщины, умудряетесь наивничать так, что это у вас выходит и мило, и здорово, и тепло, и не так глупо, как кажется. Только что у вас у всех за манера? Пока мужчина здоров, силен и весел, вы не обращаете на него никакого внимания, но как только он покати́л вниз по наклонной плоскости и стал Лазаря петь, вы вешаетесь ему на шею. Разве быть женой сильного и храброго человека хуже, чем быть сиделкой у какого-нибудь слезоточивого неудачника?

Саша. Хуже!

Иванов. Почему же? *(Хохочет.)* Не знает об этом Дарвин, а то бы он задал вам на орехи! Вы портите человеческую породу. По вашей милости на свете скоро будут рождаться одни только нытики и психопаты.

Саша. Мужчины многого не понимают. Всякой девушке скорее понравится неудачник, чем счастливец, потому что каждую соблазняет любовь деятельная... Понимаешь? Деятельная. Мужчины заняты делом и потому у них любовь на третьем плане. Поговорить с женой, погулять с нею по саду, приятно провести время, на ее могилке поплакать – вот и все. А у нас любовь – это жизнь. Я люблю тебя, это значит, что я мечтаю, как я излечу тебя от тоски, как пойду с тобою на край света... Ты на гору, и я на гору; ты в яму, и я в яму. Для меня, например, было бы большим счастьем всю ночь бумаги твои переписывать, или всю ночь сторожить, чтобы тебя не разбудил кто-нибудь, или идти с тобою пешком верст сто. Помню, года три назад, ты раз, во время молотьбы, пришел к нам весь в пыли, загорелый, измученный и попросил пить.

Принесла я тебе стакан, а ты уж лежишь на диване и спишь как убитый. Спал ты у нас полсуток, а я все время стояла за дверью и сторожила, чтобы кто не вошел. И так мне было хорошо! Чем больше труда, тем любовь лучше, то есть она, понимаешь ли, сильнее чувствуется.

Иванов. Деятельная любовь... Гм... Порча это, девическая философия, или, может, так оно и должно быть... *(Пожимает плечами.)* Черт его знает! *(Весело.)* Шура, честное слово, я порядочный человек!.. Ты посуди: я всегда любил философствовать, но никогда в жизни я не говорил: «наши женщины испорчены» или: «женщина вступила на ложную дорогу». Ей-богу, я был только благодарен и больше ничего! Больше ничего! Девочка моя, хорошая, какая ты забавная! А я-то, какой смешной болван! Православный народ смущаю, по целым дням Лазаря пою. *(Смеется.)* Бу-у! бу-у! *(Быстро отходит.)* Но уходи, Саша! Мы забылись...

Саша. Да, пора уходить. Прощай! Боюсь, как бы твой честный доктор из чувства долга не донес Анне Петровне, что я здесь. Слушай

меня: ступай сейчас к жене и сиди, сиди, сиди... Год понадобится сидеть – год сиди. Десять лет – сиди десять лет. Исполняй свой долг. И горюй, и прощения у нее проси, и плачь – все это так и надо. А главное, не забывай дела.

Иванов. Опять у меня такое чувство, как будто я мухомору объелся. Опять!

Саша. Ну, храни тебя создатель! Обо мне можешь совсем не думать! Недели через две черкнешь строчку – и на том спасибо. А я тебе буду писать...

Боркин выглядывает в дверь.

VIII

Те же и Боркин.

Боркин. Николай Алексеевич, можно? *(Увидев Сашу.)* Виноват, я и не вижу... *(Входит.)* Бонжур! *(Раскланивается.)*

Саша *(смущенно).* Здравствуйте...

Боркин. Вы пополнили, похорошели.

Саша *(Иванову).* Так я ухожу, Николай Алексеевич... Я ухожу. *(Уходит.)*

Боркин. Чудное видение! Шел за прозой, а наткнулся на поэзию... *(Поет.)* «Явилась ты, как пташка к свету...»

Иванов взволнованно ходит по сцене.

(Садится.) А в ней, Nicolas, есть что-то такое, этакое, чего нет в других. Не правда ли? Что-то особенное... фантасмагорическое... *(Вздыхает.)* В сущности, самая богатая невеста во всем уезде, но маменька такая редька, что никто не захочет связываться. После ее смерти все останется Шурочке, а до смерти даст тысяч десять, пюйку и утюг, да еще велит в ножки поклониться. *(Роется в карманах.)* Покурить де-лос-махорос. Не хотите ли? *(Протягивает портсигар.)* Хорошие... Курить можно.

Иванов *(подходит к Боркину, задыхаясь от гнева).* Сию же минуту чтоб ноги вашей не было у меня в доме! Сию же минуту!

Боркин приподнимается и роняет сигару.

Вон сию же минуту!

Боркин. Nicolas, что это значит? За что вы сердитесь?

Иванов. За что? А откуда у вас эти сигары? И вы думаете, что я не знаю, куда и зачем вы каждый день возите старика?

Боркин *(пожимает плечами).* Да вам-то что за надобность?

Иванов. Негодяй вы этакий! Ваши подлые проекты, которыми вы сыплете по всему уезду, сделали меня в глазах людей бесчестным человеком! У нас нет ничего общего, и я прошу вас сию же минуту оставить мой дом! *(Быстро ходит.)*

Боркин. Я знаю, все это вы говорите в раздражении, а потому не сержусь на вас. Оскорбляйте сколько хотите... *(Поднимает сигару.)* А меланхолию пора бросить. Вы не гимназист...

Иванов. Я вам что сказал? *(Дрожь.)* Вы играете мною?

Входит Анна Петровна.

IX

Те же и Анна Петровна.

Боркин. Ну, вот, Анна Петровна пришла... Я уйду. *(Уходит.)*

Иванов останавливается возле стола и стоит, поникнув головой.

Анна Петровна *(после паузы).* Зачем она сейчас сюда приезжала?

Пауза.

Я тебя спрашиваю: зачем она сюда приезжала?

Иванов. Не спрашивай, Анюта...

Пауза.

Я глубоко виноват. Придумывай какое хочешь наказание, я все снесу, но... не спрашивай... Говорить я не в силах.

Анна Петровна (*сердито*). Зачем она здесь была?

Пауза.

А, так вот ты какой! Теперь я тебя понимаю. Наконец-то я вижу, что ты за человек. Бесчестный, низкий... Помнишь, ты пришел и солгал мне, что ты меня любишь... Я поверила и оставила отца, мать, веру и пошла за тобой... Ты лгал мне о правде, о добре, о своих честных планах, я верила каждому слову...

Иванов. Анюта, я никогда не лгал тебе...

Анна Петровна. Жила я с тобой пять лет, томилась и болела от мысли, что изменила своей вере, но любила тебя и не оставляла ни на одну минуту... Ты был моим кумиром... И что же? Все это время ты обманывал меня самым наглым образом...

Иванов. Анюта, не говори неправды. Я ошибался, да, но не солгал ни разу в жизни... В этом ты не смеешь попрекнуть меня...

Анна Петровна. Теперь все понятно... Женился ты на мне и думал, что отец и мать простят меня, дадут мне денег... Ты это думал...

Иванов. О, боже мой! Анята, испытывать так терпение... *(Плачет.)*

Анна Петровна. Молчи! Когда увидел, что денег нет, повел новую игру... Теперь я все помню и понимаю. *(Плачет.)* Ты никогда не любил меня и не был мне верен... Никогда!..

Иванов. Сарра, это ложь!.. Говори, что хочешь, но не оскорбляй меня ложью...

Анна Петровна. Бесчестный, низкий человек... Ты должен Лебедеву, и теперь, чтобы увильнуть от долга, хочешь вскружить голову его дочери, обмануть ее так же, как меня. Разве неправда?

Иванов *(задыхаясь).* Замолчи, ради бога! Я за себя не ручаюсь... Меня душит гнев, и я... я могу оскорбить тебя...

Анна Петровна. Всегда ты нагло обманывал, и не меня одну... Все бесчестные поступки сваливал ты на Боркина, но теперь я знаю – чьи они...

Иванов. Сарра, замолчи, уйди, а то у меня с

языка сорвется слово! Меня так и подмывает сказать тебе что-нибудь ужасное, оскорбительное... *(Кричит.)* Замолчи, жидовка!..

Анна Петровна. Не замолчу... Слишком долго ты обманывал меня, чтобы я могла молчать...

Иванов. Так ты не замолчишь? *(Борется с собою.)* Ради бога...

Анна Петровна. Теперь иди и обманывай Лебедеву...

Иванов. Так знай же, что ты... скоро умрешь... Мне доктор сказал, что ты скоро умрешь...

Анна Петровна *(садится, упавшим голо- сом).* Когда он сказал?

Пауза.

Иванов *(хватая себя за голову).* Как я виноват! Боже, как я виноват! *(Рыдает.)*

Занавес

* * *

Между третьим и четвертым действиями проходит около года.

Действие четвертое

Одна из гостиных в доме Лебедева. Впереди Арка, отделяющая гостиную от зала, направо и налево – двери. Старинная бронза, фамильные портреты. Праздничное убранство. Пианино, на нем скрипка, возле стоит виолончель. – В продолжение всего действия по залу ходят гости, одетые по-бальному.

I

Львов.

ЛЬВОВ (входит, смотрит на часы). Пятый час. Должно быть, сейчас начнется благословение... Благословят и повезут венчать. Вот оно, торжество добродетели и правды! Сарру не удалось ограбить, замучил ее и в гроб уложил, теперь нашел другую. Будет и перед эту лицемерить, пока не ограбит ее и, ограбивши, не уложит туда же, где лежит бедная Сарра. Старая, кулаческая история...

Пауза.

На седьмом небе от счастья, прекрасно проживет до глубокой старости, а умрет со спокойною совестью. Нет, я выведу тебя на чистую воду! Когда я сорву с тебя проклятую

маску и когда все узнают, что ты за птица, ты полетишь у меня с седьмого неба вниз головой в такую яму, из которой не вытащит тебя сама нечистая сила! Я честный человек, мое дело вступить и открыть глаза слепым. Исполню свой долг и завтра же вон из этого проклятого уезда! (*Задумывается.*) Но что сделать? Объясняться с Лебедевыми – напрасный труд. Вызвать на дуэль? Затеять скандал? Боже мой, я волнуюсь, как мальчишка, и совсем потерял способность соображать. Что делать? Дуэль?

II

Львов и Косых.

КОСЫХ (*входит, радостно Львову*). Вчера объявил маленький шлем на трефах, а взял большой. Только опять этот Барабанов мне всю музыку испортил! Играем. Я говорю: без козырей. Он пас. Два трефы. Он пас. Я два бубны... три трефы... и представьте, можете себе представить: я объявляю шлем, а он не показывает туза. Покажи он, мерзавец, туза, я объявил бы большой шлем на без-козырях...

ЛЬВОВ. Простите, я в карты не играю и потому не сумею разделить вашего восторга.

Скоро благословение?

Косых. Должно, скоро. Зюзюшку в чувство приводят. Белугой ревет, приданого жалко.

Львов. А не дочери?

Косых. Приданого. Да и обидно. Женится, значит долга не заплатит. Зятевы векселя не протестуешь.

III

Те же и Бабакина.

Бабакина (*разодетая, важно проходит через сцену мимо Львова и Косых; последний прыскает в кулак; она оглядывается*). Глупо!

Косых касается пальцем ее талии и хохочет.

Мужик! (*Уходит.*)

Косых (*хохочет*). Совсем спятила баба! Пока в сиятельство не лезла – была баба, как баба, а теперь приступу нет. (*Дразнит.*) Мужик!

Львов (*волнуясь*). Слушайте, скажите мне искренно: какого вы мнения об Иванове?

Косых. Ничего не стоит. Играет как сапожник. В прошлом году, в посту, был такой случай. Садимся мы играть: я, граф, Боркин и он. Я сдаю...

Львов (*перебивая*). Хороший он человек?

Косых. Он-то? Жох-мужчина! Пройда, сквозь огонь и воду прошел. Он и граф – пятак пара. Нюхом чуют, где что плохо лежит. На жидовке нарвался, съел гриб, а теперь к Зю-зюшкиным сундукам подбирается. Об заклад бьюсь, будь я трижды анафема, если через год он Зюзюшку по миру не пустит. Он – Зюзюшку, а граф – Бабакину. Заберут денежки и будут жить-поживать да добра наживать. Доктор, что это вы сегодня такой бледный? На вас лица нет.

Львов. Ничего, это так. Вчера лишнее выпил.

IV

Те же, Лебедев и Саша.

Лебедев (входя с Сашей). Здесь поговорим. (Львову и Косых.) Ступайте, зулусы,[6] в залу к барышням. Нам по секрету поговорить нужно.

Косых (проходя мимо Саши, восторженно щелкает пальцами). Картина! Козырная дама!

Лебедев. Проходи, пещерный человек, проходи!

Львов и Косых уходят.

Садись, Шурочка, вот так... (Садится и оглядывается.) Слушай внимательно и с должным благоговением. Дело вот в чем: твоя мать приказала мне передать тебе следующее... Понимаешь? Я не от себя буду говорить, а мать приказала.

Саша. Папа, покороче!

Лебедев. Тебе в приданое назначается пятнадцать тысяч рублей серебром. Вот... Смотри, чтоб потом разговоров не было! Постой, молчи! Это только цветки, а будут еще ягодки. Приданого тебе назначено пятнадцать тысяч, но, принимая во внимание, что Николай Алексеевич должен твоей матери девять тысяч, из твоего приданого делается вычитание... Ну-с, а потом, кроме того...

Саша. Для чего ты мне это говоришь?

Лебедев. Мать приказала!

Саша. Оставьте меня в покое! Если бы ты хотя немного уважал меня и себя, то не позволил бы себе говорить со мною таким образом. Не нужно мне вашего приданого! Я не просила и не прошу!

Лебедев. За что же ты на меня набросилась? У Гоголя две крысы сначала понюхали,

а потом уж ушли, а ты, эмансипе, не понюхавши, набросилась.

Саша. Оставьте вы меня в покое, не оскорбляйте моего слуха вашими грошовыми расчетами.

Лебедев *(вспылив)*. Тьфу! Все вы то сделаете, что я себя ножом пырну или человека зарежу! Та день-деньской рёвма-ревет, зудит, пилит, копейки считает, а эта, умная, гуманная, черт подери, эмансипированная, не может понять родного отца! Я оскорбляю слух! Да ведь прежде чем прийти сюда оскорблять твой слух, меня там *(указывает на дверь)* на куски резали, четвертовали. Не может она понять! Голову вскружили и с толку сбили... ну вас! *(Идет к двери и останавливается.)* Не нравится мне, всё мне в вас не нравится!

Саша. Что тебе не нравится?

Лебедев. Всё мне не нравится! Всё!

Саша. Что всё?

Лебедев. Так вот я рассядусь перед тобою и стану рассказывать. Ничего мне не нравится, а на свадьбу твою я и смотреть не хочу! *(Подходит к Саше и ласково.)* Ты меня извини, Шурочка, может быть, твоя свадьба умная, чест-

ная, возвышенная, с принципами, но что-то в ней не то, не то! Не походит она на другие свадьбы. Ты – молодая, свежая, чистая, как стеклышко, красивая, а он – вдовец, истрепался, обносился. И не понимаю я его, бог с ним. *(Целует дочь.)* Шурочка, прости, но что-то не совсем чисто. Уж очень много люди говорят. Как-то так у него эта Сарра умерла, потом как-то вдруг почему-то на тебе жениться захотел... *(Живо.)* Впрочем, я баба, баба. Обабился, как старый кринолин. Не слушай меня. Никого, себя только слушай.

Саша. Папа, я и сама чувствую, что не то... Не то, не то, не то. Если бы ты знал, как мне тяжело! Невыносимо! Мне неловко и страшно сознаваться в этом. Папа, голубчик, ты меня подбодри, ради бога... научи, что делать.

Лебедев. Что такое? Что?

Саша. Так страшно, как никогда не было! *(Оглядывается.)* Мне кажется, что я его не понимаю и никогда не пойму. За все время, пока я его невеста, он ни разу не улыбнулся, ни разу не взглянул мне прямо в глаза. Вечно жалобы, раскаяние в чем-то, намеки на какую-то вину, дрожь... Я утомилась. Бывают даже ми-

нуты, когда мне кажется, что я... я его люблю не так сильно, как нужно. А когда он приезжает к нам или говорит со мною, мне становится скучно. Что это все значит, папочка? Страшно!

Лебедев. Голубушка моя, дитя мое единственное, послушай старого отца. Откажи ему!

Саша (*испуганно*). Что ты, что ты!

Лебедев. Право, Шурочка. Скандал будет, весь уезд языками затрезвонит, но ведь лучше пережить скандал, чем губить себя на всю жизнь.

Саша. Не говори, не говори, папа! И слушать не хочу. Надо бороться с мрачными мыслями. Он хороший, несчастный, непонятый человек; я буду его любить, пойму, поставлю его на ноги. Я исполню свою задачу. Решено!

Лебедев. Не задача это, а психопатия.

Саша. Довольно. Я покаялась тебе, в чем не хотела сознаться даже самой себе. Никому не говори. Забудем.

Лебедев. Ничего я не понимаю. Или я отупел от старости, или все вы очень уж умны

стали, а только я, хоть зарежьте, ничего не понимаю,

V

Те же и Шабельский.

Шабельский (входя). Черт бы побрал всех и меня в том числе! Возмутительно!

Лебедев. Тебе что?

Шабельский. Нет, серьезно, нужно во что бы то ни стало устроить себе какую-нибудь гнусность, подлость, чтоб не только мне, но и всем противно стало. И я устрою. Честное слово! Я уж сказал Боркину, чтобы он объявил меня сегодня женихом. (Смеется.) Все подлы, и я буду подл.

Лебедев. Надоел ты мне! Слушай, Матвей, договоришься ты до того, что тебя, извини за выражение, в желтый дом свезут.

Шабельский. А чем желтый дом хуже любого белого или красного дома? Сделай милость, хоть сейчас меня туда вези. Сделай милость. Все подленькие, маленькие, ничтожные, бездарные, сам я гадок себе, не верю ни одному своему слову...

Лебедев. Знаешь что, брат? Возьми в рот паклю, зажги и дыши на людей. Или еще луч-

ше: возьми свою шапку и поезжай домой. Тут свадьба, все веселятся, а ты – кра-кра, как ворона. Да, право...

Шабельский склоняется к пианино и рыдает.

Батюшки!.. Матвей!.. граф!.. Что с тобою? Матюша, родной мой... ангел мой... Я обидел тебя? Ну, прости меня, старую собаку... Прости пьяницу... Воды выпей...

Шабельский. Не нужно. *(Поднимает голову.)*

Лебедев. Чего ты плачешь?

Шабельский. Ничего, так...

Лебедев. Нет, Матюша, не лги... отчего? Что за причина?

Шабельский. Взглянул я сейчас на эту виолончель и... и жидовочку вспомнил...

Лебедев. Эва, когда нашел вспоминать! Царство ей небесное, вечный покой, а вспоминать не время...

Шабельский. Мы с нею дуэты играли... Чудная, превосходная женщина!

Саша рыдает.

Лебедев. Ты еще что? Будет тебе! Господи, ревут оба, а я... я... Хоть уйдите отсюда, гости

увидят!

Шабельский. Паша, когда солнце светит, то и на кладбище весело. Когда есть надежда, то и в старости хорошо. А у меня ни одной надежды, ни одной!

Лебедев. Да, действительно тебе плоховато... Ни детей у тебя, ни денег, ни занятий... Ну, да что делать! *(Саше.)* А ты-то чего?

Шабельский. Паша, дай мне денег. На том свете мы поквитаемся. Я съезжу в Париж, погляжу на могилу жены. В своей жизни я много давал, роздал половину своего состояния, а потому имею право просить. К тому же прошу я у друга...

Лебедев *(растерянно)*. Голубчик, у меня ни копейки! Впрочем, хорошо, хорошо! То есть я не обещаю, а понимаешь ли... отлично, отлично! *(В сторону.)* Замучили!

VI

Те же, Бабакина и потом Зинаида Савишна.

Бабакина *(входит)*. Где же мой кавалер? Граф, как вы смеее оставлять меня одну? У, противный! *(Бьет графа веером по руке.)*

Шабельский *(брезгливо)*. Оставьте меня в покое! Я вас ненавижу!

Бабакина (*оторопело*). Что?.. А?..

Шабельский. Отойдите прочь!

Бабакина (*падает в кресло*). Ах! (*Плачет.*)

Зинаида Савишна (*входит, плача*). Там кто-то приехал... Кажется, женихов шафер. Благословлять время... (*Рыдает.*)

Саша (*умоляюще*). Мама!

Лебедев. Ну, все заревели! Квартет! Да будет вам сырость разводить! Матвей!.. Марфа Егоровна!.. Ведь этак и я... я заплачу... (*Плачет.*) Господи!

Зинаида Савишна. Если тебе мать не нужна, если без послушания... то сделаю тебе такое удовольствие, благословлю...

Входит Иванов; он во фраке и перчатках.

VII

Те же и Иванов.

Лебедев. Этого еще недоставало! Что такое?

Саша. Зачем ты?

Иванов. Виноват, господа, позвольте мне поговорить с Сашей наедине.

Лебедев. Это непорядок, чтоб до венца к невесте приезжать! Тебе пора ехать в церковь!

Иванов. Паша, я прошу...

Лебедев пожимает плечами; он, Зинаида Савишна, граф и Бабакина уходят.

VIII

Иванов и Саша.

Саша (сурово). Что тебе нужно?

Иванов. Меня душит злоба, но я могу говорить хладнокровно. Слушай. Сейчас я одевался к венцу, взглянул на себя в зеркало, а у меня на висках... седины. Шура, не надо! Пока еще не поздно, нужно прекратить эту бессмысленную комедию... Ты молода, чиста, у тебя впереди жизнь, а я...

Саша. Все это не ново, слышала я уже тысячу раз и мне надоело! Поезжай в церковь, не задерживай людей.

Иванов. Я сейчас уеду домой, а ты объяви своим, что свадьбы не будет. Объясни им как-нибудь. Пора взяться за ум. Поиграл я Гамлета, а ты возвышенную девицу – и будет с нас.

Саша (вспыхнув). Это что за тон? Я не слушаю.

Иванов. А я говорю и буду говорить.

Саша. Ты зачем приехал? Твое нытье переходит в издевательство.

Иванов. Нет, уж я не ною! Издевательство? Да, я издеваюсь. И если бы можно было издеваться над самим собою в тысячу раз сильнее и заставить хохотать весь свет, то я бы это сделал! Взглянул я на себя в зеркало – и в моей совести точно ядро лопнуло! Я надсмеялся над собою и от стыда едва не сошел с ума. *(Смеется.)* Меланхолия! Благородная тоска! Безотчетная скорбь! Недостает еще, чтобы я стихи писал. Ныть, петь Лазаря, нагонять тоску на людей, сознавать, что энергия жизни утрачена навсегда, что я заржавел, отжил свое, что я поддался слабодушию и по уши увяз в этой гнусной меланхолии, – сознавать это, когда солнце ярко светит, когда даже муравей тащит свою ношу и доволен собою, – нет, слуга покорный! Видеть, как одни считают тебя за шарлатана, другие сожалеют, третьи протягивают руку помощи, четвертые, – что всего хуже, – с благоговением прислушиваются к твоим вздохам, глядят на тебя, как на второго Магомета, и ждут, что вот-вот ты объявишь им новую религию... Нет, слава богу, у меня еще есть гордость и совесть! Ехал я сюда, смеялся над собою, и мне казалось, что

надо мною смеются птицы, смеются деревья...

Саша. Это не злость, а сумасшествие!

Иванов. Ты думаешь? Нет, я не сумасшедший. Теперь я вижу вещи в настоящем свете, и моя мысль так же чиста, как твоя совесть. Мы любим друг друга, но свадьбе нашей не быть! Я сам могу беситься и киснуть сколько мне угодно, но я не имею права губить других! Своим нытьем я отравил жене последний год ее жизни. Пока ты моя невеста, ты разучилась смеяться и постарела на пять лет. Твой отец, для которого было все ясно в жизни, по моей милости перестал понимать людей. Еду ли я на съезд, в гости, на охоту, куда ни пойду, всюду вношу с собою скуку, уныние, недовольство. Постой, не перебивай! Я резок, свиреп, но, прости, злоба душит меня, и иначе говорить я не могу. Никогда я не лгал, не клеветал на жизнь, но, ставши брюзгой, я, против воли, сам того не замечая, клевету на нее, ропщу на судьбу, жалуюсь, и всякий, слушая меня, заражается отвращением к жизни и тоже начинает клеветать. А какой тон! Точно я делаю одолжение природе, что живу. Да черт меня возьми!

Саша. Постой... Из того, что ты сейчас сказал, следует, что ныть тебе надоело и что пора начать новую жизнь!.. И отлично!..

Иванов. Ничего я отличного не вижу. И какая там новая жизнь? Я погиб безвозвратно! Пора нам обоим понять это. Новая жизнь!

Саша. Николай, опомнись! Откуда видно, что ты погиб? Что за цинизм такой? Нет, не хочу ни говорить, ни слушать... Поезжай в церковь!

Иванов. Погиб!

Саша. Не кричи так, гости услышат!

Иванов. Если неглупый, образованный и здоровый человек без всякой видимой причины стал петь Лазаря и покатил вниз по наклонной плоскости, то он катит уже без удержки, и нет ему спасения! Ну, где мое спасение? В чем? Пить я не могу – голова болит от вина; плохих стихов писать – не умею, молиться на свою душевную лень и видеть в ней нечто превыспренное – не могу. Лень и есть лень, слабость есть слабость – других названий у меня нет. Погиб, погиб – и разговоров быть не может! *(Оглядывается.)* Нам могут помешать. Слушай. Если ты меня любишь, то помоги

мне. Сию же минуту, немедленно откажись от меня! Скорее...

Саша. Ах, Николай, если бы ты знал, как ты меня утомил! Как измучил ты мою душу! Добрый, умный человек, посуди: ну, можно ли задавать такие задачи? Что ни день, то задача, одна труднее другой... Хотела я деятельной любви, но ведь это мученическая любовь!

Иванов. А когда ты станешь моею женой, задачи будут еще сложнее. Откажись же! Пойми: в тебе говорит не любовь, а упрямство честной натуры. Ты задалась целью во что бы то ни стало воскресить во мне человека, спасти, тебе льстило, что ты совершаешь подвиг... Теперь ты готова отступить назад, но тебе мешает ложное чувство. Пойми!

Саша. Какая у тебя странная, дикая логика! Ну, могу ли я от тебя отказаться? Как я откажусь? У тебя ни матери, ни сестры, ни друзей... Ты разорен, имение твое растащили, на тебя кругом клеветают...

Иванов. Глупо я сделал, что сюда приехал. Мне нужно было бы поступить так, как я хотел...

Входит Лебедев.

IX

Те же и Лебедев.

Саша (*бежит навстречу отцу*). Папа, ради бога, прибежал он сюда, как бешеный, и мучает меня! Требует, чтобы я отказалась от него, не хочет губить меня. Скажи ему, что я не хочу его великодушия! Я знаю, что делаю.

Лебедев. Ничего не понимаю... Какое великодушие?

Иванов. Свадьбы не будет!

Саша. Будет! Папа, скажи ему, что свадьба будет!

Лебедев. Постой, постой!.. Почему же ты не хочешь, чтобы была свадьба?

Иванов. Я объяснил ей почему, но она не хочет понимать.

Лебедев. Нет, ты не ей, а мне объясни, да так объясни, чтобы я понял! Ах, Николай Алексеевич! Бог тебе судья! Столько ты напустил туману в нашу жизнь, что я точно в кунсткамере живу: гляжу и ничего не понимаю... Просто наказание... Ну, что мне прикажешь, старику, с тобою делать? На дуэль тебя вызвать, что ли?

Иванов. Никакой дуэли не нужно. Нужно иметь только голову на плечах и понимать русский язык.

Саша (*ходит в волнении по сцене*). Это ужасно, ужасно! Просто как ребенок!

Лебедев. Остается только руками развести и больше ничего. Послушай, Николай! По-твоему, все это у тебя умно, тонко, по всем правилам психологии, а по-моему, это скандал и несчастье. Выслушай меня, старика, в последний раз! Вот что я тебе скажу: успокой свой ум! Гляди на вещи просто, как все глядят! На этом свете все просто. Потолок белый, сапоги черные, сахар сладкий. Ты Сашу любишь, она тебя любит. Коли любишь – оставайся, не любишь – уходи, в претензии не будем. Ведь это так просто! Оба вы здоровые, умные, нравственные, и сыты, слава богу, и одеты... Что ж тебе еще нужно? Денег нет? Велика важность! Не в деньгах счастье... Конечно, я понимаю... имение у тебя заложено, процентов нечем платить, но я – отец, я понимаю... Мать как хочет, бог с ней; не дает денег – не нужно. Шурка говорит, что не нуждается в приданом. Принципы, Шопенгауэр... Все это чепуха...

Есть у меня в банке заветные десять тысяч... (Оглядывается.) Про них в доме ни одна собака не знает... Бабушкины... Это вам обоим... Берите, только уговор лучше денег: Матвею дайте тысячи две...

В зале собираются гости.

Иванов. Паша, разговоры ни к чему. Я поступаю так, как велит мне моя совесть.

Саша. И я поступаю так, как велит мне моя совесть. Можешь говорить что угодно, я тебя не отпущу. Папа, сейчас благословлять! Пойду позову маму... (Уходит.)

Х

Иванов и Лебедев.

Лебедев. Ничего не понимаю...

Иванов. Слушай, бедняга... Объяснять тебе, кто я – честен или подл, здоров или психопат, я не стану. Тебе не втолкуешь. Был я молодым, горячим, искренним, неглупым; любил, ненавидел и верил не так, как все, работал и надеялся за десятерых, сражался с мельницами, бился лбом об стены; не соразмерив своих сил, не рассуждая, не зная жизни, я взвалил на себя ношу, от которой сразу захрустела спина и потянулись жилы; я спешил расходи-

вать себя на одну только молодость, пьянел, возбуждался, работал; не знал меры. И скажи: можно ли было иначе? Ведь нас мало, а работы много, много! Боже, как много! И вот как жестоко мстит мне жизнь, с которою я боролся! Надорвался я! В тридцать лет уже похмелье, я стар, я уже надел халат. С тяжелою головой, с ленивою душой, утомленный, надорванный, надломленный, без веры, без любви, без цели, как тень, слоняюсь я среди людей и не знаю: кто я, зачем живу, чего хочу? И мне уже кажется, что любовь – вздор, ласки приторны, что в труде нет смысла, что песни и горячие речи пошлы и стары. И всюду я вношу с собою тоску, холодную скуку, недовольство, отвращение к жизни... Погиб безвозвратно! Перед тобою стоит человек, в тридцать пять лет уже утомленный, разочарованный, раздавленный своими ничтожными подвигами; он сторает со стыда, издевается над своею слабостью... О, как возмущается во мне гордость, какое душит меня бешенство! *(Пошатываясь.)* Эка, как я уходил себя! Даже шатаюсь... Ослабел я. Где Матвей? Пусть он свезет меня домой.

Голоса в зале. Женихов шафер приехал!

XI

Те же, Шабельский, Боркин и потом Львов и Саша.

Шабельский (входя). В чужом, поношенном фраке... без перчаток... и сколько за это насмешливых взглядов, глупых острот, пошлых улыбок... Отвратительные людишки!

Боркин (быстро входит с букетом; он во фраке, с шаферским цветком). Уф! Где же он? (Иванову.) Вас в церкви давно ждут, а вы тут философию разводите. Вот комик! Ей-богу, комик! Ведь вам надо не с невестой ехать, а отдельно со мною, за невестой же я приеду из церкви. Неужели вы даже этого не понимаете? Положительно, комик!

Львов (входит, Иванову). А, вы здесь? (Громко.) Николай Алексеевич Иванов, объявляю во всеуслышание, что вы подлец!

Иванов (холодно). Покорнейше благодарю. Общее замешательство.

Боркин (Львову). Милостивый государь, это низко! Я вызываю вас на дуэль!

Львов. Господин Боркин, я считаю для себя унижительным не только драться, но даже го-

ворить с вами! А господин Иванов может получить удовлетворение, когда ему угодно.

Шабельский. Милостивый государь, я дерусь с вами!

Саша (Львову). За что? За что вы его оскорбили? Господа, позвольте, пусть он мне скажет: за что?

Львов. Александра Павловна, я оскорблял не голословно. Я пришел сюда как честный человек, чтобы раскрыть вам глаза, и прошу вас выслушать меня.

Саша. Что вы можете сказать? Что вы честный человек? Это весь свет знает! Вы лучше скажите мне по чистой совести: понимаете вы себя или нет! Вошли вы сейчас сюда как честный человек и нанесли ему страшное оскорбление, которое едва не убило меня; раньше, когда вы преследовали его, как тень, и мешали ему жить, вы были уверены, что исполняете свой долг, что вы честный человек. Вы вмешивались в его частную жизнь, злословили и судили его где только можно было, забрасывали меня и всех знакомых анонимными письмами, — и все время вы думали, что вы честный человек. Думая, что это

честно, вы, доктор, не щадили даже его больной жены и не давали ей покоя своими подзрениями. И какое бы насилие, какую жестокую подлость вы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек!

Иванов *(смеясь)*. Не свадьба, а парламент! Браво, браво!..

Саша *(Львову)*. Вот теперь и подумайте: понимаете вы себя или нет? Тупые, бессердечные люди! *(Берет Иванова за руку.)* Пойдем отсюда, Николай! Отец, пойдем!

Иванов. Куда там пойдем? Постой, я сейчас все это кончу! Проснулась во мне молодость, заговорил прежний Иванов! *(Вынимает револьвер.)*

Саша *(вскрикивает)*. Я знаю, что он хочет сделать! Николай, бога ради!

Иванов. Долго катил вниз по наклону, теперь стой! Пора и честь знать! Отойдите! Спасибо, Саша!

Саша *(кричит)*. Николай, бога ради! Удержите!

Иванов. Оставьте меня! *(Отбегает в сторону и застреливается.)*

Занавес

Татьяна Репина

(Посвящается А. С. Суворину)

Драма в 1 действии

Действующие лица

Оленина.

Кокошкина.

Матвеев.

Зоненштейн.

Сабинин.

Котельников.

Кокошкин.

Патронников.

Волгин, *молодой офицер.*

Студент.

Барышня.

О. Иван, *кафедральный протоиерей, старик 70 л.*

О. Николай;

О. Алексей, *молодые священники.*

Дьякон.

Дьячок.

Кузьма, *церковный сторож.*

Дама в черном.

Товарищ прокурора.

Актеры и актрисы.

Седьмой час вечера. Соборная церковь. Гоят все паникадила и ставники. Царские врата открыты. Поют два хора: архиерейский и соборный. Церковь полна народа. Тесно и душно. Идет венчание. Венчаются Сабинин и Оленина. У первого шаферами Котельников и офицер Волгин, у второй – ее брат студент и товарищ прокурора. Вся местная интеллигенция. Роскошные наряды. Венчают: о. Иван в полинявшей камилавке, о. Николай в скуфейке и лохматый, очень молодой еще о. Алексей в темных очках; позади и несколько вправо от о. Ивана – высокий, тощий дьякон с книгой. В толпе местная труппа с Матвеевым во главе.

О. Иван (читает). Помяни, боже, и воспитавшыя их родители: зане молитвы родителей утверждают основания домов. Помяни, господи боже наш, рабы твоя уневестившыяся, сшедшыя в радость сию. Помяни, господи боже наш, раба твоего Петра и рабу твою Веру и благослови я. Даждь им плод чрева, добродетель, единомыслие душ и телес; возвы-

си я, яко кедры ливанские, яко лозу благорозг-
ную. Даруй им семя класяно, да всякое само-
довольство имуще, изобилуют на всякое дело
благое и тебе благоугодное; и да узрят сыны
сынов своих, яко новосаждения масличная
окрест трапезы их; и благоугодивше пред то-
бою, воссияют, яко светила на небеси, в тебе,
господе нашем. С тобою же слава, держава,
честь и поклонение, безначальному твоему
отцу и животворящему твоему духу, ныне и
присно и во веки веков.

Архиерейский хор (*поет*). Аминь.

Патронников. Душно! Это какой у вас ор-
ден на шее, Давид Соломонович?

Зоненштейн. Бельгийский. И зачем так
много народу? Кто пускал? Уф! Русский баня!

Патронников. Полиция дрянная.

Дьякон. Господу помолимся!

Соборный хор (*поет*). Господи помилуй.

О. Николай (*читает*). Боже святыи, созда-
вый от персти человека и от ребра его воссо-
здавый жену и спрягий ему помощника по
нему, за еже тако угодно бысть твоему вели-
честву, не единому быть человеку на земле;
сам и ныне, владыко, ниспосли руку твою от

святого жилища твоего и сочетай раба твоего сего Петра и рабу твою сию Веру, зане от тебе сочетается мужу жена. Сопрязи я в единомудрии, венчай я в плоть едину, даруй има плод чрева, благочадия восприятие. Яко твоя держава, и твое есть царство, и сила, и слава, отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков.

Соборный хор (поет). Аминь.

Барышня (Зоненштейну). Сейчас венцы будут надевать. Смотрите, смотрите!

О. Иван (берет с наложья венец и обращается лицом к Сабнину). Венчается раб божий Петр рабе божией Вере во имя отца и сына и святого духа, аминь. (Передает венец Котельникову.)

В толпе. Шафер как раз под рост жениху. Неинтересный. Кто это?

– Это Котельников. И офицер неинтересный. Господа, пропустите даму! Вы, madame, не пройдете здесь.

О. Иван (обращаясь к Олениной). Венчается раба божия Вера рабу божию Петру во имя отца и сына и святого духа. (Передает венец студенту.)

Котельников. Венцы тяжелые. У меня уж рука отекла.

Волгин. Ничего, я вас скоро сменю. От кого это пачулями разит,[7] желал бы я знать!

Товарищ прокурора. Это от Котельникова.

Котельников. Врете.

Волгин. Тссс!

О. Иван. Господи боже наш, славою и честью венчай я! Господи боже наш, славою и честью венчай я! Господи боже наш, славою и честью венчай я!

Кокошкина (*мужу*). Какая сегодня Вера миленькая! Я на нее люблюсь. И не робеет.

Кокошкин. Привычная. Ведь второй раз венчается.

Кокошкина. Да, правда. (*Вздыхает.*) Я ей от души желаю!.. У нее доброе сердце.

Дьячок (*выходя на середину церкви*). Прокимен глас восьмый. Положил еси на главах их венцы от каменей честных, живота просиша у тебе, и дал еси им.

Архиерейский хор (*поет*). Положил еси на главах...

Патронников. Курить хочется.

Дьячок. Апостола Павла чтение.

Дьякон. Вонмем!

Дьячок (*протяжно октавой*). Братие, благодаряще всегда о всех, о имени господа нашего Иисуса Христа, богу и отцу; повинующеся друг другу в страсе божии. Жены, своим мужем повинуйтесь, якоже господу, зане муж глава есть жены, якоже и Христос глава церкви, и той есть спаситель тела. Но якоже церковь повинуется Христу, такожде и жены своим мужем во всем...

Сабинин (*Котельникову*). Ты венцом давишь мне голову.

Котельников. Сочиняешь. Я держу венец на три вершка от головы.

Сабинин. Говорю тебе, давишь!

Дьячок. Мужие, любите своя жены, якоже и Христос возлюби церковь и себе предаде за ню: да освятит ю, очистив банею водною в глаголе. Да представит ю себе славну церковь, не имущу скверны, или порока, или нечто от таковых, но да есть свята и непорочна.

Волгин. Хороший бас... (*Котельникову*.) Хотите, я вас сменю?

Котельников. Я еще не утомился.

Дьячок. Тако должни суть мужие любити

своя жены, яко своя телеса, любяй бо свою жену, себе самого любит. Никто же бо когда свою плоть возненавиде, но питает и греет ю, якоже и господь церковь, зане уди есмы тела его, от плоти его и от костей его. Сего ради оставит человек отца своего и мать...

Сабинин. Держи повыше венец. Давишь.

Котельников. Какой вздор!

Дьячок. ...и прилепится к жене своей, и будета два в плоть едину...

Кокошкин. Губернатор здесь.

Кокошкина. Где ты его видишь?

Кокошкин. Вон стоит около правого клироса рядом с Алтуховым. Инкогнито.

Кокошкина. Вижу, вижу. С Машенькой Ганзен разговаривает. Это его пассия.

Дьячок. Тайна сия велика есть. Аз же глаголю во Христа и во церковь. Обаче и вы по единому, кийждо свою жену сице да любит, якоже и себя, а жена да убоится мужа своего!!

Соборный хор (поет). Аллилуйя, аллилуйя, аллилуйя...

В толпе. Слышите, Наталья Сергеевна? Жена да убоится мужа своего.

– Отвяжитесь.

Смех.

– Тссс! Господа, неловко!

Дьякон. Премудрость прости, услышим святого евангелия!

О. Иван. Мир всем!

Архиерейский хор (*поет*). И духови твоему.

В толпе. Апостол, евангелие... как все это длинно! Пора бы уж им отпустить душу на покаяние.

– Дышать невозможно. Я уйду.

– Не пройдет. Ждите, скоро кончится.

О. Иван. От Иоанна святого евангелия чтение!

Дьякон. Вонмем!

О. Иван (*снимает камилавку*). Во время оно, брак бысть в Кане Галилейстей, и бе мати Иисусова ту. Зван же бысть Иисус и ученицы его на брак. И не доставшу вину, глагола мати Иисусова к нему: вина не имут! Глагола ей Иисус: что есть мне и тебе, жено? не убо прииде час мой...

Сабинин (*Котельникову*). Скоро конец?

Котельников. Не знаю, неграмотен по этой части. Должно, скоро.

Волгин. Еще водить будут.

О. Иван. Глагола матери его слугам: еже аще глаголет вам, сотворите. Беху же ту водоносы каменни шесть, лежаще по очищению иудейску, вмещающыя по двама или трием мерам. Глагола им Иисус: наполните водоносы воды, и наполниша их до верха. И глагола им: почерпите ныне и принесите архитриклинови...

Слышится стон.

Волгин. Кескесе? задавили, что ли?

В толпе. Тссс! Тише!

Стон.

О. Иван. ...и принесоша. Якоже вкуси архитриклин вина бывшего от воды – и не ведяше, откуда есть; слуги же ведяху, почерпшии воду – пригласи жениха архитриклин. И глагола ему...

Сабинин (*Котельникову*). Кто это сейчас стонал?

Котельников (*всматриваясь в толпу*). Что-то такое движется... Какая-то дама в черном... Должно быть, дурно... Повели...

Сабинин (*всматриваясь*). Держи повыше венец...

О. Иван. ...всяк человек прежде доброе вино полагает, и егда упиются, тогда худдшее, ты же соблюл еси доброе вино доселе. Се сотвори начаток знамением Иисус в Кане Галилейстей, и яви славу свою, и вероваша в него ученицы его.

В толпе. Не понимаю, зачем это сюда истеричных пускают!

Архиерейский хор. Слава тебе, господи, слава тебе!

Патронников. Не жужжайте, Давид Соломонович, как шмел. И не стойте спиной к алтарю. Это не принято.

Зоненштейн. Это барышня жужжаит, как шмел, а не я... хе, хе, хе.

Дьякон. Рцем вси от всея души, и от всего помышления нашего рцем...

Соборный хор (поет). Господи, помилуй.

Дьякон. Господи вседержителю, боже отец наших, молимтися, услыши и помилуй.

В толпе. Тссс! Тише!

– Да меня самого толкают!

Хор (поет). Господи, помилуй!

В толпе. Тише! Тссс!

– С кем это дурно?

Дьякон. Помилуй нас, боже, по велицей милости твоей, молимтися, услыши и помилуй.

Хор *(поет)*. Господи, помилуй. *(Трижды.)*

Дьякон. Еще молимся о благочестивейшем самодержавнейшем великом государе нашем императоре Александре Александровиче всея России, о державе, победе, пребывании, мире, здравии, спасении его, и господу богу нашему наипаче поспешити и пособити ему во всех и покорити под нозе его всякого врага и супостата.

Хор *(поет трижды)*. Господи, помилуй.

Стон. Движение в толпе.

Кокошкина. Что такое? *(Соседке даме.)* Это, душечка, невозможно. Хоть бы они двери отворили, что ли... Умрешь от жары.

В толпе. Ее ведут, а она не хочет... Кто она? Тссс!

Дьякон. Еще молимся о супруге его, благочестивейшей государыне, императрице Марии Федоровне...

Хор *(поет)*. Господи, помилуй.

Дьякон. Еще молимся о наследнике его, благоверном государе, цесаревиче и великом

князе Николае Александровиче и о всем царствующем доме.

Хор (*поет*). Господи, помилуй!

Сабинин. О боже мой...

Оленина. Что?

Дьякон. Еще молимся о святейшем правительствующем Синоде и о господине нашем, преосвященнейшем Феофиле, епископе Нском и Z-ском, и всей во Христе братии нашей.

Хор (*поет*). Господи, помилуй.

В толпе. А вчера в Европейской гостинице опять отравилась какая-то женщина.

– Да. Говорят, жена доктора какого-то.

– Отчего, не знаете?

Дьякон. Еще молимся о всем их христолюбивом воинстве...

Хор (*поет*). Господи, помилуй.

Волгин. Точно как будто кто плачет...
Неприлично ведет себя публика.

Дьякон. Еще молимся о братьях наших, священниках, священномонахах и всем во Христе братстве нашем.

Хор (*поет*). Господи, помилуй.

Матвеев. Важно нынче певчие поют.

Комик. Нам бы таких, Захар Ильич!

Матвеев. Ишь, чего захотел, харя!

Смех.

Тссс!

Дьякон. Еще молимся о милости, жизни, мире, здравии, спасении, посещении рабов божиих Петра и Веры.

Хор *(поет)*. Господи, помилуй!

Дьякон. Еще молимся о блаженных...

В толпе. Да, докторша какая-то... в гостинице...

Дьякон. ...и приснопамятных, святейших патриарсах православных...

В толпе. С легкой руки Репиной это уж четвертая отравляется. Вот объясните-ка мне, ба-
тенька, эти отравления!

– Психоз. Не иначе.

– Подражательность, думаете?

Дьякон. ...и благочестивых царех и благоверных царицах, и создателях святого храма сего, и о всех прежде почивших отцах и братьях...

В толпе. Самоубийства заразительны...

– Сколько психопаток этих развелось, ужас!

– Тише! Да перестаньте вы ходить!

Дьякон. ...зде лежащих и повсюду, православных.

В толпе. Не орите, пожалуйста.

Стон.

Хор (поет). Госдоди, помилуй!

В толпе. Репина своею смертью отравила воздух. Все барыни заразились и помешались на том, что они оскорблены.

– Даже в церкви отравлен воздух. Чувствуете, какое напряжение?

Дьякон. Еще молимся о плодоносящих и добродетельных во святем и всечестнем храме сем, труждающихся, поющих и предстоящих людях, ожидающих от тебя великия и богатая милости...

Хор (поет). Господи, помилуй.

О. Иван. Яко милостив и человеколюбец бог еси и тебе славу воссылаем отцу и сыну и святому духу, ныне и присно и во веки веков.

Хор (поет). Аминь.

Сабинин. Котельников!

Котельников. Ну?

Сабинин. Ничего... О боже мой... Татьяна Петровна здесь... Она здесь...

Котельников. Ты с ума сошел!

Сабинин. Дама в черном... это она. Я узнал... видел...

Котельников. Никакого сходства... Только что брюнетка и больше ничего.

Дьякон. Господу помолимся!

Котельников. Не шепчись со мной, это неприлично. Публика следит за тобой...

Сабинин. Ради бога... Я едва на ногах стою. Это она.

Стон.

Хор. Господи, помилуй!

В толпе. Тише! Тссс! Господа, кто там сзади напирает? Тшш!

– За колонну увели...

– Нигде от дам проходу нет... Сидели бы дома!

Кто-то (кричит). Тише!

О. Иван (читает). Господи боже наш, во спасительном твоём смотреии, сподобивый в Кане Галилейстей... *(Оглядывает публику.)* Народ какой, право... *(Читает.)* ...честный показати брак твоим пришествием... *(Возвысив голос.)* Прошу вас потише! Вы мешаете нам совершать таинство! Не ходите по церкви, не

разговаривайте и не шумите, а стойте тихо и молитесь богу. Так-то. Надо страх божий иметь. *(Читает.)* Господи боже наш, во спасительном твоём смотреии, сподобивый в Кане Галилейстей честный показати брак твоим пришествием, сам ныне рабы твоя Петра и Веру, яже благоволил еси сочетаватися друг другу, в мире и единомыслии сохрани, честный их брак покажи, нескверное их ложе соблюди, непорочное их сожителство пребывати благоволи, и сподоби я в старости маститей достигнути, чистым сердцем, делаящи заповеди твоя. Ты бо еси бог наш, бог еже милovati и спасати, и тебе славу воссылаем, со безначальным твоим отцем, и всесвятым и благим и животворящим твоим духом, ныне и присно и во веки веков.

Архиерейский хор *(поет)*. Аминь.

Сабинин *(Котельникову)*. Пошли сказать жандармам, чтоб не впускали никого...

Котельников. Кого же еще не впускать? Церковь и так битком набита. Молчи... не шепчи.

Сабинин. Она... Татьяна здесь.

Котельников. Ты бредишь. Она на кладби-

ще.

Дьякон. Заступи, спаси, помилуй и сохрани нас, боже, твоею благодатию!

Соборный хор (*поет*). Господи, помилуй.

Дьякон. Дне всего совершенна, свята, мирна и безгрешна у господа просим.

Соборный хор (*поет*). Подай, господи.

Дьякон. Ангела мирна, верна наставника, хранителя душ и телес наших у господа просим.

Хор (*поет*). Подай, господи!

В толпе. Этот дьякон никогда не кончит...
То господи помилуй, то подай господи.

– Надоело уж стоять.

Дьякон. Прощения и оставления грехов и прегрешений наших у господа просим.

Хор (*поет*). Подай, господи!

Дьякон. Добрых и полезных душам нашим и мира мирови у господа просим.

В толпе. Опять зашумели! Ну, народ!

Хор (*поет*). Подай, господи!

Оленина. Петр, ты весь дрожишь и тяжело дышишь... Тебе дурно?

Сабинин. Дама в черном... она... Мы виноваты...

Оленина. Какая дама?

Стон.

Сабинин. Репина стонет... Я креплюсь, креплюсь... Котельников давит мне голову венцом... Ничего, ничего...

Дьякон. Прочее время живота нашего в мире и покаянии скончати у господа просим.

Хор. Подай, господи.

Кокошкин. Вера бледна, как смерть. Гляди, кажется, слезы на глазах. А он, он... погляди!

Кокошкина. Я же ей говорила, что публика будет дурно вести себя! Не понимаю, как она решилась тут венчаться. Ехала бы в деревню.

Дьякон. Христианския кончины живота нашего, безболезненны, непостыдны, мирны и добраго ответа на страшнем судилищи Христове просим.

Хор *(поет)*. Подай, господи!

Кокошкина. Надо бы попросить отца Ивана поторопиться. На ней лица нет.

Волгин. Позвольте, я вас сменю! *(Сменяет Котельникова.)*

Дьякон. Соединения веры и причастия святаго духа испросивше, сами себе, и друг друга,

и весь живот наш Христу богу предадим!

Хор *(поет)*. Тебе, господи!

Сабинин. Крепись, Вера, как я... Да... Впрочем, скоро обедня кончится. Сейчас поедем... Она это...

Волгин. Тссс!

О. Иван. И сподоби нас, владыко, со дерзновением неосужденно смети призывати тебя, небесного бога отца, и глаголати!

Архиерейский хор *(поет)*. Отче наш, иже еси на небесех, да святится имя твое, да придет царствие твое...

Матвеев *(актерам)*. Раздвиньтесь немножко, ребятки, я хочу на коленки стать... *(Становится на колени и кланяется в землю.)* Да будет воля твоя, яко на небеси и на земли. Хлеб наш насущный даждь нам днесь и остави нам долги наша...

Архиерейский хор. ...да будет воля твоя, яко на небеси... на небеси... хлеб наш насущный... насущный!

Матвеев. Помяни, господи, усопшую рабу твою Татьяну и прости ей грехи вольные и невольные, а нас прости и помилуй... *(Поднимается.)* Жарко!

Архиерейский хор. ...даждь нам днесь и остави... и остави нам долги наша... якоже и мы оставляем должником нашим... нашим...

В толпе. Ну, затянули нотное!

Архиерейский хор. ...и не введи нас... нас... нас! во искушение, но избави нас от лука-а-аваго!

Котельников (*товарищу прокурора*). Наше-го жениха муха укусила. Посмотрите, как дрожит!

Товарищ прокурора. Что с ним?

Котельников. Даму в черном, что сейчас истерика была, за Татьяну принял. Галлюцинирует.

О. Иван. Яко твое есть царство, и сила, и слава, отца и сына и святого духа, ныне и присно и во веки веков.

Хор. Аминь.

Товарищ прокурора. Смотрите, как бы он какой-нибудь штуки не выкинул!

Котельников. Вы-ыдержит! Не таковский!

Товарищ прокурора. Да, круто ему приходится.

О. Иван. Мир всем.

Хор. И духови твоему.

Дьякон. Главы ваша господеве приклоните!

Хор. Тебе, господи!

В толпе. Сейчас, кажется, водить будут. Тссс!

– Докторшу вскрывали?

– Нет еще. Говорят, муж бросил. А ведь Сабинин тоже Репину бросил! Правда это?

– Да-а...

– Я помню, как Репину вскрывали...

Дьякон. Господу помолимся!

Хор. Господи, помилуй!

О. Иван (*читает*). Боже, вся сотворивый крепостию твоею и утвердивый вселенную, и украсивый венец всех сотворенных от тебе, и чашу общую сию подаваяй сочетавающимся ко общению брака, благослови благословением духовным. Яко благословися твое имя и прославися твое царство всегда, ныне и присно и во веки веков. (*Дает Сабинину и Олениной пить вино.*)

Хор. Аминь.

Товарищ прокурора. Смотрите, как бы ему дурно не сделалось.

Котельников. Сильная скотина. Выдер-

жит.

В толпе. Так вы же, господа, не расходитесь, все вместе выйдем. Зипунов здесь?

– Здесь. Надо будет окружить карету и свистать минут пять.

О. Иван. Позвольте ваши руки. *(Связывает Сабинину и Олениной платком руки.)* Не туго?

Товарищ прокурора (студенту). Давайте мне, юноша, венец, а вы шлейф тащите.

Архиерейский хор (поет). Исаие ликуй, дева име во чреве...

О. Иван идет вокруг налоя; за ним молодые и шафера.

В толпе. Студент запутался в шлейфе.

Архиерейский хор. ...и роди сына Еммануила, бога же и человека, восток имя ему...

Сабинин (Волгину). Это конец?

Волгин. Нет еще.

Архиерейский хор. ...его же величающе, деву ублажаем.

О. Иван идет вокруг налоя в другой раз.

Соборный хор (поет). Святии мученицы, добре страдальчествовавшии, и венчавшиися, молитесь ко господу помиловатися душам нашим.

О. Иван (*идет в третий раз и подпевает*).
...душа-ам нашим.

Сабинин. Боже мой, это бесконечно.

Архиерейский хор (*поет*). Слава тебе, Христе боже, апостолом похвало, мучеников радование, их же проповедь, троица единосущная.

Офицер из толпы (*Котельникову*). Предупредите Сабинина, что студенты и гимназисты собираются освистать его на улице.

Котельников. Благодарю. (*Товарищу прокурора.*) Однако, как длинно тянется эта история! Они никогда не кончат служить. (*Утирает платком лицо.*)

Товарищ прокурора. Да и у вас руки дрожат... Экие вы все неженки!

Котельников. У меня Репина из головы не выходит. Мне все чудится, что Сабинин поет, а она плачет.

О. Иван (*принимая от Волгина венец, Сабинину*). Возвеличися, женише, якоже Авраам, и благословися, якоже Исаак, и умножися, якоже Иаков, ходяй в мире и делаяй в правде заповеди божия!

Молодой актер. Какие прекрасные слова

говорятся мерзавцам!

Матвеев. Бог у всех один.

О. Иван (*принимая венец от товарища прокурора, Олениной*). И ты, невесто, возвеличися, якоже Сарра, и возвеселися, якоже Ревекка, и умножися, якоже Рахиль, веселящихся о своем муже, хранящи пределы закона, зане тако благослови господь.

В толпе (*сильное движение к выходу*).

– Тише, господа! Еще не кончилось!

– Тссс! Не напирайте!

Дьякон. Господу помолимся!

Хор. Господи, помилуй.

О. Алексей (*читает, сняв темные очки*).

Боже, боже наш, пришедый в Кану Галилейскую и тамошний брак благословивый, благослови и рабы твоя сия, твоим промыслом ко общению брака сочетавшыяся; благослови их входы и исходы, умножи во благих живот их, восприими венцы их в царствии твоём, нескверны и непорочны, и ненаветны соблюдаяй, во веки веков.

Хор (*поет*). Аминь.

Оленина (*брату*). Скажи, чтобы мне дали стул. Мне дурно.

Студент. Сейчас кончится. (*Товарищу прокурора.*) Вере дурно!

Товарищ прокурора. Вера Александровна, сейчас кончится! Сию минуту... Потерпите, голубушка!

Оленина (*брату*). Петр меня не слышит... Точно у него столбняк... Боже мой, боже мой... (*Сабинину.*) Петр!

О. Иван. Мир всем!

Хор. И духови твоему!

Дьякон. Главы ваша господеви приклоните.

О. Иван (*Сабинину и Олениной*). Отец, сын и святой дух, всесвятая и единосущная, и живоначальная троица, едино божество и царство да благословит вас, и да подаст вам долгожитие, благочадие, преспеяние живота и веры, и да исполнит вас всех сущих на земли благих! Да сподобит вас и обещанных благ восприятия, молитвами святыя богородицы и всех святых, аминь! (*Олениной, с улыбкой.*) Поцелуйте вашего мужа.

Волгин (*Сабинину*). Что ж вы стоите? Целуйтесь!

Молодые целуются.

О. Иван. Поздравляю вас! Дай бог...

Кокошкина (*идет к Олениной*). Милая моя, дорогая... Я так рада! Поздравляю!

Котельников (*Сабинину*). Поздравляю, округившись... Ну, будет бледнеть, кончилась канитель...

Дьякон. Премудрость!

Поздравления.

Хор (*поет*). Честнейшую херувим и славнейшую без сравнения серафим, без истления бога слова рождшую, сущую богородицу ты величаем. Именем господним благослови, о-отче!

Народ валит из церкви; Кузьма тушит ставники.

О. Иван. Иже в Кане Галилейстей пришествием своим честен брак показавый, Христос истинный бог наш, молитвами пречистыя своея матери, святых славных и всечальных апостол, святых благовенчаных царей и равноапостольных Константина и Елены, святого великомученика Прокопия и всех святых, помилует и спасет нас, яко благ и человеколюбец!

Хор. Аминь. Господи, помилуй, господи,

помилуй, гос-по-ди, по-ми-и-илуй!

Дамы (*Олениной*). Поздравляю, дорогая... Сто лет жить... (*Поцелуи.*)

Зоненштейн. М-ме Сабинин, вы, так сказать, как это говорится на чистом русском языке...

Архиерейский хор. Многая, мно-огая лета!! Многая лета...

Сабинин. Pardon, Вера! (*Берет под руку Котельникова и быстро отводит его в сторону; дрожа и задыхаясь.*) Едем сейчас на кладбище!

Котельников. Ты с ума сошел! Теперь ночь! Что ты там будешь делать?

Сабинин. Ради бога, едем! Я прошу...

Котельников. Тебе нужно с невестой домой ехать! Сумасшедший!

Сабинин. Плевать я на все хотел, и будь оно все проклято тысячу раз! Я... я еду! Панихиду отслужить... Впрочем, я с ума сошел... Едва я не умер... Ах, Котельников, Котельников!

Котельников. Идем, идем... (*Ведет его к невесте.*)

Через минуту слышится с улицы пронзи-

тельный свист. Народ мало-помалу выходит из церкви. Остаются только дьячок и Кузьма.

Кузьма (тушит паникадила). Народу-то навалило...

Дьячок. М-да... Богатая свадьба. (Надевает шубу.) Живут люди.

Кузьма. Все это ни к чему... Зря.

Дьячок. Что?

Кузьма. Да вот венчание... Каждый день венчаем, крестим и хороним, а все никакого толку...

Дьячок. А чего бы ты хотел собственно?

Кузьма. Ничего... Так... Все это зря. И поют, и кадят, и читают, а бог все не слышит. Сорок лет тут служу, а ни разу не случилось, чтоб бог слышал... Уж где тот и бог, не знаю... Все зря...

Дьячок. М-да... (Надевает калоши.) Зафилософствуй – и ум вскружится.[8] (Идет, гремя калошами.) До свиданция! (Уходит.)

Кузьма (один). Сегодня в обед хоронили барина, сейчас венчали, завтра утром крестить будем. И конца не видать. А кому это нужно? Никому... Так, зря.

Слышится стон. Из алтаря выходит о.

Иван и лохматый о. Алексей в темных очках.

О. Иван. И приданое взял хорошее, полагаю...

О. Алексей. Не без того.

О. Иван. Жизнь наша, посмотришь! Когда-то ведь и я сватался, венчался и приданое брал, но уж все это забыто в круговороте времени. *(Кричит.)* Кузьма, что ж это ты все потушил? Этак я упаду в потемках.

Кузьма. А я думал, что вы уже ушли.

О. Иван. Что ж, отец Алексей? Пойдем ко мне чай пить?

О. Алексей. Нет, благодарствуйте, отец протоиерей. Не время. Мне надо еще отчет писать.

О. Иван. Ну, как знаете.

Дама в черном *(выходит из-за колонны, пошатываясь).* Кто здесь? Уведите меня... уведите...

О. Иван. Что такое? Кто там? *(Испуганно.)* Что вам, матушка?

О. Алексей. Господи, прости нас, грешных...

Дама в черном. Уведите меня... уведите... *(Стонет.)* Я сестра офицера Иванова... сестра.

О. Иван. Зачем вы здесь?

Дама в черном. Я отравилась... из ненависти... Он оскорбил... Зачем же он счастлив? Боже мой... *(Кричит.)* Спасите меня, спасите! *(Опускается на пол.)* Все должны отравиться... все! Нет справедливости...

О. Алексей *(в ужасе)*. Какое кощунство! Боже, какое кощунство!

Дама в черном. Из ненависти... Все должны отравиться... *(Стонет и валяется по полу.)* Она в могиле, а он... он... В женщине оскорблен бог... Погибла женщина...

О. Алексей. Какое кощунство над религией! *(Всплескивает руками.)* Какое кощунство над жизнью!

Дама в черном *(рвет на себе все и кричит)*. Спасите меня! Спасите! Спасите!..

Занавес

а все остальное предоставляю фантазии

А. С. Суворина.

Трагик поневоле

(Из дачной жизни)

Шутка в одном действии

Действующие лица

Иван Иванович Толкачов, отец семейства.

Алексей Алексеевич Мурашкин, его друг.

Действие происходит в Петербурге, в квартире Мурашкина.

Кабинет Мурашкина. Мягкая мебель. – Мурашкин сидит за письменным столом. Входит Толкачов, держа в руках стеклянный шар для лампы, игрушечный велосипед, три коробки со шляпками, большой узел с платьем, кулек с пивом и много маленьких узелков. Он бессмысленно поводит глазами и в изнеможении опускается на софу.

Мурашкин. Здравствуй, Иван Иваныч! Как я рад! Откуда ты?

Толкачов (тяжело дыша). Голубчик, милый мой... У меня к тебе просьба... Умоляю... одолжи до завтрашнего дня револьвера. Будь другом!

Мурашкин. На что тебе револьвер?

Толкачов. Нужно... Ох, батюшки!.. Дай-ка воды... Скорей воды!.. Нужно... Ночью придется ехать темным лесом, так вот я... на всякий случай. Одолжи, сделай милость!

Мурашкин. Ой, врешь, Иван Иваныч! Какой там у лешего темный лес? Вероятно, задумал что-нибудь? По лицу вижу, что задумал недоброе! Да что с тобою? Тебе дурно?

Толкачов. Постой, дай отдышаться... Ох, матушки. Замучился, как собака. Во всем теле и в башке такое ощущение, как будто из меня шашлык сделали. Не могу больше терпеть. Будь другом, ничего не спрашивай, не вдавайся в подробности... дай револьвер! Умоляю!

Мурашкин. Ну, полно! Иван Иваныч, что за малодушие? Отец семейства, статский советник! Стыдись!

Толкачов. Какой я отец семейства? Я мученик! Я вьючная скотина, негр, раб, подлец, который все еще чего-то ждет и не отправляет себя на тот свет! Я тряпка, болван, идиот! Зачем я живу? Для чего? *(Вскакивает.)* Ну, ты скажи мне, для чего я живу? К чему этот непрерывный ряд нравственных и физических страданий? Я понимаю быть мучеником

идеи, да! но быть мучеником черт знает чего, дамских юбок да ламповых шаров, нет! – слуга покорный! Нет, нет, нет! Довольно с меня! Довольно!

Мурашкин. Ты не кричи, соседям слышно!

Толкачов. Пусть и соседи слышат, для меня все равно! Не дашь ты револьвера, так другой даст, а уж мне не быть в живых! Решено!

Мурашкин. Постой, ты мне пуговицу оторвал. Говори хладнокровно. Я все-таки не понимаю, чем же плоха твоя жизнь?

Толкачов. Чем? Ты спрашиваешь: чем? Изволь, я расскажу тебе! Изволь! Выскажусь перед тобою и, может быть, на душе у меня полегчает. Сядем. Ну, слушай... Ох, матушки, одышка!.. Возьмем для примера хоть сегодняшней день. Возьмем. Как ты знаешь, от десяти часов до четырех приходится трубить в канцелярии. Жарища, духота, мухи и несоветимейший, братец ты мой, хаос. Секретарь отпуск взял, Храпов жениться поехал, канцелярская мелюзга помешалась на дачах, амурах да любительских спектаклях. Все заспанные, уморенные, испытые, так что не добьешься никакого толка... Должность секре-

таря исправляет субъект, глухой на левое ухо и влюбленный; просители обалделые, всё куда-то спешат и торопятся, сердятся, грозят, – такой кавардак со стихиями, что хоть караул кричи. Путаница и дым коромыслом. А работа аспидская: одно и то же, одно и то же, справка, отношение, справка, отношение, – однообразно, как зыбь морская. Просто, понимаешь ли, глаза вон из-под лба лезут. Дай-ка воды... Выходишь из присутствия разбитый, измочаленный, тут бы обедать идти и спать завалиться, ан нет! – помни, что ты дачник, то есть раб, дрянь, мочалка, сосулька, и изволь, как курицын сын, сейчас же бежать исполнять поручения. На наших дачах установился милый обычай: если дачник едет в город, то, не говоря уж о его супруге, всякая дачная мразь имеет власть и право навязать ему тьму поручений. Супруга требует, чтобы я заехал к модистке и выбранил ее за то, что лиф вышел широк, а в плечах узко; Соничке нужно переменить башмаки, свояченице пунцового шелку по образчику на двадцать копеек и три аршина тесьмы... Да вот, постой, я тебе сейчас прочту. *(Вынимает из кармана запи-*

сочку и читает.) Шар для лампы; 1 фунт ветчинной колбасы; гвоздики и корицы на 5 коп.; касторового масла для Миши; 10 фунтов сахарного песку; взять из дому медный таз и ступку для сахара; карболовой кислоты, персидского порошку, пудры на 10 коп.; 20 бутылок пива; уксусной эссенции и корсет для м-лле Шансо № 82 ...уф! и взять дома Мишино осеннее пальто и калоши. Это приказ супруги и семейства. Теперь поручения милых знакомых и соседей, черт бы их взял. У Власиных завтра именинник Володя, ему нужно велосипед купить; подполковница Вихрина в интересном положении, и по этому случаю я обязан ежедневно заезжать к акушерке и приглашать ее приехать. И так далее, и так далее. Пять записок у меня в кармане и весь платок в узелках. Этак, батенька, в промежутке между службой и поездом бегаешь по городу, как собака, высунув язык, — бегаешь, бегаешь и жизнь проклянешь. Из магазина в аптеку, из аптеки к модистке, от модистки в колбасную, а там опять в аптеку. Тут спотыкнешься, там деньги потеряешь, в третьем месте заплатить забудешь и за тобою гонятся со скандалом, в

четвертом месте даме на шлейф наступишь... тьфу! От такого моциона осатанеешь и так тебя разломает, что потом всю ночь кости трещат и крокодилы снятся. Ну-с, поручения исполнены, все куплено, теперь как прикажешь упаковать всю эту музыку? Как ты, например, уложишь вместе тяжелую медную ступку и толкач с ламповым шаром или карболку с чаем? Как ты скомбинируешь воедино пивные бутылки и этот велосипед? Египетская работа, задача для ума, ребус! Как там ни ломай голову, как ни хитри, а в конце концов все-таки что-нибудь расколотишь и рассыплешь, а на вокзале и в вагоне будешь стоять, растопыривши руки, раскорячившись и поддерживая подбородком какой-нибудь узел, весь в кулках, в картонках и в прочей дряни. А тронется поезд, публика начнет швырять во все стороны твой багаж: своими вещами ты чужие места занял. Кричат, зовут кондуктора, грозят высадить, а я-то что поделаю? Стою и глазами только лупаю, как побитый осел. Теперь слушай дальше. Приезжаю я к себе на дачу. Тут бы выпить хорошенько от трудов праведных, поесть да храповицкого – не правда ли? – но

не тут-то было. Моя супружница уж давно стережет. Едва ты похлебал супу, как она цап-царап раба божьего и – не угодно ли вам пожаловать куда-нибудь на любительский спектакль или танцевальный круг? Протестовать не моги. Ты – муж, а слово «муж» в переводе на дачный язык значит бессловесное животное, на котором можно ездить и возить клади сколько угодно, не боясь вмешательства общества покровительства животных. Идешь и таращишь глаза на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю», [9] аплодируешь по приказанию супруги и чахнешь, чахнешь, чахнешь и каждую минуту ждешь, что вот-вот тебя хватит кондратий. А на кругу гляди на танцы и подыскивай для супруги кавалеров, а если недостает кавалера, то и сам изволь танцевать кадрили. Танцуешь с какой-нибудь Кривулей Ивановной, улыбаешься по-дурацки, а сам думаешь: «доколе, о господи?» Вернешься после полуночи из театра или с бала, а уж ты не человек, а дохлятина, хоть брось. Но вот наконец ты достиг цели: разоблачился и лег в постель. Отлично, закрывай глаза и спи... Все так хоро-

шо, поэтично: и тепло, понимаешь ли, и ребята за стеной не визжат, и супруги нет, и совесть чиста – лучше и не надо. Засыпаешь ты – и вдруг... и вдруг слышишь: дзз!.. Комары! (*Вскакивает.*) Комары, будь они трижды, анафемы, прокляты, комары! (*Потрясает кулаками.*) Комары! Это казнь египетская,[10] инквизиция! Дзз!.. Дзююкает этак жалобно, печально, точно прощения просит, но так тебя, подлец, укусит, что потом целый час чешешься. Ты и куришь, и бьешь их, и с головой укрываешься – нет спасения! В конце концов плюнешь и отдашь себя на растерзание: жрите, проклятые! Не успеешь привыкнуть к комарам, как новая казнь египетская: в зале супруга начинает со своими тенорами романсы разучивать. Днем спят, а по ночам к любительским концертам готовятся. О, боже мой! Тенора – это такое мучение, что никакие комары не сравнятся. (*Поет.*) «Не говори, что молодость сгубила...» «Я вновь пред тобою стою очарован...»[11] О, по-одлые! Всю душу мою вытянули! Чтоб их хоть немножко заглушить, я на такой фокус пускаюсь: стучу себе пальцем по виску около уха. Этак стучу часов

до четырех, пока не разойдутся. Ох, дай-ка, брат, еще воды... Не могу... Ну-с, этак, не поспавши, встанешь в шесть часов и – марш на станцию к поезду. Бежишь, боишься опоздать, а тут грязь, туман, холод, брр! А приедешь в город, заводи шарманку сначала. Так-то, брат. Жизнь, доложу я тебе, преподлая, и врагу такой жизни не пожелаю. Понимаешь – заболел! Одышка, изжога, вечно чего-то боюсь, желудок не варит, в глазах мутно... Веришь ли, психопатом стал... *(Оглядывается.)* Только это между нами... Хочу сходить к Чечотту или к Мержеевскому.[12] Находит на меня, братец, какая-то чертовщина. Этак в минуты досады и обалдения, когда комары кусают или тенора поют, вдруг в глазах помутится, вдруг вскочишь, бегаешь, как угорелый, по всему дому и кричишь: «Крови жажду! Крови!»[13] И в самом деле, в это время хочется кого-нибудь ножом пырнуть или по голове стулом трахнуть. Вот оно, до чего дачная жизнь доводит! И никто не жалеет, не сочувствует, а как будто это так и надо. Даже смеются. Но ведь пойми, я животное, я жить хочу! Тут не водевиль, а трагедия! Послушай, ес-

ли не даешь револьвера, то хоть посочувствуй!

Мурашкин. Я сочувствую.

Толкачов. Вижу, как вы сочувствуете... Прощай. Поеду за кильками, за колбасой... зубного порошку еще надо, а потом на вокзал.

Мурашкин. Ты где на даче живешь?

Толкачов. На Дохлой речке.

Мурашкин (*радостно*). Неужели? Послушай, ты не знаешь ли там дачницу Ольгу Павловну Финберг?

Толкачов. Знаю. Знаком даже.

Мурашкин. Да что ты? Ведь вот какой случай! Как это кстати, как это мило с твоей стороны...

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Голубчик, милый, не можешь ли исполнить одну маленькую просьбу? Будь другом! Ну, дай честное слово, что исполнишь!

Толкачов. Что такое?

Мурашкин. Не в службу, а в дружбу! Умоляю, голубчик. Во-первых, поклонись Ольге Павловне и скажи, что я жив и здоров, целую ей ручку. Во-вторых, свези ей одну вещичку.

Она поручила мне купить для нее ручную швейную машину, а доставить ей некому... Свези, милый! И, кстати, заодно вот эту клетку с канарейкой... только осторожней, а то дверца сломается... Что ты на меня так глядишь?

Толкачов. Швейная машинка... канарейка с клеткой... чижики, зяблики...

Мурашкин. Иван Иванович, да что с тобой? Отчего ты побагровел?

Толкачов (*топая ногами*). Давай сюда машинку! Где клетка? Садись сам верхом! Ешь человека! Терзай! Добивай его! (*Сжимая кулаки.*) Крови жажду! Крови! Крови!

Мурашкин. Ты с ума сошел!

Толкачов (*наступая на него*). Крови жажду! Крови!

Мурашкин (*в ужасе*). Он с ума сошел! (*Кричит.*) Петрушка! Марья! Где вы? Люди, спасите!

Толкачов (*гоняясь за ним по комнате*). Крови жажду! Крови!

Занавес

Свадьба

Сцена в одном действии

Действующие лица

Евдоким Захарович Жигалов, *отставной коллежский регистратор.*

Настасья Тимофеевна, *его жена.*

Дашенька, *их дочь.*

Эпаминонд Максимович Апломбов, *ее жених.*

Федор Яковлевич Ревунов-Караулов, *капитан 2-го ранга в отставке.*

Андрей Андреевич Нюнин, *агент страхового общества.*

Анна Мартыновна Змеюкина, *акушерка 30 лет, в ярко-пунцовом платье.*

Иван Михайлович Ять, *телеграфист.*

Харламбий Спиридонович Дымба, *грек-кондитер.*

Дмитрий Степанович Мозговой, *матрос из Добровольного флота.*

Шафера, кавалеры, лакеи и проч.

Действие происходит в одной из зал кухмистера Андропова.

Ярко освещенная зала. Большой стол, на-

крытый для ужина. Около стола хлопочут лакеи во фраках. За сценой музыка играет последнюю фигуру кадрили.

Змеюкина, Ять и шафер (идут через сцену).

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Ять (идя за ней). Сжальтесь! Сжальтесь!

Змеюкина. Нет, нет, нет!

Шафер (спеша за ними). Господа, так нельзя! Куда же вы? А гран-рон? Гран-рон, силь-ву-пле!

Уходят.

Входят Настасья Тимофеевна и Апломбов.

Настасья Тимофеевна. Чем тревожить меня разными словами, вы бы лучше шли танцевать.

Апломбов. Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделывать ногами кренделя.[14] Я человек положительный и с характером и не вижу никакого развлечения в пустых удовольствиях. Но дело не в танцах. Простите, тапан, но я многого не понимаю в ваших поступках. Например, кроме предметов домашней необходимости, вы обещали также дать мне за вашей дочерью два выигрышных билета. Где они?

Настасья Тимофеевна. Голова у меня что-то разболелась... Должно, к непогоде... Быть оттепели!

Апломбов. Вы мне зубов не заговаривайте. Сегодня же я узнал, что ваши билеты в залоге. Извините, тамап, но так поступают одни только эксплуататоры. Я ведь это не из эгоицизма – мне ваши билеты не нужны, но я из принципа, и надувать себя никому не позволю. Я вашу дочь осчастливил, и если вы мне не отдадите сегодня билетов, то я вашу дочь с кашей съем. Я человек благородный!

Настасья Тимофеевна (*оглядывая стол и считая приборы*). Раз, два, три, четыре, пять...

Лакей. Повар спрашивает, как прикажете подавать мороженое: с ромом, с мадерой или без никого?

Апломбов. С ромом. Да скажи хозяину, что вина мало. Скажи, чтоб еще го-сотерну поставил. (*Настасье Тимофеевне.*) Вы также обещали, и уговор такой был, что сегодня за ужином будет генерал. А где он, спрашивается?

Настасья Тимофеевна. Это, батюшка, не я виновата.

Апломбов. Кто же?

Настасья Тимофеевна. Андрей Андреич виноват... Вчерась он был и обещал привести самого настоящего генерала. *(Вздыхает.)* Должно, не нашел нигде, а то привел бы... Нешто нам жалко? Для родного дитя мы ничего не пожалеем. Генерал так генерал...

Апломбов. Но дальше... Всем, в том числе и вам, тамап, известно, что за Дашенькой, пока я не сделал ей предложения, ухаживал этот телеграфист Ять. Зачем вы его пригласили? Разве вы не знали, что мне это неприятно?

Настасья Тимофеевна. Ох, как тебя? – Эпаминонд Максимыч, еще и дня нет, как женился, а уж замучил ты и меня, и Дашеньку своими разговорами. А что будет через год? Нудный ты, ух нудный!

Апломбов. Не нравится правду слушать? Ага! То-то! А вы поступайте благородно. Я от вас хочу только одного: будьте благородны!

Через залу из одной двери в другую проходят пары танцующих grand-rond. В передней паре шафер с Дашенькой, в задней Ять со Змеюкиной. Последняя пара отстает и остается в зале.

Жигалов и Дымба входят и идут к столу.

Шафер (*кричит*). Променад! Мсье, променад! (*За сценой.*) Променад!

Пары уходят.

Ять (*Змеюкиной*). Сжальтесь! Сжальтесь, очаровательная Анна Мартыновна!

Змеюкина. Ах, какой вы... Я уже вам сказала, что я сегодня не в голосе.

Ять. Умоляю вас, спойте! Одну только ноту! Сжальтесь! Одну только ноту!

Змеюкина. Надоели... (*Садится и машет веером.*)

Ять. Нет, вы просто безжалостны! У такого жестокого создания, позвольте вам выразиться, и такой чудный, чудный голос! С таким голосом, извините за выражение, не акушерством заниматься, а концерты петь в публичных собраниях! Например, как божественно выходит у вас вот эта фиоритура... вот эта... (*Напевает.*) «Я вас любил, любовь еще напрасно...» Чудно!

Змеюкина (*напевает*). «Я вас любил, любовь еще, быть может...»[15] Это?

Ять. Вот это самое! Чудно!

Змеюкина. Нет, я не в голосе сегодня. На-

те, махайте на меня веером... Жарко! (Апломбову.) Эпаминонд Максимыч, что это вы в меланхолии? Разве жениху можно так? Как вам не стыдно, противный? Ну, о чем вы задумались?

Апломбов. Женитьба шаг серьезный! Надо все обдумать всесторонне, обстоятельно.

Змеюкина. Какие вы все противные скептики! Возле вас я задыхаюсь... Дайте мне атмосферы! Слышите? Дайте мне атмосферы! (Напевает.)

Ять. Чудно! Чудно!

Змеюкина. Махайте на меня, махайте, а то я чувствую, у меня сейчас будет разрыв сердца. Скажите, пожалуйста, отчего мне так душно?

Ять. Это оттого, что вы вспотели-с...

Змеюкина. Фу, как вы вульгарны! Не смейте так выражаться!

Ять. Виноват! Конечно, вы привыкли, извините за выражение, к аристократическому обществу и...

Змеюкина. Ах, оставьте меня в покое! Дайте мне поэзии, восторгов! Махайте, махайте...

Жигалов (Дымбе). Повторим, что ли? (На-

ливает.) Пить во всякую минуту можно. Главное действие, Харлампий Спиридоныч, чтоб дело свое не забывать. Пей, да дело разумеи... А ежели насчет выпить, то почему не выпить? Выпить можно... За ваше здоровье!

Пьют.

А тигры у вас в Греции есть?

Дымба. Есть.

Жигалов. А львы?

Дымба. И львы есть. Это в России ницего нету, а в Греции все есть. Там у меня и отец, и дядя, и братья, а тут ницего нету.

Жигалов. Гм... А кашалоты в Греции есть?

Дымба. Все есть.

Настасья Тимофеевна (*мужу*). Что ж зря-то пить и закусывать? Пора бы уж всем садиться. Не тыкай вилкой в омары... Это для генерала поставлено. Может, еще придет...

Жигалов. А омары в Греции есть?

Дымба. Есть... Там все есть.

Жигалов. Гм... А коллежские регистраторы есть?

Змеюкина. Воображаю, какая в Греции атмосфера!

Жигалов. И, должно быть, жульничества

много. Греки ведь все равно, что армяне или цыганы. Продает тебе губку или золотую рыбку, а сам так и норовит, чтоб содрать с тебя лишнее. Повторим, что ли?

Настасья Тимофеевна. Что ж зря повторять? Всем бы уж пора садиться. Двенадцатый час...

Жигалов. Садиться так садиться. Господа, покорнейше прошу! Пожалуйста! *(Кричит.)* Ужинать! Молодые люди!

Настасья Тимофеевна. Дорогие гости, милости просим! Садитесь!

Змеюкина *(садясь за стол).* Дайте мне поэзии! А он, мятежный, ищет бури,[16] как будто в бурях есть покой. Дайте мне бурю!

Ять *(в сторону).* Замечательная женщина! Влюблен! По уши влюблен!

Входят Дашенька, Мозговой, шафера, кавалеры, барышни и проч. Все шумно усаживаются за стол; минутная пауза; музыка играет марш.

Мозговой *(вставая).* Господа! Я должен сказать вам следующее... У нас приготовлено очень много тостов и речей. Не будем дожидаться и начнем сейчас же. Господа, предла-

гаю выпить тост за новобрачных!

Музыка играет туш. Ура. Чоканье.

Мозговой. Горько!

Все. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Ять. Чудно! Чудно! Я должен вам выразиться, господа, и отдать должную справедливость, что эта зала и вообще помещение великолепны! Превосходно, очаровательно! Только знаете, чего не хватает для полного торжества? Электрического освещения, извините за выражение! Во всех странах уже введено электрическое освещение, и одна только Россия отстала.

Жигалов (*глубокомысленно*). Электричество... Гм... А по моему взгляду, электрическое освещение – одно только жульничество... Всунут туда уголек, да и думают глаза отвести! Нет, брат, уж если ты даешь освещение, то ты давай не уголек, а что-нибудь существенное, этакое что-нибудь особенное, чтоб было за что взяться! Ты давай огня – понимаешь? – огня, который натуральный, а не умственный!

Ять. Ежели бы вы видели электрическую батарею, из чего она составлена, то иначе бы

рассуждали.

Жигалов. И не желаю видеть. Жульничество. Народ простой надувают... Соки последние выжимают... Знаем их, этих самых... А вы, господин молодой человек, чем за жульничество заступаться, лучше бы выпили и другим налили. Да право!

Апломбов. Я с вами, папаша, вполне согласен. К чему заводить ученые разговоры? Я не прочь и сам поговорить о всевозможных открытиях в научном смысле, но ведь на это есть другое время! (*Дашеньке.*) Ты какого мнения, машер?[17]

Дашенька. Они хотят свою образованность показать и всегда говорят о непонятном.

Настасья Тимофеевна. Слава богу, прожили век без образования и вот уж третью дочку за хорошего человека выдаем. А ежели мы, по-вашему, выходим необразованные, так зачем вы к нам ходите? Шли бы к своим образованным!

Ять. Я, Настасья Тимофеевна, всегда уважал ваше семейство, а ежели я насчет электрического освещения, так это еще не значит,

что я из гордости. Даже вот выпить могу. Я всегда от всех чувств желал Дарье Евдокимовне хорошего жениха. В наше время, Настасья Тимофеевна, трудно выйти за хорошего человека. Нынче каждый норовит вступить в брак из-за интереса, из-за денег...

Апломбов. Это намек!

Ять (*струсив*). И никакого тут нет намека... Я не говорю о присутствующих... Это я так... вообще... Помилуйте! Все знают, что вы из-за любви... Приданое пустяшное.

Настасья Тимофеевна. Нет, не пустяшное! Ты говори, сударь, да не заговаривайся. Кроме того, что тысячу рублей чистыми деньгами, мы три салопа даем, постель и всю мебель. Подика-сь, найди в другом месте такое приданое!

Ять. Я ничего... Мебель, действительно, хорошая и... и салопы, конечно, но я в том смысле, что вот они обижаются, что я намекнул.

Настасья Тимофеевна. А вы не намекайте. Мы вас по вашим родителям почитаем и на свадьбу пригласили, а вы разные слова. А ежели вы знали, что Эпаминонд Максимыч из интересу женится, то что же вы раньше

молчали? *(Слезливо.)* Я ее, может, вскормила, вспоила, взлелеяла... берегла пуще алмаза изумрудного, деточку мою...

Апломбов. И вы поверили? Покорнейше вас благодарю! Очень вам благодарен! *(Ятью.)* А вы, господин Ять, хоть и знакомый мне, а я вам не позволю строить в чужом доме такие безобразия! Позвольте вам выйти вон!

Ять. То есть как?

Апломбов. Желая, чтобы и вы были таким же честным человеком, как я! Одним словом, позвольте вам выйти вон!

Музыка играет туш.

Кавалеры *(Апломбову).* Да оставь! Будет тебе! Ну стоит ли? Садись! Оставь!

Ять. Я ничего... Я ведь... Не понимаю даже... Извольте, я уйду... Только вы отдайте мне сначала пять рублей, что вы брали у меня в прошлом году на жилетку пике, извините за выражение. Выпью вот еще и... и уйду, только вы сначала долг отдайте.

Кавалеры. Ну будет, будет! Довольно! Стоит ли из-за пустяков?

Шафер *(кричит).* За здоровье родителей невесты Евдокима Захарыча и Настасьи Ти-

мофеевны!

Музыка играет туш. Ура.

Жигалов (*растроганный, кланяется во все стороны*). Благодарю вас! Дорогие гости! Очень вам благодарен, что вы нас не забыли и пожаловали, не побрезгали!.. И не подумайте, чтоб я был выжига какой или жульничество с моей стороны, а просто из чувств! От прямоты души! Для хороших людей ничего не пожалею! Благодарим покорно! (*Целуется.*)

Дашенька (*матери*). Мамаша, что же вы плачете? Я так счастлива!

Апломбов. Мамап взволнована предстоящей разлукой. Но я посоветовал бы ей лучше вспомнить наш недавний разговор.

Ять. Не плачьте, Настасья Тимофеевна! Вы подумайте: что такое слезы человеческие? Малодушная психиатрия и больше ничего!

Жигалов. А рыжики в Греции есть?

Дымба. Есть. Там все есть.

Жигалов. А вот груздей, небось, нету.

Дымба. И грузди есть. Все есть.

Мозговой. Харламбий Спиридоныч, ваша очередь читать речь! Господа, пусть говорит

речь!

Все (*Дымбе*). Речь! речь! Ваша очередь!

Дымба. Зацем? Я не понимаю которое... Сто такое?

Змеюкина. Нет, нет! Не смейте отказываться! Ваша очередь! Вставайте!

Дымба (*встает, смущенно*). Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция. Теперь которые люди в России и которые в Греции... И которые по морю плавают карáвия, по русскому знацит корабли, а по земле разные которые железные дороги. Я хоросо понимаю... Мы греки, вы русские и мне ницего не надо... Я могу говорить такое... Которая Россия и которая Греция.

Входит Нюнин.

Нюнин. Постойте, господа, не ешьте! Погодите! Настасья Тимофеевна, на минуточку! Пожалуйте сюда! (*Ведет Настасью Тимофеевну в сторону, запыхавшись.*) Послушайте... Сейчас придет генерал... Наконец нашел-таки... Просто замучился... Генерал настоящий, солидный такой, старый, лет, пожалуй, во семьдесят, а то и девяносто...

Настасья Тимофеевна. Когда же он при-

дет?

Нюнин. Сию минуту. Будете всю жизнь мне благодарны. Не генерал, а малина, Буланже![18] Не пехота какая-нибудь, не инфантерия, а флотский! По чину он капитан второго ранга, а по-ихнему, морскому, это все равно, что генерал-майор, или в гражданской – действительный статский советник. Решительно все равно. Даже выше.

Настасья Тимофеевна. А ты меня не обманываешь, Андрюшенька?

Нюнин. Ну вот, мошенник я, что ли? Будьте покойны!

Настасья Тимофеевна *(вздыхая)*. Не хочется зря деньги тратить, Андрюшенька...

Нюнин. Будьте покойны! Не генерал, а картина! *(Возвышая голос.)* Я и говорю: «Со всем, говорю, забыли нас, ваше превосходительство! Нехорошо, ваше превосходительство, старых знакомых забывать! Настасья, говорю, Тимофеевна на вас в большой претензии!» *(Идет к столу и садится.)* А он говорит: «Помилуй, мой друг, как же я пойду, если я с женихом не знаком?» – «Э, полноте, ваше превосходительство, что за церемонии? Же-

них, говорю, человек прекраснейший, душа нараспашку. Служит, говорю, оценщиком в ссудной кассе, но вы не подумайте, ваше превосходительство, что это какой-нибудь замухрышка или червонный валет. В ссудных кассах, говорю, нынче и благородные дамы служат». Похлопал он меня по плечу, выкурили мы с ним по гаванской сигаре, и вот теперь он едет... Погодите, господа, не ешьте...

Апломбов. А когда он приедет?

Нюнин. Сию минуту. Когда я уходил от него, он уже калоши надевал. Погодите, господа, не ешьте.

Апломбов. Так надо приказать, чтоб марш играли...

Нюнин (кричит). Эй, музыканты! Марш!

Музыка минуту играет марш.

Лакей (докладывает). Господин Ревунов-Караулов!

Жигалов, Настасья Тимофеевна и Нюнин бегут навстречу.

Входит Ревунов-Караулов.

Настасья Тимофеевна (кланяясь). Милости просим, ваше превосходительство! Очень приятно!

Ревунов. Весьма!

Жигалов. Мы, ваше превосходительство, люди не знатные, не высокие, люди простые, но не подумайте, что с нашей стороны какое-нибудь жульничество. Для хороших людей у нас первое место, мы ничего не пожалеем. Милости просим!

Ревунов. Весьма рад!

Нюнин. Позвольте представить, ваше превосходительство! Новобрачный Эпаминонд Максимыч Апломбов со своей новорожд... то есть с новобрачной супругой! Иван Михайлыч Ять, служащий на телеграфе! Иностранец греческого звания по кондитерской части Харламий Спиридоныч Дымба! Осип Лукич Бабельмандебский! И прочие, и прочие... Остальные все – чепуха. Садитесь, ваше превосходительство!

Ревунов. Весьма! Виноват, господа, я хочу сказать Андрюше два слова. *(Отводит Нюнина в сторону.)* Я, братец, немножко сконфужен... Зачем ты зовешь меня вашим превосходительством? Ведь я не генерал! Капитан 2-го ранга – это даже ниже полковника.

Нюнин *(говорит ему в ухо, как глухому).*

Знаю, но, Федор Яковлевич, будьте добры, позвольте нам называть вас вашим превосходительством! Семья здесь, знаете ли, патриархальная, уважает старших, любит чинопочитание...

Ревунов. Да, если так, то конечно... (*Идя к столу.*) Весьма!

Настасья Тимофеевна. Садитесь, ваше превосходительство! Будьте такие добрые! Кушайте, ваше превосходительство! Только извините, у себя там вы привыкли к деликатности, а у нас просто!

Ревунов (*не расслышав*). Что-с? Гм... Да-с.

Пауза.

Да-с... В старину люди всегда жили просто и были довольны. Я человек, который в чинах, и то живу просто... Сегодня Андрюша приходит ко мне и зовет меня сюда на свадьбу. Как же, говорю, я пойду, если я не знаком? Это неловко! А он говорит: «Люди они простые, патриархальные, всякому гостю рады...» Ну, конечно, если так... то отчего же? Очень рад. Дома мне одинокому скучно, а если мое присутствие на свадьбе может доставить кому-нибудь удовольствие, то сделай, го-

ворю, одолжение...

Жигалов. Значит, от души, ваше превосходительство? Уважаю! Сам я человек простой, без всякого жульничества, и уважаю таких. Кушайте, ваше превосходительство!

Апломбов. Вы давно в отставке, ваше превосходительство?

Ревунов. А? Да, да... так... Это верно. Да-с... Но позвольте, что же это, однако? Селедка горькая... и хлеб горький. Невозможно есть!

Все. Горько! Горько!

Апломбов и Дашенька целуются.

Ревунов. Хе-хе-хе... Ваше здоровье!

Пауза.

Да-с... В старину все просто было и все были довольны... Я люблю простоту... Я ведь старый, в отставку вышел в 1865 году... Мне семьдесят два года... Да. Конечно, не без того, и прежде любили при случае показать пышность, но... (*Увидев Мозгового.*) Вы того... матрос, стало быть?

Мозговой. Точно так.

Ревунов. Ага... Так... Да... Морская служба всегда была трудная. Есть над чем задуматься и голову поломать. Всякое незначительное

слово имеет, так сказать, свой особый смысл! Например: марсовые по вантам на фок и грот! Что это значит? Матрос небось понимает! Хе-хе... Тонкость, что твоя математика!

Нюнин. За здоровье его превосходительства Федора Яковлевича Ревунова-Караулова!

Музыка играет туш. Ура.

Ять. Вот вы, ваше превосходительство, изволили сейчас выразиться насчет трудностей флотской службы. А разве телеграфная легче? Теперь, ваше превосходительство, никто не может поступить на телеграфную службу, если не умеет читать и писать по-французски и по-немецки. Но самое трудное у нас, это передача телеграмм. Ужасно трудно! Извольте послушать. *(Стучит вилкой по столу, подражая телеграфному станку.)*

Ревунов. Что же это значит?

Ять. Это значит: я уважаю вас, ваше превосходительство, за добродетели. Вы думаете, легко? А вот еще... *(Стучит.)*

Ревунов. Вы погромче... Не слышу...

Ять. А это значит: мадам, как я счастлив, что держу вас в своих объятиях!

Ревунов. Вы про какую это мадам? Да...

(Мозговому.) А вот, если идя полным ветром и надо... и надо поставить брамсели и бом-брамсели! Тут уж надо командовать: салинговые к вантам на брамсели и бомбрамсели... и в это время, как на реях отдают паруса, внизу становятся на брам и бом-брам-шкоты, фалы и брасы...

Шафер (вставая). Милостивые государи и милостивые госуд....

Ревунов (перебивая). Да-с... Мало ли разных команд... Да... Брам и бом-брам-шкоты тянуть пшел фалы!! Хорошо? Но что это значит и какой смысл? А очень просто! Тянут, знаете ли, брам и бом-брам-шкоты и поднимают фалы... все вдруг! причем уравнивают бом-брам-шкоты и бом-брам-фалы при подъеме, а в это время, глядя по надобности, потравливают брасы сих парусов, а когда уж, стало быть, шкоты натянуты, фалы все до места подняты, то брам и бом-брам-брасы вытягиваются и реи брасопятя соответственно направлению ветра...

Нюнин (Ревунову). Федор Яковлевич, хозяйка просит вас поговорить о чем-нибудь другом. Это непонятно гостям и скучно...

Ревунов. Что? Кому скучно? (*Мозговому.*) Молодой человек! А вот ежели корабль лежит бейдевинд правым галсом под всеми парусами и надо сделать через фордевинд. Как надо командовать? А вот как: свистать всех наверх, поворот через фордевинд!.. Хе-хе...

Нюнин. Федор Яковлевич, довольно! Кушайте.

Ревунов. Как только все выбежали, сейчас командуют: по местам стоять, поворот через фордевинд! Эх, жизнь! Командуешь, а сам смотришь, как матросы, как молния, разбегаются по местам и разносят брамы и брасы. Этак не вытерпишь и крикнешь: молодцы, ребята! (*Поперхнулся и кашляет.*)

Шафер (*спешит воспользоваться наступившей паузой*). В сегодняшней, так сказать, день, в который мы, собравшись все в кучу для чествования нашего любимого...

Ревунов (*перебивая*). Да-с! И ведь все это надо помнить! Например: фока-шкот, грота-шкот раздернуть!..

Шафер (*обиженно*). Что ж он перебивает? Этак мы ни одной речи не скажем!

Настасья Тимофеевна. Мы люди темные,

ваше превосходительство, ничего этого самого не понимаем, а вы лучше расскажите нам что-нибудь касающееся...

Ревунов *(не расслышав)*. Я уже ел, благодарю. Вы говорите: гуся? Благодарю... Да... Старину вспомнил... А ведь приятно, молодой человек! Плынешь себе по морю, горя не знаячи, и... *(дрогнувшим голосом)* помните этот восторг, когда делают поворот оверштаг! Какой моряк не зажжется при воспоминании об этом маневре?! Ведь как только раздалась команда: свистать всех наверх, поворот оверштаг – словно электрическая искра пробежала по всем. Начиная от командира и до последнего матроса – все встрепенулись...

Змеюкина. Скучно! Скучно!

Общий ропот.

Ревунов *(не расслышав)*. Благодарю, я ел. *(С увлечением.)* Все приготовилось и впилося глазами в старшего офицера... На фоковые и гротовые брасы на правую, на крьюсельные брасы на левую, на контра-брасы на левую, командует старший офицер. Все моментально исполняется... Фока-шкот, кливер-шкот раздернуть... право на борт! *(Встает.)* Корабль

покатился к ветру, и, наконец, паруса начинают заполаскивать. Старший офицер: – на брасах, на брасах не зевать, а сам впился глазами в грот-марсель и, когда, наконец, и этот парус заполоскал, то есть момент поворота наступил, раздаётся громовая команда: грот-марса-булинь отдай, пшел брасы! Тут все летит, трещит – столпотворение вавилонское! – все исполняется без ошибки. Поворот удался!

Настасья Тимофеевна (*вспыхнув*). Генерал, а безобразите... Постыдились бы на старости лет!

Ревунов. Котлет? Нет, не ел... благодарю вас.

Настасья Тимофеевна (*громко*). Я говорю, постыдились бы на старости лет! Генерал, а безобразите!

Нюнин (*смущенно*). Господа, ну вот... стоит ли? Право...

Ревунов. Во-первых, я не генерал, а капитан 2-го ранга, что по военной табели о рангах соответствует подполковнику.

Настасья Тимофеевна. Ежели не генерал, то за что же вы деньги взяли? И мы вам не за то деньги платили, чтоб вы безобразили!

Ревунов *(в недоумении)*. Какие деньги?

Настасья Тимофеевна. Известно, какие. Небось получили через Андрея Андреевича четвертную... *(Нюнину.)* А тебе, Андрюшенька, грех! Я тебя не просила такого нанимать!

Нюнин. Ну вот... Оставьте! Стоит ли?

Ревунов. Наняли... заплатили... Что такое?

Апломбов. Позвольте, однако... Вы ведь получили от Андрея Андреевича двадцать пять рублей?

Ревунов. Какие двадцать пять рублей? *(Собразив.)* Вот оно что! Теперь я все понимаю... Какая гадость! Какая гадость!

Апломбов. Ведь вы получили деньги?

Ревунов. Никаких я денег не получал! Походите прочь! *(Выходит из-за стола.)* Какая гадость! Какая низость! Оскорбить так старого человека, моряка, заслуженного офицера!.. Будь это порядочное общество, я мог бы вызвать на дуэль, а теперь что я могу сделать? *(Растерянно.)* Где дверь? В какую сторону идти? Человек, выведи меня! Человек! *(Идет.)* Какая низость! Какая гадость! *(Уходит.)*

Настасья Тимофеевна. Андрюшенька, где же двадцать пять рублей?

Нюнин. Ну стоит ли говорить о таких пустяках? Велика важность! Тут все радуются, а вы черт знает о чем... *(Кричит.)* За здоровье молодых! Музыка, марш! Музыка!

Музыка играет марш.

За здоровье молодых!

Змеюкина. Мне душно! Дайте мне атмосферы! Возле вас я задыхаюсь!

Ять *(в восторге)*. Чудная! Чудная!

Шум.

Шафер *(стараясь перекрычать)*. Милостивые государи и милостивые государыни! В сегодняшний, так сказать, день...

Занавес

Леший

Комедия в 4-х действиях

Действующие лица

Александр Владимирович Серебряков,
Отставной профессор.

Елена Андреевна, *его жена, 27 лет.*

Софья Александровна (Соня), *его дочь от первого брака, 20 лет.*

Марья Васильевна Войницкая, *вдова тайного советника, мать первой жены профессора.*

Егор Петрович Войницкий, *ее сын.*

Леонид Степанович Желтухин, *не кончивший курса технолог, очень богатый человек.*

Юлия Степановна (Юля), *его сестра, 18 лет.*

Иван Иванович Орловский, *помещик.*

Федор Иванович, *его сын.*

Михаил Львович Хрущов, *помещик, кончивший курс на медицинском факультете.*

Илья Ильич Дядин.

Василий, *слуга Желтухина.*

Семен, *работник на мельнице.*

Действие первое

Сад в имени Желтухина. Дом с террасою, на площадке перед домом два стола: большой, сервированный для завтрака, и другой, поменьше – для закуски. Третий час дня.

1

Желтухин и Юля выходят из дому.

Юля. Ты бы лучше надел серенький костюмчик. Этот тебе не к лицу.

Желтухин. Все равно. Пустяки.

Юля. Ленечка, отчего ты такой хмурый? Разве можно так в день рождения? Какой же ты нехороший!.. *(Кладет ему голову на грудь.)*

Желтухин. Поменьше любви, пожалуйста!

Юля *(сквозь слезы).* Ленечка!

Желтухин. Вместо этих кислых поцелуев, разных там любящих взглядов и башмачков для часов, которые ни на какой черт мне не нужны, ты бы лучше просьбы мои исполняла! Отчего ты не написала Серебряковым?

Юля. Ленечка, я написала!

Желтухин. Кому ты написала?

Юля. Сонечке. Я просила ее приехать сегодня непременно, непременно к часу. Честное

слово, написала!

Желтухин. Однако уж третий час, а их нет... Впрочем, как им угодно! И не нужно! Все это нужно оставить, ничего из этого не выйдет... Одни только унижения, подлое чувство и больше ничего... Она на меня и внимания не обращает. Я некрасив, неинтересен, ничего во мне нет романического, и если она выйдет за меня, то только по расчету... за деньги!..

Юля. Некрасив... Ты о себе не можешь понимать.

Желтухин. Ну да, точно я слепой! Борода растет отсюда, из шеи, не так, как у людей... Усы какие-то, черт их знает... нос...

Юля. Что это ты за щеку держишься?

Желтухин. Опять болит под глазом.

Юля. Да и напухло немножко. Дай я поцелую, оно и пройдет.

Желтухин. Глупо!

Входят Орловский и Войницкий.

2

Те же, Орловский и Войницкий.

Орловский. Манюня, когда же мы есть будем? Уж третий час!

Юля. Крестненький, да ведь еще Серебряковы не приехали!

Орловский. До каких же пор их ждать? Я, лапочка, есть хочу. Вот и Егор Петрович хочет.

Желтухин (*Войницкому*). Ваши приедут?

Войницкий. Когда я уезжал из дому, Елена Андреевна одевалась.

Желтухин. Значит, наверное будут?

Войницкий. Наверное ничего нельзя сказать. Вдруг у нашего генерала подагра или каприз какой – вот и останутся.

Желтухин. В таком случае давайте есть. Что же ждать? (*Кричит.*) Илья Ильич! Сергей Никодимыч!

Входят Дядин и два-три гостя.

3

Те же, Дядин и гости.

Желтухин. Пожалуйста закусить. Милости просим. (*Около закуски.*) Серебряковы не приехали, Федора Иваныча нет, Леший тоже не приехал... Забыли нас!

Юля. Крестненький, выпьете водки?

Орловский. Самую малость. Вот так... Достаточно.

Дядин (повязывая на шею салфетку). А какое у вас превосходное хозяйство, Юлия Степановна! Еду ли я по вашему полю, гуляю ли под тенью вашего сада, смотрю ли на этот стол, всюду вижу могучую власть вашей волшебной ручки. За ваше здоровье!

Юля. Неприятностей много, Илья Ильич! Вчера, например, Назарка не загнал индюшат в сарайчик, ночевали они в саду на росе, а сегодня пять индюшат издохло.

Дядин. Это нельзя. Индюшка птица нежная.

Войницкий (Дядину). Вафля, отрежь-ка мне ветчины!

Дядин. С особенным удовольствием. Прекрасная ветчина. Одно из волшебств тысяча и одной ночи. (Режет.) Я тебе, Жорженька, отрежу по всем правилам искусства. Бетховен и Шекспир так не умели резать. Только вот ножик тупой. (Точит нож о нож.)

Желтухин (вздрагивая). Вввв!.. Оставь, Вафля! Я не могу этого!

Орловский. Рассказывайте же, Егор Петрович. Что у вас дома делается?

Войницкий. Ничего не делается.

Орловский. Что нового?

Войиццкий. Ничего. Все старо. Что было в прошлом году, то и теперь. Я, по обыкновению, много говорю и мало делаю. Моя старая галка тамап все еще лепечет про женскую эмансипацию; одним глазом смотрит в могилу, а другим ищет в своих умных книжках за-рю новой жизни.

Орловский. А Саша?

Войницкий. А профессора, к сожалению, еще не съела моль. По-прежнему от утра до глубокой ночи сидит у себя в кабинете и пишет. «Напрягши ум, наморщивши чело,[19] всё оды пишем, пишем, и ни себе, ни им похвал нигде не слышим». Бедная бумага! Сонечка по-прежнему читает умные книжки и пишет очень умный дневник.

Орловский. Милая ты моя, душа моя...

Войницкий. При моей наблюдательности мне бы роман писать. Сюжет так и просится на бумагу. Отставной профессор, старый су-харь, ученая вобла... Подагра, ревматизм, мигрень, печёнка и всякие штуки... Ревнив, как Отелло. Живет поневоле в именье своей первой жены, потому что жить в городе ему не

по карману. Вечно жалуется на свои несчастья, хотя в то же время сам необыкновенно счастлив.

Орловский. Ну вот!

Войницкий. Конечно! Вы только подумайте, какое счастье! Не будем говорить о том, что сын простого дьячка, бурсак, добился ученых степеней и кафедры, что он его превосходительство, зять сенатора и прочее. Все это неважно. Но вы возьмите вот что. Человек ровно двадцать пять лет читает и пишет об искусстве, ровно ничего не понимая в искусстве. Ровно двадцать пять лет он жует чужие мысли о реализме, тенденции и всяком другом вздоре; двадцать пять лет читает и пишет о том, что умным давно уже известно, а для глупых неинтересно, значит, ровно двадцать пять лет переливает из пустого в порожнее. И в то же время какой успех! Какая известность! За что? Почему? По какому праву?

Орловский (*хохочет*). Зависть, зависть!

Войницкий. Да, зависть! А какой успех у женщин! Ни один Дон-Жуан не знал такого полного успеха! Его первая жена, моя сестра, прекрасное, кроткое создание, чистая, как вот

это голубое небо, благородная, великодушная, имевшая поклонников больше, чем он учеников, любила его так, как могут любить одни только чистые ангелы таких же чистых и прекрасных, как они сами. Моя мать, его теща, до сих пор обожает его, и до сих пор он внушает ей священный ужас. Его вторая жена, красавица, умница, – вы ее видели, – вышла за него, когда уж он был стар, отдала ему молодость, красоту, свободу, свой блеск... За что? Почему? А ведь какой талант, какая артистка! Как чудно играет она на рояли!

Орловский. Вообще талантливая семья. Редкая семья.

Желтухин. Да, у Софьи Александровны, например, великолепнейший голос. Удивительное сопрано! Не слышал ничего подобного даже в Петербурге. Но, знаете ли, слишком форсирует в верхних нотах. Этакая жалость! Дайте мне верхние ноты! Дайте мне верхние ноты! Ах, будь эти ноты, ручаюсь вам головой, из нее получилось бы... удивительное, понимаете ли... Виноват, господа, мне нужно сказать Юле два слова. *(Отводит Юлю в сторону.)* Пошли к ним верхового. Напиши, что ес-

ли им нельзя сейчас приехать, то чтоб хоть к обеду. *(Тише.)* Да не будь душой, не срами меня, пиши пограмотней... Ехать пишется через *ять*... *(Громко и ласково.)* Пожалуйста, мой друг.

Юля. Хорошо. *(Уходит.)*

Дядин. Говорят, что супруга профессора, Елена Андреевна, которую я не имею чести знать, отличается красотой своих не только душевных, но и внешних качеств.

Орловский. Да, чудесная барыня.

Желтухин. Она верна своему профессору?

Войницкий. К сожалению, да.

Желтухин. Почему же к сожалению?

Войницкий. Потому что эта верность фальшива от начала до конца. В ней много риторики, но нет логики. Изменить старому мужу, которого терпеть не можешь, – это безнравственно; стараться же заглушить в себе бедную молодость и живое чувство – это не безнравственно. Где же тут, черт возьми, логика?

Дядин *(плачущим голосом).* Жорженька, я не люблю, когда ты это говоришь. Ну вот, право... Я даже дрожу... Господа, я не обладаю та-

лантом и цветами красноречия, но позвольте мне без пышных фраз высказать вам по совести... Господа, кто изменяет жене или мужу, тот, значит, неверный человек, тот может изменить и отечеству!

Войницкий. Заткни фонтан![20]

Дядин. Позволь, Жорженька... Иван Иваныч, Ленечка, милые мои друзья, возьмите вы во внимание коловратность моей судьбы. Это не секрет и не покрыто мраком неизвестности, что жена моя бежала от меня на другой день после свадьбы с любимым человеком по причине моей непривлекательной наружности...

Войницкий. И превосходно сделала.

Дядин. Позвольте, господа! После того инцидента я своего долга не нарушал. Я до сих пор ее люблю и верен ей, помогаю, чем могу, и завещал свое имущество ее деточкам, которых она прижила с любимым человеком. Я долга не нарушал и горжусь. Я горд! Счастья я лишился, но у меня осталась гордость. А она? Молодость уж прошла, красота под влиянием законов природы поблекла, любимый человек скончался, царство ему небесное... Что же

у нее осталось? (Садится.) Я вам серьезно, а вы смеетесь.

Орловский. Человек ты добрый, прекрасная у тебя душа, но уж очень длинно говоришь и руками махаешь...

Из дому выходит Федор Иванович; он в поддевке из отличного сукна, в высоких сапогах; на груди у него ордена, медали и массивная золотая цепь с брелоками; на пальцах дорогие перстни.

4

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович. Здорово, ребята!

Орловский (радостно). Федюша милый, сын мой!

Федор Иванович (Желтухину). Поздравляю с днем рождения... расти большой... (Здоровается со всеми.) Родитель! Вафля, здравствуй! Приятного вам аппетита, хлеб да соль.

Желтухин. Где ты шатался? Нельзя так опаздывать.

Федор Иванович. Жарко! Водки выпить надо.

Орловский (любуясь им). Душа моя, борода ты моя великолепная... Господа, ведь краса-

вец? Поглядите: красавец?

Федор Иванович. С новорожденным!
(*Пьет.*) А Серебряковых нет?

Желтухин. Не приехали.

Федор Иванович. Гм... А где же Юля?

Желтухин. Не знаю, что она там застряла. Пора бы уж и пирог подавать. Я сейчас ее позову. (*Уходит.*)

Орловский. А наш Ленечка, новорожденный, сегодня что-то не в духе. Угрюм.

Войницкий. Просто скотина.

Орловский. Нервы расстроены, ничего не поделаешь...

Войницкий. Самолюбив очень, оттого и нервы. Скажите при нем, что эта селедка хороша, он сейчас же обидится: почему не его похвалили. Дрянцо порядочное. Вот он идет.

Входят Юля и Желтухин.

5

Те же, Желтухин и Юля.

Юля. Здравствуй, Феденька! (*Целуется с Федором Ивановичем.*) Кушай, душечка. (*Ивану Ивановичу.*) Посмотрите, крестненький, какой я сегодня Ленечке подарок подарила! (*Показывает башмачок для часов.*)

Орловский. Дусенька моя, девочка моя, башмачок! Какая штука...

Юля. Одной золотой канители на восемь с полтиной пошло. Посмотрите на края: жемчужинки, жемчужинки, жемчужинки... А это буквы: Леонид Желтухин. Тут шелком: кого люблю, того дарю...

Дядин. А позвольте мне посмотреть! Восхитительно!

Федор Иванович. Бросьте вы это... будет вам! Юля, вели-ка подать шампанского!

Юля. Феденька, это вечером!

Федор Иванович. Ну, вот еще – вечером! Валяй сейчас! А то уйду. Честное слово, уйду. Где оно у тебя стоит? Я сам пойду возьму.

Юля. Всегда ты, Федя, в хозяйстве беспорядки делаешь. *(Василию.)* Василий, на ключ! Шампанское в кладовой, знаешь, в углу около кулька с изюмом, в корзине. Только смотри, не разбей чего-нибудь.

Федор Иванович. Василий, три бутылки!

Юля. Не выйдет из тебя, Феденька, хорошего хозяина... *(Накладывает всем пирога.)* Кушайте, господа, побольше... Обед еще не скоро, в шестом часу... Ничего из тебя, Феденька,

не выйдет... Пропавший ты человек.

Федор Иванович. Ну, пошла отчитывать!

Войницкий. Кажется, кто-то подъехал...

Слышите?

Желтухин. Да... Это Серебряковы... Наконец-то!

Василий. Господа Серебряковы приехали!

Юля *(вскрикивает)*. Сонечка! *(Убегает.)*

Войницкий *(поет)*. Пойдем встретим, пойдем встретим... *(Уходит.)*

Федор Иванович. Эка обрадовались!

Желтухин. Как в людях мало такта! Живет с профессоршей и не может скрыть этого.

Федор Иванович. Кто?

Желтухин. Да вот Жорж. Так ее расхваливал сейчас, когда тебя не было, что даже неприлично.

Федор Иванович. Откуда ты знаешь, что он с ней живет?

Желтухин. Точно я слепой... Да и весь уезд говорит об этом...

Федор Иванович. Вздор. Пока с ней никто не живет, но скоро буду жить я... Понимаешь? Я!

Те же, Серебряков, Марья Васильевна, Войницкий под руку с Еленой Андреевной, Соня и Юля входят.

Юля (целуя Соню). Милая! Милая!

Орловский (идя навстречу). Саша, здравствуй, голубушка, здравствуй, матушка! (Целуется с профессором.) Здоров? Слава богу?

Серебряков. А ты, кум? Ты ничего – молодцом! Очень рад тебя видеть. Давно приехал?

Орловский. В пятницу. (Марье Васильевне.) Марья Васильевна! Как изволите поживать, ваше превосходительство? (Целует руку.)

Марья Васильевна. Дорогой мой... (Целует его в голову.)

Соня. Крестненький!

Орловский. Сонечка, дýша моя! (Целует ее.) Голубушка, канареечка моя...

Соня. Лицо по-прежнему добренькое, сентиментальное, сладенькое...

Орловский. И выросла, и похорошела, и возмужала, дýша моя...

Соня. Ну, как вы вообще? Что, здоровы?

Орловский. Страсть как здоров!

Соня. Молодчина, крестненький! (Федору Ивановичу.)

А слона-то и не заметила.[21] (*Целуется с ним.*) Загорел, оброс... настоящий паук!

Юля. Милая!

Орловский (*Серебрякову*). Как живешь, кум?

Серебряков. Да понемножку... Ты как?

Орловский. Что мне делается? Живу! Именье сыну отдал, дочек за хороших людей по-выдавал, и теперь свободней меня человека нет. Знай себе гуляю!

Дядин (*Серебрякову*). Ваше превосходительство изволили несколько опоздать. В пироге уж значительно понизилась температура. Позвольте представиться: Илья Ильич Дядин, или, как некоторые весьма остроумно выражаются по причине моего рябого лица, Вафля.

Серебряков. Очень приятно.

Дядин. Madame! Mademoiselle! (*Кланяется Елене Андреевне и Соне.*) Здесь всё мои друзья, ваше превосходительство. Когда-то я имел большое состояние, но по домашним обстоятельствам, или, как выражаются в умственных центрах, по причинам, от редакции не зависящим, я должен был уступить свою

часть родному моему брату, который по одному несчастному случаю лишился семидесяти тысяч казенных денег. Моя профессия: эксплуатация бурных стихий. Заставляю бурные волны вращать колеса мельницы, которую я арендую у моего друга Лешего.

Войницкий. Вафля, заткни фонтан!

Дядин. Всегда с благоговением преклоняюсь (*преклоняется*) пред научными светилами, украшающими наш отечественный горизонт. Простите мне дерзость, с какою я мечтаю нанести вашему превосходительству визит и усладить свою душу беседою о последних выводах науки.

Серебряков. Прошу покорно. Буду рад.

Соня. Ну, рассказывайте, крестненький... Где вы зиму проводили? Куда исчезали?

Орловский. В Гмундене был, в Париже был, в Ницце, в Лондоне, дуся моя, был...

Соня. Хорошо! Счастливчик!

Орловский. Поедем со мной осенью! Хочешь?

Соня (*поет*). Не искушай меня без нужды...

[22]

Федор Иванович. Не пой за завтраком, а

то у твоего мужа жена будет дура.

Дядин. Теперь интересно бы взглянуть на этот стол à vol d'oiseau.[23] Какой восхитительный букет! Сочетание грации, красоты, глубокой учености, сла...

Федор Иванович. Какой восхитительный язык! Черт знает что такое! Говоришь ты, точно кто тебя по спине рубанком водит...

Смех.

Орловский (Соне). А ты, душа моя, все еще замуж не вышла...

Войницкий. Помилуйте, за кого ей замуж идти? Гумбольдт уж умер, Эдисон в Америке, Лассаль тоже умер... Намедни нашел я на столе ее дневник: во какой! Раскрываю и читаю: «Нет, я никогда не люблю... Любовь – это эгоистическое влечение моего я к объекту другого пола...» И черт знает, чего только там нет? Трансцендентально, кульминационный пункт интегрирующего начала... тьфу! И где ты научилась?

Соня. Кто бы другой иронизировал, да не ты, дядя Жорж.

Войницкий. Что же ты сердишься?

Соня. Если скажешь еще хоть одно слово,

то кому-нибудь из нас двоих придется уехать домой. Я или ты...

Орловский (*хохочет*). Ну, характер!

Войницкий. Да, характер, доложу вам...
(*Соне.*) Ну, лапку! Дай лапку! (*Целует руку.*)
Мир и согласие... Не буду больше.

7

Те же и Хрущов.

Хрущов (*выходя из дому*). Зачем я не художник? Какая чудная группа!

Орловский (*радостно*). Миша! Сыночек мой крестненький!

Хрущов. С новорожденным! Здравствуйте, Юлечка, какая вы сегодня хорошенькая! Крестненький! (*Целуется с Орловским.*) Софья Александровна... (*Здоровается со всеми.*)

Желтухин. Ну, можно ли так поздно приезжать? Где ты был?

Хрущов. У больного.

Юля. Пирог давно уже простыл.

Хрущов. Ничего, Юлечка, я холодного поем. Где же мне сесть?

Соня. Садитесь сюда... (*Дает ему место рядом.*)

Хрущов. Великолепная сегодня погода, и

аппетит у меня адский... Постоите, я водки выпью... (Пьет.) С новорожденным! Пирожком закушу... Юлечка, поцелуйте этот пирожок, он станет вкуснее...

Та целует.

Мерсі. Как живете, крестненький? Давно не видел вас.

Орловский. Да, давненько не видались. Ведь я за границей был.

Хрущов. Слышал, слышал... Позавидовал вам. Федор, а ты как живешь?

Федор Иванович. Ничего, вашими молитвами, как столбами, подпираемся...

Хрущов. Дела твои как?

Федор Иванович. Не могу пожаловаться. Живем. Только вот, братец ты мой, езды много. Замучился. Отсюда на Кавказ, из Кавказа сюда, отсюда опять на Кавказ – и этак без конца, скачешь как угорелый. Ведь у меня там – два имения!

Хрущов. Знаю.

Федор Иванович. Колонизацией занимаюсь и ловлю тарантулов и скорпионов. Дела вообще идут хорошо, но насчет «уймитесь, волнения страсти»[24] – все обстоит по-преж-

нему.

Хрущов. Влюблен, конечно?

Федор Иванович. По этому случаю, Леший, надо выпить. (*Пьет.*) Господа, никогда не влюбляйтесь в замужних женщин! Честное слово, лучше быть раненым в плечо и в ногу навывлет, как ваш покорнейший слуга, чем любить замужнюю... Такая беда, что просто...

Соня. Безнадежно?

Федор Иванович. Ну вот еще! Безнадежно... На этом свете ничего нет безнадежного. Безнадежно, несчастная любовь, ох, ах – все это баловство. Надо только хотеть... Захотел я, чтоб ружье мое не давало осечки, оно и не даст. Захотел я, чтоб барыня меня полюбила, – она и полюбит. Так-то, брат Соня. Уж если я какую намечу, то, кажется, легче ей на луну вскочить, чем от меня уйти.

Соня. Какой ты, однако, страшный...

Федор Иванович. От меня не уйдешь, нет! Я с нею не сказал еще трех фраз, а она уж в моей власти... Да... я ей только сказал: «Сударыня, всякий раз, когда вы взглянете на какое-нибудь окно, вы должны вспомнить обо

мне. Я хочу этого». Значит, вспоминает она обо мне тысячу раз в день. Мало того, я каждый день бомбандирую ее письмами.

Елена Андреевна. Письма – это ненадежный прием. Она получает их, но может не читать.

Федор Иванович. Вы думаете? Гм... Живу я на этом свете тридцать пять лет, а что-то не встречал таких феноменальных женщин, у которых хватало бы мужества не распечатать письмо.

Орловский (*любуясь им*). Каков? Сыночек мой, красавец! Ведь и я таким был. Точь-в-точь таким! Только вот на войне не был, а водку пил и деньги мотал – страшное дело!

Федор Иванович. Люблю я ее, Миша, серьезно, аспидски... Пожелай только она, и я отдал бы ей все... Увез бы ее к себе на Кавказ, на горы, жили бы мы припеваючи... Я, Елена Андреевна, сторожил бы ее, как верный пес, и была бы она для меня, как вот поет наш предводитель: «И будешь ты царицей мира, подруга верная моя».[25] Эх, не знает она своего счастья!

Хрущов. Кто же эта счастливица?

Федор Иванович. Много будешь знать, скоро состаришься... Но довольно об этом. Теперь начнем из другой оперы. Помню, лет десять назад – Леня тогда еще гимназистом был – праздновали мы вот так же день его рождения. Ехал я отсюда домой верхом, и на правой руке сидела у меня Соня, а на левой – Юлька, и обе за мою бороду держались. Господа, выпьем за здоровье друзей юности моей, Сони и Юли!

Дядин (*хохочет*). Это восхитительно! Это восхитительно!

Федор Иванович. Как-то раз после войны [26] пьянствовал я с одним турецким пашой в Трапезонде... Он меня и спрашивает...

Дядин (*перебивая*). Господа, выпьем тост за отличные отношения! Виват дружба! Живьо!

Федор Иванович. Стоп, стоп, стоп! Соня, прошу внимания! Держу, черт меня возьми, пари! Кладу вот на стол триста рублей! Пойдем после завтрака на крокет, и я держу пари, что в один раз пройду все ворота и обратно.

Соня. Принимаю, только у меня трехсот рублей нет.

Федор Иванович. Если проиграешь, то

споешь мне сорок раз.

Соня. Согласна.

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Елена Андреевна *(глядя на небо)*. Какая это птица летит?

Желтухин. Это ястреб.

Федор Иванович. Господа, за здоровье ястреба!

Соня хохочет.

Орловский. Ну, закатилась наша! Что ты?

Хрущов хохочет.

Ты-то чего?

Марья Васильевна. Софи, это неприлично!

Хрущов. Ох, виноват, господа... Сейчас кончу, сейчас...

Орловский. Это называется – без ума смеяться.

Войницкий. Им обоим палец покажи, сейчас же захохочут. Соня! *(Показывает палец.)* Ну, вот...

Хрущов. Будет вам! *(Смотрит на часы.)* Ну, отче Михаиле, поел, попил, теперь и честь знай. Пора ехать.

Соня. Куда это?

Хрущов. К больному. Опротивела мне моя медицина, как постылая жена, как длинная зима...

Серебряков. Позвольте, однако, ведь медицина ваша профессия, дело, так сказать...

Войницкий (с иронией). У него есть другая профессия. Он на своей земле торф копает.

Серебряков. Что?

Войницкий. Торф. Один инженер вычислил, как дважды два, что в его земле лежит торфу на семьсот двадцать тысяч. Не шутите.

Хрущов. Я копаю торф не для денег.

Войницкий. Для чего же вы его копаете?

Хрущов. Для того, чтобы вы не рубили лесов.

Войницкий. Почему же их не рубить? Если вас послушать, то леса существуют только для того, чтобы в них аукали парни и девки.

Хрущов. Я этого никогда не говорил.

Войницкий. И все, что я до сих пор имел честь слышать от вас в защиту лесов, – все старо, несерьезно и тенденциозно. Извините меня, пожалуйста. Я сужу не голословно, я почти наизусть знаю все ваши защитительные речи... Например... *(Приподнятым тоном и*

жестикулируя, как бы подражая Хрущову.)
Вы, о люди, истребляете леса, а они украшают землю, они учат человека понимать прекрасное и внушают ему величавое настроение. Леса смягчают суровый климат. Где мягче климат, там меньше тратится сил на борьбу с природой, и потому там мягче и нежнее человек. В странах, где климат мягок, люди красивы, гибки, легко возбудимы, речь их изящна, движения грациозны. У них процветают науки и искусства, философия их не мрачна, отношения к женщине полны изящного благородства. И так далее, и так далее... Все это мило, но так мало убедительно, что позвольте мне продолжать топить печи дровами и строить сараи из дерева.

Хрущов. Рубить леса из нужды можно, но пора перестать истреблять их. Все русские леса трещат от топоров, гибнут миллиарды деревьев, опустошаются жилища зверей и птиц, мелеют и сохнут реки, исчезают безвозвратно чудные пейзажи, и все оттого, что у ленивого человека не хватает смысла нагнуться и поднять с земли топливо. Надо быть безрассудным варваром *(показывает на*

деревья), чтобы жечь в своей печке эту красоту, разрушать то, чего мы не можем создать. Человеку даны разум и творческая сила, чтобы приумножать то, что ему дано, но до сих пор он не творил, а только разрушал. Лесов все меньше и меньше, реки сохнут, дичь перевелась, климат испорчен, и с каждым днем земля становится все беднее и безобразнее. Вы глядите на меня с иронией, и все, что я говорю, вам кажется старым и несерьезным, а когда я прохожу мимо крестьянских лесов, которые я спас от порубки, или когда я слышу, как шумит мой молодой лес, посаженный вот этими руками, я сознаю, что климат немножко и в моей власти, и что если через тысячу лет человек будет счастлив, то в этом немножко буду виноват и я. Когда я сажаю березку и потом вижу, как она зеленеет и качается от ветра, душа моя наполняется гордостью от сознания, что я помогаю богу создавать организм.

Федор Иванович *(перебивая)*. За твое здоровье, Леший!

Войницкий. Все это прекрасно, но если бы взглянули на дело не с фельетонной точки

зрения, а с научной, то...

Соня. Дядя Жорж, у тебя язык покрыт ржавчиной. Замолчи!

Хрущов. В самом деле, Егор Петрович, не будем говорить об этом. Прошу вас.

Войницкий. Как угодно.

Марья Васильевна. Ах!

Соня. Бабушка, что с вами?

Марья Васильевна (*Серебрякову*). Забыла я сказать вам, Александр... потеряла память... сегодня получила я письмо из Харькова от Павла Алексеевича... Вам кланяется...

Серебряков. Благодарю, очень рад.

Марья Васильевна. Прислал свою новую брошюру и просил показать вам.

Серебряков. Интересно?

Марья Васильевна. Интересно, но как-то странно. Опровергает то, что семь лет тому назад сам же защищал. Это очень, очень типично для нашего времени. Никогда с такою легкостью не изменяли своим убеждениям, как теперь. Это ужасно!

Войницкий. Ничего нет ужасного. Кушайте, тамап, карасей.

Марья Васильевна. Но я хочу говорить!

Войницкий. Но мы уже пятьдесят лет говорим о направлениях и лагерях, пора бы уж и кончить.

Марья Васильевна. Тебе почему-то неприятно слушать, когда я говорю. Прости, Жорж, но в последний год ты так изменился, что я тебя совершенно не узнаю. Ты был человеком определенных убеждений, светлую личностью...

Войницкий. О да! Я был светлую личностью, от которой никому не было светло. Позвольте мне встать. Я был светлую личностью... Нельзя состричь ядовитей! Теперь мне сорок семь лет. До прошлого года я так же, как вы, нарочно старался отуманивать свои глаза всякими отвлеченностями и схоластикой, чтобы не видеть настоящей жизни, – и думал, что делаю хорошо... А теперь, если бы вы знали, каким большим дураком я кажусь себе за то, что глупо проворонил время, когда мог бы иметь все, в чем отказывает мне теперь моя старость!

Серебряков. Постой. Ты, Жорж, точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения...

Соня. Довольно, папа! Скучно!

Серебряков. Постой. Ты точно обвиняешь в чем-то свои прежние убеждения. Но виноваты не они, а ты сам. Ты забывал, что убеждения без дел мертвы. Нужно было дело делать.

Войницкий. Дело? Не всякий способен быть пишущим *perpetuum mobile*.

Серебряков. Что ты хочешь этим сказать?

Войницкий. Ничего. Прекратим этот разговор. Мы не дома.

Марья Васильевна. Совсем потеряла память... Забыла вам, Александр, напомнить, чтобы вы перед завтраком приняли капли. Привезла их, а напомнить забыла...

Серебряков. Не нужно.

Марья Васильевна. Но ведь вы больны, Александр! Вы очень больны!

Серебряков. Зачем же трезвонить об этом? Стар, болен, стар, болен... только и слышишь! (*Желтухину.*) Леонид Степаныч, позвольте мне встать и уйти в комнаты. Здесь немного жарко и кусают комары.

Желтухин. Сделайте такое одолжение. Завтрак кончился.

Серебряков. Благодарю вас. (*Уходит в дом;*

за ним идет Марья Васильевна.)

Юля (брату). Иди за профессором! Неловко!

Желтухин (ей). Черт бы его взял? (Уходит.)

Дядин. Юлия Степановна, позвольте вас поблагодарить от глубины души. (Целует руку.)

Юля. Не за что, Илья Ильич! Вы мало ели...
Ее благодарят.

Не за что, господа! Вы все так мало кушали!

Федор Иванович. Что же, господа, теперь будем делать? Пойдем сейчас на крокет пари держать... а потом?

Юля. А потом обедать.

Федор Иванович. А потом?

Хрущов. Потом приезжайте все ко мне. Вечером рыбную ловлю на озере устроим.

Федор Иванович. Превосходно.

Дядин. Восхитительно.

Соня. Так позвольте же, господа... Значит, сейчас мы пойдем на крокет пари держать... Потом пораньше пообедаем у Юли и этак часов в семь поедem к Леш... то есть вот к Михаилу Львовичу. Отлично. Пойдемте, Юлечка, за

шарами. *(Уходит с Юлей в дом.)*

Федор Иванович. Василий, неси вино на крокет! Будем пить за здоровье победителей. Ну, отче, пойдем заниматься благородной игрой.

Орловский. Погоди, роднуша, мне нужно с профессором минуток пять посидеть, а то неловко. Этикет надо соблюсти. Пока поиграй моим шаром, а я скоро... *(Уходит в дом.)*

Дядин. Пойду сейчас слушать учнейшего Александра Владимировича. Предвкушаю то высокое наслаждение, кото...

Войницкий. Ты надоел, Вафля. Иди.

Дядин. Иду-с. *(Уходит в дом.)*

Федор Иванович *(идя в сад, поет).* И будешь ты царицей мира, подруга верная моя... *(Уходит.)*

Хрущов. Я сейчас потихоньку уеду. *(Войницкому.)* Егор Петрович, убедительно прошу вас, не будем никогда говорить ни о лесах, ни о медицине. Не знаю почему, но когда вы заводите об этом речь, то у меня после этого весь день бывает такое чувство, как будто я пообедал из нелуженой посуды. Честь имею кланяться. *(Уходит.)*

Елена Андреевна и Войницкий.

Войницкий. Узкий человек. Всем позволено говорить глупости, но я не люблю, когда их говорят с пафосом.

Елена Андреевна. А вы, Жорж, опять вели себя невозможно! Нужно было вам спорить с Марьей Васильевной и с Александром, говорить о *perpetuum mobile*! Как это мелко!

Войницкий. Но если я его ненавижу!

Елена Андреевна. Ненавидеть Александра не за что, он такой же, как и все...

Соня и Юля проходят в сад с шарами и молотками для крокета.

Войницкий. Если б вы могли видеть свое лицо, свои движения... Какая вам лень жить! Ах, какая лень!

Елена Андреевна. Ах, и лень, и скучно!

Пауза.

Все бранят моего мужа при мне, не стесняясь моим присутствием. Все смотрят на меня с сожалением: несчастная, у нее старый муж! Всем, даже очень добрым людям, хотелось бы, чтоб я ушла от Александра... Это участие ко мне, все эти сострадательные взгляды и вздо-

хи сожаления клонятся к одному. Вот, как сказал сейчас Леший, все вы безрассудно губите леса, и скоро на земле ничего не останется, точно так вы безрассудно губите человека, и скоро по вашей милости на земле не останется ни верности, ни чистоты, ни способности жертвовать собой. Почему вы не можете видеть равнодушно верную жену, если она не ваша? Потому что, прав этот Леший, во всех вас сидит бес разрушения. Вам не жаль ни лесов, ни птиц, ни женщин, ни друг друга.

Войницкий. Не люблю я этой философии!

Елена Андреевна. Скажите этому Федору Иванычу, что он надоел мне своею наглостью. Это противно наконец. Смотреть мне в глаза и громко при всех говорить о своей любви к какой-то замужней женщине – удивительно остроумно!

Голоса в саду: «Браво! Браво!»

Но как, однако, мил этот Леший! Он бывает у нас часто, но я застенчива и ни разу не говорила с ним как следует, не обласкала его. Он подумает, что я злая или гордая. Вероятно, Жорж, оттого мы с вами такие друзья, что оба мы нудные, скучные люди! Нудные! Не смот-

рите на меня так, я этого не люблю.

Войницкий. Могу ли я смотреть на вас иначе, если я люблю вас? Вы мое счастье, жизнь, моя молодость!.. Я знаю, шансы мои на взаимность равны нулю, но мне ничего не нужно, позвольте мне только глядеть на вас, слышать ваш голос...

9

Те же и Серебряков.

Серебряков (в окне). Леночка, где ты?

Елена Андреевна. Здесь.

Серебряков. Иди посиди с нами, милая...

(Скрывается.)

Елена Андреевна идет к дому.

Войницкий (идя за нею). Позвольте мне говорить о своей любви, не гоните меня прочь, и это одно будет для меня величайшим счастьем.

Занавес

Действие второе

Столовая в доме Серебрякова. Буфет, посреди комнаты обеденный стол. Второй час ночи. Слышно, как в саду стучит сторож.

1

Серебряков (сидит в кресле перед открытым окном и дремлет) и Елена Андреевна (сидит около него и тоже дремлет).

Серебряков (очнувшись). Кто здесь? Соня, ты?

Елена Андреевна. Это я...

Серебряков. Ты, Леночка... Невыносимая боль!

Елена Андреевна. У тебя плэд упал на пол... (Кутает ему ноги.) Я, Александр, затворю окно.

Серебряков. Нет, мне душно... Я сейчас задремал, и мне снилось, будто у меня левая нога чужая... Проснулся от мучительной боли. Нет, это не подагра, скорее ревматизм. Который теперь час?

Елена Андреевна. Двадцать минут второго.

Пауза.

Серебряков. Утром поищи в библиотеке Батюшкова. Кажется, он есть у нас.

Елена Андреевна. А?

Серебряков. Поищи утром Батюшкова. Помнится, он был у нас. Но отчего мне так тяжело дышать?

Елена Андреевна. Ты устал. Вторую ночь не спишь.

Серебряков. Говорят, у Тургенева от подагры сделалась грудная жаба. Боюсь, как бы у меня не было. Проклятая, отвратительная старость. Черт бы ее побрал. Когда я постарел, я стал себе противен. Да и вам всем, должно быть, противно на меня смотреть.

Елена Андреевна. Ты говоришь о своей старости таким тоном, как будто все мы виноваты, что ты стар.

Серебряков. Тебе же первой я противен.

Елена Андреевна. Скучно! *(Отходит и садится поодаль.)*

Серебряков. Конечно, ты права. Я не глуп и понимаю. Ты молода, здорова, красива, жить хочешь, а я старик, почти труп. Что ж? Разве я не понимаю? И, конечно, глупо, что я до сих пор жив. Но погодите, скоро я освободо-

жу вас всех. Недолго мне еще придется тянуть.

Елена Андреевна. Саша, я изнемогаю. Если за бессонные ночи я заслуживаю награды, то об одном только прошу: молчи! Бога ради, молчи. Больше мне ничего не нужно.

Серебряков. Выходит так, что благодаря мне все изнемогли, скучают, губят свою молодость, один только я наслаждаюсь жизнью и доволен. Ну да, конечно!

Елена Андреевна. Замолчи! Ты меня замучил!

Серебряков. Я всех замучил. Конечно!

Елена Андреевна *(плача)*. Невыносимо! Скажи, чего ты хочешь от меня?

Серебряков. Ничего.

Елена Андреевна. Ну, так замолчи; я прошу.

Серебряков. Странное дело, заговорит Жорж или эта старая идиотка Марья Васильевна – и ничего, все слушают, но скажи я хоть одно слово, как все начинают чувствовать себя несчастными. Даже голос мой противен. Ну, допустим, я противен, я эгоист, я деспот, но неужели я даже в старости не

имею некоторого права на эгоизм? Неужели я не заслужил? Жизнь моя была тяжела. Я и Иван Иванович в одно время были студентами. Спроси его. Он кутил, ездил к цыганкам, был моим благодетелем, а я в это время жил в дешевом, грязном номере, работал день и ночь, как вол, голодал и томился, что живу на чужой счет. Потом был я в Гейдельберге и не видел Гейдельберга; был в Париже и не видел Парижа: все время сидел в четырех стенах и работал. А получив кафедру, я всю свою жизнь служил науке, как говорится, верой и правдой и теперь служу. Неужели же, я спрашиваю, за все это я не имею права на покойную старость, на внимание к себе людей?

Елена Андреевна. Никто не оспаривает у тебя этого права.

Окно хлопает от ветра.

Ветер поднялся, я закрою окно. (*Закрывает.*) Сейчас будет дождь. Никто у тебя твоих прав не оспаривает.

Пауза. Сторож в саду стучит и поет песню.

Серебряков. Всю жизнь работать для науки, привыкнуть к своему кабинету, к аудито-

рии, к почтенным товарищам и вдруг ни с того ни с сего очутиться в этом склепе, каждый день видеть тут пошлых людей, слушать ничтожные разговоры. Я хочу жить, я люблю успех, люблю известность, шум, а тут точно в ссылке. Каждую минуту тосковать по прошлому, следить за успехами других, бояться смерти... не могу! Нет сил! А тут еще не хотят простить мне моей старости!

Елена Андреевна. Погоди, имей терпенье: через пять-шесть лет и я буду стара.

Входит Соня.

2

Те же и Соня.

Соня. Не знаю, отчего это так долго доктора нет. Я сказала Степану, что если он не станет земского врача, то чтоб поехал к Лешему.

Серебряков. На что мне твой Леший? Он столько же понимает в медицине, как я в астрономии.

Соня. Не выписывать же сюда для твоей подагры целый медицинский факультет.

Серебряков. Я с этим юродивым и разговаривать не стану.

Соня. Это как угодно. *(Садится.)* Мне все равно.

Серебряков. Который теперь час?

Елена Андреевна. Второй.

Серебряков. Душно... Соня, дай мне со стола капли!

Соня. Сейчас. *(Подает капли.)*

Серебряков *(раздраженно).* Ах, да не эти! Ни о чем нельзя попросить!

Соня. Пожалуйста, не капризничай! Может быть, это некоторым и нравится, но меня избавь, сделай милость. Я этого не люблю.

Серебряков. У этой девочки невозможный характер. Что же ты сердишься?

Соня. И почему ты говоришь таким несчастным тоном? Пожалуй, кто-нибудь подумает, что ты в самом деле несчастлив. А на земле мало таких счастливых, как ты.

Серебряков. Да, конечно! Я очень, очень счастлив!

Соня. Разумеется, счастлив... А если подагра, то ведь ты знаешь отлично, что к утру припадок кончится. Что же тут стонать? Экая важность!

Входит Войницкий в халате и со свечой.

Те же и Войницкий.

Войницкий. На дворе гроза собирается...

Молния.

Вона как! Hélène и Соня, идите спать, я пришел вас сменить.

Серебряков (*испуганно*). Нет, нет, не оставьте меня с ним! нет! Он меня заговорит!

Войницкий. Но надо же дать им покой! Они уж другую ночь не спят.

Серебряков. Пусть идут спать, но и ты уходи. Благодарю. Умоляю тебя. Во имя нашей прежней дружбы, не протестуй. После поговорим.

Войницкий. Препрежней нашей дружбы... Это, признаюсь, для меня новость.

Елена Андреевна. Замолчите, Жорж.

Серебряков. Дорогая моя, не оставяй меня с ним! Он меня заговорит.

Войницкий. Это становится даже смешно.

Голос Хрущова за сценой: «Они в столовой? Здесь? Пожалуйста, велите убрать мою лошадь!»

Вот доктор приехал.

Входит Хрущов.

Те же, Хрущов.

Хрущов. Какова погодка-то? За мной гнался дождь, и я едва ушел от него. Здравствуйте. *(Здоровается.)*

Серебряков. Извините, вас побеспокоили. Я этого вовсе не хотел.

Хрущов. Полноте, что за важность! Но что это вы вздумали, Александр Владимирович? Как вам не стыдно хворать? Э, нехорошо! Что с вами?

Серебряков. Отчего это доктора обыкновенно говорят с больными снисходительным тоном?

Хрущов *(смеется)*. А вы не будьте наблюдательны. *(Нежно.)* Пойдемте в постель. Здесь вам неудобно. В постели и теплей и покойней. Пойдемте... Там я вас выслушаю и... и все будет прекрасно.

Елена Андреевна. Слушайся, Саша, иди.

Хрущов. Если вам больно ходить, то мы снесем вас в кресле.

Серебряков. Ничего, я могу... я пойду... *(Поднимается.)* Только напрасно вас побеспокоили.

Хрущов и Соня ведут его под руки.

К тому же я не очень-то верю... в аптеку. Что вы меня ведете? Я и сам могу. *(Уходит с Хрущовым и Соней.)*

5

Елена Андреевна и Войницкий.

Елена Андреевна. Я замучилась с ним. Едва на ногах стою.

Войницкий. Вы с ним, а я с самим собою. Вот уж третью ночь не сплю.

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Ваша мать ненавидит все, кроме своих брошюр и профессора; профессор раздражен, мне не верит, вас боится; Соня злится на отца и не говорит со мною; вы ненавидите мужа и открыто презираете свою мать; я нудная, тоже раздражена и сегодня раз двадцать принималась плакать. Одним словом, война всех против всех. Спрашивается, какой смысл в этой войне, к чему она?

Войницкий. Оставим философию!

Елена Андреевна. Неблагополучно в этом доме. Вы, Жорж, образованны и умны и, кажется, должны понимать, что мир погибает не от разбойников и не от воров, а от скрытой

ненависти, от вражды между хорошими людьми, от всех этих мелких дрызг, которых не видят люди, называющие наш дом гнездом интеллигенции. Помогите же мне мирить всех! Одна я не в силах.

Войницкий. Сначала помирите меня с самим собой! Дорогая моя... *(Припадает к ее руке.)*

Елена Андреевна. Оставьте! *(Отнимает руку.)* Уходите!

Войницкий. Сейчас пройдет дождь, и все в природе освежится и легко вздохнет. Одно-го только меня не освежит гроза. Днем и ночью, точно домовой, душит меня мысль, что жизнь моя потеряна безвозвратно. Прошлого нет, оно глупо израсходовано на пустяки, а настоящее ужасно по своей нелепости. Вот вам моя жизнь и любовь: куда мне их девать, что мне из них делать? Чувство мое гибнет даром, как луч солнца, попавший в яму, и сам я гибну...

Елена Андреевна. Когда вы мне говорите о своей любви, я как-то тупею и не знаю, что говорить. Простите, я ничего не могу сказать вам. *(Хочет идти.)* Спокойной ночи!

Войницкий (*загораживая ей дорогу*). И если б вы знали, как я страдаю от мысли, что рядом со мною в этом же доме гибнет другая жизнь – ваша! Чего вы ждете? Какая проклятая философия мешает вам? Поймите же, что высшая нравственность заключается не в том, что вы на свою молодость надели колодки и стараетесь заглушить в себе жажду жизни...

Елена Андреевна (*пристально смотрит на него*). Жорж, вы пьяны!

Войницкий. Может быть, может быть...

Елена Андреевна. Федор Иванович у вас?

Войницкий. Он у меня ночует. Может быть, может быть. Все может быть!

Елена Андреевна. И сегодня кутили? К чему это?

Войницкий. Все-таки на жизнь похоже... Не мешайте мне, Hélène!

Елена Андреевна. Раньше вы никогда не пили и никогда вы так много не говорили, как теперь. Идите спать! Мне с вами скучно. И скажите вашему другу Федору Иванычу, что если он не перестанет надоедать мне, то я приму меры. Идите!

Войницкий (*припадая к ее руке*). Дорогая моя... Чудная!

Входит Хрущов.

6

Те же и Хрущов.

Хрущов. Елена Андреевна, вас Александр Владимирович просит.

Елена Андреевна (*вырывая от Войницкого руку*). Сию минуту! (*Уходит.*)

Хрущов (*Войницкому*). У вас нет ничего святого! Вы и эта милая барыня, что сейчас вышла, вспомнили бы, что ее муж был когда-то мужем вашей родной сестры и что с вами под одной кровлей живет молодая девушка! О вашем романе говорит уже вся губерния. Какое бесстыдство! (*Уходит к больному.*)

Войницкий (*один*). Ушла...

Пауза.

Десять лет тому назад я встречал ее у покойной сестры. Тогда ей было семнадцать, а мне тридцать семь лет. Отчего я тогда не влюбился в нее и не сделал ей предложения? Ведь это было так возможно! И была бы теперь она моей женой... Да... теперь оба мы проснулись бы от грозы; она испугалась бы грома, а я дер-

жал бы ее в своих объятиях и шептал: «Не бойся, я здесь». О, чудные мысли, как хорошо, я даже смеюсь... но, боже мой, мысли путаются в голове... Зачем я стар? Зачем она меня не понимает? Ее риторика, ленивая мораль, вздорные, ленивые мысли о погибели мира – все это мне глубоко ненавистно...

Пауза.

Зачем я дурно создан? Как я завидую этому шалому Федору или этому глупому Лешему! Они непосредственны, искренни, глупы... Они не знают этой проклятой, отравляющей иронии...

Входит Федор Иванович, окутанный в одеяло.

7

Войницкий и Федор Иванович.

Федор Иванович (в дверь). Вы одни здесь? дам нет? (Входит.) А меня гроза разбудила. Важный дождик. Который теперь час?

Войницкий. А черт его знает!

Федор Иванович. Мне как будто послышался голос Елены Андреевны.

Войницкий. Сейчас она была здесь.

Федор Иванович. Роскошная женщина!

(Осматривает стеклянки на столе.) Что это? Мятные лепешки? *(Ест.)* Да-с, роскошная женщина... Профессор болен, что ли?

Войницкий. Болен.

Федор Иванович. Не понимаю такого существования. Говорят, что древние греки бросали слабых и хилых детей в пропасть с горы Монблана. Вот таких бы надо бросать!

Войницкий *(раздраженно)*. Не с Монблана, а с Тарпейской скалы. Какое грубое невежество!

Федор Иванович. Ну, со скалы так со скалы... черт ли в том? Что ты сегодня такой печальный? Профессора жаль, что ли?

Войницкий. Оставь меня.

Пауза.

Федор Иванович. А то, может быть, в профессоршу влюблен? А? Что ж! Это можно... вздыхай... только послушай: если в сплетнях, вот что по уезду ходят, есть хоть одна сотая доля правды и если я узнаю, то не проси милости, сброшу тебя с Тарпейской скалы...[27]

Войницкий. Она мой друг.

Федор Иванович. Уже?

Войницкий. Что значит это «уже»?

Федор Иванович. Женщина может быть другом мужчины только под таким условием: сначала приятель, потом любовница, а затем уж друг.

Войницкий. Пошляческая философия.

Федор Иванович. По этому случаю надо выпить. Пойдем, у меня, кажется, еще шартрёз остался. Выпьем. А как рассветет, ко мне поедем. Идётся? У меня есть приказчик Лука, который никогда не скажет «идет», а «идётся». Мошенник страшный... Так идётся? *(Увидев входящую Соню.)* Батюшки-светы, извините, я без галстуха! *(Убегает.)*

8

Войницкий и Соня.

Соня. А ты, дядя Жорж, опять пил шампанское с Федей и катался на тройке. Подружились ясные соколы. Ну, тот уж отпетый и родился кутилой, а ты-то с чего? В твои годы это совсем не к лицу.

Войницкий. Годы тут ни при чем. Когда нет настоящей жизни, то живут миражами. Все-таки лучше, чем ничего.

Соня. Сено у нас не убрано; Герасим сегодня сказал, что оно сгниет от дождя, а ты за-

нимаешься миражами. *(Испуганно.)* Дядя, у тебя на глазах слезы!

Войницкий. Какие слезы? Ничего нет... вздор... ты сейчас взглянула на меня, как покойная твоя мать. Милая моя... *(Жадно целует руки и лицо.)* Сестра моя... милая сестра моя... где она теперь? Если б она знала! Ах, если б она знала!

Соня. Что? Дядя, что знала?

Войницкий. Тяжело, нехорошо... Ничего...
Входит Хрущов.

После... Ничего... Я уйду... *(Уходит.)*

9

Соня и Хрущов.

Хрущов. Ваш батюшка совсем не хочет слушаться. Я ему говорю – подагра, а он – ревматизм; я прошу его лежать, а он сидит. *(Берет фуражку.)* Нервы.

Соня. Избалован. Положите вашу шапку. Дайте дождю кончиться. Хотите закусить?

Хрущов. Пожалуй, дайте.

Соня. Я люблю по ночам закусывать. В буфете, кажется, есть что-то... *(Роется в буфете.)* Разве ему доктор нужен? Ему нужно, чтобы около него сидела дюжина дам, заглядывала

бы ему в глаза и стонала: «Профессор!» Вот берите сыр...

Хрущов. Таким тоном не говорят о родном отце. Согласен, он тяжелый человек, но если сравнить его с другими, то все эти дяди Жоржи и Иваны Иванычи не стоят его мизинца.

Соня. Вот бутылка с чем-то. Я вам не об отце, а о великом человеке. Отца я люблю, а великие люди с их китайскими церемониями мне наскучили.

Садятся.

Дождь-то какой!

Молния.

Вот!

Хрущов. Гроза идет мимо, только краем захватит.

Соня *(наливает)*. Пейте.

Хрущов. Сто лет вам жить. *(Пьет.)*

Соня. Вы сердитесь на нас за то, что мы беспокоили вас ночью?

Хрущов. Напротив. Если бы вы меня не позвали, то я бы теперь спал, а видеть вас наяву гораздо приятнее, чем во сне.

Соня. Отчего же у вас такое сердитое лицо?

Хрущов. Оттого, что я сердит. Здесь никого нет, и можно говорить прямо. С каким удовольствием, Софья Александровна, я увез бы вас отсюда сию минуту. Не могу я дышать этим вашим воздухом, и мне кажется, что он отравляет вас. Ваш отец, который весь ушел в свою подагру и в книги и знать больше ничего не хочет, этот дядя Жорж, наконец ваша мачеха...

Соня. Что мачеха?

Хрущов. Нельзя обо всем говорить... нельзя! Великолепная моя, я многого не понимаю в людях. В человеке должно быть все прекрасно: и лицо, и одежда, и душа, и мысли... Часто я вижу прекрасное лицо и такую одежду, что кружится голова от восторга, но душа и мысли – боже мой! В красивой оболочке прячется иногда душа такая черная, что не затрешь ее никакими белилами... Простите мне, я волнуюсь... Ведь вы мне бесконечно дороги...

Соня (*роняет нож*). Уронила...

Хрущов (*поднимает*). Ничего...

Пауза.

Бывает, что идешь темной ночью по лесу, и если в это время светит вдали огонек, то на

душе почему-то так хорошо, что не замечаешь ни утомления, ни потемок, ни колючих веток, которые бьют тебя прямо в лицо. Я работаю от утра до глубокой ночи, зиму и лето, не знаю покою, воюю с теми, кто меня не понимает, страдаю иногда невыносимо... но вот наконец я нашел свой огонек. Я не буду хватать, что люблю вас больше всего на свете. Любовь у меня не все в жизни... она моя награда! Моя хорошая, славная, нет выше награды для того, кто работает, борется, страдает...

Соня (взволнованная). Виновата... Один вопрос, Михаил Львович.

Хрущов. Что? Говорите скорее...

Соня. Видите ли... вот вы часто бываете у нас, и я тоже иногда бываю у вас со своими. Сознаться, что вы этого никак не можете простить себе...

Хрущов. То есть?

Соня. То есть я хочу сказать, что ваше демократическое чувство оскорблено тем, что вы коротко знакомы с нами. Я институтка, Елена Андреевна аристократка, одеваемся мы по моде, а вы демократ...

Хрущов. Ну... ну... не будем говорить об

этом! Не время!

Соня. Главное, что вы сами копаете торф, сажаете лес... как-то странно. Одним словом, вы народник...

Хрущов. Демократ, народник... Софья Александровна, да неужели об этом можно говорить серьезно и даже с дрожью в голосе?

Соня. Да, да, серьезно, тысячу раз серьезно.

Хрущов. Да нет, нет...

Соня. Уверяю вас и клянусь, чем угодно, что если бы у меня, положим, была сестра и если б вы ее полюбили и сделали ей предложение, то вы бы этого никогда себе не простили, и вам было бы стыдно показаться на глаза вашим земским докторам и женщинам-врачам, стыдно, что вы полюбили институтку, кисейную барышню, которая не была на курсах и одевается по моде. Знаю я очень хорошо... По вашим глазам я вижу, что это правда! Одним словом, короче говоря, эти ваши леса, торф, вышитая сорочка – все рисовка, кривлянье, ложь и больше ничего.

Хрущов. За что? Дитя мое, за что вы меня оскорбили? Впрочем, я глупец. Так мне и нужно: не в свои сани не садись! Прощайте!

(Идет к двери.)

Соня. Прощайте... Я была резка, прошу извинения.

Хрущов *(возвращаясь)*. Если б вы знали, как здесь у вас тяжело и душно! Среда, где к каждому человеку подходят боком, смотрят на него искоса и ищут в нем народника, психопата, фразера – все, что угодно, но только не человека! «О, это, говорят, психопат!» – и рады. «Это фразер!» – и довольны, точно открыли Америку! А когда меня не понимают и не знают, какой ярлык прилепить к моему лбу, то винят в этом не себя, а меня же и говорят: «Это странный человек, странный!» Вам еще только двадцать лет, но уж вы стары и рассудительны, как ваш отец и дядя Жорж, и я несколько бы не удивился, если бы вы пригласили меня лечить вас от подагры. Так жить нельзя! Кто бы я ни был, смотрите мне в глаза прямо, ясно, без задних мыслей, без программы, и ищите во мне прежде всего человека, иначе в ваших отношениях к людям никогда не будет мира. Прощайте! И попомните мое слово, с такими хитрыми, подозрительными глазами, как у вас, вы никогда не полю-

бите!

Соня. Неправда!

Хрущов. Правда!

Соня. Неправда! Вот назло же вам... я люблю! люблю, и мне больно, больно! Оставьте меня! Уходите, умоляю... не бывайте у нас... не бывайте...

Хрущов. Честь имею кланяться! *(Уходит.)*

Соня *(одна)*. Разозлился. Не дай бог иметь такой характер, как у этого человека!

Пауза.

Он прекрасно говорит, но кто поручится мне, что это не фразерство? Он постоянно думает и говорит только о своих лесах, сажает деревья... Это хорошо, но ведь очень может быть, что это психопатия... *(Закрывает лицо руками.)* Ничего не понимаю! *(Плачет.)* Учился на медицинском факультете, а занимается совсем не медициной... Это все странно, странно... Господи, да помоги же мне все это обдумать!

Входит Елена Андреевна.

10

Соня и Елена Андреевна.

Елена Андреевна *(открывает окна)*. Про-

шла гроза! Какой хороший воздух!

Пауза.

Где Леший?

Соня. Ушел.

Пауза.

Елена Андреевна. Софи!

Соня. Что?

Елена Андреевна. До каких пор вы будете дуться на меня? Друг другу мы не сделали никакого зла. Зачем же нам быть врагами? Полноте...

Соня. Я сама хотела... *(Обнимает ее.)* Милая!

Елена Андреевна. И отлично...

Обе взволнованы.

Соня. Папа лег?

Елена Андреевна. Нет, сидит в гостиной. Не говорим мы друг с другом по целому месяцу и бог знает из-за чего... Пора наконец... *(Смотрит на стол.)* Что это?

Соня. Леший ужинал.

Елена Андреевна. И вино есть... Давайте выпьем брудершафт.

Соня. Давайте.

Елена Андреевна. Из одной рюмки... *(На-*

ливаает.) Этак лучше. Ну, значит – «ты»?

Соня. «Ты».

Пьют и целуются.

Я давно уж хотела мириться, да все как-то совестно было... *(Плачет.)*

Елена Андреевна. Что же ты плачешь?

Соня. Ничего, это я так.

Елена Андреевна. Ну, будет, будет... *(Плачет.)* Чудачка, и я через тебя заплакала!

Пауза.

Ты на меня сердита за то, что я будто вышла за твоего отца по расчету. Если веришь клятвам, то клянусь тебе, я выходила за него по любви. Я увлеклась им как ученым и известным человеком. Любовь была не настоящая, искусственная, но ведь мне казалось тогда, что она настоящая. Я не виновата. А ты с самой нашей свадьбы казнила меня своими хитрыми, подозрительными глазами.

Соня. Ну, мир, мир! Забудем. Я уж второй раз сегодня слышу, что у меня хитрые, подозрительные глаза.

Елена Андреевна. Не надо смотреть так хитро. Тебе это не идет. Надо всем верить, иначе жить нельзя.

Соня. Пуганая ворона куста боится. Мне так часто приходилось разочаровываться.

Елена Андреевна. В ком? Отец твой хороший, честный человек, труженик. Ты сегодня попрекнула его счастьем. Если он в самом деле был счастлив, то за трудами он не замечал этого своего счастья. Я не сделала умышленно зла ни отцу, ни тебе. Дядя твой Жорж очень добрый, честный, но несчастный, неудовлетворенный человек... Кому же не веришь?

Пауза.

Соня. Скажи мне по совести, как другу... Ты счастлива?

Елена Андреевна. Нет.

Соня. Я это знала. Еще один вопрос. Скажи откровенно, ты хотела бы, чтобы у тебя был молодой муж?

Елена Андреевна. Какая ты еще девочка... Конечно, хотела бы! *(Смеется.)* Ну, спроси еще что-нибудь, спроси...

Соня. Тебе Леший нравится?

Елена Андреевна. Да, очень.

Соня *(смеется)*. У меня глупое лицо... да? Вот он ушел, а я все еще слышу его голос и шаги, а посмотрю на темное окно – там мне

представляется его лицо... Дай мне высказаться... Но я не могу говорить так громко, мне стыдно. Пойдем ко мне в комнату, там поговорим. Я тебе кажусь глупой? Сознайся... Он хороший человек?

Елена Андреевна. Очень, очень...

Соня. Мне кажутся странными его леса, торф... Я не понимаю.

Елена Андреевна. Да разве в лесах дело? Милая моя, пойми, ведь это талант! Ты знаешь, что значит талант? Смелость, свободная голова, широкий размах... посадит деревцо или выкопает какой-нибудь пуд торфа – и уж загадывает, что будет от этого через тысячу лет, уж снится ему счастье человечества. Такие люди дороги, и их любить нужно. Дай вам бог. Оба вы чистые, смелые, честные... Он взбалмошный, ты рассудительная, умная... Будете отлично дополнять друг друга... *(Встает.)* А я нудная, эпизодическое лицо... И в музыке, и в доме мужа, и во всех ваших романах – везде я была только эпизодическим лицом. Собственно говоря, Соня, если вдуматься, то, вероятно, я очень, очень несчастна! *(Ходит в волнении по сцене.)* Нет мне счастья на

этом свете! Нет! Что ты смеешься?

Соня (смеется, закрывая лицо). Я так счастлива! Как я счастлива!

Елена Андреевна (ломая руки). В самом деле, как я несчастна!

Соня. Я счастлива... счастлива.

Елена Андреевна. Мне хочется играть... Я сыграла бы теперь что-нибудь...

Соня. Сыграй. (Обнимает ее.) Я не могу спать... Сыграй.

Елена Андреевна. Сейчас. Твой отец не спит. Когда он болен, его раздражает музыка. Поди спроси. Если он ничего, то сыграю... по-ди...

Соня. Сейчас. (Уходит.)

В саду стучит сторож.

Елена Андреевна. Давно уж я не играла. Буду играть и плакать, как дура... (В окно.) Это ты стучишь, Ефим?

Голос сторожа: «Эге!»

Не стучи, пан нездоров.

Голос сторожа: «Сейчас уйду! (Подсвистывает.) Жучка! Трезор! Жучка!»

Пауза.

Соня (вернувшись). Нельзя!

Действие третье

Гостиная в доме Серебрякова. Три двери: направо, налево и посередине. День. Слышно, как за сценой Елена Андреевна играет на рояли арию Ленского перед дуэлью из «Евгения Онегина».

1

Орловский, Войницкий и Федор Иванович (последний в черкесском костюме с папахой в руках).

Войницкий (слушая музыку). Это она играет, Елена Андреевна... Моя любимая вещь...

Музыка за сценой умолкает.

Да... хорошая вещь... Кажется, никогда еще у нас так скучно не было...

Федор Иванович. Не видал ты, душа моя, настоящей скуки. Когда я был в Сербии добровольцем, так вот где была скука! Жарко, душно, грязно, голова трещит с похмелья... Сижу я раз, помню, в грязном сараишке... Со мною капитан Кашкинази... Всё уж переговорили, идти некуда, делать нечего, пить не хочется – тошно, понимаешь ли, просто хоть в петлю!

Сидим, как аспиды, и друг на друга глядим... Он на меня глядит, а я на него... Я на него, а он на меня... Глядим и сами не знаем, чего... Проходит, понимаешь ли, час, другой, а мы всё глядим. Вдруг он ни с того ни с сего вскакивает, выхватывает шашку и на меня... Здравствуйте... Я, конечно, сейчас – ведь убьет же! – вынимаю свою шашку, и пошла писать: чик-чак, чик-чак, чик-чак... Насилу розняли. Я потом ничего, а капитан Кашкина-зи до сих пор с шрамом на щеке ходит. Так вот до какой степени люди балдеют иногда...

Орловский. Да, бывает.

Входит Соня.

2

Те же и Соня.

Соня (в сторону). Не нахожу себе места... (Идет и смеется.)

Орловский. Кисанька, куда ты? Посиди с нами.

Соня. Федя, поди сюда... (Отводит Федора Ивановича в сторону.) Поди сюда...

Федор Иванович. Что тебе? Отчего у тебя лицо такое лучезарное?

Соня. Федя, дай слово, что исполнишь!

Федор Иванович. Ну?

Соня. Поезжай... к Лешему.

Федор Иванович. Зачем?

Соня. Да так... просто поезжай... Спроси, отчего он у нас так долго не был... Уж две недели.

Федор Иванович. Покраснела! Стыдно! Господа, Соня влюблена!

Все. Стыдно! Стыдно!

Соня закрывает лицо и убегает.

Федор Иванович. Слоняется, как тень, из комнаты в комнату и места себе не находит. В Лешего влюблена.

Орловский. Славная девочка... Люблю. Мечтал я, Федюша, что ты на ней женишься – лучшей невесты не скоро найдешь, ну, да, значит, так богу угодно... А как бы мне приятно и умирительно было! Приехал бы я к тебе, а у тебя молодая жена, семейный очаг, самоварчик кипит...

Федор Иванович. Неграмотен я по этой части. Если бы когда-нибудь пришла мне в голову блажь жениться, то во всяком случае я женился бы на Юле. Эта, по крайности, маленькая, а из всех зол надо всегда выбирать мень-

шее. Да и хозяйка... (Хлопает себя по лбу.)
Идея!

Орловский. Что такое?

Федор Иванович. Давайте, шампанского
выпьем!

Войницкий. Рано еще, да и жарко... Пого-
ди...

Орловский (*любуясь*). Сыночек мой, краса-
вец... Шампанского захотел, дуся моя...

Входит Елена Андреевна.

3

Те же и Елена Андреевна.

Елена Андреевна идет через сцену.

Войницкий. Полюбуйтесь: идет и от лени
шатается. Очень мило! Очень!

Елена Андреевна. Перестаньте, Жорж. И
без вашего жужжанья скучно.

Войницкий (*загораживая ей дорогу*). Та-
лант, артистка! Ну, похожи ли вы на артист-
ку? Апатия, Обломов, вахлак... Столько добро-
детели, что, извините, даже глядеть против-
но.

Елена Андреевна. Не смотрите... Пустите
меня...

Войницкий. Что томитесь? (*Живо.*) Ну, до-

рогая моя, роскошь, будьте умницей! В ваших жилах течет русалочья кровь, будьте же русалкой!

Елена Андреевна. Пустите!

Войницкий. Дайте себе волю хоть раз в жизни, влюбитесь поскорее по самые уши в какого-нибудь водяного...

Федор Иванович. И бултых с головою в омут с ним вместе так, чтобы герр профессор и все мы только руками развели!

Войницкий. Русалка, а? Люби, покуда любится! [28]

Елена Андреевна. И что вы меня учите? Точно я без вас не знаю, как бы я жила, если б моя воля! Я бы улетела вольной птицей подальше от всех вас, от ваших сонных физиономий, скучных, постылых разговоров, забыла бы, что все вы существуете на свете, и никто бы не посмел тогда учить меня. Но нет у меня своей воли. Я труслива, застенчива, и мне все кажется, что если бы я изменила, то все жены взяли бы с меня пример и побросали бы своих мужей, что меня накажет бог и замучит совесть, а то бы я показала вам, как живут на воле! *(Уходит.)*

Орловский. Душа моя, красавица...

Войницкий. Я, кажется, скоро начну презирать эту женщину! Застенчива, как девчонка, и философствует, как старый, преукрашенный добродетелями дьячок! Кислота! Простокваша!

Орловский. Полно, полно... Где теперь профессор?

Войницкий. У себя в кабинете. Пишет.

Орловский. Он вызвал меня сюда письмом по какому-то делу. Вам не известно, какое дело?

Войницкий. Никаких у него нет дел. Пишет чепуху, брюзжит и ревнует, больше ничего.

Входят из правой двери Желтухин и Юля.

4

Те же, Желтухин и Юля.

Желтухин. Здравствуйте, господа. (Здоровается.)

Юля. Здравствуйте, крестненький! (Целуется.) Здравствуй, Феденька! (Целуется.) Здравствуйте, Егор Петрович! (Целуется.)

Желтухин. Александр Владимирович дома?

Орловский. Дома. В кабинете сидит.

Желтухин. Надо пойти к нему. Он писал мне, что дело какое-то есть... *(Уходит.)*

Юля. Егор Петрович, вы вчера получили ячмень по вашей записке?

Войницкий. Благодарю, получил. Сколько вам следует? Мы еще что-то брали у вас весной, не помню что... Надо нам счесться. Терпеть не могу путать и запускать счета.

Юля. Брали весной восемь четвертей ржи, Егор Петрович, двух телушек, одного бычка, и из вашего хутора присылали за маслом.

Войницкий. Сколько же вам следует?

Юля. Как же я могу? Я без счетов не могу, Егор Петрович.

Войницкий. Счета я вам сейчас принесу, если нужно... *(Уходит и тотчас же возвращается со счетами.)*

Орловский. Манюня, братон здоров?

Юля. Слава богу. Крестненький, где это вы купили такой галстух?

Орловский. В городе, у Кирпичева.

Юля. Славненький. Надо будет Ленечке такой купить.

Войницкий. Вот вам и счета.

Юля садится и щелкает на счетах.

Орловский. Какую Лене бог хозяйку послал! Пупсик, от земли не видно, а гляди, как работает! Ишь ты!

Федор Иванович. Да, а он только ходит да за щеку держится. Свистун...

Орловский. Салопница моя милая... Знаете, ведь она в салопе ходит. Еду я в пятницу по базару, а она ходит около возов в салопе...

Юля. Вот вы меня и сбили.

Войницкий. Пойдемте, господа, куда-нибудь в другое место. В залу, что ли. Надоело мне здесь... *(Зевает.)*

Орловский. В залу так в залу... Мне все равно.

Уходят в левую дверь.

Юля *(одна, после паузы).* Феденька чеченцем нарядился... Что значит родители направления хорошего не дали... Красивей мужчины во всей губернии нет, умный, богатый, а никакого толку... Дурак дураком... *(Щелкает на счетах.)*

Входит Соня.

5

Юля и Соня.

Соня. Вы у нас, Юлечка? А я не знала...

Юля (*целуется*). Милая!

Соня. Что вы тут делаете? Считаете? Какая вы хорошая хозяйка, даже смотреть завидно... Юлечка, отчего вы замуж не выходите?

Юля. Так... Меня приезжали сватать, да я отказала. За меня не посватается настоящий жених! (*Вздыхает.*) Нет!

Соня. Почему же?

Юля. Я необразованная девушка. Меня ведь из второго класса гимназии взяли!

Соня. Зачем же вас взяли, Юлечка?

Юля. За неспособности.

Соня смеется.

Что вы смеетесь, Сонечка?

Соня. У меня в голове как-то странно... Юлечка, я сегодня так счастлива, так счастлива, что даже скучно от счастья... Места себе не найду... Ну, давайте говорить о чем-нибудь, давайте... Вы были когда-нибудь влюблены?

Юля утвердительно кивает головой.

Да? Он интересный?

Юля шепчет ей на ухо.

В кого? В Федора Иваныча?

Юля (*утвердительно кивает головой*). А

ВЫ?

Соня. И я тоже... только я не в Федора Иваныча. *(Смеется.)* Ну, еще скажите что-нибудь.

Юля. Мне давно уж нужно поговорить с вами, Сонечка.

Соня. Пожалуйста.

Юля. Я хочу объясниться. Видите ли... Я всегда к вам душевно расположена... У меня много знакомых девушек, но вы из всех самая лучшая... Если б вы мне сказали: «Юлечка, дайте мне десять лошадей или, положим, двести овец». С удовольствием... Для вас бы ничего не пожалела...

Соня. Что же вы сконфузились, Юлечка?

Юля. Мне совестно... Я... я душевно к вам расположена... Из всех вы самая лучшая... не гордая... Какой у вас миленький ситчик!

Соня. Про ситчик после... Говорите...

Юля *(волнуясь)*. Не знаю, как это по-умному... Позвольте предложить вам... осчастливить... то есть... то есть... то есть... выходите замуж за Ленечку. *(Закрывает лицо.)*

Соня *(вставая)*. Не будем говорить об этом, Юлечка... Не надо, не надо...

Входит Елена Андреевна.

Те же и Елена Андреевна.

Елена Андреевна. Положительно деваться некуда. Оба Орловские и Жорж ходят по всем комнатам, и куда ни войдешь, везде они. Просто даже тоска берет. Что им здесь надо? Ехали бы куда-нибудь.

Юля (*сквозь слезы*). Здравствуйте, Елена Андреевна! (*Хочет целоваться.*)

Елена Андреевна. Здравствуйте, Юлечка. Простите, я не люблю часто целоваться. Соня, что отец делает?

Пауза.

Соня, что же ты мне не отвечаешь? Я спрашиваю: что отец делает?

Пауза.

Соня, отчего ты не отвечаешь?

Соня. Вам хочется знать? Идите сюда... (*Отводит ее немного в сторону.*) Извольте, я скажу... Слишком чисто у меня сегодня на душе, чтобы я могла говорить с вами и продолжать скрывать. Вот возьмите! (*Подает письмо.*) Это я нашла в саду. Юлечка, пойдете! (*Уходит с Юлей в левую дверь.*)

Елена Андреевна, потом Федор Иванович.

Елена Андреевна (одна). Что такое? Письмо Жоржа ко мне! Но чем же я виновата? О, как это резко, безбожно... У нее так чисто на душе, что она не может говорить со мной... Боже мой, так оскорблять... Голова кружится, я сейчас упаду...

Федор Иванович (выходит из левой двери и идет через сцену). Что это вы всё вздрагиваете, когда видите меня?

Пауза.

Гм... (Берет у нее из рук письмо и рвет его на клочки.) Все это вы бросьте. Вы должны думать только обо мне.

Пауза.

Елена Андреевна. Это что значит?

Федор Иванович. А это значит, что если я кого раз наметил, тому уж не вырваться из этих рук.

Елена Андреевна. Нет, это значит, что вы глупы и наглы.

Федор Иванович. Сегодня в семь с половиною часов вечера вы должны быть за садом около мостика и ждать меня... Ну-с? Больше я ничего не имею вам сказать... Итак, мой ан-

гел, до семи с половиною часов. *(Хочет взять ее за руку.)*

Елена Андреевна дает ему пощечину.

Сильно сказано...

Елена Андреевна. Ступайте прочь.

Федор Иванович. Слушаю-с... *(Идет и возвращается.)* Я тронут... Будем рассуждать мирно. Видите ли... На этом свете я все испытал, даже уху из золотых рыбок два раза ел... Только вот еще на шарах не летал и ни разу еще у ученых профессоров жен не увозил...

Елена Андреевна. Ступайте...

Федор Иванович. Сейчас уйду... Все испытал... И столько у меня от этого наглости, что просто деваться некуда. То есть все это я к тому говорю, что если вам когда-нибудь понадобится друг или верный пес, то обратитесь ко мне... Я тронут...

Елена Андреевна. Никаких мне псов не надо... Ступайте.

Федор Иванович. Слушаю... *(Растроганный.)* Тем не менее все-таки я тронут... Конечно, тронут... Да... *(Нерешительно уходит.)*

Елена Андреевна *(одна).* Голова болит... Каждую ночь я вижу нехорошие сны и пред-

чувствую что-то ужасное... Какая, однако, мерзость! Молодежь родилась и воспиталась вместе, друг с другом на «ты», всегда целуются; жить бы им в мире и в согласии, но, кажется, скоро все съедят друг друга... Леса спасает Леший, а людей некому спасать. *(Идет к левой двери, но, увидав идущих навстречу Желтухина и Юлю, уходит в среднюю.)*

8

Желтухин и Юля.

Юля. Как мы с тобой несчастны, Ленечка, ах, как несчастны!

Желтухин. Кто же уполномочивал тебя говорить с нею? Непрошенная сваха, баба! Ты мне все дело испортила! Она подумает, что я сам не умею говорить, и... и какое мещанство! Тысячу раз говорил я, что все это надо оставить. Ничего кроме унижения и этих всяких намеков, низостей, подлостей... Старик, вероятно, догадался, что я люблю ее, и уж эксплуатирует мое чувство! Хочет, чтобы я купил у него это имение.

Юля. А сколько он просит?

Желтухин. Тссс!.. Идут...

Входят из левой двери Серебряков, Орлов-

ский и Марья Васильевна; последняя читает на ходу брошюру.

9

Те же, Серебряков, Орловский и Марья Васильевна.

Орловский. Я и сам, душа моя, что-то не совсем здоров. Вот уж два дня голова болит и все тело ломит...

Серебряков. Где же остальные? Не люблю я этого дома. Какой-то лабиринт. Двадцать шесть громадных комнат, разбредутся все, и никого никогда не найдешь. *(Звонит.)* Пригласите сюда Егора Петровича и Елену Андреевну!

Желтухин. Юля, тебе нечего делать, пощи пощи Егора Петровича и Елену Андреевну.

Юля уходит.

Серебряков. С нездоровьем еще можно мириться, куда ни шло, но чего я не могу переварить, так это своего теперешнего настроения. У меня такое чувство, как будто я уже умер или с земли свалился на какую-то чужую планету.

Орловский. Оно с какой точки взглянуть...

Марья Васильевна *(читая)*. Дайте мне ка-

рандаша... Опять противоречие! Надо отметить.

Орловский. Извольте, ваше превосходительство! *(Подает карандаш и целует руку.)*

Входит Войницкий.

10

Те же, Войницкий, потом Елена Андреевна.

Войницкий. Я вам нужен?

Серебряков. Да, Жорж.

Войницкий. Что вам от меня угодно?

Серебряков. Вам... Что же ты сердишься?

Пауза.

Если я в чем виноват перед тобой, то извини, пожалуйста...

Войницкий. Оставь этот тон... Приступим к делу... Что тебе нужно?

Входит Елена Андреевна.

Серебряков. Вот и Леночка... Садитесь, господа.

Пауза.

Я пригласил вас, господа,[29] чтобы объявить вам, что к нам едет ревизор. Впрочем, шутки в сторону. Дело серьезное. Я, господа, собрал вас, чтобы попросить у вас помощи и совета, и, зная всегдашнюю вашу любезность,

надеюсь, что получу их. Человек я ученый, книжный и всегда был чужд практической жизни. Обойтись без указаний сведущих людей я не могу и прошу тебя, Иван Иванович, вот вас, Леонид Степаныч, и тебя, Жорж... Дело в том, что *manet omnes una pox*, [30] то есть все мы под богом ходим; я стар, болен и потому нахожу своевременным регулировать свои имущественные отношения постольку, поскольку они касаются моей семьи. Жизнь моя уже кончена, о себе я не думаю, но у меня молодая жена, дочь-девушка... Продолжать жить в деревне им невозможно.

Елена Андреевна. Мне все равно.

Серебряков. Мы для деревни не созданы. Жить же в городе на те средства, какие мы получаем с этого имения, невозможно. Третьего дня я продал на четыре тысячи лесу, но это мера экстраординарная, которою нельзя пользоваться ежегодно. Нужно изыскать такие меры, которые гарантировали бы нам постоянную, более или менее определенную цифру дохода. Я придумал одну такую меру и имею честь предложить ее на ваше обсуждение. Минуя детали, изложу ее в общих чер-

тах. Наше имение дает в среднем размере не более двух процентов. Я предлагаю продать его. Если вырученные деньги мы обратим в процентные бумаги, то будем получать от четырех до пяти процентов. Я думаю, что будет даже излишек в несколько тысяч, который нам позволит купить в Финляндии небольшую дачу...

Войницкий. Постой, мне кажется, что мне изменяет мой слух. Повтори, что ты сказал...

Серебряков. Деньги обратить в процентные бумаги и купить дачу в Финляндии...

Войницкий. Не Финляндия... Ты еще что-то другое сказал.

Серебряков. Я предлагаю продать имение.

Войницкий. Вот это самое... Ты продашь имение... Превосходно, богатая идея... А куда прикажешь деваться мне со старухой матерью?

Серебряков. Все это своевременно мы обсудим... Не сразу же...

Войницкий. Постой... Очевидно, до сих пор у меня не было ни капли здравого смысла. До сих пор я имел глупость думать, что это имение принадлежит Соне. Мой покойный отец

купил это имение в приданое для моей сестры. До сих пор я был наивен, понимал законы не по-турецки и думал, что имение от сестры перешло к Соне.

Серебряков. Да, имение принадлежит Соне... Кто спорит? Без согласия Сони я не решусь продать его. К тому же это я делаю для блага Сони.

Войницкий. Это непостижимо, непостижимо! Или я с ума сошел, или... или...

Марья Васильевна. Жорж, не противоречь профессору! Он лучше нас знает, что хорошо и что дурно.

Войницкий. Нет, дайте мне воды... *(Пьет воду.)* Говорите что хотите! Что хотите!

Серебряков. Я не понимаю, отчего ты волнуешься, Жорж? Я не говорю, что мой проект идеален. Если все найдут его негодным, то я не буду настаивать.

Входит Дядин; он во фраке, в белых перчатках и с широкополым цилиндром.

11

Те же и Дядин.

Дядин. Честь имею кланяться. Прошу прощения, что осмеливаюсь входить без доклада.

Виновен, но заслуживаю снисхождения, так как у вас в передней нет ни одного domestика.[31]

Серебряков (*смущенно*). Очень рад... Прощу...

Дядин (*расшаркиваясь*). Ваше превосходительство! Mesdames! Мое вторжение в ваши пределы имеет двоякую цель. Во-первых, я пришел сюда, чтобы нанести визит и засвидетельствовать свое благоговейное уважение, во-вторых, чтобы пригласить всех вас, по случаю прекрасной погоды, совершить экспедицию в мою область. Обитаю я на водяной мельнице, которую арендую у нашего общего друга Лешего. Это укромный поэтический уголок земли, где ночью слышится плеск русалок, а днем...

Войницкий. Постой, Вафля, мы о деле... Погоди, после... (*Серебрякову*.) Вот спроси ты у него... Это именье куплено у его дяди.

Серебряков. Ах, да зачем мне спрашивать? К чему?

Войницкий. Это именье было куплено по тогдашнему времени за девяносто пять тысяч! Отец уплатил только семьдесят, и оста-

лось долгу двадцать пять тысяч. Теперь слушайте... Именье это не было бы куплено, если бы я не отказался от наследства в пользу сестры, которую любил. Мало того, я десять лет работал, как вол, и выплатил весь долг.

Орловский. Чего же вы, душа моя, хотите?

Войницкий. Именье чисто от долгов и не расстроено только благодаря моим личным усилиям. И вот, когда я стал стар, меня хотят выгнать отсюда в шею!

Серебряков. Я не понимаю, чего ты доби- ваешься?

Войницкий. Двадцать пять лет я управлял этим имением, работал, высылал тебе деньги, как самый добросовестный приказчик, и за все время ты ни разу не поблагодарил меня! Все время, и в молодости и теперь, я получал от тебя жалованья пятьсот рублей в год – нищенские деньги! – и ты ни разу не догадался прибавить мне хоть один рубль!

Серебряков. Жорж, почем же я знал! Я человек непрактический и ничего не понимаю. Ты мог бы сам прибавить себе, сколько угодно.

Войницкий. Зачем я не крал? Отчего вы

все не презираете меня за то, что я не крал? Это было бы справедливо, и теперь я не был бы нищим!

Марья Васильевна (*строго*). Жорж!

Дядин (*волнуясь*). Жорженька, не надо, не надо.... Я дрожу... Зачем портить хорошие отношения? (*Целует его.*) Не надо...

Войницкий. Двадцать пять лет я вот с ней, вот с этой матерью, как крот, сидел в четырех стенах... Все наши мысли и чувства принадлежали тебе одному. Днем мы говорили о тебе, о твоих работах, гордились твоей известностью, с благоговением произносили твое имя; ночи мы губили на то, что читали журналы и книги, которые я теперь глубоко презираю!

Дядин. Не надо, Жорженька, не надо... Не могу...

Серебряков. Я не понимаю, что тебе нужно?

Войницкий. Ты для нас был существом высшего порядка, а твои статьи мы знали наизусть... Но теперь у меня открылись глаза. Я все вижу! Пишешь ты об искусстве, но ничего не понимаешь в искусстве! Все твои работы,

которые я любил, не стоят гроша медного!

Серебряков. Господа! Да уймите же его наконец! Я уйду!

Елена Андреевна. Жорж, я требую, чтобы вы замолчали! Слышите?

Войницкий. Не замолчу! (*Загораживая Серебрякову дорогу.*) Постой, я не кончил! Ты погубил мою жизнь! Я не жил, не жил! По твоей милости я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни! Ты мой злейший враг!

Дядин. Я не могу... не могу... Я уйду в другую комнату... (*В сильном волнении уходит в правую дверь.*)

Серебряков. Что ты хочешь от меня? И какое ты имеешь право говорить со мной таким тоном? Ничтожество! Если именье твое, то бери его, я не нуждаюсь в нем!

Желтухин (*в сторону*). Ну, заварилась каша!.. Уйду! (*Уходит.*)

Елена Андреевна. Если не замолчите, то я сию минуту уеду из этого ада! (*Кричит.*) Я не могу дольше выносить!

Войницкий. Пропала жизнь! Я талантлив, умен, смел... Если б я жил нормально, то из меня мог бы выйти Шопенгауэр, Достоев-

ский... Я зарапортовался! Я с ума схожу... Матушка, я в отчаянии! Матушка!

Марья Васильевна. Слушайся профессора!

Войницкий. Матушка! Что мне делать? Не нужно, не говорите! Я сам знаю, что мне делать! *(Серебрякову.)* Будешь ты меня помнить! *(Уходит в среднюю дверь.)*

Марья Васильевна идет за ним.

Серебряков. Господа, что же это наконец такое? Уберите от меня этого сумасшедшего!

Орловский. Ничего, ничего, Саша, пусть у него душа уляжется. Ты не волнуйся так.

Серебряков. Не могу я жить с ним под одной крышей! Живет тут *(указывает на среднюю дверь)*, почти рядом со мной... Пусть перебирается в деревню, во флигель, или я переберусь отсюда, но оставаться с ним я не могу...

Елена Андреевна (мужу). Если повторится еще что-нибудь подобное, то я уеду!

Серебряков. Ах, не пугай, пожалуйста!

Елена Андреевна. Я не пугаю, но все вы точно условились сделать из моей жизни ад... Я уеду...

Серебряков. Все отлично знают, что ты мо-

лода, я стар, и что ты делаешь большое одолжение, что живешь здесь...

Елена Андреевна. Продолжай, продолжай...

Орловский. Ну, ну, ну... Друзья мои...

Быстро входит Хрущов.

12

Те же и Хрущов.

Хрущов (волнуясь). Очень рад, что застаю вас дома, Александр Владимирович... Простите, быть может, я пришел не вовремя и помешал вам... Но не в этом дело. Здравствуйте...

Серебряков. Что вам угодно?

Хрущов. Извините, я взволнован – это оттого, что сейчас я быстро ехал верхом... Александр Владимирович, я слышал, что третьего дня вы продали Кузнецову свой лес на сруб. Если это правда, а не простая сплетня, то, прошу вас, не делайте этого.

Елена Андреевна. Михаил Львович, муж сейчас не расположен говорить о делах. Пойдемте в сад.

Хрущов. Но мне сейчас нужно говорить!

Елена Андреевна. Как знаете... Я не могу...
(Уходит.)

Хрущов. Позвольте мне съездить к Кузнецову и сказать ему, что вы раздумали... Да? Позволяете? Повалить тысячу деревьев, уничтожить их ради каких-нибудь двух-трех тысяч, ради женских тряпок, прихоти, роскоши... Уничтожить, чтобы в будущем потомство проклидало наше варварство! Если вы, ученый, знаменитый человек, решаетесь на такую жестокость, то что же должны делать люди, стоящие много ниже вас? Как это ужасно!

Орловский. Миша, после об этом!

Серебряков. Пойдем, Иван Иванович, это никогда не кончится.

Хрущов (*загораживая Серебрякову дорогу*). В таком случае вот что, профессор... Погодите, через три месяца я получу деньги и куплю у вас сам.

Орловский. Извини, Миша, но это даже странно... Ну, ты, положим, идейный человек... покорнейше тебя благодарим за это, кланяемся тебе низко (*кланяется*), но зачем же стулья ломать?[32]

Хрущов (*вспыхнув*). Всеобщий крестненький! Много добродушных людей на свете, и

это всегда казалось мне подозрительным! Добродушны они все оттого, что равнодушны!

Орловский. Вот ты ссориться сюда приехал, душа моя... Нехорошо! Идея-то идеей, но надо, брат, иметь еще и эту штуку... *(Показывает на сердце.)* Без этой штуки, душа моя, всем твоим лесам и торфам цена грош медный... Не обижайся, но зеленый ты еще, ух, какой зеленый!

Серебряков *(резко)*. И в другой раз потрудитесь не входить без доклада, и прошу вас избавить меня от ваших психопатических выходов! Всем вам хотелось вывести меня из терпения, и это удалось вам... Извольте меня оставить! Все эти ваши леса, торфы я считаю бредом и психопатией – вот мое мнение! Пойдем, Иван Иванович! *(Уходит.)*

Орловский *(идя за ним)*. Это, Саша, уж слишком... Зачем так резко? *(Уходит.)*

Хрущов *(один, после паузы)*. Бред, психопатия... Значит, по мнению знаменитого ученого и профессора, я сумасшедший... Преклоняюсь перед авторитетом вашего превосходительства и поеду сейчас домой, обрею себе го-

лову. Нет, сумасшедшая земля, которая еще держит вас!

Быстро идет к правой двери; из левой входит Соня, которая подслушивала у двери в продолжение всего 12-го явления.

13

Хрущов и Соня.

Соня (бежит за ним). Постойте... я все слышала... Говорите же... Говорите скорее, а то я не выдержу и сама начну говорить!

Хрущов. Софья Александровна, я сказал уже все, что мне нужно. Я умолял вашего отца пощадить лес, я был прав, а он оскорбил меня, назвал сумасшедшим... Я сумасшедший!

Соня. Довольно, довольно...

Хрущов. Да, не сумасшедшие те, которые под ученостью прячут свое жестокое, каменное сердце и свое бездушие выдают за глубокую мудрость! Не сумасшедшие те, которые выходят за стариков замуж только для того, чтобы у всех на глазах обманывать их, чтобы покупать себе модные, щегольские платья на деньги, вырученные от порубки лесов!

Соня. Слушайте меня, слушайте... (Сжима-

ет ему руки.) Дайте мне сказать вам...

Хрущов. Перестанем. Кончим. Я для вас чужой, ваше мнение о себе я уже знаю и делать мне тут больше нечего. Прощайте. Жалею, что после нашего короткого знакомства, которым я так дорожил, у меня останутся в памяти только подагра вашего отца и ваши рассуждения о моем демократизме... Но не я в этом виноват... Не я...

Соня плачет, закрывает лицо и быстро уходит в левую дверь.

Я имел неосторожность полюбить здесь, это послужит для меня уроком! Вон из этого погреба!

Идет к правой двери; из левой выходит Елена Андреевна.

14

Хрущов и Елена Андреевна.

Елена Андреевна. Вы еще здесь? Постойте... Сейчас Иван Иванович сказал мне, что муж был резок с вами... Простите, он сегодня сердит и не понял вас... Что же касается меня, то моя душа принадлежит вам, Михаил Львович! Верьте в искренность моего уважения, я сочувствую, тронута, и позвольте мне от чи-

стого сердца предложить вам мою дружбу!
(Протягивает обе руки.)

Хрущов (брезгливо). Отойдите от меня... Я презираю вашу дружбу! (Уходит.)

Елена Андреевна (одна, стонет). За что? За что?

За сценой выстрел.

15

Елена Андреевна, Марья Васильевна, потом Соня, Серебряков, Орловский и Желтухин.

Марья Васильевна выходит, пошатываясь, из средней двери, вскрикивает и падает без чувств. Соня выходит и бежит в среднюю дверь.

Серебряков, Орловский, Желтухин Что такое?

Слышно, как вскрикивает Соня; она возвращается и кричит: «Дядя Жорж застрелился!» Она, Орловский, Серебряков и Желтухин бегут в среднюю дверь.

Елена Андреевна (стонет). За что? За что?

В правой двери показывается Дядин.

16

Елена Андреевна, Марья Васильевна и Дя-

дин.

Дядин (в дверях). Что такое?

Елена Андреевна (ему). Увезите меня отсюда! Бросьте меня в глубокую пропасть, убейте, но здесь я не могу оставаться. Скорее, умоляю вас! (Уходит с Дядиным.)

Занавес

Действие четвертое

Лес и дом при мельнице, которую арендует Дядин у Хрущова.

1

Елена Андреевна и Дядин сидят на скамье под окном.

Елена Андреевна. Голубчик Илья Ильич, завтра вы опять съездите на почту.

Дядин. Всенепременно.

Елена Андреевна. Погожу еще три дня. Если не получу от брата ответа на свое письмо, то возьму у вас денег взаймы и сама поеду в Москву. Не век же мне жить тут у вас на мельнице.

Дядин. Оно конечно...

Пауза.

Не смею я учить вас, многоуважаемая, но

все ваши письма, телеграммы, и что я каждый день езжу на почту – все это, извините, напрасные хлопоты. Какой бы ответ ни прислал вам братец, вы все равно вернетесь к супругу.

Елена Андреевна. Не вернусь я... Надо рассуждать, Илья Ильич. Мужа я не люблю. Молодежь, которую я любила, была несправедлива ко мне от начала до конца. Зачем же я туда вернусь? Вы скажете – долг... Это я и сама знаю отлично, но, повторяю, надо рассуждать...

Пауза.

Дядин. Так-с... Величайший русский поэт Ломоносов убежал из Архангельской губернии и нашел свою фортуна в Москве. Это, конечно, благородно с его стороны... А вы-то зачем бежали? Ведь вашего счастья, ежели рассуждать по совести, нигде нету... Положено канареечке в клетке сидеть и на чужое счастье поглядывать, ну, и сиди весь век.

Елена Андреевна. А может быть, я не канарейка, а вольный воробей!

Дядин. Эва! Видно птицу по полету, многоуважаемая... За эти две недели другая дама

успела бы в десяти городах побывать и всем в глаза пыль пустить, а вы изволили добежать только до мельницы, да и то у вас вся душа измучилась... Нет, куда уж! Поживете у меня еще некоторый период времени, сердце ваше успокоится, и поедете к супругу. *(Прислушивается.)* Кто-то едет в коляске. *(Встает.)*

Елена Андреевна. Я уйду.

Дядин. Не смею дольше утруждать вас своим присутствием... Пойду к себе на мельницу и засну немножко... Нынче я встал раньше Авроры.

Елена Андреевна. Когда проснетесь, приходите, вместе чай будем пить. *(Уходит в дом.)*

Дядин (один). Если бы я жил в умственном центре, то с меня могли бы нарисовать в журнале карикатуру с презабавною сатирической надписью. Помилуйте, будучи уже в пожилых летах и с непривлекательною наружностью, я увез у знаменитого профессора молодую жену! Это восхитительно! *(Уходит.)*

2

Семен (несет ведра) и Юля (входит).

Юля. Здравствуй, Сенька, бог в помощь!

Илья Ильич дома?

Семен. Дома. Пошел на мельницу.

Юля. Поди позови.

Семен. Сейчас. *(Уходит.)*

Юля *(одна).* Спит, должно быть... *(Садится на лавочку под окном и глубоко вздыхает.)* Одни спят, другие гуляют, а я целый день мыкаюсь, мыкаюсь... не посылает бог смерти. *(Вздыхает еще глубже.)* Господи, есть же такие глупые люди, как этот Вафля! Еду я сейчас мимо его амбара, а из дверей черненький поросенок выходит... Вот как порвут ему сви-ньи чужие мешки, тогда и будет знать...

Входит Дядин.

3

Юля и Дядин.

Дядин *(надевает сюртук).* Это вы, Юлия Степановна? Виноват, я дезабилье... Хотел уснуть немножко в объятиях Морфея.

Юля. Здравствуйте.

Дядин. Извините, я не приглашаю вас в комнаты... Там у меня не прибрано и прочее... Ежели угодно, то пожалуйста на мельницу...

Юля. Я и тут посижу. Вот я зачем к вам приехала, Илья Ильич. Ленечка и профессор,

чтобы развлечься, хотят сегодня здесь у вас на мельнице пикник устроить, чаю напиток-ся...

Дядин. Весьма приятно.

Юля. Я вперед приехала... Скоро и они будут. Распорядитесь, чтобы поставили тут стол, ну и самовар, конечно... Велите Сеньке, чтоб он вынул из моей коляски корзины с провизией.

Дядин. Это можно.

Пауза.

Ну что? Как у вас там?

Юля. Плохо, Илья Ильич... Верите ли, такая забота, что я даже заболела. Вы знаете, ведь профессор и Сонечка теперь у нас живут!

Дядин. Знаю.

Юля. После того как Егор Петрович руки на себя наложил, они не могут жить в своем доме... Боятся. Днем все-таки еще ничего, а как вечер, сойдутся все в одной комнате и сидят до самого рассвета. Страшно всем. Боятся, как бы в потемках Егор Петрович не представился...

Дядин. Предрассудки... А про Елену Андреевну вспоминают?

Юля. Конечно, вспоминают.

Пауза.

Укатила!

Дядин. Да, сюжет, достойный кисти Айвазовского... Взяла и укатила.

Юля. И теперь неизвестно где... Может, уехала, а может, с отчаяния...

Дядин. Бог милостив, Юлия Степановна! Все будет благополучно.

Входит Хрущов с папкой и с ящиком для рисовальных принадлежностей.

4

Те же и Хрущов.

Хрущов. Эй! Кто здесь есть? Семен!

Дядин. Взгляни сюда!

Хрущов. А!.. Здравствуйте, Юлечка!

Юля. Здравствуйте, Михаил Львович.

Хрущов. А я, Илья Ильич, опять к тебе пришел работать. Не сидится дома. Вели повчерашнему поставить под это дерево мой стол, да и скажи, чтобы две лампы приготовили. Уж начинается...

Дядин. Слушаю, ваше благородие. (*Уходит.*)

Хрущов. Как живете, Юлечка?

Юля. Так себе...

Пауза.

Хрущов. Серебряковы у вас живут?

Юля. У нас.

Хрущов. Гм... А ваш Ленечка что делает?

Юля. Дома сидит... Всё с Сонечкой...

Хрущов. Еще бы!

Пауза.

Ему бы жениться на ней.

Юля. Что ж? *(Вздыхает.)* Дай бог! Он человек образованный, благородный, она тоже из хорошего семейства... Я всегда ей желала...

Хрущов. Дура она...

Юля. Ну, не скажите.

Хрущов. И ваш Ленечка тоже умник... Вообще вся ваша публика как на подбор. Ума палата!

Юля. Вы, должно быть, сегодня не обедали.

Хрущов. Почему вы это думаете?

Юля. Сердиты вы уж очень.

Входят Дядин и Семен; оба несут небольшой стол.

5

Те же, Дядин и Семен.

Дядин. А у тебя, Миша, губа не дура. Пре-

красное место выбрал ты себе для работы. Это оазис! Именно оазис! Вообрази, что это вокруг всё пальмы, Юлечка – кроткая лань, ты лев, я тигр.

Хрущов. Хороший ты, душевный человек, Илья Ильич, но что у тебя за манеры? Какие-то мармеладные слова, ногами шаркаешь, плечами дергаешь... Если кто посторонний увидит, то подумает, что ты не человек, а черт знает что... Досадно...

Дядин. Значит, на роду у меня так написано... Фатальное предопределение.

Хрущов. Ну вот, фатальное предопределение. Брось все это. *(Фиксирует на столе чертёж.)* Я сегодня останусь у тебя ночевать.

Дядин. Чрезвычайно рад. Вот ты, Миша, сердисься, а у меня на душе невыразимо от-радно! Как будто сидит у меня в груди птичка и песенку поет.

Хрущов. Радуйся.

Пауза.

У тебя в груди птичка, а у меня жаба. Двадцать тысяч скандалов! Шиманский продал свой лес на сруб... Это раз! Елена Андреевна бежала от мужа, и теперь никто не знает, где

она. Это два! Я чувствую, что с каждым днем становлюсь все глупее, мелочнее и бездарнее... Это три! Вчера я хотел рассказать тебе, но не мог, не хватило храбрости. Можешь меня поздравить. После покойного Егора Петровича остался дневник. Этот дневник на первых порах попал в руки Ивана Иваныча, я был у него и прочел раз десять...

Юля. Наши тоже читали.

Хрущов. Роман Жоржа с Еленой Андреевной, о котором трезвонил весь уезд, оказывается подлой, грязной сплетней... Я верил этой сплетне и клеветал, заодно с другими, ненавидел, презирал, оскорблял.

Дядин. Конечно, это нехорошо.

Хрущов. Первый, кому я поверил, был ваш брат, Юлечка! Хорош тоже и я! Поверил вашему брату, которого не уважаю, и не верил этой женщине, которая на моих же глазах жертвовала собой. Я охотнее верю злу, чем добру, и не вижу дальше своего носа. А это значит, что я бездарен, как все.

Дядин (Юле). Пойдемте, детка, на мельницу. Пускай он, злюка, тут работает, а мы с вами погуляем. Пойдемте... Работай, Мишенька.

(Уходит с Юлей.)

Хрущов *(один; разводит в блюдечке краску).* Раз ночью я видел, как он прижался лицом к ее руке. У него в дневнике подробно описана эта ночь, описано, как я приехал туда, что говорил ему. Он приводит мои слова и называет меня глупцом и узким человеком.

Пауза.

Слишком густо... Надо посветлее... А дальше он бранит Соню за то, что она меня любила... Никогда она меня не любила... Кляксу Сделал... *(Скоблит бумагу ножом.)* Даже если допустить, что это немножко верно, то все-таки нечего уж об этом думать... Глупо началось, глупо кончилось...

Семен и рабочие несут большой стол.

Что это вы? К чему это?

Семен. Илья Ильич велел. Господа из Желтухина приедут чай пить.

Хрущов. Покорно благодарю. Значит, на счет работы придется отложить попечение... Соберу все и уйду домой.

Входит Желтухин под руку с Соней.

6

Хрущов, Желтухин и Соня.

Желтухин (поет). «Невольню к этим грустным берегам[33] меня влечет неведомая сила...»

Хрущов. Кто это там? А! (Спешит уложить в ящик рисовальные принадлежности.)

Желтухин. Еще один вопрос, дорогая Софи... Помните, в день рождения вы завтракали у нас? Сознайтесь, что вы хохотали тогда над моей наружностью.

Соня. Полноте, Леонид Степаныч. Можно ли это говорить? Хохотала я без причины.

Желтухин (увидев Хрущева). А, кого вижу! И ты здесь? Здравствуй.

Хрущов. Здравствуй.

Желтухин. Работаешь? Отлично... Где Вафля?

Хрущов. Там...

Желтухин. Где там?

Хрущов. Я, кажется, ясно говорю... Там, на мельнице.

Желтухин. Пойти позвать его. (Идет и напевает.) «Невольню к этим грустным берегам...» (Уходит.)

Соня. Здравствуйте...

Хрущов. Здравствуйте.

Пауза.

Соня. Что это вы рисуете?

Хрущов. Так... неинтересно.

Соня. Это план?

Хрущов. Нет, лесная карта нашего уезда. Я составил.

Пауза.

Зеленая краска означает места, где были леса при наших дедах и раньше; светло-зеленая – где вырублен лес в последние двадцать пять лет, ну, а голубая – где еще уцелел лес... Да...

Пауза.

Ну, а вы что? Счастливы?

Соня. Теперь, Михаил Львович, не время думать о счастье.

Хрущов. О чем же думать?

Соня. И горе наше произошло только оттого, что мы слишком много думали о счастье...

Хрущов. Так-с.

Пауза.

Соня. Нет худа без добра. Горе научило меня. Надо, Михаил Львович, забыть о своем счастье и думать только о счастье других. Нужно, чтоб вся жизнь состояла из жертв.

Хрущов. Ну, да...

Пауза.

У Марьи Васильевны застрелился сын, а она все еще ищет противоречий в своих брошюрках. Над вами стряслось несчастье, а вы тешите свое самолюбие: стараетесь исковеркать свою жизнь и думаете, что это похоже на жертвы... Ни у кого нет сердца... Нет его ни у вас, ни у меня... Делается совсем не то, что нужно, и все идет прахом... Я сейчас уйду и не буду мешать вам и Желтухину... Что же вы плачете? Я этого вовсе не хотел.

Соня. Ничего, ничего... *(Утирает глаза.)*

Входят Юля, Дядин и Желтухин.

7

Те же, Юля, Дядин, Желтухин, потом Серебряков и Орловский.

Голос Серебрякова: «Ау! Где вы, господа?»

Соня *(кричит).* Папа, здесь!

Дядин. Самовар несут! Восхитительно!
(Хлопочет с Юлей около стола.)

Входят Серебряков и Орловский.

Соня. Сюда, папа!

Серебряков. Вижу, вижу...

Желтухин *(громко).* Господа, объявляю за-

седание открытым! Вафля, откупоривай наливку!

Хрущов (*Серебрякову*). Профессор, забудем все, что между нами произошло! (*Протягивает руку.*) Я прошу у вас извинения...

Серебряков. Благодарю. Очень рад. Вы тоже простите меня. Когда я после того случая на другой день старался обдумать все происшедшее и вспомнил о нашем разговоре, мне было очень неприятно... Будем друзьями. (*Берет его под руку и идет к столу.*)

Орловский. Вот так бы давно, душа моя. Худой мир лучше доброй ссоры.

Дядин. Ваше превосходительство, я счастлив, что вы изволили пожаловать в мой оазис. Неизъяснимо приятно!

Серебряков. Благодарю, почтеннейший. Здесь в самом деле прекрасно. Именно оазис.

Орловский. А ты, Саша, любишь природу?

Серебряков. Весьма.

Пауза.

Не будем, господа, молчать, будем говорить. В нашем положении это самое лучшее. Надо глядеть несчастьям в глаза смело и прямо. Я гляжу бодрее вас всех, и это оттого, что я

больше всех несчастлив.

Юля. Господа, я сахару класть не буду; пейте с вареньем.

Дядин (*суетится около гостей*). Как я рад, как я рад!

Серебряков. В последнее время, Михаил Львович, я так много пережил и столько передумал, что, кажется, мог бы написать в наидание потомству целый трактат о том, как надо жить. Век живи, век учись, а несчастья учат нас.

Дядин. Кто старое помянет, тому глаз вон. Бог милостив, все обойдется благополучно.

Соня вздрагивает.

Желтухин. Что это вы так вздрогнули?

Соня. Кто-то крикнул.

Дядин. Это на реке мужики раков ловят.

Пауза.

Желтухин. Господа, мы ведь условились, что проведем этот вечер так, как будто ничего не случилось... Право, а то напряжение какое-то...

Дядин. Я, ваше превосходительство, питаю к науке не только благоговение, но даже родственные чувства. Брата моего Григория

Ильича жены брат, может быть, изволите знать, Константин Гаврилыч Новоселов был магистром иностранной словесности.

Серебряков. Знаком не был, но знаю.

Пауза.

Юля. Завтра ровно пятнадцать дней, как умер Егор Петрович.

Хрущов. Юлечка, не будем говорить об этом.

Серебряков. Бодро, бодро!

Пауза.

Желтухин. Все-таки чувствуется какое-то напряжение...

Серебряков. Природа не терпит пустоты. Она лишила меня двух близких людей и, чтобы пополнить этот дефект, скоро послала мне новых друзей. Пью ваше здоровье, Леонид Степанович!

Желтухин. Благодарю вас, дорогой Александр Владимирович! В свою очередь позвольте мне выпить за вашу плодотворную ученую деятельность.

*Сейте разумное, доброе, вечное,
[34]*

Сейте! Спасибо вам скажет сер-

дечное
Русский народ!

Серебряков. Ценю ваше приветствие. От души желаю, чтобы скорее наступило время, когда наши дружеские отношения перейдут в более короткие.

Входит Федор Иванович.

8

Те же и Федор Иванович.

Федор Иванович. Вот оно что! Пикник!

Орловский. Сыночек мой... красавец!

Федор Иванович. Здравствуйте. *(Целуется с Соней и Юлей.)*

Орловский. Целые две недели не видались. Где был? Что видел?

Федор Иванович. Поехал я сейчас к Лёне, там мне сказали, что вы здесь, ну, я и поехал сюда.

Орловский. Где шатался?

Федор Иванович. Три ночи не спал... Вчера, отец, в карты пять тысяч проиграл. И пил, и в карты играл, и в городе раз пять был... Со всем очумел.

Орловский. Молодчина! Стало быть, теперь выпивши?

Федор Иванович. Ни в одном глазе. Юлька, чаю! Только с лимоном, покислей... А как-то Жорж-то, а? Взял, ни с того ни с сего, и чикнул себе в лоб! И нашел тоже из чего: из Лефосе![35] Не мог взять Смита и Вессона!

Хрущов. Замолчи ты, скотина!

Федор Иванович. Скотина, но только породистая. *(Разглаживает себе бороду.)* Одна борода чего стоит... Вот я и скотина, и дурак, и каналья, а стоит мне только захотеть – и за меня любая невеста пойдет. Соня, выходи за меня замуж! *(Хрущову.)* Впрочем, виноват... Pardon...

Хрущов. Перестань дурака ломать.

Юля. Пропаций ты человек, Феденька! Во всей губернии нет другого такого пьяницы и мотыги, как ты. Даже глядеть на тебя жалко. Фараон фараоном – чистое наказание!

Федор Иванович. Ну, запела Лазаря! Иди, сядь рядом со мной... Вот так. Я к тебе на две недели поеду жить... Отдохнуть надо. *(Целует ее.)*

Юля. От людей за тебя совестно. Ты должен отца своего под старость утешать, а ты его только срамишь. Дурацкая жизнь и боль-

ше ничего.

Федор Иванович. Бросаю пить! Баста! (*Наливает себе наливки.*) Это сливянка или вишневка?

Юля. Не пей же, не пей.

Федор Иванович. Одну рюмку можно. (*Пьет.*) Дарю тебе, Леший, пару лошадей и ружье. К Юле поеду жить... Проживу у нее недельки две.

Хрущов. Тебе бы в дисциплинарном батальоне пожить.

Юля. Пей, пей чай!

Дядин. Ты с сухариками, Феденька.

Орловский (*Серебрякову*). Я, брат Саша, до сорока лет вел такую же вот жизнь, как мой Федор. Раз я, дýша моя, стал считать, сколько женщин на своем веку я сделал несчастными? Считал, считал, дошел до семидесяти и бросил. Ну-с, а как только исполнилось мне сорок лет, вдруг на меня, брат Саша, что-то нашло. Тоска, места себе нигде не найду, одним словом, разлад в душе, да и шабаш. Я туда-сюда, и книжки читаю, и работаю, и путешествую – не помогает! Ну-с, дýша моя, поехал я как-то в гости к покойному куму мое-

му, светлейшему князю Дмитрию Павловичу. Закусили, пообедали... После обеда, чтобы не спать, затеяли на дворе стрельбу в цель. Народу собралось видимо-невидимо. И наш Вафля тут был.

Дядин. Был, был... помню.

Орловский. Тоска у меня, понимаешь ли – господи! Не выдержал. Вдруг слезы брызнули из глаз, зашатался и как крикну на весь двор, что есть мочи: «Друзья мои, люди добрые, простите меня ради Христа!» В ту же самую минуту стало на душе у меня чисто, ласково, тепло, и с той поры, душа моя, во всем уезде нет счастливей меня человека. И тебе это самое надо сделать.

Серебряков. Что?

На небе показывается зарево.

Орловский. Вот это самое. На капитуляцию сдаться надо.

Серебряков. Образчик туземной философии. Ты советуешь мне прощения просить. За что? Пусть у меня прощения попросят!

Соня. Папа, но ведь мы виноваты!

Серебряков. Да? Господа, очевидно, в настоящую минуту все вы имеете в виду мои от-

ношения к жене. Неужели, по-вашему, я виноват? Это даже смешно, господа. Она нарушила свой долг, оставила меня в тяжелую минуту жизни...

Хрущов. Александр Владимирович, выслушайте меня... Вы двадцать пять лет были профессором и служили науке, я сажаю леса и занимаюсь медициной, но к чему, для кого все это, если мы не щадим тех, для кого работаем? Мы говорим, что служим людям, и в то же время бесчеловечно губим друг друга. Например, сделали ли мы с вами что-нибудь, чтобы спасти Жоржа? Где ваша жена, которую все мы оскорбляли? Где ваш покой, где покой вашей дочери? Все погибло, разрушено, все идет прахом. Вы, господа, называете меня Лешим, но ведь не я один, во всех вас сидит леший, все вы бродите в темном лесу и живете ощупью. Ума, знаний и сердца у всех хватает только на то, чтобы портить жизнь себе и другим.

Елена Андреевна выходит из дому и садится на скамью под окном.

9

Те же и Елена Андреевна.

Хрущов. Я считал себя идейным, гуманным человеком и наряду с этим не прощал людям малейших ошибок, верил сплетням, клеветал заодно с другими, и когда, например, ваша жена доверчиво предложила мне свою дружбу, я выпалил ей с высоты своего величия: «Отойдите от меня! Я презираю вашу дружбу!» Вот каков я. Во мне сидит леший, я мелок, бездарен, слеп, но и вы, профессор, не орел! И в то же время весь уезд, все женщины видят во мне героя, передового человека, а вы знамениты на всю Россию. А если таких, как я, серьезно считают героями, и если такие, как вы, серьезно знамениты, то это значит, что на безлюдье и Фома дворянин, что нет истинных героев, нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из этого темного леса, исправляли бы то, что мы портим, нет настоящих орлов, которые по праву пользовались бы почетной известностью...

Серебряков. Виноват... Я приехал сюда не для того, чтобы полемизировать с вами и защищать свои права на известность.

Желтухин. Вообще, Миша, прекратим этот разговор.

Хрущов. Я сейчас кончу и уйду. Да, я мелок, но и вы, профессор, не орел! Мелок Жорж, который ничего не нашел умнее сделать, как только пустить себе пулю в лоб. Все мелки! Что же касается женщин...

Елена Андреевна (*перебивая*). Что же касается женщин, то и они не крупнее. (*Идет к столу.*) Елена Андреевна ушла от своего мужа, и, вы думаете, она сделает что-нибудь путное из своей свободы? Не беспокойтесь... Она вернется... (*Садится за стол.*) Вот уж и вернулась...

Общее замешательство.

Дядин (*хохочет*). Это восхитительно! Господа, не велите казнить, велите слово вымолвить! Ваше превосходительство, это я похитил у вас супругу, как некогда некий Парис прекрасную Елену![36] Я! Хотя рябые Парисы и не бывают, но, друг Горацио, на свете есть много такого, что не снилось нашим мудрецам![37]

Хрущов. Ничего не понимаю... Это вы, Елена Андреевна?

Елена Андреевна. Эти две недели я прожила у Ильи Ильича... Что вы на меня все так

смотрите? Ну, здравствуйте... Я сидела у окна и все слышала. *(Обнимает Соню.)* Давайте мириться. Здравствуй, милая девочка... Мир и согласие!

Дядин *(потирая руки)*. Это восхитительно!

Елена Андреевна *(Хрущову)*. Михаил Львович. *(Дает руку.)* Кто старое помянет, тому глаз вон. Здравствуйте, Федор Иваныч... Юлечка...

Орловский. Душа моя, профессорша наша славная, красавица... Она вернулась, опять пришла к нам...

Елена Андреевна. Я соскучилась по вас. Здравствуй, Александр! *(Протягивает мужу руку, тот отворачивается.)* Александр!

Серебряков. Вы нарушили ваш долг.

Елена Андреевна. Александр!

Серебряков. Не скрою, я очень рад видеть вас и готов говорить с вами, но не здесь, а дома... *(Отходит от стола.)*

Орловский. Саша!

Пауза.

Елена Андреевна. Так... Значит, Александр, наш вопрос решается очень просто: никак. Ну, так тому и быть! Я эпизодическое ли-

цо, счастье мое канареечное, бабье счастье... Сиди сиднем весь век дома, ешь, пей, спи и слушай каждый день, как говорят тебе о подагре, о своих правах, о заслугах. Что вы все опустили головы, точно сконфузились? Давайте пить наливку, что ли? Эх!

Дядин. Все обойдется, исправится, все будет хорошо и благополучно.

Федор Иванович (*подходит к Серебрякову, взволнованный*). Александр Владимирович, я тронут... Прошу вас, приласкайте вашу жену, скажите ей хоть одно доброе слово, и, честное слово благородного человека, я всю жизнь буду вашим верным другом, подарю вам лучшую свою тройку.

Серебряков. Благодарю, но, извините, я вас не понимаю...

Федор Иванович. Гм... не понимаете... Иду я раз с охоты, смотрю – на дереве филин сидит. Я в него трах бекасинником! Он сидит... я в него девятым номером... Сидит... Ничто его не берет. Сидит и только глазами хлопает.

Серебряков. К чему же это относится?

Федор Иванович. К филину. (*Возвращается к столу.*)

Орловский (*прислушивается*). Позвольте, господа... Тише... Кажется, где-то в набат бьют...

Федор Иванович (*увидел зарево*). Ой-ой-ой! Поглядите на небо! Какое зарево!

Орловский. Батюшки, а мы сидим тут и не видим!

Дядин. Ловко.

Федор Иванович. Те-те-те! Вот так иллюминация! Это около Алексеевского.

Хрущов. Нет, Алексеевское будет правее... Скорее это в Ново-Петровском.

Юля. Как страшно! Боюсь я пожаров!

Хрущов. Конечно, в Ново-Петровском.

Дядин (*кричит*). Семен, сбегай на плотину, погляди оттуда, что горит. Может, видно!

Семен (*кричит*). Это Телибеевский лес горит.

Дядин. Что?

Семен. Телибеевский лес!

Дядин. Лес...

Продолжительная пауза.

Хрущов. Мне надо идти туда... на пожар. Прощайте... Извините, я был резок – это оттого, что никогда я себя не чувствовал в таком

угнетенном состоянии, как сегодня... У меня тяжело на душе... Но все это не беда... Надо быть человеком и твердо стоять на ногах. Я не застрелюсь и не брошусь под колеса мельницы... Пусть я не герой, но я сделаюсь им! Я отращу себе крылья орла, и не испугают меня ни это зарево, ни сам черт! Пусть горят леса – я посею новые! Пусть меня не любят, я люблю другую! *(Быстро уходит.)*

Елена Андреевна. Какой он молодец!

Орловский. Да... «Пусть меня не любят – я люблю другую». Как сие понимать прикажете?

Соня. Увезите меня отсюда... Домой хочу...

Серебряков. Да, пора уже ехать. Сырость здесь невозможная. Где-то были мой плэд и пальто...

Желтухин. Плэд в коляске, а пальто здесь. *(Подает пальто.)*

Соня *(в сильном волнении).* Увезите меня отсюда... Увезите...

Желтухин. Я к вашим услугам...

Соня. Нет, я с крестненьким поеду. Возьмите меня с собой, крестненький...

Орловский. Поедем, душа моя, поедем. *(По-*

могает ей одеться.)

Желтухин (в сторону). Черт знает... Ничего кроме подлостей и унижения.

Федор Иванович и Юля укладывают в корзину посуду и салфетки.

Серебряков. Левая нога болит в ступне... Ревматизм, должно быть... Опять придется всю ночь не спать.

Елена Андреевна (застегивая мужу пальто). Милый Илья Ильич, принесите мне из дому мою шляпу и тальму!

Дядин. Сию минуту! (*Уходит в дом и возвращается с шляпой и тальмой.*)

Орловский. Зарева, душа моя, испугалась! Не бойся, оно стало меньше. Пожар потухает...

Юля. Полбанки кизилового варенья осталось... Ну, это пусть Илья Ильич скушает. (*Брату.*) Ленечка, бери корзину.

Елена Андреевна. Я готова. (*Мужу.*) Ну, бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной[38] в свои двадцать шесть унылых комнат! Туда мне и дорога!

Серебряков. Статуя командора... Я посмеялся бы этому сравнению, но мне мешает

боль в ноге. *(Всем.)* До свидания, господа! Благодарю вас за угощение и за приятное общество... Великолепный вечер, отличный чай – все прекрасно, но, простите, только одного я не могу признать у вас – это вашей туземной философии и взглядов на жизнь. Надо, господа, дело делать. Так нельзя! Надо дело делать... Да-с... Прощайте. *(Уходит с женой.)*

Федор Иванович. Пойдем, салопница! *(Отцу.)* Прощай, отче! *(Уходит с Юлей.)*

Желтухин *(с корзиной, идя за ними).* Тяжелая корзина, черт бы ее побрал... Терпеть не могу этих пикников. *(Уходит и кричит за сценой.)* Алексей, подавай.

10

Орловский, Соня и Дядин.

Орловский *(Соне).* Ну, что же села? Пойдем, манюся... *(Идет с Соней.)*

Дядин *(в сторону).* А со мной никто не простился... Это восхитительно! *(Тушит свечи.)*

Орловский *(Соне).* Что же ты?

Соня. Не могу я идти, крестненький... Сил нет! Я в отчаянии, крестненький... я в отчаянии! Мне невыносимо тяжело!

Орловский *(встревоженно).* Что такое?

Душа моя, красавица...

Соня. Останемся... Побудем здесь немного.

Орловский. То увезите, то останемся... Тебя не поймешь...

Соня. Здесь я потеряла сегодня свое счастье... Не могу... Ах, крестненький, зачем я еще не умерла! *(Обнимает его.)* Ах, если б вы знали, если б вы знали!

Орловский. Тебе водицы... Пойдем сядем... иди...

Дядин. Что такое? Софья Александровна, матушка... я не могу, я весь дрожу... *(Слезливо.)* Не могу я видеть этого... Деточка моя...

Соня. Илья Ильич, родной мой, свезите меня на пожар! Умоляю вас!

Орловский. Зачем тебе на пожар? Что ты там будешь делать?

Соня. Умоляю вас, свезите, а то я сама пойду. Я в отчаянии... Крестненький, мне тяжело, невыносимо тяжело. Свезите меня на пожар.

Быстро входит Хрущов.

11

Те же и Хрущов.

Хрущов *(кричит)*. Илья Ильич!

Дядин. Здесь! Что тебе?

Хрущов. Я не могу идти пешком, дай мне лошадь.

Соня (узнав Хрущова, радостно вскрикивает). Михаил Львович! (Идет к нему.) Михаил Львович! (Орловскому.) Уйдите, крестненький, мне поговорить с ним нужно. (Хрущову.) Михаил Львович, вы сказали, что полюбите другую... (Орловскому.) Уйдите, крестненький... (Хрущову.) Я теперь другая... Я хочу одну только правду... Ничего, ничего, кроме правды! Я люблю, люблю вас... люблю...

Орловский. Вот так история с географией. (Хохочет.)

Дядин. Это восхитительно!

Соня (Орловскому). Уйдите, крестненький. (Хрущову.) Да, да, одной только правды и больше ничего... Говорите же, говорите... Я все сказала...

Хрущов (обнимая ее). Голубка моя!

Соня. Не уходите, крестненький... Когда ты объяснялся мне, я всякий раз задыхалась от радости, но я была скована предрассудками; отвечать тебе правду мне мешало то же самое, что теперь мешает моему отцу улыбаться Елене. Теперь я свободна...

Орловский (*хохочет*). Спелись-таки, наконец! Выкарабкались на берег! Честь имею вас поздравить. (*Низко кланяется.*) Ах вы, бесстыдники, бесстыдники! Канителили, друг дружку за фалды ловили!

Дядин (*обнимая Хрущова*). Мишенька, голубчик, как ты меня обрадовал! Мишенька!

Орловский (*обнимая и целуя Соню*). Дуся, канареечка моя... Дочка моя крестненькая...

Соня хохочет.

Ну, закатилась!

Хрущов. Позвольте, я никак не могу опомниться... Дайте мне еще поговорить с нею... Не мешайте... Умоляю вас, уходите...

Входят Федор Иванович и Юля.

12

Те же, Федор Иванович и Юля.

Юля. Но ведь ты, Феденька, все врешь! Ты все врешь!

Орловский. Тссс! Тише, ребятки! Мой разбойник идет. Спрячемся, господа, поскорее! Пожалуйста.

Орловский, Дядин, Хрущов и Соня прячутся.

Федор Иванович. Я забыл тут свой кнут и перчатку.

Юля. Но ведь ты все врешь!

Федор Иванович. Ну, вру... Что ж из этого? Не хочу я сейчас ехать к тебе... Погуляем, тогда и поедем.

Юля. Забота мне с тобой! Чистое наказание! *(Всплескивает руками.)* Ну, не дурак ли этот Вафля! До сих пор со стола не убрал! Ведь самовар украсть могут... Ах, Вафля, Вафля, кажется, уж старый, а ума меньше, чем у дитя!

Дядин *(в сторону)*. Благодарим покорно.

Юля. Когда мы шли, тут кто-то смеялся...

Федор Иванович. Это бабы купаются... *(Поднимает перчатку.)* Чья-то перчатка... Сонина... Сегодня Соню точно муха укусила. В Лешего влюблена. Она в него по уши врезалась, а он, болван, не видит.

Юля *(сердито)*. Куда же это мы идем?

Федор Иванович. На плотину... Пойдем погуляем... Лучшего места во всем уезде нет... Красота!

Орловский *(в сторону)*. Сыночек мой, красавец, борода широкая...

Юля. Я сейчас слышала чей-то голос.

Федор Иванович. Тут чудеса, тут леший бродит, [39] русалка на ветвях сидит... Так-то,

дядя! *(Хлопает ее по плечу.)*

Юля. Я не дядя.

Федор Иванович. Будем рассуждать мирно. Слушай, Юлечка. Я прошел сквозь огонь, воду и медные трубы... Мне уж тридцать пять лет, а у меня никакого звания, кроме как поручик сербской службы и унтер-офицер русского запаса. Болтаюсь между небом и землей... Нужно мне образ жизни переменить, и знаешь... понимаешь, у меня теперь в голове такая фантазия, что если я женюсь, то в моей жизни произойдет круговорот... Выходи за меня, а? Лучшей мне не надо...

Юля *(смущенно)*. Гм... Видишь ли... Сначала исправься, Феденька.

Федор Иванович. Да ну, не цыгань! Говори прямо!

Юля. Мне совестно... *(Оглядывается.)* Пой, как бы кто не вошел или не подслушал... Кажется, Вафля в окно смотрит.

Федор Иванович. Никого нет.

Юля *(бросается ему на шею)*. Феденька!

Соня хохочет; Орловский, Дядин и Хрущов хохочут, хлопают в ладоши и кричат: «Браво! Браво!»

Федор Иванович. Тьфу! Испугали! Откуда вы взялись?

Соня. Юлечка, поздравляю! И я тоже, и я тоже!

Смех, поцелуи, шум.

Дядин. Это восхитительно! Это восхитительно!

Занавес

Юбилей

Шутка в одном действии

Действующие лица

Шипучин Андрей Андреевич, *председатель правления N-ского Общества взаимного кредита, нестарый человек, с моноклем.*

Татьяна Алексеевна, *его жена, 25 лет.*

Хирин Кузьма Николаевич, *бухгалтер банка, старик.*

Мерчуткина Настасья Федоровна, *старуха в салоне.*

Члены банка.

Служащие в банке.

Действие происходит в N-ском Банке взаимного кредита.

Кабинет председателя правления. Налево дверь, ведущая в контору банка. Два письменных стола. Обстановка с претензией на изысканную роскошь: бархатная мебель, цветы, статуи, ковры, телефон. – Полдень.

Хирин один; он в валенках.

Хирин (*кричит в дверь*). Пошлите взять в аптеке валериановых капель на пятнадцать

копеек да велите принести в директорский кабинет свежей воды! Сто раз вам говорить! *(Идет к столу.)* Совсем замучился. Пишу уже четвертые сутки и глаз не смыкаю; от утра до вечера пишу здесь, а от вечера до утра – дома. *(Кашляет.)* А тут еще воспаление во всем теле. Зноб, жар, кашель, ноги ломит и в глазах этакие... междометия. *(Садится.)* Наш кривляка, этот мерзавец, председатель правления, сегодня на общем собрании будет читать доклад: «Наш банк в настоящем и в будущем». Какой Гамбетта, подумаешь...[40] *(Пишет.)* Два... один... один... шесть... ноль... семь... Затем, шесть... ноль... один... шесть... Ему хочется пыль пустить, а я вот сиди и работай для него, как каторжный!.. Он в этот доклад одной только поэзии напустил и больше ничего, а я вот день-деньской на счетах щелкай, черт бы его душу драл!.. *(Щелкает на счетах.)* Терпеть не могу! *(Пишет.)* Значит, один... три... семь... два... один... ноль... Обещал наградить за труды. Если сегодня все обойдется благополучно и удастся очки втереть публике, то обещал золотой жетон и триста наградных... Увидим. *(Пишет.)* Ну, а если труды мои

пропадут даром, то, брат, не взыщи... Я человек вспыльчивый... Я, брат, под горячую руку могу и преступление совершить... Да!

За сценой шум и аплодисменты. Голос Шипучина: «Благодарю! благодарю! Тронут!» Входит Шипучин. Он во фраке и белом галстуке; в руках только что поднесенный ему альбом.

Шипучин (*стоя в дверях и обращаясь в контору*). Этот ваш подарок, дорогие сослуживцы, я буду хранить до самой смерти как воспоминание о счастливейших днях моей жизни! Да, милостивые государи! Еще раз благодарю! (*Посылает воздушный поцелуй и идет к Хирину.*) Мой дорогой, мой почтеннейший Кузьма Николаич!

Все время, пока он на сцене, служащие изредка входят с бумагами для подписи и уходят.

Хирин (*вставая*). Честь имею поздравить вас, Андрей Андреич, с пятнадцатилетней годовщиной нашего банка и желаю, чтоб...

Шипучин (*крепко пожимает руку*). Благодарю, мой дорогой! Благодарю! Для сегодняшнего знаменательного дня, ради юбилея, полагаю, можно и поцеловаться!..

Целуются.

Очень, очень рад! Спасибо вам за службу... за все, за все спасибо! Если мною, пока я имею честь быть председателем правления этого банка, сделано что-нибудь полезное, то этим я обязан прежде всего своим сослуживцам. *(Вздыхает.)* Да, батенька, пятнадцать лет! Пятнадцать лет, не будь я Шипучин! *(Живо.)* Ну, что мой доклад? Подвигается?

Хирин. Да. Осталось всего страниц пять.

Шипучин. Прекрасно. Значит, к трем часам будет готов?

Хирин. Если никто не помешает, то кончу. Пустяки осталось.

Шипучин. Великолепно. Великолепно, не будь я Шипучин! Общее собрание будет в четыре. Пожалуйста, голубчик. Дайте-ка мне первую половину, я проштудирую... Дайте скорее... *(Берет доклад.)* На этот доклад я возлагаю громадные надежды... Это мое profession de foi,[41] или, лучше сказать, мой фейерверк... Фейерверк, не будь я Шипучин! *(Садится и про себя читает доклад.)* Устал я, однако, адски... Ночью у меня был припадок подагры, все утро провел в хлопотах и по-

бегушках, потом эти волнения, овации, эта ажитация... устал!

Хирин (*пишет*). Два... ноль... ноль... три... девять... два... ноль... От цифр в глазах зелено... Три... один... шесть... четыре... один... пять... (*Щелкает на счетах.*)

Шипучин. Тоже неприятность... Сегодня утром была у меня ваша супруга и опять жаловалась на вас. Говорила, что вчера вечером вы за нею и за свояченицей с ножом гонялись. Кузьма Николаич, на что это похоже? Ай-ай!

Хирин (*сурово*). Осмелюсь ради юбилея, Андрей Андреич, обратиться к вам с просьбой. Прошу вас, хотя бы из уважения к моим каторжным трудам, не вмешивайтесь в мою семейную жизнь. Прошу!

Шипучин (*вздыхает*). Невозможный у вас характер, Кузьма Николаич! Человек вы прекрасный, почтенный, а с женщинами держите себя, как какой-нибудь Джэк.[42] Право. Не понимаю, за что вы их так ненавидите?

Хирин. А я вот не понимаю: за что вы их так любите?

Пауза.

Шипучин. Служащие поднесли сейчас альбом, а члены банка, как я слышал, хотят поднести мне адрес и серебряный жбан... (*Играя моноклем.*) Хорошо, не будь я Шипучин! Это не лишнее... Для репутации банка необходима некоторая помпа, черт возьми! Вы свой человек, вам все, конечно, известно... Адрес сочинял я сам, серебряный жбан купил тоже я сам... Ну, и переплет для адреса сорок пять рублей, но без этого нельзя. Сами бы они не догадались. (*Оглядывается.*) Обстановочка-то какова! Что за обстановка! Вот говорят, что я мелочен, что мне нужно, чтобы только замки у дверей были почищены, чтоб служащие носили модные галстуки да у подъезда стоял толстый швейцар. Ну, нет, судари мои. Замки у дверей и толстый швейцар – не мелочь. Дома у себя я могу быть меццанином, есть и спать по-свински, пить запоем...

Хирин. Прошу, пожалуйста, без намеков!

Шипучин. Ах, никто не намекает! Какой у вас невозможный характер... Так вот я и говорю: дома у себя я могу быть меццанином, парвеню и слушаться своих привычек, но здесь все должно быть en grand.[43] Здесь

банк! Здесь каждая деталь должна импонировать, так сказать, и иметь торжественный вид. *(Поднимает с пола бумажку и бросает ее в камин.)* Заслуга моя именно в том, что я высоко поднял репутацию банка!.. Великое дело – тон! Великое, не будь я Шипучин. *(Оглядывает Хирина.)* Дорогой мой, каждую минуту сюда может явиться депутация от членов банка, а вы в валенках, в этом шарфе... в каком-то пиджаке дикого цвета... Могли бы надеть фрак, ну, наконец, черный сюртук...

Хирин. Для меня здоровье дороже ваших членов банка. У меня воспаление всего тела.

Шипучин *(волнуясь)*. Но согласитесь, что это беспорядок! Вы нарушаете ансамбль!

Хирин. Если придет депутация, то я спрятаться могу. Не велика беда... *(Пишет.)* Семь... один... семь... два... один... пять... ноль. Я и сам беспорядков не люблю... Семь... два... девять... *(Щелкает на счетах.)* Терпеть не могу беспорядков! Вот хорошо бы вы сделали, если бы не приглашали сегодня на юбилейный обед дам...

Шипучин. Пустяки какие....

Хирин. Я знаю, вы для шику напустите их

сегодня полную залу, но, глядите, они вам все дело испортят. От них всякий вред и беспорядок.

Шипучин. Напротив, женское общество возвышает!

Хирин. Да... Ваша супруга, кажется, образованная, а в понедельник на прошлой неделе такое выпалила, что я потом дня два только руками разводил. Вдруг при посторонних спрашивает: «Правда ли, что у нас в банке муж накопил акций Дряжско-Пряжского банка, которые упали на бирже? Ах, мой муж так беспокоится!» Это при посторонних-то! И зачем вы откровенничаете с ними, не понимаю! Хотите, чтобы они вас под уголовщину подвели?

Шипучин. Ну, довольно, довольно! Для юбилея это все слишком мрачно. Кстати, вы мне напомнили. *(Смотрит на часы.)* Сейчас должна приехать моя супружница. В сущности, следовало бы съездить на вокзал, встретить ее, бедняжку, но нет времени и... и устал. Признаться, я не рад ей! То есть я рад, но для меня было бы приятнее, если бы она еще денька два пожила у своей матери. Она

потребуется, чтобы я сегодня провел весь вечер с нею, а, между тем, у нас сегодня предполагается после обеда маленькая экскурсия... *(Вздрагивает.)* Однако, у меня уже начинается нервная дрожь. Нервы так напряжены, что достаточно, кажется, малейшего пустяка, чтобы я расплакался! Нет, надо быть крепким, не будь я Шипучин!

Входит Татьяна Алексеевна, в ватерпруфе [44] и с дорожной сумочкой через плечо.

Шипучин. Ба! Легка на помине!

Татьяна Алексеевна. Милый! *(Бежит к мужу, продолжительный поцелуй.)*

Шипучин. А мы только что о тебе говорили!.. *(Смотрит на часы.)*

Татьяна Алексеевна *(запыхавшись).* Соскучился? Здоров? А я еще дома не была, с вокзала прямо сюда. Нужно тебе рассказать многое, многое... не могу утерпеть... Раздеваться я не буду, я на минутку. *(Хирину.)* Здравствуйте, Кузьма Николаич! *(Мужу.)* Дома у нас все благополучно?

Шипучин. Все. А ты за эту неделю пополнела, похорошела... Ну, как съездила?

Татьяна Алексеевна. Превосходно. Кланя-

ются тебе мама и Катя. Василий Андреич велел тебя поцеловать. (*Целует.*) Тетя прислала тебе банку варенья, и все сердятся, что ты не пишешь. Зина велела тебя поцеловать. (*Целует.*) Ах, если б ты знал, что было! Что было! Мне даже страшно рассказывать! Ах, что было! Но я вижу по глазам, что ты мне не рад!

Шипучин. Напротив... Милая... (*Целует.*)

Хирин сердито кашляет.

Татьяна Алексеевна (*вздыхает*). Ах, бедная Катя, бедная Катя! Мне ее так жаль, так жаль!

Шипучин. У нас, милая, сегодня юбилей, всякую минуту может явиться сюда депутация от членов банка, а ты не одета.

Татьяна Алексеевна. Правда, юбилей! Поздравляю, господа... Желаю вам... Значит, сегодня собрание, обед... Это я люблю. А помнишь, тот прекрасный адрес, который ты так долго сочинял для членов банка? Его сегодня будут тебе читать?

Хирин сердито кашляет.

Шипучин (*смущенно*). Милая, об этом не говорят... Право, ехала бы домой.

Татьяна Алексеевна. Сейчас, сейчас. В од-

ну минуту расскажу и уеду. Я тебе все с самого начала. Ну-с... Когда ты меня проводил, я, помнишь, села рядом с той полной дамой и стала читать. В вагоне я не люблю разговаривать. Три станции все читала и ни с кем ни одного слова... Ну, наступил вечер, и такие, знаешь, пошли всё мрачные мысли! Напротив сидел молодой человек, ничего себе так, недурненький, брюнет... Ну, разговорились... Подошел моряк, потом студент какой-то... (Смеется.) Я сказала им, что я не замужем... Как они за мной ухаживали! Болтали мы до самой полночи, брюнет рассказывал ужасно смешные анекдоты, а моряк все пел. У меня грудь заболела от смеха. А когда моряк – ах, эти моряки! – когда моряк узнал нечаянно, что меня зовут Татьяной, то знаешь, что он пел? (Поет басом.) Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!..[45] (Хохочет.)

Хирин сердито кашляет.

Шипучин. Однако, Танюша, мы мешаем Кузьме Николаичу. Поезжай домой, милая... После...

Татьяна Алексеевна. Ничего, ничего, пусть и он послушает, это очень интересно. Я

сейчас кончу. На станцию выехал за мной Сережа. Подвернулся тут какой-то молодой человек, податной инспектор, кажется... ничего себе, славненький, особенно глаза... Сережа представил его, и мы поехали втроем... Погода была чудная...

За сценой голоса: «Нельзя! Нельзя! Что вам угодно?»

Входит Мерчуткина.

Мерчуткина (в дверях, отмахиваясь). Чего хватаете-то? Вот еще! Мне самого нужно!.. (Входит, Шипучину.) Честь имею, ваше превосходительство... Жена губернского секретаря, Настасья Федоровна Мерчуткина-с.

Шипучин. Что вам угодно?

Мерчуткина. Изволите ли видеть, ваше превосходительство, муж мой, губернский секретарь Мерчуткин, был болен пять месяцев, и пока он лежал дома и лечился, ему без всякой причины отставку дали, ваше превосходительство, а когда я пошла за его жалованьем, то они, изволите ли видеть, взяли и вычли из его жалованья двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек. За что? спрашиваю. «А он, говорят, из товарищеской кас-

сы брал и за него другие ручались». Как же так? Нешто он мог без моего согласия брать? Так нельзя, ваше превосходительство! Я женщина бедная, только и кормлюсь жильцами... Я слабая, беззащитная... От всех обиду терплю и ни от кого доброго слова не слышу.

Шипучин. Позвольте... *(Берет от нее прошение и читает его стоя.)*

Татьяна Алексеевна *(Хирину)*. Но нужно сначала... На прошлой неделе вдруг я получаю от мамы письмо. Пишет, что сестре Кате сделал предложение некий Грендилевский. Прекрасный, скромный молодой человек, но без всяких средств и никакого определенного положения. И на беду, представьте себе, Катя увлеклась им. Что тут делать? Мама пишет, чтобы я не медля приехала и повлияла на Катю...

Хирин *(сурово)*. Позвольте, вы меня сбили! Вы – мама да Катя, а я вот сбился и ничего не понимаю.

Татьяна Алексеевна. Экая важность! А вы слушайте, когда с вами дама говорит! Отчего вы сегодня такой сердитый? Влюблены? *(Смеется.)*

Шипучин (*Мерчуткиной*). Позвольте, однако, как же это? Я ничего не понимаю...

Татьяна Алексеевна. Влюблены? Ага! По-краснел!

Шипучин (*жене*). Танюша, поди, милая, на минутку в контору. Я сейчас.

Татьяна Алексеевна. Хорошо. (*Уходит.*)

Шипучин. Я ничего не понимаю. Очевидно, вы, сударыня, не туда попали. Ваша просьба по существу совсем к нам не относится. Вы потрудитесь обратиться в то ведомство, где служил ваш муж.

Мерчуткина. Я, батюшка, в пяти местах уже была, нигде даже прошения не приняли. Я уж и голову потеряла, да спасибо зятю Борису Матвеичу, надоумил к вам сходить. «Вы, говорит, мамаша, обратитесь к господину Шипучину: они влиятельный человек, все могут...» Помогите, ваше превосходительство!

Шипучин. Мы, госпожа Мерчуткина, ничего не можем для вас сделать. Поймите вы: ваш муж, насколько я могу судить, служил по военно-медицинскому ведомству, а наше учреждение совершенно частное, коммерческое, у нас банк. Как не понять этого!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, а что муж мой болен был, у меня докторское свидетельство есть. Вот оно, извольте поглядеть...

Шипучин (*раздраженно*). Прекрасно, я верю вам, но, повторяю, это к нам не относится.

За сценой смех Татьяны Алексеевны; потом мужской смех.

Шипучин (*взглянув на дверь*). Она там мешает служащим. (*Мерчуткиной.*) Странно и даже смешно. Неужели ваш муж не знает, куда вам обращаться?

Мерчуткина. Он, ваше превосходительство, у меня ничего не знает. Зарядил одно: «не твое дело! пошла вон!» да и все тут...

Шипучин. Повторяю, сударыня: ваш муж служил по военно-медицинскому ведомству, а здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Так, так, так... Понимаю, ба-тюшка. В таком случае, ваше превосходительство, прикажите выдать мне хоть пятнадцать рублей! Я согласна не всё сразу.

Шипучин (*вздыхает*). Уф!

Хирин. Андрей Андреич, этак я никогда до-

клада не кончу!

Шипучин. Сейчас. (*Мерчуткиной.*) Вам не втолкуешь. Да поймите же, что обращаться к нам с подобной просьбой так же странно, как подавать прошение о разводе, например, в аптеку или в пробирную палатку.[46]

Стук в дверь. Голос Татьяны Алексеевны: «Андрей, можно войти?»

(*Кричит.*) Погоди, милая, сейчас! (*Мерчуткиной.*) Вам не доплатили, но мы-то тут при чем? И к тому же, сударыня, у нас сегодня юбилей, мы заняты... и может сюда войти кто-нибудь сейчас... Извините...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, пожалейте меня, сироту! Я женщина слабая, беззащитная... Замучилась до смерти... И с жильцами судись, и за мужа хлопочи, и по хозяйству бегай, а тут еще зять без места.

Шипучин. Госпожа Мерчуткина, я... Нет, извините, я не могу с вами говорить! У меня даже голова закружилась... Вы и нам мешаете, и время понапрасну теряете... (*Вздыхает, в сторону.*) Вот пробка, не будь я Шипучин! (*Хирину.*) Кузьма Николаич, объясните вы, пожалуйста, госпоже Мерчуткиной... (*Машет ру-*

кой и уходит в правление.)

Хирин (подходит к Мерчуткиной. Сурово).
Что вам угодно?

Мерчуткина. Я женщина слабая, беззащитная... На вид, может, я крепкая, а ежели разобрать, так во мне ни одной жилочки нет здоровой! Еле на ногах стою и аппетита рещилась. Кофей сегодня пила и без всякого удовольствия.

Хирин. Я вас спрашиваю, что вам угодно?

Мерчуткина. Прикажете, батюшка, выдать мне пятнадцать рублей, а остальные хоть через месяц.

Хирин. Но ведь вам, кажется, было сказано русским языком: здесь банк!

Мерчуткина. Так, так... А если нужно, я могу медицинское свидетельство представить.

Хирин. У вас на плечах голова или что?

Мерчуткина. Миленький, ведь я по закону прошу. Мне чужого не нужно.

Хирин. Я вас, мадам, спрашиваю: у вас голова на плечах или что? Ну, черт меня подери совсем, мне некогда с вами разговаривать! Я занят. (Указывает на дверь.) Прошу!

Мерчуткина (удивленная). А деньги как

же?..

Хирин. Одним словом, у вас на плечах не голова, а вот что... *(Стучит пальцем по столу, потом себе по лбу.)*

Мерчуткина *(обидевшись)*. Что? Ну, нечего, нечего... Своей жене постукай... Я губернская секретарша... Со мной не очень!

Хирин *(всплыв, вполголоса)*. Вон отсюда!

Мерчуткина. Но, но, но... Не очень!

Хирин *(вполголоса)*. Ежели ты не уйдешь сию секунду, то я за дворником пошлю! Вон! *(Топочет ногами.)*

Мерчуткина. Нечего, нечего! Не боюсь! Видали мы таких... Скважина!

Хирин. Кажется, во всю свою жизнь не видал противнее... Уф! Даже в голову ударило... *(Тяжело дышит.)* Я тебе еще раз говорю... Слышишь! Ежели ты, старая кикимора, не уйдешь отсюда, то я тебя в порошок сотру! У меня такой характер, что я могу из тебя на весь век калеку сделать! Я могу преступление совершить!

Мерчуткина. Собака лает, ветер носит. Не испугалась. Видали мы таких.

Хирин *(в отчаянии)*. Видеть ее не могу!

Мне дурно! Я не могу! (*Идет к столу и садится.*) Напустили баб полон банк, не могу я доклада писать! Не могу!

Мерчуткина. Я не чужое прошу, а свое, по закону. Ишь срамник! В присутственном месте в валенках сидит... Мужик...

Входят Шипучин и Татьяна Алексеевна.

Татьяна Алексеевна (*входя за мужем*). Поехали мы на вечер к Бережницким. На Кате было голубенькое фуляровое платье[47] с легким кружевом и с открытой шейкой... Ей очень к лицу высокая прическа, и я ее сама причесала... Как оделась и причесалась, ну просто очарование!

Шипучин (*уже с мигренью*). Да, да... очарование... Сейчас могут прийти сюда.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Шипучин (*уныло*). Что еще? Что вам угодно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство!.. (*Указывает на Хирина.*) Вот этот, вот самый... вот этот постучал себе пальцем по лбу, а потом по столу... Вы велели ему мое дело разобратить, а он насмехается и всякие слова. Я женщина слабая, беззащитная...

Шипучин. Хорошо, сударыня, я разберу... приму меры... Уходите... после!.. *(В сторону.)* У меня подагра начинается!..

Хирин *(подходит к Шипучину, тихо).* Андрей Андреич, прикажите послать за швейцаром, пусть ее в три шеи погонит. Ведь это что такое?

Шипучин *(испуганно).* Нет, нет! Она визг поднимет, а в этом доме много квартир.

Мерчуткина. Ваше превосходительство!..

Хирин *(плачущим голосом).* Но ведь мне доклад надо писать! Я не успею!.. *(Возвращается к столу.)* Я не могу!

Мерчуткина. Ваше превосходительство, когда же я получу? Мне нынче деньги надобны.

Шипучин *(в сторону, с негодованием).* За-ме-ча-тель-но подлая баба! *(Ей мягко.)* Сударыня, я уже вам говорил. Здесь банк, учреждение частное, коммерческое...

Мерчуткина. Сделайте милость, ваше превосходительство, будьте отцом родным... Ежели медицинского свидетельства мало, то я могу и из участка удостоверение представить. Прикажите выдать мне деньги!

Шипучин (*тяжело вздыхает*). Уф!

Татьяна Алексеевна (*Мерчуткиной*). Бабушка, вам же говорят, что вы мешаете. Какая вы, право.

Мерчуткина. Красавица, матушка, за меня похлопотать некому. Одно только звание, что пью и ем, а кофей ныне пила без всякого удовольствия.

Шипучин (*в изнеможении, Мерчуткиной*). Сколько вы хотите получить?

Мерчуткина. Двадцать четыре рубля тридцать шесть копеек.

Шипучин. Хорошо! (*Достает из бумажника 25 руб. и подает ей.*) Вот вам двадцать пять рублей. Берите и... уходите!

Хирин сердито кашляет.

Мерчуткина. Покорнейше благодарю, ваше превосходительство... (*Прячет деньги.*)

Татьяна Алексеевна (*садясь около мужа*). Однако мне пора домой... (*Посмотрев на часы.*) Но я еще не кончила... В одну минуточку кончу и уйду... Что было! Ах, что было! Итак, поехали мы на вечер к Бережницким... Ничего себе, весело было, но не особенно... Был, конечно, и Катин вздыхатель Грендилевский...

Ну, я с Катей поговорила, поплакала, повлияла на нее, она тут же на вечере объяснилась с Грендилевским и отказала ему. Ну, думаю, все устроилось, как нельзя лучше: маму успокоила, Катю спасла и теперь сама могу быть спокойна... Что же ты думаешь? Перед самым ужином идем мы с Катей по аллее и вдруг... *(Волнуясь.)* И вдруг слышим выстрел... Нет, я не могу говорить об этом хладнокровно! *(Обмахивается платком.)* Нет, не могу!

Шипучин *(вздыхает)*. Уф!

Татьяна Алексеевна *(плачет)*. Бежим к беседке, а там... там лежит бедный Грендилевский... с пистолетом в руке...

Шипучин. Нет, я этого не вынесу! Я не вынесу! *(Мерчуткиной.)* Вам что еще нужно?

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Татьяна Алексеевна *(плача)*. Выстрелил себе прямо в сердце... вот тут... Катя упала без чувств, бедняжка... А он сам страшно испугался, лежит и... и просит послать за доктором. Скоро приехал доктор и... и спас несчастного...

Мерчуткина. Ваше превосходительство, нельзя ли моему мужу опять поступить на место?

Шипучин. Нет, я не вынесу! *(Плачет.)* Не вынесу! *(Протягивает к Хирину обе руки, в отчаянии.)* Прогоните ее! Прогоните, умоляю вас!

Хирин *(подходя к Татьяне Алексеевне).* Вон отсюда!

Шипучин. Не ее, а вот эту... вот эту ужасную... *(указывает на Мерчуткину)* вот эту!

Хирин *(не поняв его, Татьяне Алексеевне).* Вон отсюда! *(Топочет ногами.)* Вон пошла!

Татьяна Алексеевна. Что? Что вы? С ума сошли?

Шипучин. Это ужасно! Я несчастный человек! Гоните ее! Гоните!

Хирин *(Татьяне Алексеевне).* Вон! Искалечу! Исковеркаю! Преступление совершу!

Татьяна Алексеевна *(бежит от него, он за ней).* Да как вы смеете! Вы нахал! *(Кричит.)* Андрей! Спаси! Андрей! *(Взвизгивает.)*

Шипучин *(бежит за ними).* Перестаньте! Умоляю вас! Тише! Пощадите меня!

Хирин *(гонится за Мерчуткиной).* Вон от-

сюда! Ловите! Бейте! Режьте ее!

Шипучин (кричит). Перестаньте! Прошу вас! Умоляю!

Мерчуткина. Батюшки... батюшки!..
(Взвизгивает.) Батюшки!..

Татьяна Алексеевна (кричит). Спасите! Спасите!.. Ах, ах... дурно! Дурно! (Вскакивает на стул, потом падает на диван и стонет, как в обмороке.)

Хирин (гонится за Мерчуткиной). Бейте ее! Лупите! Режьте!

Мерчуткина. Ах, ах... батюшки, в глазах темно! Ах! (Падает без чувств на руки Шипучина.)

Стук в дверь и голос за сценой: «Депутация!»

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация...

Хирин (топочет ногами). Вон, черт бы меня драл! (Засучивает рукава.) Дайте мне ее! Преступление могу совершить!

Входит депутация из пяти человек; все во фраках. У одного в руках адрес в бархатном переплете, у другого – жбан. В дверь из правления смотрят служащие. Татьяна Алексеевна

на диване, Мерчуткина на руках у Шипучина, обе тихо стонут.

Член банка (*громко читает*). Многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич! Бросая ретроспективный взгляд на прошлое нашего финансового учреждения и пробегая умственным взором историю его постепенного развития, мы получаем в высшей степени отрадное впечатление. Правда, в первое время его существования небольшие размеры основного капитала, отсутствие каких-либо серьезных операций, а также неопределенность целей ставили ребром гамлетовский вопрос: «быть или не быть?», и в одно время даже раздавались голоса в пользу закрытия банка. Но вот во главе учреждения становитесь вы. Ваши знания, энергия и присущий вам такт были причиной необычайного успеха и редкого процветания. Репутация банка... (*кашляет*) репутация банка...

Мерчуткина (*стонет*). Ох! Ох!

Татьяна Алексеевна (*стонет*). Воды! Воды!

Член банка (*продолжает*). Репутация... (*кашляет*) репутация банка поднята вами на

такую высоту, что наше учреждение может ныне соперничать с лучшими заграничными учреждениями...

Шипучин. Депутация... репутация... оккупация... шли два приятеля вечернею порой [48] и дельный разговор вели между собой... Не говори, что молодость стубила,[49] что ревностью истерзана моей.

Член банка (*продолжает в смущении*). Затем, бросая объективный взгляд на настоящее, мы, многоуважаемый и дорогой Андрей Андреевич... (*Понизив тон.*) В таком случае мы после... Мы лучше после...

Уходят в смущении.

Занавес

Неоконченное

Ночь перед судом

Действующие лица

Федор Никитыч Гусев, *господин почтенных лет.*

Зиночка, его молодая жена.

Алексей Алексеич Зайцев, проезжий.

Станционный смотритель.

Действие происходит на почтовой станции в зимнюю ночь.

Почтовая станция. Пасмурная комната с закопченными стенами, большие диваны, обитые клеенкой. Чугунная печка с трубой, которая тянется через всю комнату.

Зайцев (с чемоданом), станционный смотритель (со свечой).

Зайцев. Да и вонь же тут у вас, сеньор! Не продохнешь! Воняет сургучом, кислятиной [50] какой-то, клопами... Пфуй!

Смотритель. Без запаха нельзя.

Зайцев. Завтра разбудите меня в шесть часов... И чтоб тройка была готова... Мне нужно

к девяти часам в город поспеть.

Смотритель. Ладно...

Зайцев. Который теперь час?

Смотритель. Половина второго... *(Уходит.)*

Зайцев *(снимая шубу и валенки).* Холодно!

Даже обалдел от холода... Такое у меня теперь чувство, как будто меня облепили всего снегом, облили водой и потом пребольно высекли... Такие сугробы, такая аспидская метель, что, кажется, если б еще пять минут побыть на воздухе, то – совсем крышка. Замучился. А из-за чего? Добро бы на свидание ехал или наследство получать, а то ведь еду на свою же погибель... Подумать страшно... Завтра в городе заседание окружного суда, и еду я туда в качестве обвиняемого. Меня будут судить за покушение на двоеженство, за подделку бабушкиного завещания на сумму не свыше трехсот рублей и за покушение на убийство миллиардного маркера. Присяжные закатают – в этом нет никакого сомнения. Сегодня я здесь, завтра вечером в тюрьме, а через каких-нибудь полгода – в холодных дебрях Сибири... Брррр!

Пауза.

Впрочем, у меня есть выход из ужасного положения. Есть! В случае если присяжные закатают меня, то я обращусь к своему старому другу... Верный, надежный друг! *(Достает из чемодана большой пистолет.)* Вот он! Каков мальчик? Выменял его у Чепракова на две собаки. Какая прелесть! Даже и застрелиться из него удовольствием некоторым образом... *(Нежно.)* Мальчик, ты заряжен? *(Тонким голосом, как бы отвечая за пистолет.)* Заряжен... *(Своим голосом.)* Небось громко выпалишь? Во всю ивановскую? *(Тонко.)* Во всю ивановскую... *(Своим голосом.)* Ах ты дурашка, мамочка моя... Ну, ложись, спи... *(Целует пистолет и прячет в чемодан.)* Как только услышу «да, виновен», тотчас же — трах себе в лоб и шабаш... Однако я озяб чертовски... Брррр! Надо согреться... *(Делает ручную гимнастику и прыгает около печки.)* Брррр!

Зиночка выглядывает в дверь и тотчас же скрывается.

Что такое? Кажется, сейчас кто-то поглядел в эту дверь... Гм... Да, кто-то поглядел... Значит, у меня соседи? *(Подслушивает у дзве-*

ри.) Ничего не слышно... Ни звука... Должно быть, тоже проезжие... Хорошо бы разбудить их да, если это порядочные люди, в винт с ними засесть... Большой шлем на без-козырях! Занятная история, черт меня возьми... А еще лучше, если б это была женщина. Ничего я так, признаться, не люблю, как дорожные приключения... Иной раз едешь и на такой роман наскочишь, что ни у какого Тургенева не вычитаешь... Помню, вот точно таким же образом ехал я однажды по Самарской губернии. Остановился на почтовой станции... Ночь, понимаете ли, сверчок цвирикает в печке, тишина... Сижу за столом и пью чай... Вдруг слышу таинственный шорох... Дверь отворяется и...

Зинопка (*за дверью*). Это возмутительно! Это ни на что не похоже! Это не станция, а безобразие! (*Выглянув в дверь, кричит.*) Смотритель! Станционный смотритель! Где вы?

Зайцев (*в сторону*). Какая прелесть! (*Ей.*) Сударыня, смотрителя нет. Этот невежа теперь спит. Что вам угодно? Не могу ли я быть полезен?

Зинопка. Это ужасно, ужасно! Клопы, веро-

ятно, хотят съесть меня!

Зайцев. Неужели? Клопы? Ах... как же они смеют?

Зиначка (сквозь слезы). Одним словом, это ужасно! Я сейчас уеду! Скажите тому подлецу зрителю, чтобы запрягал лошадей! У меня клопы всю кровь выпили!

Зайцев. Бедняжка! Вы так прекрасны, и вдруг... Нет, это невозможно!

Зиначка (кричит). Зритель!

Зайцев. Сударыня... mademoiselle...

Зиначка. Я не mademoiselle... Я замужем...

Зайцев. Тем лучше... (В сторону.) Какой душонок! (Ей.) То есть я хочу сказать, что, не имея чести знать, сударыня, вашего имени и отчества и будучи сам в свою очередь благородным, порядочным человеком, я осмеливаюсь предложить вам свои услуги... Я могу помочь вашему горю...

Зиначка. Каким образом?

Зайцев. У меня есть прекрасная привычка – всегда возить с собой персидский порошок... Позвольте вам предложить его от чистого сердца, от глубины души!

Зиначка. Ах, пожалуйста!

Зайцев. В таком случае я сейчас... сию минуту... Достану из чемодана. (*Бежит к чемодану и роется в нем.*) Какие глазенки, носик... Быть роману! Предчувствую! (*Потирая руки.*) Уж моя фортуна такая: как застряну где-нибудь на станции, так и роман... Так красива, что у меня даже из глаз искры сыплются... Вот он! (*Возвращаясь к двери.*) Вот он, ваш избавитель...

Зиночка протягивает из-за двери руку.

Нет, позвольте, я пойду к вам в комнату сам посыплю...

Зиночка. Нет, нет... Как можно в комнату?

Зайцев. Почему же нельзя? Тут ничего нет такого особенного, тем более... тем более, что я доктор, а доктора и дамские парикмахеры имеют право вторгаться в частную жизнь...

Зиночка. Вы не обманываете, что вы доктор? Серьезно?

Зайцев. Честное слово!

Зиночка. Ну, если вы доктор... пожалуй... Только зачем вам трудиться? Я могу мужа выслать к вам... Федя! Федя! Да проснись же, тюлень.

Голос Гусева: «А?»

Иди сюда, доктор так любезен, что предлагает нам персидского порошку. *(Скрывается.)*

Зайцев. Федя! Благодарю, не ожидал![51] Очень мне нужен этот Федя! Черт бы его взял совсем! Только что как следует познакомился, только что удачно соврал, назвался доктором, как вдруг этот Федя... Точно холодной водой она меня окатила... Возьму вот и не дам персидского порошку! И ничего в ней нет красивого... Так, дрянцо какое-то, рожица... ни то ни се... Терпеть не могу таких женщин!

Гусев *(в халате и в ночном колпаке)*. Честь имею кланяться, доктор... Жена мне сейчас сказала, что у вас есть персидский порошок.

Зайцев *(грубо)*. Да-с!

Гусев. Будьте добры, одолжите нам немножко. Энциклопедия одолела...

Зайцев. Возьмите!

Гусев. Благодарю вас покорнейше... Весьма вам благодарен. И вас в дороге застала пурга?

Зайцев. Да!

Гусев. Так-с... Ужасная погода... Вы куда изволите ехать?

Зайцев. В город.

Гусев. И мы тоже в город. Завтра в городе

мне предстоит тяжелая работа, спать бы теперь надо, а тут энциклопедия, мочи нет... У нас ужасно безобразные почтовые станции. И клопы, и тараканы, и всякие скорпионы... Если бы моя власть, то я всех станционных смотрителей привлекал бы за клопов по сто двенадцатой статье Уложения о наказаниях, налагаемых мировыми судьями, как за бродячий скот. Весьма вам благодарен, доктор... А вы по каким болезням изволите практиковать?

Зайцев. По грудным и... и по головным.

Гусев. Так-с... Честь имею... *(Уходит.)*

Зайцев *(один)*. Чучело гороховое! Если б моя власть, я б его с головы до ног зарыл в персидском порошке. Обыграть бы его, каналью, этак раз бы десять подряд оставить без трех! А то еще лучше играть бы с ним в бильярд и нечаянно смазать его кием, чтоб целую неделю помнил... Вместо носа какая-то шишка, по всему лицу синие жилочки, на лбу бородавка и... и вдруг осмеливается иметь такую жену! Какое он имеет право? Это возмутительно! Нет, это даже подло... А еще тоже спрашивают, почему у меня такой мрачный

взгляд на жизнь? Ну, как тут не быть пессимистом?

Гусев (в дверях). Ты, Зиночка, не стесняйся... Ведь он доктор! Не церемонься и спроси... Бояться тут нечего... Шервецов тебе не помог, а он, может быть, и поможет... (Зайцеву.) Извините, доктор, я вас беспокою... Скажите, пожалуйста, отчего это у моей жены в груди бывает теснение? Кашель, знаете ли... теснит, точно, знаете ли, запеклось что-то... Отчего это?

Зайцев. Это длинный разговор... Сразу нельзя определить...

Гусев. Ну так что же? Время есть... все равно не спим. Посмотрите ее, голубчик!

Зайцев (в сторону). Вот влопался-то!

Гусев (кричит). Зина! Ах, какая ты, право... (Ему.) Стесняется... Застенчивая, вся в меня... Добродетель хорошая вещь, но к чему крайности? Стесняться доктора, когда болен, это уж последнее дело...

Зиночка (входит). Право, мне так совестно...

Гусев. Полно, полно... (Ему.) Надо вам заметить, что ее лечит Шервецов. Человек-то

он хороший, душа, весельчак, знающий свое дело, но... кто его знает? Не верю я ему! Не лежит к нему душа, хоть ты что! Вижу, доктор, вы не расположены, но будьте столь любезны!

Зайцев. Я... я не прочь... Я ничего... *(В сторону.)* Каково положение-то!

Гусев. Вы ее посмотрите, а я тем временем пойду к смотрителю и прикажу самоварчик поставить... *(Уходит.)*

Зайцев. Садитесь, прошу вас...
Садятся.

Вам сколько лет?

Зиночка. Двадцать два года...

Зайцев. Гм... Опасный возраст. Позвольте ваш пульс! *(Щупает пульс.)* Гм... М-да...

Пауза.

Что вы смеетесь?

Зиночка. Вы не обманываете, что вы доктор?

Зайцев. Ну вот еще! За кого вы меня принимаете! Гм... пульс ничего себе... М-да... И ручка маленькая, пухленькая... Черт возьми, люблю я дорожные приключения! Едешь, едешь и вдруг встречаешь такую... ручку...

Вы любите медицину?

Зиначка. Да.

Зайцев. Как это приятно! Ужасно приятно! Позвольте ваш пульс!

Зиначка. Но, но, но... держите себя в границах!

Зайцев. Какой голосок, глазенки так и бегают... От одной улыбки можно сойти с ума... Ваш муж ревнив? Очень? Ваш пульс... один только пульс, и я умру от счастья!

Зиначка. Позвольте, однако, милостивый государь... Милостивый государь! Я вижу, что вы меня принимаете за какую-то... Ошибаетесь, милостивый государь! Я замужем, мой муж занимает общественное положение.

Зайцев. Знаю, знаю, но виноват ли я, что вы так прекрасны?

Зиначка. И я, милостивый государь, вам не позволю... Извольте оставить меня, иначе я должна буду принять меры... Милостивый государь! Я слишком люблю и уважаю своего мужа, чтобы позволить какому-нибудь проезжему нахалу говорить мне разные пошлости... Вы слишком ошибаетесь, если думаете, что я... Вот мой муж, кажется, идет... Да, да,

идет... Что же вы молчите? Чего вы дожидаетесь... Ну, ну... целуйте, что ли!

Зайцев. Милая. *(Целует.)* Пупсик! Мопсик!
(Целует.)

Зиночка. Но, но, но...

Зайцев. Котеночек мой... *(Целует.)* Финти-флюша... *(Увидев входящего Гусева.)* Еще один вопрос: когда вы больше кашляете, по вторникам или по четвергам?

Зиночка. По субботам...

Зайцев. Гм... Позвольте ваш пульс!

Гусев *(в сторону).* Словно как будто кто целовался... Точно так вот и у Шервцова... Ничего я в медицине не понимаю... *(Жене.)* Зиночка, ты посерьезнее... Нельзя так... Нельзя манкировать здоровьем! Ты должна внимательно слушать, что говорит тебе доктор. Медицина теперь делает громадные шаги вперед! Громадные шаги!

Зайцев. О да! Видите ли, что я должен вам сказать... В здоровье вашей жены пока нет ничего опасного, но если она не будет серьезно лечиться, то ее болезнь может кончиться плохим: разрыв сердца и воспаление мозга...

Гусев. Вот видишь, Зиночка! Вот видишь!

Такая мне с тобой забота... и не глядел бы, право...

Зайцев. Сейчас я пропишу... *(Вырывает из станционной книги клочок бумаги, садится и пишет.)* Sic transit... две драхмы... Gloria mundi... один унций... Aquae destillatae...[52] два грана... Вот будете принимать порошки, по три порошка в день...

Гусев. На воде или на вине?

Зайцев. На воде...

Гусев. На отварной?

Зайцев. Да, на отварной.

Гусев. Приношу вам искреннюю мою благодарность, доктор...

Примечания

1

В двенадцатый том входят пьесы, созданные Чеховым в 1889–1891 гг.

Из них в сборник «Пьесы» (1897) были включены «Иванов» и «Трагик поневоле». «Свадьба» и «Юбилей» вошли в т. VII марковского издания сочинений Чехова (1902).

«Татьяна Репина» для сцены не предназначалась и была отпечатана А. С. Сувориным лишь в нескольких экземплярах. «Леший», вышедший в свет в 1890 г. литографированным изданием, больше не перепечатывался. Незаконченная пьеса «Ночь перед судом» при жизни Чехова не публиковалась.

Все пьесы располагаются в хронологическом порядке по времени завершения работы над рукописью. Пьеса «Ночь перед судом», написанная предположительно вначале 90-х гг., помещена в конце тома.

Пьесы «Иванов» и «Трагик поневоле» печатаются по т. VII издания Маркса (1901); «Сва-

дьяба» и «Юбилей» – по 2-му изданию того же тома (1902), в котором текст остальных пьес стереотипно повторял первое издание; «Татьяна Репина» – по тексту отдельного печатного оттиска (ДМЧ);[53] «Ночь перед судом» – по черновому автографу (ЦГАЛИ).

Произведения того же периода, написанные в драматической форме, но не предназначавшиеся для сценического исполнения, помещены в других томах настоящего издания: «Вынужденное заявление» («Скоропостижная конская смерть, или Великодушие русского народа») – «драматический этюд в 1 действии» (1889) – в т. VII; шуточная запись «Из пьесы» (1892) – в т. XVIII.

В октябре 1888 г., ровно через год после со-здания первоначальной редакции «Иванова» (см. т. XI), Чехов снова обратился к этой пьесе. Стремясь полнее обрисовать характер «утомленного» человека 80-х годов, он внес в прежний образ существенные изменения. После проделанной работы он заявлял: «Если и теперь не поймут моего „Иванова“, то брошу его в печь и напишу повесть „Довольно!“» (5–6 октября 1888 г.).

Однако и теперь, в новой редакции, герой пьесы показался первым ее читателям очерченным недостаточно и недоговоренным. В связи с этим Чехов писал Суворину: «Режиссер считает Иванова лишним человеком в тургеневском вкусе; Савина спрашивает: почему Иванов подлец? Вы пишете: „Иванову необходимо дать что-нибудь такое, из чего видно было бы, почему две женщины на него вешаются и почему он подлец, а доктор – великий человек“. Если вы трое так поняли меня, то это значит, что мой „Иванов“ никуда не годится. У меня, вероятно, зашел ум за разум,

и я написал совсем не то, что хотел. Если Иванов выходит у меня подлецом или лишним человеком, а доктор великим человеком, если непонятно, почему Сарра и Саша любят Иванова, то, очевидно, пьеса моя не вытанцевалась и о постановке ее не может быть речи» (30 декабря 1888 г.).

В этом обширном «программном» письме Чехов обосновал свое понимание драмы Иванова как драмы целого поколения «надломленных» и тоскующих по «общей идее» людей – самых «обыкновенных», «ничем не примечательных», живущих «без веры», «без цели», но рвущихся к ним: «Иванов, дворянин, университетский человек, ничем не замечательный; натура легко возбуждающаяся, горячая, сильно склонная к увлечениям, честная и прямая, как большинство образованных дворян <...> Но едва дожил он до 30–35 лет, как начинает уж чувствовать утомление и скуку <...> Он ищет причин вне и не находит; начинает искать внутри себя и находит одно только неопределенное чувство вины <...> Такие люди, как Иванов, не решают вопросов, а падают под их тяжестью. Они теряются, раз-

водят руками, нервничают, жалуются, делают глупости и в конце концов, дав волю своим рыхлым, распущенным нервам, теряют под ногами почву и поступают в разряд „надломленных“ и „непонятых“».

О докторе Львове Чехов там же замечал: «Это тип честного, прямого, горячего, но узкого и прямолинейного человека. Про таких умные люди говорят: „Он глуп, но в нем есть честное чувство“. Все, что похоже на широту взгляда или на непосредственность чувства, чуждо Львову. Это олицетворенный шаблон, ходячая тенденция. На каждое явление и лицо он смотрит сквозь тесную раму, обо всем судит предвзято. Кто кричит: „Дорогу честному труду!“, на того он молится; кто же не кричит этого, тот подлец и кулак. Середины нет».

Чехов с убежденностью утверждал, что характеры главных лиц выписаны им верно: «Иванов и Львов представляются моему воображению живыми людьми. Говорю Вам по совести, искренно, эти люди родились в моей голове не из морской пены, не из предвзятых идей, не из „умственности“, не случайно. Они результат наблюдения и изучения жизни.

Они стоят в моем мозгу, и я чувствую, что я не солгал ни на один сантиметр и не перемудрил ни на одну йоту» (там же).

В процессе переделки была произведена коренная перестройка жанрово-стилистической основы пьесы: из «комедии» она преобразована в «драму». Вместо прежнего Иванова, ничем не примечательного, обыкновенного человека, безвольно отдающегося течению жизни, в центр «драмы» поставлен одинокий герой, охваченный острейшим внутренним разладом, резко противопоставленный остальным действующим лицам, вокруг которого концентрировалось теперь все действие пьесы.

В «Иванове» Чехов-драматург еще не вполне освободился от канонов традиционной «сценической» драмы. При доработке пьесы он специально добивался, чтобы она вышла «законченной и весьма эффектной» (Суворину, 2 октября 1888 г.). Он прислушивался к советам Суворина, который тогда тоже преобразовывал из «комедии» в «драму» свою прежнюю пьесу – «Татьяну Репину», построенную на сценических эффектах. Чехов высказывал

несогласие с «архитектурой» суворинской пьесы и в то же время замечал, что, возможно, «иначе пьесы делать нельзя» (ему же, 19 декабря 1888 г.).

Примечательно однако, что, завершив переделку «Иванова», Чехов с удовлетворением отметил не «законченность» и «эффектность», чего он, казалось бы, добивался, а как раз противоположные качества – «несценичность» пьесы и те акты, которых переделка коснулась меньше всего: «Выходит складно, но не сценично. Три первые акта ничего» (ему же, 17 декабря 1888 г.). В I акте в текст роли Анны Петровны он добавил беззаботную песенку про «чижика», передававшую скрытый драматизм ее внутреннего состояния, – один из самых ярких примеров использования лирического «подтекста» в ранней драматургии Чехова.

В новой редакции пьеса пережила второе рождение на сцене Александринского театра (31 января 1889 г.). На этот раз она имела, по словам Чехова, «громадный», «колоссальный», «феноменальный» успех (Д. Савельеву, 4 февраля; М. В. Киселевой, 17 февраля

1889 г.).

В печати отмечалось, что пьеса Чехова «возбудила наибольший интерес во весь текущий сезон» («Неделя», 1889, № 11 от 12 марта, стлб. 357), «произвела переполох в театральном и литературном мире» («Одесский листок», 1889, 24 марта, № 80). Говорилось, что «ни одна пьеса из современного репертуара не произвела такой сенсации, не возбудила столько толков и пересудов в печати и в публике» («Киевское слово», 1889, 18 мая, № 676), что она вызвала «горячие похвалы и такие же, если не более, страстные осуждения» («Вестник литературный, политический, научный, художественный», 1889, 20 сентября, № 1432).

Н. К. Михайловский, Г. И. Успенский и В. Г. Короленко выступили с односторонней оценкой пьесы, увидели в «Иванове» лишь проповедь примирения с действительностью, апологию «ренегатства». Короленко впоследствии писал о причинах, вызвавших настороженное и даже враждебное отношение к пьесе Чехова прогрессивно настроенных кругов: «Я помню, как много писали и говорили о

некоторых беспечных выражениях Иванова, например, о фразе: „Друг мой, послушайте моего совета: не женитесь ни на еврейках, ни на психопатках, ни на курсистках“. Правда, это говорит Иванов, но русская жизнь так болезненно чутка к некоторым наболевшим вопросам, что публика не хотела отделить автора от героя; да сказать правду, в „Иванове“ не было той непосредственности и беззаботной объективности, какая сквозила в прежних произведениях Чехова. Драма русской жизни захватывала в свой широкий водоворот вышедшего на ее арену писателя: в его произведении чувствовалось невольное веяние какой-то тенденции, чувствовалось, что автор на что-то нападает и что-то защищает, и спор шел о том, что именно он защищает и на что нападает» (Чехов в воспоминаниях, стр. 143).

Пресса реакционно-охранительного направления (газеты «Гражданин», «Московские ведомости») встретила пьесу Чехова резко враждебно, объявила ее «клеветой», «карикатурой» на действительную жизнь. Дворянско-буржуазные либеральные критики разных течений (Суворин, Р. И. Сементковский,

П. П. Перцов), напротив, всячески возвышали, идеализировали Иванова, видели в нем жертву пошлой среды, уставшего бойца, героя «малых дел».

Почти все рецензенты отмечали очевидные литературные достоинства «Иванова»: отсутствие в пьесе избитых сценических приемов, шаблонных положений, ее непохожесть на трафаретные образцы современной драматургии, на драматические поделки В. А. Крылова, П. М. Невежина, Суворина. Однако, оставаясь в пределах традиционных представлений о драматической форме, они были далеки от истинного понимания драматургического новаторства пьесы Чехова.

Д. М. Городецкий, встретивший Чехова в Ялте летом 1889 г., вспоминал потом, что в публике тогда много говорили об «Иванове» и «Медведе». Но если «Медведь» был «предметом восторгов и не сходил в столицах и провинции с афиш», то «Иванов» был лишь «предметом любопытства и споров». По свидетельству мемуариста, Чехов в то время «очень интересовался „Ивановым“ и часто возвращался к разговорам на эту тему.

Неуспех, постигший в общем итоге пьесу, рядом с признанием ее литературности и с любопытством, возбужденным ее новыми приемами, объяснялся, по мнению Чехова, привычкой к устарелым формам» (Д. Городецкий. Между «Медведем» и «Лешим». Из воспоминаний о Чехове. – «Биржевые ведомости», 1904, 18 июля, № 364).

Даже такой чуткий ценитель и почитатель чеховского драматургического таланта, как Вл. И. Немирович-Данченко, ознакомившись тогда с «Ивановым», воспринял его только как «черновик для превосходной пьесы» и не смог угадать в авторе этого «наброска» творца будущей «Чайки» и других, им же вскоре поставленных и прославивших Художественный театр пьес. Впоследствии он изменил мнение об «Иванове», признал ошибочность своей первоначальной оценки: «Очевидно, я недооценил тогда силы поэтического творчества Чехова. Сам занятый разработкой сценической формы, сам еще находившийся во власти „искусства Малого театра“, я к Чехову предъявлял такие же требования. И эта забота о знакомой мне сценической фор-

ме заслонила от меня вдохновенное соединение простой, живой, будничной правды с глубоким лиризмом». Вспоминая «неровный» успех пьесы у публики и театральных рецензентов, Немирович-Данченко писал о драматургическом таланте Чехова: «Что этот талант требует и особого, нового сценического, театрального подхода к его пьесе, – такой мысли не было не только у критиков, но и у самого автора, вообще не существовало еще на свете, не родилось еще» (*Из прошлого*, стр. 14).

3

Только за один 1889 г. Чехов завершил переделку «Иванова», написал три одноактных вещицы и одну четырехактную пьесу. Такого необыкновенного творческого подъема у Чехова-драматурга не бывало никогда. Это было время обращения Чехова к большим жанрам, разработки новых форм эпического повествования и поисков новых путей в драматургии.

После «Степи» Чехов написал повесть «Скучная история», после драмы «Иванов» – комедию «Леший». Тогда же у него возник об-

ширный замысел создания романа, над которым он работал параллельно с «Лешим» (см. т. VII Сочинений, стр. 719–724).

Чехов ставил перед собой задачу «воспитывать себя сценически» (письмо В. А. Тихонову, 7 марта 1889 г.) и летом 1889 г. много размышлял над трудом драматурга; теоретическое осмысление законов драматического искусства неотрывно связано было с собственными драматургическими исканиями.

Один из его собеседников в Ялте летом 1889 г., И. Я. Гурлянд, впоследствии вспоминал: «Тогда только что определился громадный успех его сборника „В сумерках“. Пьеса „Иванов“ понравилась в Петербурге, несколько больших рассказов („Степь“, „Именины“, „Жена“), [54] напечатанных в „Северном вестнике“, показали, что А. Чехонте окончательно вырос в А. П. Чехова <...> И он смотрел в будущее весело и бодро, охотно отзывался на разговоры о литературе (впоследствии он избегал их), работал спокойно и энергично.

<...> Сколько я заметил, уже тогда сложилась у Чехова уверенность, что его истинное призвание – театр. Он подолго и охотно гово-

рил о технике драматургии, о своих замыслах в этой области и проч.» («Из воспоминаний об А. П. Чехове». – «Театр и искусство», 1904, № 28 от 11 июля, стр. 520–521. Подпись: Арс. Г.).

О новых драматургических принципах и «устарелых формах» Чехов говорил в это время также Д. П. Городецкому: «Требуют, чтобы были герой, героиня, сценические эффекты. Но ведь в жизни люди не каждую минуту стреляются, вешаются, объясняются в любви. И не каждую минуту говорят умные вещи. Они больше едят, пьют, волочатся, говорят глупости. И вот надо, чтобы это было видно на сцене. Надо создать такую пьесу, где бы люди приходили, уходили, обедали, разговаривали о погоде, играли в винт... но не потому, что так нужно автору, а потому, что так происходит в действительной жизни <...> Не надо подгонять ни под какие рамки. Надо, чтоб жизнь была такая, какая она есть, и люди такие, какие они есть, а не ходульные» (Д. Городецкий. Между «Медведем» и «Лешим». Из воспоминаний о Чехове. – «Биржевые ведомости», 1904, 18 июля, № 364).

В одноактной «Татьяне Репиной» Чехов с

озорной смелостью полемизировал с некоторыми привычными канонами современной ему драматургии и, в первую очередь, с одноименной «проблемной» драмой Суворина. В письмах к нему Чехов указывал на «органические», «непоправимые» недостатки его пьесы, считал, что он ее «сводит на публицистику», жертвует «правдой» и заставляет действующих лиц говорить «фельетонным» языком (30 мая, 15 ноября и 19 декабря 1888 г.).

Суворинской «Татьяне Репиной» с ее напряженным мелодраматизмом, нагромождением сценических эффектов и преобладанием декларативно-публицистических элементов Чехов, используя отдельные мотивы этой пьесы, противопоставил свою «Татьяну Ренину», основанную на смелом соединении драматического и комического планов, на развитии действия через изображение «пошлых, мелких движений» и «пошлого языка» действующих лиц, которыми, по убеждению Чехова, «должны изобиловать современные драма и комедия» и которых в пьесе Суворина «нет совсем» (Суворину, 30 мая 1888 г.).

Драматургические искания Чехова в тот

период отражены еще явственнее в «Лешем». Приступая к этой пьесе, он писал Суворину: «Теперь у нас есть опыт. Мы поймали черта за кончик хвоста. Я думаю, что мой „Леший“ будет не в пример тоньше сделан, чем „Иванов“» (8 января 1889 г.). Несколько позднее он снова повторял: «Чувствую себя гораздо сильнее, чем в то время, когда писал „Иванова“», и в том же письме отмечал, что пьеса выходит «ужасно странная» (ему же, 4 мая 1889 г.). О законченном I акте Чехов отозвался с удовлетворением и подчеркивал драматургическую новизну пьесы: «Вылились у меня лица положительно новые; нет во всей пьесе ни одного лакея, ни одного вводного комического лица, ни одной вдовушки <...> Вообще я старался избегать лишнего, и это мне, кажется, удалось» (ему же, 14 мая 1889 г.).

Однако «в тревожную минуту поисков и колебаний», когда пьеса «не давалась», Чехов, по свидетельству Гурлянда, сомневался в правильности выбранного пути: «— Черт их знает, как они у меня много едят! — говорил он иногда, вспоминая, что первые два акта, действительно, проходят в разговорах за едой.

Но временами он успокаивал себя и говорил:

– Пусть на сцене все будет так же сложно и так же вместе с тем просто, как и в жизни. Люди обедают, только обедают, а в это время слагается их счастье и разбиваются их жизни...» («Театр и искусство», 1904, № 28, стр. 521).

Завершая работу над «Лешим», Чехов отметил близость пьесы к «роману» и одновременно преобладание в ней «сплошной лирики» (А. . Плещееву, 30 сентября 1889 г.). Он соглашался, что пьеса, «должно быть, несносна по конструкции» (Суворину, 1 ноября 1889 г.), и причину неудачи объяснял тем, что писал «без учителя и *опыта*» (приведено в ответном письме П. М. Свободина 31 октября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 213).

«Леший» был встречен в театрально-литературных кругах очень сдержанно. А. П. Ленский, Вл. И. Немирович-Данченко, Суворин, Плещеев, И. Л. Леонтьев (Щеглов) отмечали «несценичность» пьесы. Члены «импровизированного» Театрально-литературного комитета (И. . Всеволожский. Д. В. Григоро-

вич, А. А. Потехин, Н. Ф. Сазонов) единогласно забраковали ее: «Хорошо, поразительно хорошо, но до такой степени странно, – говорили они, – повесть, прекрасная повесть, но не комедия» (письмо Свободина 10 октября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 206). Леонтьев (Щеглов), основываясь на отзывах других лиц, называл пьесу лишь «великолепным материалом» и писал Чехову, что «пренебрегать законами сцены, логично выросшими на почве Мольера и Грибоедова, – нельзя, нельзя и нельзя!!!» (25 марта 1890 г. – *ГБЛ*).

Немирович-Данченко вспоминал, что успех «Лешего» на сцене (премьера – 27 декабря 1889 г.) был «сдержанным», и добавлял: «И в сценической форме у автора мне казалось что-то не все благополучно» (*Из прошлого*, стр. 32). Другой очевидец премьеры отмечал, что хотя «некоторые моменты „Лешего“ глубоко взволновали, нашли отклик в душе», но «в общем до публики спектакль не дошел, и вторая драма, полная тончайшей прелести, глубины, взволнованности, особой чеховской мудрости, быстро исчезла со сцены, была ограничена самыми немногими представле-

ниями» (Ник. *Эфрос*. Московский Художественный театр. 1898–1923. М., 1924, стр. 26).

В печатных отзывах говорилось о «странных свойствах» пьесы, высмеивалось стремление «перенести на сцену будничную жизнь», «повседневные разговоры за выпивкой и закуской» («Артист», 1890, кн. 6, февраль, стр. 124–125) – то есть как раз то, что Чехову при работе над «Лешим» казалось самым существенным.

Провал «Лешего» сильно отозвался на Чехове. С. Ф. Рассохин позднее вспоминал: «Особенно заметной была горечь в его словах, когда в Шелапутинском театре, при антрепризе Абрамовой, провалился его „Леший“...» (<Ф. Мухортов.> Дебюты Чехова-драматурга. «Иванов» и «Медведь» у Корша. – «Раннее утро», 1910, 17 января, № 13. Подпись: Ор.). Когда через много лет Чехов припоминал особенно разительные примеры неуспеха пьес, он называл два своих произведения: «Мне шикали так, как ни одному автору не шикали. – И за „Лешего“ и за „Чайку“» (А. Федоров. А. П. Чехов. – «Южные записки», 1904, № 34 от 1 августа, стр. 24; сб. «О Чехове. Воспоминания и

4

К периоду конца 80 – начала 90-х годов относится ряд неосуществленных драматургических замыслов Чехова.

В процессе работы над «Лешим», когда первоначальный план совместного создания пьесы с Сувориным был отставлен, у него зародился другой замысел совместной работы: писать вместе с Сувориным историческую драму. В связи с этим в конце 1888 г. он предложил Суворину ряд сюжетов: «Давайте напишем трагедию „Олоферн“ на мотив оперы „Юдифь“, где заставим Юдифь влюбиться в Олоферна; хороший полководец погиб от жидовской хитрости... Сюжетов много. Можно „Соломона“ написать, можно взять Наполеона III и Евгению или Наполеона I на Эльбе...» (15 ноября 1888 г.).

К замыслу «Соломона» относится сохранившийся в бумагах Чехова отрывок с монологом Соломона, которого бессонной ночью терзают мучительные раздумья о «непостижимых тайнах» бытия (см. т. XVII Сочине-

ний).

Леонтьев (Щеглов) в своих мемуарах упоминает о замысле драматического этюда «В корчме», который был ему рассказан Чеховым в конце января 1889 г.: «Помню, дня за два, за три до петербургского представления „Иванова“ он очень волновался его недостатками и условностями и импровизировал мне по этому поводу мотив совсем своеобразного одноактного драматического этюда „В корчме“ – нечто вроде живой картины, впечатлевшей в перемежающихся настроениях повседневную жизнь толпы...

– Понимаете, при поднятии занавеса на сцене совсем темно, хоть глаз выколи... За окном гроза, в трубе воет ветер, и молния изредка освещает группы ночлежников, спящих вповалку, как попало... Корчма грязная, неприятная, с сырыми, облезлыми стенами... Но вот буря стихает... слышно, как визжит дверь на блоке, и в корчму входит новый человек... какой-нибудь заблудившийся прохожий – лицо интеллигентное, утомленное. Светает... Многие пробуждаются и с любопытством оглядывают незнакомца... Завязывает-

ся разговор, и так далее. Понимаете, что-нибудь в этом духе... А насчет „Иванова“ оставьте, – резко оборвал он, – это не то, не то!.. Нельзя театру замерзнуть на одной точке!..

Как ни случайна и отрывочна приведенная драматическая фантазия, но она очень характерна для Чехова как драматурга и может быть отмечена как первый зародыш „пьесы с настроением“ – новый, до чрезвычайности сложный род, нашедший такого талантливо-го толкователя, как К. С. Станиславский» (Ив. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове. – «Нива». Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения, 1905, № 6, стлб. 255; *Чехов в воспоминаниях*, 1954, стр. 159).

Начало рассказанной Леонтьевым (Щегловым) «драматической фантазии» отдельными моментами напоминает сюжет чеховского этюда «На большой дороге» (см. т. XI Сочинений). По-видимому, Чехов в своей импровизации использовал мотивы этого написанного им ранее и запрещенного цензурой произведения.

Незадолго до создания «Татьяны Репиной»

Чехов говорил Суворину о намерении использовать сюжет его водевиля «Мужское горе»: «В мае я из Вашего „Мужского горя“ сделаю смешную трагедию. Мужскую роль (она сделана отлично) я оставляю в неприкосновенности, а супругу дам совсем новую. Оба они у меня будут всерьез валять» (14 февраля 1889 г.).

Летом 1889 г., забросив наполовину законченного «Лешего», который предназначался для Александринского театра, Чехов замыслил еще одну пьесу – для театра Корша – и делился этими планами с находившимся в Кисловодске Н. Н. Оболонским: «Быть может, я приеду в Кисловодск, но не раньше августа <...> А если приеду, то непременно напишу 3-хактную пьесу для Корша» (4 июня 1889 г.).

В 1892 г. Чехов хотел заняться переделкой драмы Г. Зудермана «Гибель Содома», о чем 6 марта сообщал Суворину. Перевод ее он просил сделать Л. С. Мизинову (см. письма 16 и 27 июля 1892 г.). Работой Чехова заинтересовался Ф. А. Корш, который просил его поторопиться: «...Как движется „Sodoms Ende“? У Журавлевой бенефис 9 октября – я ей наобещал

Ваш труд, и она меня кушает с утра до ночи. Ради бога, порадуйте утешительной весточкой!» (7 сентября 1892 г. – ГБЛ). Вскоре Корш опять напоминал Чехову о пьесе: «Перевод „Гибели Содома“ разрешен цензурой к представлению, и один из моих артистов (Трубецкой) заявил его на бенефис (19 ноября). В переводе драма груба и реальна до антихудожественности. Неужели нет надежды на то, что Вы приложите к ней Вашу талантливую руку и сделаете ее репертуарной пьесой России??» (13 октября 1892 г. – там же).

В том же году Чехов задумал пьесу о некоем фразистом, любящем порисоваться господине. Об этом замысле Чехов сообщал в письме Суворину 31 марта 1892 г.: «Когда буду писать пьесу, мне понадобится Берне. Где его можно достать? Это один из тех очень умных умов, которые так любят евреи и узкие люди». К замыслу пьесы Чехов вернулся через два года. Собираясь в Крым, он снова просил Суворина выслать ему книжку Бёрне и более подробно рассказал о характере задуманного лица: «Я хочу вывести в пьесе господина, который постоянно ссылается на Гейне и Лю-

двигая Берне. Женщинам, которые его любят, он говорит, как Инсаров в „Накануне“: „Так здравствуй, жена моя перед богом и людьми!“. Оставаясь на сцене solo или с женщиной, он ломается, корчит из себя Лассалья, будущего президента республики; около же мужчин он молчит с таинственным видом и при малейших столкновениях с ними делается у него истерика. Он православный, но брюнет и по фамилии Гинзельт. Хочет издавать газету» (16 февраля 1894 г.). Однако и на этот раз пьеса не была написана: «Пьесы в Крыму я не писал, хотя и намерен был; не хотелось», – объяснял он Суворину 10 апреля 1894 г., вернувшись из Ялты.

К 1892 г. относится также замысел комедии «Портсигар», о котором Чехов рассказал Суворину 4 июня: «Есть у меня интересный сюжет для комедии, но не придумал еще конца. Кто изобретет новые концы для пьес, тот откроет новую эру. Не даются подлые концы! Герой или женись или застрелись, другого выхода нет. Называется моя будущая комедия так: „Портсигар“. Не стану писать ее, пока не придумаю конца, такого же заковыристого,

как начало. А придумаю конец, напишу ее в две недели».

Еще одну пьесу – «одноактную комедию» – Чехов обещал в 1892 г. актрисе К. А. Каратыгиной. Об этой пьесе она напоминала ему в декабре 1892 г. из Новочеркасска: «Бенефис на носу, 15–20 января, все упование на него. А Вы обещали написать одноактную комедию с хорошей характерной ролью для меня окаянной» (ГБЛ).

Украинская актриса М. К. Заньковецкая, с которой Чехов познакомился в 1892 г., вспоминала, как он уговаривал ее «перейти на русскую сцену» и убеждал, что «на русской сцене дорога шире»: «Обещал написать пьесу, в которой для меня будет одна роль исключительно на украинском языке. Потом как-то говорил, что уже пишет такую пьесу, но о дальнейшей ее судьбе я ничего не знаю...» (ЛН, т. 68, стр. 593).

Сохранилось несколько отрывочных свидетельств о какой-то пьесе или пьесах, задуманных Чеховым в конце 1893 – начале 1894 г. Возможно, то были замыслы узловых эпизодов или отдельных фрагментов буду-

щей «Чайки», однако не исключено, что на том этапе они относились не к одной, а к нескольким разным, не связанным друг с другом пьесам.

Один из этих замыслов – «водевиль», герой которого кончает самоубийством. Толчок к рождению замысла дала встреча Чехова осенью 1893 г. с актером П. Н. Орленевым в театре Корша. Орленев играл в этот вечер в фарсе Д. А. Мансфельда «С места в карьер» (первое представление состоялось 15 октября 1893 г.) и обратил внимание Чехова своей необычной манерой исполнения – ярким драматизмом в комической роли. По воспоминанию Орленева, Чехов в разговоре с ним после представления заявил о желании написать специально для него комедийную роль с трагическим концом: «А знаете, – сказал он, мягко улыбаясь мне, – глядя на вашу игру, мне хочется написать водевиль, который кончается самоубийством...» (Павел Орленев. Мои встречи с Чеховым (Из воспоминаний). – «Искусство», 1929, № 5–6, стр. 30; Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 422).

Другой замысел был связан с намерением

Чехова писать пьесу для театра Корша (точнее – для Л. Б. Яворской, которая тогда играла на сцене этого театра) – с «увлекательным» сюжетом и заключительной репликой героини: «Сон!» (ср. в «Чайке» последнюю реплику Нины Заречной во II акте). Об этой «драме» в шутовском тоне отзывалась Мизинова в письме Чехову 23 декабря 1893 г.: «В „Эрмитаже“ половые спрашивают, отчего вас давно не видно. Я отвечаю, что вы заняты – пишете для Яворской драму к ее бенефису» (ГБЛ). Накануне бенефиса к Чехову обратилась и сама Яворская с напоминанием о пьесе: «Надеюсь, Вы помните данное мне обещание написать для меня хотя одноактную пиесу. Сюжет вы мне рассказали, он до того увлекателен, что я до сих пор под обаянием его и решила почему-то, что пиеса будет называться „Грезы“». Это отвечает заключительным словам героини: „Сон!“» (2 февраля 1894 г. – ГБЛ).

Еще одно упоминание – о пьесе, которую Чехов намеревался поставить в 1894 г. в Малом театре. Об этом замысле рассказал в «Новостях дня» корреспондент газеты, лично беседовавший тогда с Чеховым: «В первых чис-

лах марта талантливый беллетрист уезжает в Крым, где займется пьесой, которую намерен поставить в будущем сезоне на сцене Малого театра» («Литературная конвенция. III. Беседа с А. П. Чеховым». – «Новости дня», 1894, 1 марта, № 3846. Подпись: Н.). 10 мая 1894 г. по возвращении Чехова из Ялты И. Н. Потапенко запрашивал его о результатах поездки и судьбе задуманной пьесы: «Что дал тебе Крым? Написал ли пьесу?» (ГБЛ).

Сохранилось глухое упоминание о драматическом произведении, которое Чехов начал писать летом 1894 г. в Мелихове. В шутовском «Инвентаре» мелиховской усадьбы, составленном на 1 июня 1894 г. гостившим там А. И. Иваненко, о занятиях Чехова сообщалось: «В настоящее время пишет пьесу „Человек с большой ж...“» (архив Музея-заповедника А. П. Чехова в Мелихове; Ю. Авдеев. В чеховском Мелихове. М., 1963, стр. 49).

К мелиховскому же периоду относятся еще два драматургических замысла Чехова, упомянутых в воспоминаниях Т. Л. Щепкиной-Куперник: «Как-то раз А. . затеял писать со мной вдвоем одноактную пьесу и написал

мне для нее первый длинный монолог. Пьеса должна была называться „День писательницы“. Монолог заключал множество шуток в мой огород и начинался так:

– Я – писательница! Не верите? Посмотрите на эти руки: это руки честной труженицы. Вот – даже чернильное пятно! (У меня всегда было чернильное пятно на третьем пальце – пишущей машинкой я еще не пользовалась...).

Почему-то я запомнила это начало, запомнила, как писательница, изнемогающая от суеты, поклонников и работы, мечтает уехать в деревню: „Чтобы был снег... тишина... вдали собаки лают – и кто-то на гармошке играет – а-ля какой-нибудь Чехов...“

Я не успела дописать свою часть, как эта тетрадка у меня куда-то пропала, а с ней и писанный чеховской рукой монолог <...>

Помню – раз как-то мы возвращались в усадьбу после долгой прогулки. Нас застиг дождь, и мы пережидали его в пустой риге. Чехов, держа мокрый зонтик, сказал:

– Вот бы надо написать такой водевиль: пережидают двое дождь в пустой риге, шутят,

смеются, сушат зонты, в любви объясняются – потом дождь проходит, солнце – и вдруг он умирает от разрыва сердца!

– Бог с вами! – изумилась я. – Какой же это будет водевиль?

– А зато жизненно. Разве так не бывает? Вот шутим, смеемся, – и вдруг – хлоп! Конеч!» (Чехов, «Атеней», стр. 240–241; А. П. Чехов в воспоминаниях современников. М., 1947, стр. 216–217).

Сохранилось малодостоверное свидетельство, будто Чеховым во время пребывания на Сахалине написана трехактная комедия «Генерал Кокет» (прозвище начальника острова генерал-майора В. О. Кононовича). Сообщение об этом было напечатано после смерти Чехова сотрудником херсонской газеты на основе сведений, полученных, видимо, от проживавшего в этом городе бывшего зрителя сахалинских тюрем А. С. Фельдмана или его сына С. А. Фельдмана. В сообщении фельетониста утверждалось, что «Чехов читал эту пьесу некоторым своим сахалинским знакомым, и, судя по их отзывам, комедия написана очень интересно и колоритно. В 1892 году Чехов пи-

сал одному из своих добрых друзей, что пьеса совершенно готова к печати, но издание ее сопряжено с некоторыми затруднениями...» («Чехов». – «Юг», 1904, 7 июля, № 1811. Рубрика: Силуэты. Подпись: де Линь).

Слухи об этой пьесе проникли в печать еще при жизни Чехова. В «Одесских новостях» 16 июня 1893 г. сообщалось: «Известный беллетрист Антон Чехов только что окончил новую комедию, героем которой является один из сосланных в Сибирь известных петербургских дельцов». Отвечая тогда на посыпавшиеся запросы знакомых, Чехов решительно отвел свое авторство: «...газетная заметка насчет пьесы из сибирской жизни – чистейшая выдумка» (Л. . Гуревич, 28 июня 1893 г.); «Пьесы из сибирской жизни я не писал. Это диффамация» (П. . Вейнбергу, 28 июля 1893 г.); «Пьесы из сибирской жизни я не писал и забыл о ней...» (Суворину, 28 июля 1893 г. См. статьи: М. Теплинский. Была ли у Чехова комедия «Генерал Кокет»?; Н. Гитович . Вопрос остается открытым; М. Теплинский. Ответ Н. И. Гитович. – «Русская литература», 1962, № 2 и 1963, № 2).

В том же 1893 г. Чехову приписывалось авторство еще одной пьесы – трагедии «Жестокий барон», написанной в стиле прутковских пародий и на самом деле принадлежавшей члену «шекспировского кружка» в Москве, будущему профессору Московского университета В. Е. Гиацинтову. Впоследствии о происшедшей ошибке упомянул А. В. Амфитеатров: «Произведение это очень нравилось Антону Чехову, и так как он усердно рекомендовал „трагедию“ своим литературным друзьям, то сложилось было сказание, что „Жестокий барон“ – тайный плод пера его» (А. . *Амфитеатров*. Собр. соч., т. XIV. СПб., 1912, стр. 38). По воспоминаниям П. П. Гнедича, Чехов в 1893 г. подарил ему на станции экземпляр отдельного издания пьесы (М., 1892 г.), желая, чтобы он «посмеялся дорогой», и при этом сказал: «Вот почитайте, это доставит вам несколько забавных минут. А может, и вздумаете это сыграть в крещенский вечерок». В январе 1894 г. «Жестокий барон» в качестве «чеховской пьесы» был исполнен в домашнем спектакле у Гнедича при участии П. О. Морозова и В. А. Тихонова (П. . *Гнедич*. Книга жизни. Л., 1929, стр. 244).

Том подготовил (тексты, вступительная статья и примечания) *И. Ю. Твердохлебов*.

Иванов

Впервые – журнал «Северный вестник», 1889, № 3, стр. 135–194 (ценз. разр. 25 февраля 1889 г.), с подзаголовком: Драма в 4-х действиях. Подпись: Антон Чехов. К заглавию дано подстрочное примечание: «Эта пьеса была поставлена на сцене императорского Александринского театра 31-го января 1889 года в бенефис режиссера Ф. А. Федорова-Юрковского».

Часть тиража выпущена в виде отдельного издания с пометой: Из «Северного вестника», III, 1889 г. С.-Петербург, тип. В. Демакова (ценз. разр. 4 марта 1889 г.; вышло в свет с 1 по 8 марта 1889 г.; отпечатано 100 экз.).

Перепечатано в литографированном издании: Иванов. Драма в 4-х действиях Антона Чехова. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 4 ноября 1892 г.; вышло в свет с 9 по 15 февраля 1893 г.; отпечатано 110 экз.).

Включено с новыми поправками в сборник «Пьесы» (1897).

С небольшими изменениями вошло в издание А. Ф. Маркса (1901); с того же стереотипа текст пьесы отпечатан для второго издания т. VII (1902).

Сохранились цензурный театральный экземпляр пьесы с тремя последовательными слоями правки (*Ценз.* 891–3) и вклеенный в него автограф последнего явления пьесы (явл. 9), а также рукописная копия с текста *Ценз.* 891 – режиссерский экземпляр Александринского театра (*Реж.* 89), по которому восстанавливается первоначальный текст финала, утраченный в цензурном экземпляре (оба экземпляра – *ЛГТБ*). На обложке (ею служит обложка литографированного издания 1887 г.) рукой Чехова исправлен прежний подзаголовок: «Комедия в 4 действиях и 5 картинах». Сначала вычеркнуто только упоминание о количестве картин, затем весь подзаголовок заклеен полоской бумаги и сделана новая надпись: «Драма в <4 действиях>» (окончание надписи не сохранилось). О цензурных пометах и резолюциях, имеющихся на облож-

ке, см. ниже.

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 43–118.

1

Текст *Цenz. 891* – первоначальный вариант переработанной редакции, законченный к 19 декабря 1888 г.

В цензурном экземпляре этот текст представлен наиболее ранним слоем, его основой: в I акте – листами литографированного издания 1887 г., с небольшой авторской правкой; во II акте – рукописным текстом (рукой Николая Павловича Чехова) с отдельными авторскими поправками; в III акте – снова листами литографированного издания с добавлениями и заменами (наклейки и отдельный лист), переписанными рукой Ивана Павловича Чехова; в IV акте – рукописным текстом (рукой Ивана Павловича), с отдельными авторскими поправками. Последние страницы этой рукописи, начиная со слов Иванова в IV акте: «Объясни им как-нибудь» (явл. 8; в первоначальной нумерации – явл. 7), в экз. *Цenz. 891* вырезаны. Утраченный текст восстанавливается по рукописной копии в рабочем постанов-

вочном экземпляре Александринского театра (Реж. 89).

Экземпляр пьесы с текстом *Ценз. 891* в начале января 1889 г. был представлен на рассмотрение петербургского отделения Театрально-литературного комитета. На обложке – дата регистрации в комитете: «По реестру Т<еатрально-> Литературного Комитета 8 янв<аря> 1889 г. за № 5001, СПб. Один экз.», а также резолюция: «По журналу Театр. Лит. Комитета 8-го января 1889 г.: одобряется к представлению на сцене Императорских театров. Товарищ председателя Д. Григорович» (его рукой – только подпись).

Первоначальная переработка «Иванова» осуществлялась в октябре – декабре 1888 г. Впервые о переделке пьесы Чехов упоминал в письме А. С. Суворину 2 октября 1888 г.: «Если, думается мне, написать другой IV акт, да кое-что выкинуть, да вставить один монолог, который сидит уже у меня в мозгу, то пьеса выйдет законченной и весьма эффектной». 5–6 октября он снова писал Суворину, который в продолжение всей работы выказывал к пьесе большой интерес, выступал в роли на-

ставника и куратора: «В „Иванове“ я радикально переделал 2 и 4 акты. Иванову дал монолог, Сашу подвергнул ретуши и проч.».

В ответ на предложение Суворина дать пьесе новое название Чехов возразил: «Названия не изменю. Неловко. Если бы пьеса не давалась ни разу, тогда другое бы дело» (там же).

Вернувшись из поездки в Петербург, Чехов 17 декабря извещал Суворина: «Я уже принял за „Иванова“». И на следующий день: «„Иванов“ *готов*. Переписывается». Посылая готовый экземпляр пьесы (текст *Ценз.* 891), он отмечал: «Теперь мой г. Иванов много понятнее» (19 декабря).

В добавленных в текст монологах Иванова и беспощадных самооценках он представлен как «нытик» – «надломленный», «потерянный» и в то же время безусловно честный и порядочный человек, выносящий себе страшный приговор.

Две картины последнего акта объединены в одну. Вместо комедийных эпизодов свадебного застолья и незаметной для всех смерти Иванова в пьесу введены сцены высокого

эмоционального накала, добавлен его монолог «под занавес» и сценически «эффектная» концовка – самоубийство на глазах у всех собравшихся.

Раньше в «комедии» Иванов после недолгого колебания благополучно венчался с Сашей и в финальных сценах представал перед зрителем в образе несколько раскисшего от счастья и вина молодого супруга, повторявшего: «Все хорошо, нормально... отлично...» В «драме» же он всеми средствами добивается расстройтва своей женитьбы, в душевном смятении бежит из-под венца, добивается отказа Саши и, вынув из кармана револьвер, признается ей: «Если бы ты не согласилась, то я бы вот...»

В «комедии» был эпизод, где Лебедев тайком от жены ссужал Иванову деньги для отдачи долга, а Иванов легко соглашался на это сомнительное предложение: «мне теперь не до самолюбия». В «драме» в той же сцене Иванов не произносит ни слова, однако заставляет Лебедева понять унижительный характер предложенной сделки и взять деньги обратно.

В переработанной редакции исключен целый ряд эпизодов, относившихся к «свадебному» фону пьесы с его бытовыми и комедийными аксессуарами: сцена с барышнями и танцами на празднике у Саши (д. II), живописный рассказ Лебедева о закусках, явление Петра с горячими пирожками, шуточные запевки свахи (д. III), вся водевильная линия сватовства Боркина к Бабакиной (д. IV) и т. д.

В новой редакции пьесы усилена напряженность действия, усложнены отношения между Львовым и Ивановым и намечен новый сюжетный узел – Львов выступает теперь также в роли соперника Иванова: «...знайте же, что я люблю вашу жену! Люблю так сильно, как вас ненавижу! Вот мои права...» и т. д. (д. III, явл. 6).

Добавления в роли Саши отчетливо выявили в ее характере черты «эмансипированной» девицы, провинциальной Жорж Санд, «гения», ее рассудочную экзальтированность и предвзято книжные представления о «действенной» любви и о «герое», которым являлся для нее Иванов (д. II, явл. 3, 13; д. III, явл. 7 и др.).

Из числа действующих лиц пьесы исключен Дудкин – чисто водевильный персонаж, «зулус» и «пещерный» человек.

Значительно преобразован и прежний комедийный образ «легкокрылой» Марфутки Бабакиной, сняты намеки на ее «размалиновое житье» и устроенный на дому «кафе-шантан», куда гости закатывались «суток на трое» с полными кульками «коньяку да ликеру». В «драме» оказались невозможны прежние нелестно-вульгарные отзывы о ней: «Марфутка, эта дрянь, черт, жила» или «сморкается как извозчик».

Вычеркнуты многие бранные и грубоватые, просторечно-фамильярные обороты и выражения, вроде: замучился, как черт; эх, волк меня заешь; словно белены объелся; пущать; околеть; ни шиша; нажраться и т. п.

В пунктуационном оформлении текста резко подчеркнут динамизм речи персонажей, ее эмоциональная напряженность, насыщенность восклицательными интонациями, например: Глупо... → Глупо!; Оставьте меня в покое... → Оставьте меня в покое!; Все мне не нравится... все... → Все мне не нравит-

ся! Все!; К чему, к чему, боже мой → К чему, к чему! Боже мой, и т. п.

Однако Суворин, взявший на себя хлопоты о постановке «Иванова» в Александринском театре, остался неудовлетворен переделанной пьесой. Сначала он высказал недовольство финалом: ему «резко бросилось в глаза» отсутствие Саши, которая после расставания с Ивановым уже не появлялась более на сцене. Суворин писал, что это «сушит конец» и противоречит «законам сцены».

Чехов в ответном письме, где приведены слова Суворина (его письма не сохранились), утверждал закономерность отсутствия Саши: «Так и надо <...> Ведь не может же она броситься Иванову на шею и сказать: „Я вас люблю!“ Ведь она не любит и созналась в этом. Чтобы вывести ее в конце, нужно переделать ее всю с самого начала» (23 декабря 1888 г.).

Суворин продолжал стоять на своем, и Чехов в конце концов согласился «выпустить» Сашу в финале, но решил в связи с этим изменить всю линию ее поведения. 26 декабря он писал Суворину: «Вы хотите во что бы то ни стало, чтобы я выпустил Сашу. Но ведь „Ива-

нов“ едва ли пойдет. Если пойдет, то извольте, сделаю по-Вашему, но только уж извините, задам я ей, мерзавке!»

В следующем письме Чехов сообщил, какой именно он представляет себе Сашу, и с иронией отмечал ее «жертвенническую» философию: «Саша – девица новейшей формации. Она образованна, умна, честна и проч. <...> Это женщина, которая любит мужчин в период их падения. Едва Иванов пал духом, как девица – тут как тут. Она этого только и ждала. Помилуйте, у нее такая благодарная, святая задача! Она воскресит упавшего, поставит его на ноги, даст ему счастье... Любит она не Иванова, а эту задачу» (30 декабря 1888 г.).

Но затем оказалось, что дело даже не в Саше, а в изображении главного героя пьесы, характер которого был превратно понят Сувориным, режиссером Ф. А. Федоровым-Юрковским и приглашенной к участию в спектакле М. Г. Савиной. Узнав об этом, Чехов решительно отказался от дальнейшей работы над пьесой: «Поправками и вставками ничего не поделаешь. Никакие поправки не могут низве-

сти великого человека с пьедестала, и никакие вставки не способны из подлца сделать обыкновенного грешного человека. Сашу можно вывести в конце, но в Иванове и Льво-ве прибавить уж больше ничего не могу. Не умею» (там же).

И все же Чехов вскоре вернулся к продолжению работы.

2

Текст *Ценз. 892* – исправленный и дополненный вариант переработанной редакции, законченный к 15 января 1889 г. В цензурном экземпляре этот текст представлен предшествующей основой (*Ценз. 891*) с добавлением ряда вставок и замен, сделанных на отдельных листах (рукой Михаила Павловича Чехова) с единичными авторскими поправками. В числе этих добавлений и замен: «Вариант 6-го явления I акта», «Вариант 7-го явления I акта», «К 4 явлению II акта», «Вариант 6-го явления II акта», «Вариант 10-го явления II акта», «К 5 явлению III акта», «Вариант 7-го явления III акта», «Акт IV. Явление 7. Явление 8. Явление 9».

Конец явл. 9, тогда последней сцены пье-

сы, со слов Иванова: «В 30 лет уж настанет похмелье и ты бу<дешь стар>», – утрачен. Однако сохранился текст (автограф) последующей редакции того же явления (Ценз. 893), первоначальная основа которого как раз соответствует тексту Ценз. 892. Несколько завершающих пьесу реплик утрачено и здесь (со слов Иванова: «Отойди<те все!>»); они восстанавливаются по копии писца в том же цензурном экземпляре.

На обложке цензурного экземпляра – резолюция, относящаяся к тексту Ценз. 892: «К представлению дозволено. С.-Петербург. 18 января 1889. Цензор драматических сочинений Альбединский».

Во многих местах пьесы, где в речи персонажей встречались такие присловья, как «ей-богу», «ради бога», «истинным богом», «накажи меня бог», – цензор вычеркивал их, следуя неписаному правилу, запрещавшему упоминание имени бога всуе (в нескольких случаях по недосмотру цензора они в тексте все же остались). Театральная цензура того времени вообще не допускала в пьесах «никакого упоминания о боге, и если, например, у действу-

ющего лица была привычка божиться, повторять – „ей-богу“, то цензор преспокойно лишал его этой привычки, считая, что на сцене это представляет кощунство» (И. . *Потапенко*. Несколько лет с А. П. Чеховым. – «Нива», 1914, № 28, стр. 553; *Чехов в воспоминаниях*, стр. 350).

Поскольку сам Чехов при переиздании ранних произведений во время стилистической правки аналогичные слова в речи персонажей не исключал (в прозаических вещах цензура их оставляла), в настоящем издании вычеркнутые цензором в «Иванове» упоминания о боге восстанавливаются. В тексте учтены также исправления в местах, совпадающих с ранней редакцией (см. т. XI, стр. 409–410). Исключение составляют вычеркнутые цензором в тексте *Ценз.* 872 слова в реплике графа Шабельского: «туше возмутительное... [семитическое, перхатое туше, от которого на десять верст пахнет чесноком...]» (д. I, явл. 2). Этот отрывок не восстанавливается, так как в процессе дальнейшей авторской правки и трансформации образа Анны Петровны аналогичные брезгливо-пренебрежи-

тельные отзывы о ней снимались самим Чеховым.

После настояний Суворина и его телеграммы, посланной в ответ на письмо от 30 декабря 1888 г., Чехов снова приступил к доработке пьесы. 4 января 1889 г. он писал Суворину: «Я окончательно лишил свою пьесу девственности». И с тем же письмом выслал на отдельных листах «две вставки и одну поправку» – видимо, это были «Вариант 6-го явления I акта», «Вариант 7-го явления I акта» и дополнение «К 4 явлению II акта» (текст после слов Лебедева: «не венчаться мне ехать»).

В течение последующих десяти дней Суворину были высланы переписанные рукой Михаила Павловича остальные вставки и дополнения – на отдельных листах, которые уже в Петербурге вклеивались в цензурный экземпляр пьесы.

Сверх того, для цензуры были изготовлены еще две самодельные тетрадки с полным сводом тех же вставок и дополнений. В первой тетрадке часть текста была написана рукой самого Чехова, остальное – Михаилом Павловичем и Иваном Павловичем; во второй весь

текст – рукой Михаила Павловича. Оба рукописных свода в Петербурге были использованы в контрольном экземпляре пьесы, сохранившемся с 1888 г. в архиве драматической цензуры (литографированное издание 1887 г.); при этом «лишние», дублирующие листы срезаны под корешок – в том числе и страницы, написанные рукой Чехова: вариант 7-го явления I акта, добавление к 4 явлению и варианты 6 и 10 явлений II акта, добавление к 5 явлению и вариант 7 явления III акта (ЛГТБ, № 40394).

«Каторжную» работу над пьесой Чехов продолжал до 15 января 1889 г. В этот день он сообщил А. Н. Плещееву: «Всю неделю я возился над пьесой, строчил варианты, поправки, вставки, сделал новую Сашу (для Савиной), изменил IV акт до неузнаваемого, отшлифовал самого Иванова и так замучился, до такой степени возненавидел свою пьесу, что готов кончить ее словами Кина: „Палками Иванова, палками!“»

В исправленной редакции пьесы подчеркнуты драматизм положения Иванова и его преждевременная «усталость». В сцене с Лебе-

девым добавлен его рассказ о рабочем Семене, который надорвался под непосильным грузом: «Мне кажется, что я тоже надорвался», «Взвалил себе на спину ношу, а спина-то и треснула» и т. д. (д. III, явл. 5). В последнем монологе Иванова введены признания, показывающие всю глубину его разочарованности и опустошенности.

Введены дополнения в мотивировку самоубийства Иванова, который теперь еще до рокового выстрела как бы примеривался к нему: в сцене с Сашей из IV акта мотив самоубийства сначала возникал в его полупрозрачном намеке («У нашего брата, нытика, есть одно спасение, да к несчастью у нас для этого спасения слишком много ума»), затем он уже открыто признавался в своем намерении («Мне нужно было поступить так, как я хотел. Я хотел прямо вот...»), и сцена завершилась борьбой за револьвер.

Изобразив в сцене свидания с Сашей (из III акта) «веселого, хохочущего, светлого» Иванова, Чехов испытывал сильные сомнения: «Пишу, а сам трепещу над каждым словом, чтобы не испортить фигуры Иванова» (Суворину, 8

января 1889 г.). Чехову очень хотелось разнообразить для Савиной роль Саши, но эта сцена, где она «волчком ходит», «пихает в плечо» Иванова, «тянет за руку», «прыгает на диван», обзывает «тяжелым тюленем» и т. д., все-таки «портила» фигуру драматического героя, воспринималась как чужеродная для «драмы», как будто вставленная из пьесы другого жанра. В дальнейшем Чехов несколько раз перерабатывал эту сцену.

При переделке учтено пожелание Суворина, считавшего необходимым, как и Савина, разъяснить – «подлец» ли Иванов (см. письмо Чехова 30 декабря 1888 г.). Во многих местах пьесы сделаны вставки, указывающие на его честность, совесть, порядочность и т. д.

В I акте добавлено, что Иванов, оставляя опостылевший дом и жену, терзается этим и испытывает угрызения совести: «Как вы все мне надоели! Впрочем, господи, что я говорю? Аня, я говорю с тобой невозможным тоном...» и т. д. Тут же вставлено признание Анны Петровны, что сама она понимает поведение Иванова и оправдывает его: «Тоска... Понимаю, понимаю <...> У тебя такие страдальче-

ские глаза!».

Введены упоминания о том, что совсем недавно Иванов был другим: его занимало «хозяйство, школы, проекты, речи, сыроварни», он «много работал, много думал, но никогда не утомлялся», «любил, ненавидел и веровал», был «горячим, искренним, неглупым», «в женском обществе только пел песни и рассказывал небылицы, а между тем каждая знала, что он за человек» и т. д. В самом конце пьесы исключена фраза Иванова, вызывавшая сомнения Суворина и Савиной: «С каким восторгом я принимаю этого „подлеца“!»

Вместе с тем Чехов при доработке следил, чтобы в обрисовке Иванова не обнаружился крен в противоположную сторону, в сторону его «героизации». По его замыслу, Иванов отнюдь не «герой», не «великий человек» и не «лишний человек», а просто «обыкновенный грешный» человек.

В сцене с Сашей, в представлении которой Иванов «герой», «мученик», «лишний человек», добавлены его реплики, опровергающие это мнение: «Я умираю от стыда при мысли, что я, здоровый, сильный человек, обратился

не то в Гамлеты, не то в Манфреды, не то в лишние люди <...> Есть жалкие люди, которым льстит, когда их называют Гамлетами или лишними, но для меня это – позор!» (д. II, явл. 6). О «гамлетизме» Иванова см. статью: Т. . Шах-Азизова. Русский Гамлет («Иванов» и его время). – В сб.: Чехов и его время. М., 1977.

Сделаны важные вставки и в сцене с Лебедевым: его ошибочное суждение об Иванове («Тебя, брат, среда заела!») и реплика Иванова, отвергающего эту давно отжившую, заезженную формулу объяснения (д. III, явл. 5).

Существенной доработке подверг Чехов роль Саши. Согласившись с предложением Суворина «выпустить» ее на сцену в финале пьесы, Чехов придал всему ее облику несколько иное освещение, подчеркнул губительную роль, которую сыграло в судьбе Иванова ее надуманное стремление «совершать подвиг» и ее «девическая философия».

В эпизоде, где Саша впервые остается наедине с Ивановым, добавлены фразы, показывающие ее приверженность доктрине «долга» и «любви», потребность «учить и спасать»: «Нужно, чтобы около вас был человек, кото-

рого бы вы любили и который вас понимал бы. Одна только любовь может обновить вас» (д. II, явл. 6).

В сцене свидания из III акта введено странное рассуждение Саши о «деятельной любви», показаны ее тщетные попытки «расшевелить» Иванова во что бы то ни стало. Ее обращению с Ивановым придана снисходительно-покровительственная окраска: «Как ты любишь говорить страшные и жалкие слова! Даже, извини, противно!», «Отлично, мы, кажется, улыбаемся!», «Двигайся, Обломов!» и т. д.

Та же линия поведения «новой» Саши выдержана и в последних эпизодах пьесы, где ранее Саша отсутствовала: теперь она до конца энергично сопротивляется всем попыткам Иванова расстроить их свадьбу, а в последней сцене произносит пылкую речь в его оправдание.

Реализовал Чехов также предложение Суворина о более четкой характеристике Львова, фигуру которого тот понял сначала превратно и предполагал даже, что «доктор – великий человек». «Это олицетворенный шаб-

лон, ходячая тенденция», – возразил ему тогда Чехов (Суворину, 30 декабря 1888 г.).

Теперь в дополнении к 4 явлению II акта сделана большая вставка, содержащая весьма нелестные отзывы действующих лиц о Львова: «Моя антипатия. Ходячая честность», «Скучно с ним» (Саша); «Узкий, прямолинейный лекарь», «Орет на каждом шагу, как попугай, и думает, что в самом деле второй Добролюбов» (Шабельский) и т. д. Далее добавлены реплики Анны Петровны, подчеркнувшие неправоту Львова в его оценках Иванова: «Послушайте, господин честный человек! <...> Вы хороший человек, но ничего не понимаете» (д. II, явл. 10). В самом конце пьесы в добавленной речи Саши также содержалось осуждение безжалостной честности Львова, его узкой прямолинейности: «И какое бы насилие, какую бы жестокую подлость вы ни сделали, вам все бы казалось, что вы необыкновенно честный и передовой человек!»

В исправленной редакции претерпел изменения и образ Анны Петровны. Черты бытовой заземленности, которые можно было заметить в образе Сарры из «комедийной» ре-

дакции пьесы, исчезли в процессе работы над «драмой». В ее новом облике, духовно обогащенном, подчеркнуты сложность и тонкость натуры. Введены в текст упоминания, что сама она ясно сознает неизбежность близкого конца («думаете, я не знаю, какая у меня болезнь? Отлично знаю»), чувствует охлаждение мужа и близость трагической развязки («представьте, что он разлюбил меня совершенно! <...> Какие у меня страшные мысли!..»), страдает от жестокого отношения родителей («я день и ночь, даже во сне, чувствую их ненависть»). На этом этапе работы вставлена и песенка о «чижике», оттенявшая крайнюю напряженность ее «страшных мыслей». Граф Шабельский, прощаясь с Анной Петровной, уже не прыскает пренебрежительно, как прежде: «Вей мир... Пэх...», а говорит, целуя ей руку: «Покойной ночи, прелесть!»

3

Текст *Ценз. 893* – окончательный вариант переработанной редакции, законченный во второй половине января 1889 г. – после приезда в Петербург 19 января и до премьеры

спектакля 31 января. В цензурном экземпляре этот текст представлен предшествующей основой (Ценз. 892) с новым финалом пьесы: явления 10–11 (в первоначальной нумерации 9–11) заменены текстом на листах автографа, вклеенного в цензурный экземпляр (второй слой правки).

По приезде в Петербург Чехов посетил 21 января 1889 г. В. Н. Давыдова, исполнителя роли Иванова в Александринском театре, который, помня эту роль по ранней редакции пьесы (1887 г.), был крайне озадачен переделкой и о своих недоумениях писал Чехову: «После Вашего ухода я еще несколько раз прочитал роль Иванова в новой редакции и положительно не понимаю его теперь. Тот Иванов был человек добрый, стремящийся к полезной деятельности, преследующий хорошие цели, симпатичный, но слабыхарактерный, рано ослабевший, заеденный неудачами жизни и средой, его окружающей, больной, но сохраняющий еще образ человека, которого слово „подлец“ могло убить. – Иванов в новой редакции полусумасшедший, во многом отталкивающий человек, такой же пустомеля,

как Боркин, только прикрывающийся личной страданий, упреками судьбе и людям, которые будто его не понимали и не понимают, черствый эгоист и кажется действительно человеком себе на уме и неловким дельцом, который в минуту неудавшейся спекуляции застреливается. По крайней мере на меня он производит теперь такое впечатление. Как друг, как человек, уважающий Ваш талант и желающий Вам от души всех благ, наконец, как актер, прослуживший искусству 21 год, я усердно прошу Вас оставить мне Иванова, каким он сделан у Вас в первой переделке, иначе я его не понимаю и боюсь, что провалю...» (22 января 1889 г. – ГБЛ).

Чехов оставил роль Иванова без изменений, однако до премьеры внес в пьесу еще одно исправление: произвел композиционную перестановку в финальных сценах, передвинув монолог Иванова несколько вперед.

Ранее (в тексте *Ценз.* 891) Иванов произносил свой «свирепый», по выражению Чехова, монолог в самом конце акта, непосредственно перед выстрелом, при полном сборе гостей. Затем (в тексте *Ценз.* 892) монолог был

переделан. Прежняя драматическая напряженность речи и резкие самообличения Иванова были сняты, и преобладающей в монологе оказалась исповедально-повествовательная интонация, которая, однако, явно не соответствовала стремительному нарастанию действия в финале.

Тогда же перед монологом Иванова была добавлена еще и речь Саши, обращенная к Львову. Таким образом, в конце пьесы оказались рядом два длинных монолога, замедлявших наступление трагической развязки, что, видимо, обнаружилось уже во время начавшихся тогда репетиций.

В связи с этим монолог Иванова был теперь перенесен выше и выделен отдельной сценой: Иванов исповедуеться в ней одному только Лебедеву (явл. 9), а Саша появлялась на сцене уже после оскорбительных слов Львова и вызова на дуэль; ее выход также оформлен отдельным явлением (явл. 11).

С. Д. Балухатый полагал, что композиционная перестройка финала была произведена уже после премьеры спектакля – «между 6 и 17 февраля 1889 г.» и что сделана она «соглас-

но психологической цепи (поступок Львова – слова Саши – действие Иванова), намеченной А. С. Сувориным» (С. Балухатый. К истории текста и композиции драматических произведений Чехова. «Иванов» (1887–1889–1903). – «Известия Отделения русского языка и словесности АН СССР», 1927, т. XXXII). При этом подразумевалось замечание Суворина, высказанное им в несохранившемся письме Чехову, а также в рецензии на пьесу, о том, что последняя речь Саши с нападками на Львова не убеждает, поскольку она говорит это уже после вызова на дуэль, «в негодовании на оскорбителя своего жениха», и зритель вправе принять ее слова «за пристрастные, даже за клевету» (А. Суворин. «Иванов», драма в 4 д., Антона Чехова. – «Новое время». 1889, 6 февраля, № 4649).

Отвечая Суворину на его письмо, Чехов пояснял: «Ваша мысль о перенесении слов о клевете из одного места в другое пришла к Вам поздно; я ее одобряю, но воспользоваться ею не могу <...> Переделывать, вставлять, писать новую пьесу для меня теперь так же невкусно, как есть суп после хорошего ужи-

на» (6 февраля 1889 г.).

По мнению Балухатого, Чехов после премьеры все же «изменил своему первоначальному решению и вскоре взялся еще раз за переделку конца» (указ. соч., стр. 144–145). Однако по письмам Чехову первых зрителей спектакля видно, что на премьере 31 января и на втором спектакле 6 февраля 1889 г. пьеса игралась уже по переработанному тексту финала: Иванов произносит свой последний монолог не в последний момент, перед всеми гостями, а обращаясь к одному лишь «старикуну» (то есть Лебедеву), «в разговоре Иванова с Лебедевым», «в то время, когда Сашенька уходит за матерью» (письма В. М. Тренюхиной от 1 февраля, К. С. Баранцевича и М. И. Чайковского от 7 февраля 1889 г. – ГБЛ).

Факт переработки финала еще до премьеры устанавливается и документально – по режиссерскому экземпляру пьесы, где в разметке выходов на сцену исполнителей в окончательной редакции текста вписана фамилия М. Г. Савиной, которая исполнила эту роль единственный раз – на премьере (Реж. 89, л. 145), а также по тетрадке с ролью Саши,

принадлежавшей В. А. Мичуриной-Самойловой, заменившей Савину со второго спектакля, где реплики Саши приведены также по уже переработанному тексту финала (ЦГАЛИ, ф. 2044, оп. 1, ед. хр. 18).

Таким образом, композиционная перестройка конца пьесы была осуществлена не после возвращения Чехова в Москву (6–17 февраля), а еще в Петербурге, в конце января 1889 г. На сцене Александринского театра пьеса с самого начала ставилась с уже переделанным финалом. Замечание Суворина Чехов оставил без последствий и к переделке конца более не возвращался.

4

Вопрос о публикации пьесы в журнале «Северный вестник» фактически был предreshен давно. Эту мысль подсказал впервые Н. А. Лейкин, который писал Чехову об этом еще в 1887 г. в связи с завершением ранней редакции пьесы: «Старик Плещеев, если еще Вам не писал, то будет на днях писать и приглашать Вас участвовать в „Северном вестнике“. Вот отдайте туда Вашу пьесу» (12 ноября 1887 г. – ГБЛ).

В конце 1888 г. уже сам Плещеев предлагал Чехову поместить «Иванова» в журнале, где он возглавлял литературный отдел (см. письмо Чехова Плещееву 30 декабря 1888 г. и 2 января 1889 г.). О том же предложении Плещеева писал Чехову и Леонтьев (Щеглов): «Плещеев хочет пустить его в январс<ком> „Сев<ерном> вест<нике>“» (12 ноября 1888 г. – *ГБЛ*). Он же извещал о том, что режиссер Александринского театра Федоров-Юрковский, не желая, чтобы публикация пьесы состоялась до премьеры, «будет просить А. Н. Плещеева отложить печатание до февраля» (22 декабря 1888 г. – *ГБЛ*; см. также письмо Плещеева Чехову от 31 декабря 1888 г. – *ЛН*, т. 68, стр. 341). Переговорив с редактором-издателем журнала А. М. Евреиновой, Плещеев сообщил об окончательном решении печатать «Иванова» в 3-м номере – как этого и желал Чехов: «Место вашему „Иванову“ в март-товской книжке найдется. Высылайте его» (3 января 1889 г. – Там же, стр. 343).

Пьеса была напечатана в «Северном вестнике» по тексту театрального цензурного экземпляра (*Ценз.* 893), точнее – по копии, сня-

той с него. Об этой копии упоминал Плещеев в письме секретарю драматической цензуры А. Ф. Крюковскому, относящемся к началу февраля 1889 г.: «Мне необходимо нужен экземпляр пьесы Чехова „Иванова“ – сегодня же. (Его отдали переписывать с театрального – но он еще не готов.) Не будете ли вы столь любезны одолжить мне цензурный...» (письмо без даты – ГЦТМ; Плещеев, конечно, не знал, что Чехов представил в цензуру только один экземпляр пьесы и что контрольный цензурный экземпляр, скопированный с него уже в цензуре, наспех и неряшливо, не мог его заменить).

Первая половина пьесы была сдана в типографию 6 февраля 1889 г., вторая – следом за ней (письмо Плещеева Чехову 7 февраля 1889 г. – ЛН, т. 68. стр. 344). 11 февраля Евреинова послала Чехову первую партию гранок и в своем письме просила его поспешить с просмотром корректуры (ГБЛ). Присылка листов растянулась дней на десять. Чехов, по его словам, «спешил на всех парах, не щадя живота и высылая листы обратно в день получения их». Он жаловался, что типография высылала

материал «по маленьким дозам, через час по столовой ложке» (Евреиновой, 17 февраля 1889 г.).

3 марта 1889 г. Билибин известил Чехова о выходе «Северного вестника» с напечатанной в нем пьесой (ГБЛ). 9 марта редакция журнала выслала Чехову сто отдельных оттисков «Иванова» (известны экземпляры с дарственными надписями Вл. И. Немировичу-Данченко, Давыдову, А. И. Сумбатову-Южину). Десять экземпляров пьесы Чехов переслал в петербургскую Театральную библиотеку В. А. Базарова с тем, чтобы деньги после продажи были переданы в пользу Общества для пособия нуждающимся сценическим деятелям (Леонтьеву-Щеглову, 16 марта 1889 г.).

В журнальной публикации «Иванова» исключено несколько сцен и ситуаций остро-драматического характера: неожиданное появление Львова в сцене ссоры Иванова с Саррой (финал III акта), признание Иванова о задуманном самоубийстве и его борьба с Сашей за револьвер в конце IV акта (явл. 8).

Сильно сокращена сцена веселой возни Иванова с Сашей в III акте, вызывавшая ранее

у Чехова большие сомнения (явл. 7). В той же сцене вычеркнуты реплики Иванова и его сравнение с угрюмой птицей бугаем, которая мычит уныло, точно корова: «бу-у! бу-у!». В окончательном тексте осталось лишь это «мычание», которое вне контекста исключенных фраз малопонятно (см. варианты, стр. 251).

Внесены поправки, продолжившие начатую на предыдущих этапах работу по «высветлению» образа Анны Петровны, который все более освобождался от бытовой детализации, от прежней покорности и приниженности, становился все более одухотворенным. Новой Анне Петровне уже не свойственны эксцентрические замашки и выражения вроде: «Я хочу кувыркаться» или ее слепое преклонение перед мужем, выраженное ремаркой: «целует ему руку». Вычеркнуто также прежнее обращение Иванова к ней: «Моя кроткая рабыня» (д. I, явл. 6).

Сделан еще ряд сокращений в обрисовке комедийно-бытового «фона» в сценах на балу у Лебедевых: исключен плоский анекдот 1-го гостя о собаке с кличкой Каквас, карточные

расчеты Косых у ломберного стола, реплика Зинаиды Савишны по поводу недопитого графом стакана чаю: «Отнесу, отдам Матрене выпить» и т. д.

Изменен также стилистический и интонационно-речевой строй пьесы: исключены многие фразы разговорно-бытовой окраски и обиходно-просторечных выражений в репликах персонажей: «словно белены объелся», «вытаращил глазищи», «сидит во мне не Иванов, а больная, старая лошадь» и т. д.

При исправлении IV акта два последних явления объединены в одно, но при этом в окончательном тексте пьесы исчезло обозначение выхода Саши на сцену после слов Шабельского «Милостивый государь, я дерусь с вами!».

В тексте «Северного вестника» по недосмотру копииста или наборщика допущен ряд пропусков и погрешностей, перешедших во все последующие издания пьесы.

В конце I акта выпало несколько фраз со сходными ремарками на концах строк в тексте оригинала: «Львов. Вам нельзя ехать ~ Велите дать лошадей...» Без выпавших слов сле-

дующая реплика Львова, решительно отказывающегося лечить «при таких условиях», недостаточно ясна – на это указывалось в одном из отзывов на пьесу (в статье В. К. Петерсена, о которой см. далее).

В IV акте в конце 8-го явления при вклейке в цензурный экземпляр листов автографа оказалась неучтенной фраза Саши «Папа, сейчас благословлять!», без которой ее уход со сцены в кульминационный момент объяснения с Ивановым остался немотивированным. Оба эти пропуска в наст. издании восстановлены (см. выше перечень исправлений).

Не полностью была учтена также правка автора в самых последних репликах пьесы. В рукописи рукой Чехова вычеркнуто восклицание Саши «Удержите его!» и ремарка: «Саша падает в обморок». В печатном же тексте восклицание Саши наполовину сохранено: «Удержите!» (в автографе видно, что при вычерке перо здесь зацепило бумагу и далее образовало кляксу).

Наконец, в журнальной публикации пьесы сохранилось много мелких погрешностей в той части текста, которая перешла в неиз-

мененном виде из ранней редакции и была представлена в рукописи (экземпляр *Ценз.* 89 3) листами литографированного издания 1887 г. Текст этого издания был неточным, содержал много отклонений от авторизованной рукописи, с которой копировался. Половину этих «поправок» копииста Чехов аннулировал при подготовке печатного издания (более чем в 20 случаях, включая пунктуацию).

Однако часть «поправок», оставшихся, видимо, им не замеченными, перешла в окончательный текст пьесы. Так, во фразе Иванова «Я женился на Анне» осталась форма имени, переданная копиистом с искажением: «на Ане»; вместо «взволнованно» сохранилось ошибочное: «взволнованная», вместо «одеться» – «одеваться» и т. д. В этих случаях, когда происходило явное искажение текста, в наст. издании внесены исправления по авторизованному экземпляру ранней редакции 1887 г. Незначительные же «поправки» копииста и отклонения от оригинала, когда смысл не искажался (например, вместо «уже» – «уж», вместо «Николай Алексеич» – «Николай Алексевич» и т. п.), исправления в пунктуации,

оставленные Чеховым без изменений, в тексте пьесы сохранены.

В 1892 г. владелец московской Театральной библиотеки и комиссионер Общества русских драматических писателей и оперных композиторов С. Ф. Рассохин известил Чехова, что тираж первого литографированного издания «Иванова» (1887 г.) «весь распродан», и в связи с этим просил разрешения «его воскресить в виде литографированного издания с печатного оригинала» – то есть по тексту оттиска из «Северного вестника» (8 октября 1892 г. – ГБЛ).

Оттиск был передан в Московский цензурный комитет 31 октября 1892 г.; цензор Н. А. Трескин 4 ноября разрешил пьесу литографировать (Центральный гос. архив г. Москвы, ф. 31, оп. 3, ед. хр. 306). 29 января 1893 г. по тексту литографированного экземпляра пьеса «дозволена к представлению» драматической цензурой (ЛГТБ), а в середине февраля 1893 г. (с 9 по 15 февраля) второе литографированное издание, повторявшее текст «Северного вестника», вышло в свет.

При подготовке сборника «Пьесы» Чехов в

ноябре-декабре 1896 г. снова «прокорректировал» текст «Иванова» (Суворину, 2 декабря 1896 г.).

Тогда были добавлены реплики, объяснявшие «утомленность» и «надорванность» Иванова как проявление типических черт целого поколения: «В двадцать лет мы все уже герои...», «Ведь нас мало, а работы много...» (д. III, явл. 5 и д. IV, явл. 10).

В сцену с «веселым» Ивановым внесены изменения, продолжившие начатую ранее правку. На этот раз были исключены небольшой эпизод шуточного препирательства между Ивановым и Сашей («Скажите, пожалуйста, какой тон! Ну, ну, не очень!» и т. д.) и другое место, где Иванов гонится за Сашей и хочет. Сняты также некоторые излишне бодрые фразы Иванова, намекавшие на возможность его скорого «выздоровления», например: «Эх, волк меня заешь, выкурить бы из меня только казанскую сироту – совсем бы настоящий мужчина был!» (д. III, явл. 7).

Исправляя эту сцену, Чехов, видимо, учитывал также замечания рецензентов, в частности – Н. К. Михайловского. В своей рецен-

зии на пьесу он отмечал, что поведение Саши и Иванова, которые «чуть не на глазах жены (во всяком случае она узнает об этом) проделывают разные амурные игривости и веселости», просто «глупо и жестоко» и что автор ввел этот эпизод «с риском извратить характеры действующих лиц» (Ник. Михайловский. Случайные заметки. – «Русские ведомости», 1889, 16 мая, № 133).

Другое исправление сделано в тексте последнего монолога Иванова (д. IV. явл. 10), также вызвавшего резкие нарекания Михайловского и других критиков демократического лагеря, которые в «проповедях» Иванова усматривали «пропаганду „серенькой, заурядной жизни“». Ранее Иванов, обращаясь к Лебедеву, адресовал свои назидательные предостережения некоему обобщенному образу «молодого человека»: «если когда-нибудь в жизни тебе встретится, молодой человек, горячий, искренний, неглупый» и т. д. Эта речь-проповедь была теперь представлена как рассказ Иванова только о себе, о печальном опыте пережитой им драмы: «Был я молодым, горячим, искренним, неглупым» и т. д.

Кроме того, Чехов устранил в пьесе некоторые побочные сюжетные линии и эпизоды, тормозившие или усложнявшие развитие действия (на это также указывалось в рецензиях на пьесу). В сцене объяснения Львова с Ивановым исключено признание Львова о его любви к Анне Петровне (д. III, явл. 6). Снят намек на самоубийство в сцене последнего свидания Иванова с Сашей (д. IV, явл. 8). Исключены риторические реплики в сцене самоубийства, о которой Михайловский замечал, что она «производит почти комическое впечатление: прежде чем Иванов с револьвером в руке „отбегает и застреливается“, окружающие могли бы раза три вырвать у него револьвер» (статья «Случайные заметки»).

В той же статье Михайловский упрекал Чехова за «ненужное подчеркивание» комизма в сцене, где Косых, большой любитель карт, «до того зарапортовался, что вместо „прощайте“ говорит: „пас“. Остальные действующие лица смеются. Кажется, ясно и просто. Но г. Чехов боится, что этот маленький комический эффект пропадет для зрителей и читателей и потому заставляет еще одно из действу-

ющих лиц пояснить: „Ну и доигрался, сердечный, до того, что вместо прощай говорит пас“». В тексте сборника «Пьесы» Чехов вычеркнул эту реплику Лебедева (д. III, явл. 3).

В издании «Пьес» в последнем акте «Иванова» число явлений увеличилось на одно: сцена свидания Иванова с Сашей, составлявшая ранее с предыдущим эпизодом одно целое, теперь была выделена в отдельное явление (д. IV, явл. 8). Начиная с этого издания возник разнобой в подаче ремарок: в первых двух актах обозначение действующих лиц в начале каждого явления строго соблюдалось, но со 2-го явления III акта оно исчезло. В настоящем издании этот разнобой устранен, и во всей пьесе восстановлена единая форма ремарок – как было в журнальном тексте «Северного вестника» и в рукописях.

Краткие разговорные именные формы на «-ой», «-ей» по всему тексту заменены в сборнике «Пьесы» литературно-книжными формами на «-ою», «-ею»: например, вместо «головой» стало «головою», «всей» – «всею», «единственной» – «единственною» и т. п.

Готовя марксовское издание «Пьес» (Сочи-

нения, т. VII), Чехов внес в текст «Иванова» лишь единичные поправки и сокращения.

5

Премьера «Иванова» состоялась в Александринском театре 31 января 1889 г. В ролях были заняты: В. Н. Давыдов (Иванов), П. А. Стрепетова (Анна Петровна), П. М. Свободин (Шабельский), К. А. Варламов (Лебедев), Е. И. Жулева (Зинаида Савишна), М. Г. Савина (Саша), А. С. Чернов (Львов), Н. Б. Хлебникова (Бабакина), Н. И. Арди (Косых), В. П. Далматов (Боркин), В. В. Стрельская (Авдотья Назаровна).

Спектакль был поставлен главным режиссером Федоровым-Юрковским в день его бенефиса. Свой выбор он остановил на «Иванове» по совету Леонтьева (Щеглова), который еще до завершения пьесы предлагал Чехову свои услуги в переговорах с театром: «Я бы шепнул за кулисами хоть Федорову? У него бенефис» (25 октября 1888 г. – ГБЛ). После переговоров Чехова с режиссером во время пребывания в Петербурге в первой половине декабря Леонтьев (Щеглов) сообщал ему: «Сегодня виделся с Федоровым <...> Он имел в руках Вашего ис-

правленного „Иванова“ и, мне сдается, имеет намерение поставить его в свой бенефис, в конце января. Присутствовавший при нашей беседе Сазонов помог мне и много способствовал укреплению этой мысли» (22 декабря 1888 г. – там же). Когда вопрос о постановке пьесы был решен окончательно, он снова писал Чехову: «...я буду гордиться, что был из первых, который внушил „Иванова“ Федорову, имевшему о Вас весьма слабое понятие...» (2 января 1889 г. – Там же).

О своей заслуге в постановке «Иванова» на Александринской сцене позднее вспоминал и Давыдов: «В этом году режиссер Ф. А. Федоров-Юрковский справлял бенефис. У него не было подходящей пьесы. Спросили меня. Я робко предложил „Иванова“. Взяли» (В. . Давыдов. Кое-что о Чехове. – Рукопись Ленинградского гос. театрального музея). По воспоминанию Давыдова, приведенному А. А. Плещеевым, он сам ездил к режиссеру и передал ему экземпляр «Иванова». Режиссер «запоем» прочел пьесу, после чего Давыдов «немедленно телеграфировал Чехову» о приезде в Петербург (Александр Плещеев. Что вспомнилось.

Актеры и писатели. Т. III, СПб., 1914, стр. 115).

До приезда Чехова все переговоры о постановке пьесы вел Суворин, который и во время репетиций «принимал большое участие в них» (А. . Суворина. Воспоминания о Чехове. – Чехов, «Атеней», стр. 191). Чехов сообщил Суворину «кому кого играть» в пьесе и на роль Иванова предложил Давыдова, потому что он эту роль играл в Москве в 1887 г. (Суворину, 19 декабря 1888 г.). Тогда его согласие играть в «комедии» обрадовало Чехова, и он считал, что Давыдов понял Иванова так, как именно хотел сам автор (Н. . Ежову, 27 октября 1887 г.).

Однако в число исполнителей «драмы» Чехов привлекал Давыдова без всякого энтузиазма: он полагал, что «браться за драму» ему слишком рискованно (Суворину, 19 декабря 1888 г.). По мнению Чехова, Иванова должен играть обязательно «гибкий, энергичный актер», который мог быть «то мягким, то бешеным». Он опасался, что Давыдов не сможет передать все тонкости и нюансы, будет «мямлить», играть «бесконечно вяло» (ему же, 7 января 1889 г.).

Леонтьев (Щеглов) тоже находил, что к роли Иванова более подходит не Давыдов, а Н. Ф. Сазонов, и замечал, что сам Сазонов «непрочь, видимо, сыграть Иванова (что он лучше сделает, гораздо *теплее* Давыдова, которого прямое дело – Лебедев)» (22 декабря 1888 г. – *ГБЛ*). Однако Чехов предназначал Сазонову в пьесе другую роль – доктора Львова (Суворину, 19 декабря 1888 г.).

Чехов хотел, чтобы роль Сарры была отдана М. Г. Савиной, однако актриса предпочла выступить в другой роли – Саши, которую исполнила только один раз на премьере, после чего роль Саши перешла к В. А. Мичуринной-Самойловой.

На роль графа Шабельского Чехов наметил П. М. Свободина, хотя Суворин предложил отдать эту роль И. П. Киселевскому, исполнявшему ее в 1887 г. Его игрой Чехов остался тогда не удовлетворен, поэтому теперь возражал против его участия: «Киселевскому ни за что бы не дал играть графа!» (Суворину, 30 декабря 1888 г.). Н. А. Лейкин, описывая Чехову свою встречу с участниками спектакля, отмечал, что «Киселевский кипятился больше

всех <...> Он сильно обижен, что роль графа не досталась ему» (23 февраля 1889 г. – ГБЛ).

С. И. Смирнова-Сазонова (жена актера Сазонова) записала 15 января в своем дневнике: «Задал Чехов работы с „Ивановым“. Давыдов эту роль играть не хочет, Н<иколай> тоже, а кроме их некому. Мы еще раз перечитали эту пьесу, все ее дикости и несообразности еще больше бьют в глаза» (ЛН, т. 87, стр. 305).

Трудности с распределением ролей вызвали задержку в постановке спектакля, премьера которого первоначально намечалась на 26 января 1889 г. Федоров-Юрковский срочно телеграфировал Чехову: «Без вас нельзя раздать ролей. Распределение не слаживается. Необходимо приехать Петербург не позже восемнадцатого. Первая репетиция необходимо девятнадцатого» (13 января 1889 г. – ГБЛ). Чехов прибыл в Петербург 19 января.

О посещении Чеховым репетиций сохранилось несколько мемуарных свидетельств. Савина вспоминала: «...Чехов был на всех репетициях, но держался всегда как-то в стороне. Он был скромный, застенчивый, и за кулисами я его редко видела» («Почему Савина

отказалась играть в „Чайке“». – «Петербургская газета», 1910, 17 января, № 16).

За несколько дней до премьеры Чехов рассказывал издателю «Петербургской газеты» С. Н. Худекову: «Да, очень хороши и обстановка, и исполнение – мне все нравится <...> Не могу добиться, чтобы мне сыграли на гармонии „чижика“ так, как я бы этого желал, так, как слышит его сама страдающая Сарра... Очень хороша в ней Стрепетова; она, действительно, страдает и физически, и душой, живет на сцене...» (Н. Худекова. Мои воспоминания о Чехове. – «Петербургская газета», 1914, 2 июля, № 178).

Сестра Худековой Л. А. Авилова из того же рассказа вынесла впечатление, что Чехов тогда «сильно волновался, нервничал и чувствовал себя нездоровым» (Л. Авилова. Мои воспоминания. – «Русские ведомости», 1910, 17 января, № 13); «он очень недоволен артистами, не узнает своих героев и предчувствует, что пьеса провалится» (Л. Авилова. А. П. Чехов в моей жизни. – Чехов в воспоминаниях, стр. 202).

Однако успех пьесы на премьере оказался,

по словам Авиловой, «громадный, шумный, блестящий» («Русские ведомости»). Другой очевидец тоже свидетельствовал: «Публика принимала пьесу чутко и шумно с первого акта, а по окончании третьего, после заключительной драматической сцены между Ивановым и больной Саррой, с увлечением разыгранной В. Н. Давыдовым и П. А. Стрептовой, устроила автору, совместно с юбиляром-режиссером, восторженную овацию» (Ив. Щеглов. Из воспоминаний об Антоне Чехове. – «Нива». Ежемесячные литературные и популярно-научные приложения, 1905, № 6, стлб. 248; *Чехов в воспоминаниях*, 1954, стр. 153).

1 февраля 1889 г. горячий поклонник Чехова Н. М. Соковнин устроил вечер, на котором присутствовали несколько писателей и актер П. М. Свободин. По воспоминанию Леонтьева (Щеглова), Чехов в тот день имел вид «сияющий, жизнерадостный, хотя несколько озадаченный размерами „ивановского успеха“ <...> а сам хозяин, поднимая бокал шампанского в честь Чехова, в заключение тоста торжественно приравнял чеховского „Иванова“ к

грибоедовскому „Горе от ума“» (там же, стлб. 249–250 и стр. 153–154).

Вернувшись домой в Москву, он объяснял полусхоту знакомым, что «бежал из Питера» «от сильных ощущений», «из сферы бенгальского огня» и «вернулся увенчанный лаврами» (К. . Баранцевичу, 3 февраля; Д. Т. Савельеву, 4 февраля; Суворину, 4 февраля; Н. М. Линтваревой, 11 февраля 1889 г.).

Чехов был взволнован успехом спектакля и писал Суворину: «После того, как актеры сыграли моего „Иванова“, все они представляются мне родственниками <...> Я не могу забыть, что Стрепетова плакала после III акта и что все актеры от радости блуждали, как тении...» (4 февраля).

После постановки «Иванова» на сцене Александринского театра Чехов получил много писем с отзывами. Пьеса вызвала многочисленные отклики также и в литературных кругах.

М. И. Чайковский, считавший себя «отъявленным чехистом» и присутствовавший на премьере, писал Чехову 7 февраля 1889 г. после второго спектакля: «Я смотрел пьесу с

интересом и вниманием неослабным, много уловил новых прелестных черт и яснее заметил недостатки, а в общем по окончании ее остался при том же мнении, что это самое талантливое произведение из всех новых, какие я видел на Александринской сцене, и что в авторе ее сидит будущий великий драматург, который когда-нибудь скажет нечто великое». Особо он выделил исполнение кульминационного III акта: «Третий акт безусловно прошел еще лучше, чем на первом представлении, как-то цельнее, спокойнее. Мичурин хотя и была хуже Савиной, но, как говорится, „ансамбля не испортила“ и некоторые вещи сказала очень мило. Давыдов в сцене с доктором и с женою был превосходен, Стрепетова еще лучше: фразу „когда, когда он сказал?“ она произнесла внятнее и со стоном, от которого только камень, кажется, не заплачет. Я был потрясен до глубины души. Вся зала как один человек начала вызывать вас».

В том же письме Чайковский упоминал о «страшных препирательствах, толках и криках», возникших в фойе театра на втором представлении: «Один литератор, к несча-

стию, не знаю его фамилии (но узнаю, наверно), говорил, что после пьес Гоголя ничего подобного не видел, другой – адвокат – чуть не с пеной у рта опровергал его, повторяя слова Михневича. Везде были кучки. Я был центром одной из них, потому что ко мне подошел Утин, все стоявшие около примолкли, чтобы послушать мнение знаменитого адвоката <...> Впрочем, рядом со вздором в речах Утина было и несколько дельного. Самое дельное – признание выдающейся, исключительной талантливости пьесы» (*Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 72).

В письме К. С. Баранцевича, посланном Чехову в тот же день, об «Иванове» сказано: «...не могу удержаться, чтобы не поговорить об этом выдающемся произведении... Да, выдающемся, – таким я его считаю и буду считать <...> Первый акт, в котором сама по себе заключается целая драма, – произвел сильное впечатление <...> Как прелестна, например, сцена разговора Сарры с графом, как глубоко жаль обоих несчастных. Сколько невыразимой грусти, проникнутой поэзией, в сцене разговора Сарры с доктором! „Чижик, чи-

жик!“ – глубоко потрясающим тоном произносит Стрепетова под аккомпанемент „чижика“ на гармонии... До сих пор в моих ушах звучит этот „чижик“!

<...> В театре я слышал, что Ленский играет роль Иванова лучше Давыдова, – может быть, но мне Давыдов нравится, по-моему, он и есть тот срединный человек *иванов*, который в сотнях лиц сидел вокруг меня, глядел во мне самом... Да, это тип, который, в лице Вас, нашел, наконец, достойного себе певца. Мне нравилось все: пьеса, актеры, это что-то молодое и свежее, чем веяло все время в театре, и больше всех нравился мне сам автор...

<...> Толков о Вашей пьесе не обобраться было в театре, не обобраться их и теперь... „Драматургических дел мастера“ кусали пальцы, делая вид, что они так себе... что им ничего, скулы Михневича краснели (он, как и следовало ожидать, лягнул-таки Вас, – этот *жалкий*, как выражается Фофанов), возбуждение было общее. А я был безмерно рад и беспредельно счастлив» (там же, стр. 32).

Свое впечатление о первом спектакле передавала Чехову также Е. К. Суворина (жена

А. А. Суворина): «Я 7 лет постоянно хожу в Александринский театр и говорю искренно – ни одна драма не действовала на меня так угнетающе сильно <...> право, это было сильнее, чем пропустили бы меня через палочный строй <...> Антон Павлович, верьте моему искреннему чувству – Ваша драма правдивая с начала до конца – большое литературное произведение, и я шлю Вам привет от чистого сердца и поздравляю Вас с будущим великого человека – писателя». Отметив, что Стрепетова «играла удивительно», Суворина вместе с тем находила неудачным выбор Давыдова на центральную роль: «Досадно однако же – что у Давыдова такая обрюзгшая фигура и жирное лицо...» (письмо без даты – ГБЛ).

В своем отрицательном отношении к «обыденному» Иванову Суворина не была одинока и отражала мнение той части зрительской аудитории, которая ожидала встретить в пьесе привычный образ театрального «героя». В. В. Билибин в письме Чехову от 9 февраля 1889 г. тоже высказывал недовольство трактовкой роли Иванова и внешним обликом исполнителя: «В двух первых действи-

ях, однако, Иванов в исполнении и гримировке Давыдова мне был крайне антипатичен».

С тем же письмом Билибин выслал Чехову афишу второго спектакля и сообщал: «Театр оказался совершенно полон <...> Как один из публики, я имею право поблагодарить Вас за доставленное мне „Ивановым“ удовольствие. Говорю искренно. Мне больше всего понравилось первое действие <...> Финал 3-го акта разыгран Давыдовым и Стрепетовой прекрасно...» Билибин прибавлял также, что написал пародию на «Иванова» (помещена в «Осколках», 1889, № 7 от 11 февраля), которая «вышла неудачной». В заключение письма говорилось: «Россия смотрит на Вас и ждет... Долго ли ей ждать?» (ГБЛ).

После трех спектаклей Свободин извещал Чехова: «„Иванова“ публика принимает с каждым разом все сильнее» (11 февраля – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 190). О пятом представлении ему писал Плещеев: «Крик и гвалт был страшный после 3-го акта. Автора вызывали с треском» (9 марта – *Слово*, стр. 261). О том же спектакле восторженно отзывалась С. П. Кувшинникова и благодарила Чехова за

доставленное зрителям «духовное наслаждение» (15 февраля – *ГБЛ*).

О широком резонансе, вызванном «Ивановым», говорилось в письме В. А. Тихонова: «А какие разноречивые толки он вызвал – просто восторг» (6 марта – *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 63). По окончании театрального сезона он снова вспоминал о пьесе: «Ведь у Вас громадный драматический талант, что Вы так блестяще и доказали Вашим „Ивановым“» (24 мая – *ГБЛ*).

Вместе с тем, многих зрителей и корреспондентов Чехова пьеса настораживала необычностью драматургической формы: они отмечали ее «несценичность», неопределенность в обрисовке центрального героя, неясность авторского отношения к нему.

В день премьеры «Иванова» Леонтьев (Щеглов) отметил в своем дневнике: «Удивительно свежо, но именно вследствие этой свежести много есть в пьесе „сквозняков“, объясняющихся сценической неопытностью автора и отсутствием художественной выделки» (*ЛН*, т. 68, стр. 481). 2 февраля он записал мнение профессора Н. И. Стороженко: «Чехов та-

лант, но у него нет „бога в душе“» (там же). Оспаривая это мнение Стороженко, В. П. Горленко писал Леонтьеву (Щеглову) 21 февраля: «С его определением Чехова я не согласен. Кто так умеет передавать жизнь и природу, у того есть в душе нечто большее, чем фонограф» (там же, стр. 490).

Свои похвалы в адрес Чехова и одновременно серьезные сомнения высказывал также Н. С. Лесков, смотревший первый спектакль. 4 февраля он говорил своему сыну об «Иванове»: «Учительная пьеса <...> К сожалению, слишком много у нас Ивановых, этих безвольных, слабых людей, роняющих всякое дело, за которое ни возьмутся. Умная пьеса! Большое драматургическое дарование». А. Н. Лескову запомнилось, что его отец не позволял даже при себе критиковать пьесу: «Несоглашавшимся бросались уничтожающие взгляды, гневливые реплики». Однако направление таланта Чехова казалось Лескову все же недостаточно ясным. В письме И. Е. Репину от 19 февраля 1889 г. он замечал: «Талантлив Чехов очень, но я не знаю „когого он духа...“ Нечто в нем есть самомнящее... и

как будто сомнительное. Впрочем, очень возможно, что я ошибаюсь» (А. . Лесков. Из записей и памяти. – «А. . Чехов в воспоминаниях современников». М., 1947, стр. 315).

Баранцевич в своем письме от 7 февраля 1889 г. замечал: «Второй акт в начале, по-моему, немного растянут, и тут, мне кажется, сказалась добросовестность беллетриста, желавшего по возможности полнее нарисовать картину общества».

Суворин высказывал сожаление, что характер Иванова показан в пьесе «готовым». Этот упрек Чехов в ответном письме оспорил и, сославшись на героев Грибоедова и Гоголя, отстаивал правомерность изображения Иванова как сложившегося, «готового» типа: «Что было бы, если бы Хлестаков и Чацкий тоже не были взяты „готовыми“?» Отверг Чехов и другой упрек Суворина, что в пьесе недостаточно внимания уделено женским типам: «Женщины в моей пьесе не нужны. Главная моя была забота не давать бабам заволакивать собой центр тяжести, сидящий вне их» (8 февраля 1889 г.).

На сценические недостатки пьесы указы-

вал Чехову в письме 11 февраля 1889 г. Свободин: «Вижу теперь очень ясно все сценические недостатки комедии, с каждым представлением они всё ярче обозначаются и просятся на переделку, особенно последний акт (сцена Лебедева с Сашенькой ужасно длинна)».

Леонтьев (Щеглов) был убежден, что в «Иванове» Чехов пошел против требований драматургической формы: «Лично я остаюсь при мнении, что сюжет „Иванова“ – прямой сюжет для повести, и все недостатки „Иванова“ проистекают от неудобства драматической рамки. У Вас в „Петербургской газете“ даже были рассказы, которые гораздо сподручнее укладывались в драмат<ическую> форму» (16 февраля 1889 г. – ГБЛ). Несколько позднее он отметил в дневнике, что успех пьесы «раздул» Суворин, который «прозрел как художник между строк наброска и черновика драмы. „Иванов“ – должен был быть романом или повестью, как „Молотов“, „Рудин“ и т. п.» (запись от 6 сентября 1889 г. – ЛН, т. 68, стр. 481). Свою мысль о недоработанности драматической формы «Иванова» он снова

повторял потом Чехову: «Я положительно уверен, что не попадись он в пылкие объятия Суворина, а в ежовые рукавицы покойного Щедрина – он бы вылежался, перелицевался и... и сделался бы таким же ходячим именем, как *Кречинский* и *Расплюев*» (25 марта 1890 г. – ГБЛ).

Несмотря на безусловный сценический успех «Иванова», даже среди самих участников спектакля, а также присяжных петербургских драматургов образовалась своего рода оппозиция, о которой рассказывал Чехову Н. А. Лейкин в письме от 23 февраля 1889 г.: «„Иванов“ имел несомненный успех. О нем говорили да и посейчас говорят. Он очень понравился литературной братии (литературной, а не журналистам), не причастной к сцене, то есть не драматическим писателям. Старые же драматических дел мастера, видя в Вас соперника, ругают „Иванова“ <...> Ругают и актеры. И знаете за что? За то, что будто бы Вы умышленно урезали у них эффекты при так называемых „уходах“. В начале февраля был у меня вечер и собралось несколько актеров, игравших в Вашей пьесе, и вот они по-

что в один голос жаловались, что нет „уходов“ в пьесе, чтобы с хлопками уйти со сцены. Говорили так: литература литературой, а сцена сценой; тут каждому актеру нужен такой выигрыш, который в „Иванове“ подпущен только единожды в сцене вдовы с графом и управляющим» (ГБЛ).

О драматургических просчетах, допущенных в «Иванове», писал Чехову и Плещеев: «Все находят много таланта в деталях, и всех не удовлетворяет сам Иванов. Пьесы вам действительно нужно на долгое время отложить писать. Эти сценические условия связывают вас. У вас талант эпический. Со временем, может быть, у вас явится потребность написать драматическую вещь, если подвернется такой сюжет, который лучше укладывается в драматические, нежели в эпические рамки» (9 марта 1889 г. – *Слово*, стр. 261).

Вместе с тем Плещеев оказался в числе немногих, кто понял, что Иванов вовсе не является «героем» пьесы в привычном смысле слова и что нельзя ставить знак равенства между высказываниями Иванова и взглядами автора. Споря с «ругателями» пьесы, он

несколько позднее доказывал это в письме к В. Г. Короленко: «Чехов вовсе не имел в виду делать из Иванова – положительный тип; а в словах Иванова – хотели видеть убеждения автора. Отношение автора к нему отрицательное; но может быть это недостаточно ярко выразилось в драме. Автор поскупился на юмор. Не хватило у него тургеневской тонкой иронии. Но все лица чрезвычайно жизненны и реальны» (10 мая 1889 г. – ГБЛ; ЛН, т. 68, стр. 304).

Вл. И. Немирович-Данченко, впоследствии называвший «Иванова» «перлом» и поставивший эту пьесу на сцене Художественного театра, тогда отозвался о пьесе очень сдержанно: «Что Вы талантливее нас всех – это, я думаю, Вам не впервой слышать, и я подписываюсь под этим без малейшего чувства зависти, но „Иванова“ я не буду считать в числе Ваших лучших вещей. Мне даже жаль этой драмы, как жаль было рассказа „На пути“. И то и другое – брешьончики, первоначальные наброски прекрасных вещей» (16 марта 1889 г. – ГБЛ; Ежегодник МХТ, стр. 93).

Чехов получил множество откликов также в связи с постановкой «Иванова» в других театрах и на провинциальной сцене.

В Москве в театре Корша «Иванов» в новой редакции был поставлен 15 сентября 1889 г. Иванова играл П. Ф. Солонин, Шабельского – П. Д. Ленский, Лебедева – П. М. Медведев, Сашу – М. А. Потоцкая. Корш сообщал Чехову 17 сентября: «Ваш „Иванов“ прошел превосходно, я рад за Вас и за себя» (ГБЛ). 20 сентября Чехов был в театре на третьем представлении. О встрече с ним в этот день впоследствии вспоминал актер Медведев: «По окончании спектакля меня представили А<нтону> П<авловичу>... Он высказал одобрение по поводу моей игры...» (Л. Львов. Артисты о Чехове (Воспоминания, встречи и впечатления). П. М. Медведев. – «Новости и Биржевая газета», 1904, 28 августа, № 237). Однако, по свидетельству брата Михаила Павловича, Чехову «нигде не нравилось» исполнение роли Иванова: «То Иванова делали больным, то слишком нервным...» (Михаил Чехов. Об А. П. Чехове. – «Журнал для всех», 1906, № 7, стр. 412).

Ю. М. Юрьев, выступавший в пьесе на га-

стролях в провинции вместе с М. И. Писаревым, вспоминал потом, что «Иванова» «очень любили в провинции» (Л. Львов. Артисты о Чехове (Воспоминания, встречи и впечатления). Ю. М. Юрьев. – «Новости и Биржевая газета», 1904, 25 августа, № 234).

Актер Е. Я. Неделин извещал Чехова о спектаклях в Харькове: «При составлении репертуара в этом сезоне несколько раз возбуждался вопрос о постановке „Иванова“; мы отлично знали о новой редакции и ждали, что нам пришлют ее из Москвы, но видя, что время уходит, мы решили поставить пьесу по первой редакции, тем более, что харьковцам она известна по прошлому сезону. – Пьеса была поставлена 30-го января и, как Вы знаете, имела успех, – 12-го ее повторили еще с большим успехом» (18 февраля 1889 г. – ГБЛ).

Та же труппа Харьковского товарищества артистов играла «Иванова» в Екатеринославе. Об этих спектаклях Чехова информировал П. А. Сергеенко: «Недавно в одном большом обществе был продолжительный разговор по поводу твоей комедии <...> Спорили лица, видевшие твою пьесу, которая, говорят, „произ-

водит впечатление“» (28 февраля 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. VIII, стр. 60). 4 мая пьеса игралась там же товариществом артистов под управлением Т. А. Чужбинова (см. «Екатеринославские губернские ведомости», 1889, 6 мая, № 35, часть неофициальная, отд. Хроника). В этот же день Чехов писал Суворину, что пьесу «будут ставить» в Сумах (видимо, в исполнении той же труппы).

По окончании театрального сезона «Иванов» был включен в репертуар труппы московских драматических артистов под управлением Н. Н. Соловцова и показан на гастролях в Одессе (18 апреля) и Киеве (16 мая) – с участием В. Н. Давыдова (Иванов), Н. Н. Соловцова (Лебедев), Н. П. Рощина-Инсарова (Львов), Н. Д. Рыбчинской (Саша), Е. В. Омутовой (Анна Петровна). Давыдов сообщал Чехову об этих представлениях: «Наш дорогой „Иванов“ производит везде сенсацию и возбуждает самые разнообразные суждения и толки; прием ему отличный!!!» (18 мая 1889 г. – *ГБЛ*).

В июле 1889 г., когда Чехов находился в Одессе, местная газета выступила с предложением

нием «поставить вторично» «Иванова», имевшего «большой успех в Одессе и на столичных сценах», и, пользуясь пребыванием в городе автора, сделать это «под его руководством» («Одесский листок», 1889, 16 июля, № 188; об этой статье известил Чехова его двоюродный брат Георгий Митрофанович 23 сентября 1889 г. – ГБЛ).

23 июля 1889 г. в Новограде-Волынске состоялся любительский спектакль, о котором Чехов узнал из письма студента Киевского университета М. Дамбровского. Он выслал Чехову афишу спектакля и сообщал, что постановка «вызвана тем всеобщим интересом, который она раньше уже возбудила среди здешней интеллигенции», что «успех пиесы был чрезвычайный» и «сама пиеса возбудила гораздо больше толков и внимания, чем исполнение ее» (8 августа 1889 г. – ГБЛ).

Г. М. Чехов в октябре 1889 г. извещал о готовившейся постановке «Иванова» в Таганроге. 18 октября М. П. Чехов ответил ему: «Пожалуйста, напиши про „Иванова“. Это всех нас очень интересуется. Воображаю, как в вашем театре дурака ломать будут» (ЛН, т. 68,

стр. 858). 19 октября пьеса была сыграна в Ростове-на-Дону труппой Г. М. Черкасова (исполнявшего роль Лебедева) с участием М. В. Дальского (Иванов). Рецензент местной газеты писал об этом спектакле: «...значение драмы Чехова „Иванов“ сводится к значению мимолетных сценок популярного изложения отрывков из медицинской книги», отмечал «способность автора к психологии», но плохое знакомство «с условиями сцены» («Иванов». – «Донская пчела», 1889, 22 октября, № 82, отд. Хроника). В исполнении той же труппы пьеса была показана до этого и в Новочеркасске (17 февраля). В Таганроге долго готовившаяся пьеса была показана лишь 12 декабря (см. «Таганрогский вестник», 1889, 10 декабря, № 140).

В сезон 1889 г. пьеса ставилась также во многих других городах: в Севастополе (10 мая) и Симферополе (21 мая) – товариществом под управлением С. П. Волгиной; в Курске (15 июня) – труппой Н. А. Корсакова; в Тифлисе (28 июня) – труппой Соловцова; в Саратове (28 сентября) – А. М. Горин-Горайнова; в Гродно (3 октября) – М. С. Перлова; в Самаре (13 октяб-

ря) – П. М. Медведева и Н. А. Борисовского; в Иркутске (8 ноября) и т. д.

8 октября 1892 г. представление «Иванова» состоялось в Оренбурге (антреприза И. П. Новикова, режиссер – Корсаков; см. «Оренбургский листок», 1892, 11 октября, № 42, отд. Театр и музыка). Об этом спектакле Чехова известил В. Л. Кигн-Дедлов 20 октября: «...Ваш „Иванов“ на днях прошел, к моему негодованию, при почти пустой театральной зале...» (ГБЛ).

С большим успехом проходили спектакли «Иванова» в Казани: в 1892 г. в спектакле участвовал С. С. Галицкий (9 января), а 13 декабря 1894 г. Иванова впервые сыграл в свой бенефис прославившийся затем в этой роли И. М. Шувалов («Волжский вестник», 1894, 15 декабря, № 317; см. также статью: В. Сомина. Первые трактовки роли Иванова («Иванов» А. П. Чехова). – В кн.: Театр и драматургия. Труды Ленинградского гос. института театра, музыки и кинематографии. Вып. 5, Л., 1976).

Прошло несколько лет после петербургской премьеры «Иванова», и его постановка была возобновлена в столице.

Осенью 1895 г. Суворин намеревался включить «Иванова» в репертуар только что открывшегося театра Литературно-художественного кружка, организатором и председателем дирекции которого он являлся. Однако Чехов решительно отсоветовал ставить пьесу (Суворину, 21 ноября 1895 г.).

На сцене Александринского театра пьеса вновь шла в сезон 1897/98 г. (первый спектакль – 17 сентября 1897 г.). На этот раз Иванову играл Г. Г. Ге, Анну Петровну – М. Г. Савина, Шабельского – П. Д. Ленский, Сашу – В. Ф. Комиссаржевская (которую после нескольких спектаклей, ввиду ее болезни, заменила только что кончившая театральное училище И. А. Стравинская).

Суворин откликнулся на возобновление «Иванова» статьей, в которой сопоставлял оба спектакля: «Что г. Ге не дал того, что давал г. Давыдов, это само собой разумеется. У г. Давыдова была одна изумительная сцена по вдохновенному драматизму, когда Иванов называет свою жену „жидовкой“ и говорит, что она скоро умрет <...> театр был потрясен так, точно какой-нибудь Сальвини сказал свой

лучший монолог. Стрепетова в этой сцене тоже была превосходна. Сегодня г. Ге крикнул, это был только крик, обыкновенный крик рассерженного, выведенного из себя человека; но зато г-жа Савина была превосходна в этой сцене. Я думал, что она не овладеет этой сценой так, как владела г-жа Стрепетова, и приятно ошибся: она была поразительно правдива и до глубины души, мучительно тронула зрителей. С своей стороны г-жа Комиссаржевская с честью выдержала сравнение с г-жою Савиной и внесла в эту роль ту свежесть, которая составляет одну из лучших сторон таланта артистки» («Новое время», 1897, 18 сентября, № 7744, отд. Театр и музыка. Подпись: А. -н).

О спектакле 5 ноября 1897 г. Чехову писала, вернувшись из театра, А. И. Суворина: «Я смотрела и слушала, как будто я была в первый раз. Мне кажется, что еще лучше эта вещь, чем была прежде <...> Я была – вся внимание. И публика тоже самое была внимательна и немножко сбита с толку. Это хорошо! Правда? Играл Ге. Сначала мне казалось, что ему не идет эта роль, но потом, особенно

последние два акта, он очень хорошо играл. И было его очень жаль. Савина играла хорошо, но опять-таки *не было жаль!* И даже тогда не жаль, когда он ее почти убивает своими словами. А нашу *Пелагею* (Стрепетову) было смертельно уже жаль *даже* тогда, когда она сидела на ступеньке около дому и слушала „чижика“ в кучерской. Это уже конечно просто свойство таланта. Савина сделала все, что могла, но я бы хотела в этой роли видеть Комиссаржевскую. Очень мила была и проста Стравинская, и превосходно сказала свой последний монолог. Варламов был как всегда великолепен, и все остальные актеры, все хорошо играли» (ГБЛ).

Находясь тогда в Ницце, Чехов получал письма о новой постановке «Иванова» в Александринском театре также от Суворина (см. ответное письмо от 21 сентября), Ал. П. Чехова (27 сентября), И. Н. Потапенко (письмо без даты, за октябрь), К. С. Тычинкина (6 ноября 1897 г.; все письма – ГБЛ).

Возобновление «Иванова» на петербургской сцене вызвало новую волну постановок в провинциальных театрах. В киевском теат-

ре «Соловцов» в сезон 1897/98 г. (первый спектакль – 7 ноября) в роли Иванова выступал Н. П. Роцин-Инсаров. В этой постановке роль Боркина исполнял молодой Л. М. Леонидов, Анны Петровны – будущая «чайка» Художественного театра – М. Л. Роксанова. Еще раз пьеса ставилась в этом театре в 1900 г. (2 декабря) с участием Шувалова. В 1899 г. (28 января) пьеса была показана в Ярославле с участием М. М. Михайловича-Дольского (антреприза А. М. Каралли-Торцова).

17 сентября 1898 г. Чехову из Таганрога писал А. Б. Тараховский: «Вообще Ваши пьесы нам не по силам. „Иванов“ идет всегда плохо. В особенности портят роль Иванова. Его изображают каким-то полупомешанным» (ГБЛ). 4 ноября 1899 г. в Таганроге пьеса исполнялась труппой под управлением Н. . Синельникова (см. «Таганрогский вестник», 1899, 7 ноября, № 133). Об этом спектакле Г. М. Чехов извещал 30 октября: «На сих днях пойдет „Иванов“ с Шуваловым. Вот бы тебе приехать посмотреть» (ГБЛ). 3 ноября, накануне спектакля, писал о нем Чехову и Тараховский, также предвкушая удовольствие от «прекрасного испол-

нения» роли Иванова Шуваловым (ГБЛ; видимо, он же являлся автором краткой рецензии на этот спектакль в местной газете, где отмечалось, что «пьеса сделала полный сбор и прошла с шумным успехом». – «Приазовский край», 1899, 9 ноября, № 291. Подпись: А. .).

В ноябре 1899 г. член правления московского Общества искусства и литературы А. А. Желябужский просил Чехова воспрепятствовать другой любительской труппе ставить «Иванова» и объяснял, что в Обществе к пьесе отнеслись «с должным уважением», готовились с «тщательностью и серьезностью», уже поручили «составить планировку сцены и нарисовать эскизы декораций» (22 ноября 1899 г. – ГБЛ). 28 ноября Чехов подтвердил телеграммой согласие передать пьесу в исключительное пользование на один сезон Обществу искусства и литературы.

В театре Корша «Иванов» в первый раз по возобновлении шел 1 декабря 1900 г. в бенефис Ф. П. Горева, исполнявшего заглавную роль.

О постановке «Иванова» в других городах сообщали Чехову в разное время: И. И. Гедике

из Нижнего Новгорода (письмо от 30 ноября 1900 г. – ГБЛ), Д. М. Ратгауз из Киева (письмо от 24 февраля 1902 г. – там же). Свои впечатления от гастролей в Севастополе труппы русских драматических артистов под управлением А. С. Кошеверова и В. Э. Мейерхольда (исполнявшего роль Иванова) передавал Чехову Б. А. Лазаревский 8 июня 1903 г.: «Нарбекова чудесная актриса, в некоторых ролях, особенно в роли „старой скворешни“ в „Иванове“, – она удивительна – живет на сцене» (там же).

В Московском Художественном театре «Иванов» при жизни Чехова поставлен не был. Однако когда Немирович-Данченко составлял репертуар для только что возникшего театра и хотел включить в него исключительно произведения «талантливейших и недостаточно еще понятых» авторов, выбор его пал на две пьесы Чехова, одной из которых был «Иванов». 25 апреля 1898 г. в письме Чехову он объяснял: «Я задался целью указать на дивные, по-моему, изображения жизни и чело<в>ческой души в произведениях „Иванов“ и „Чайка“» (*Избранные письма*, стр. 110). 12 мая снова подтверждал свое твер-

дое намерение: «„Иванова“ я буду ставить и без твоего разрешения...» (там же, стр. 111).

В последующие годы вопрос об «Иванове» поднимался в Художественном театре неоднократно. В феврале 1900 г. Немирович-Данченко писал Чехову, что в театре «решили поставить „Иванова“ и приступить к репетициям теперь же, т. е. великим постом...» (*Ежегодник МХТ*, стр. 129). Вскоре в газетах появилось извещение, что А. Л. Вишневский (член дирекции театра) «прибывает в Ялту для переговоров с А. П. Чеховым относительно постановки в будущем сезоне драмы „Иванов“» («Крымский курьер», 1900, 3 марта, № 50, отд. Хроника). Осенью того же года московская газета сообщала, что вместо не готовых еще «Трех сестер» «театр, вероятно, поставит „Иванова“», и выразила надежду, что «Художественно-общедоступный театр, так удачно воспроизводящий чеховские настроения, сумеет дать достойную постановку „Иванову“ и тем придаст этой прекрасной, глубокой драме даже интерес и прелесть новизны» («Новости дня», 1900, 21 сентября, № 6227, отд. Театр и музыка).

На следующий сезон в Художественном театре возник проект «добавочных» спектаклей с участием артистов, не занятых в текущем репертуаре. В качестве первого опыта была намечена постановка «Иванова» («Русские ведомости», 1901, 30 сентября, № 113). Начались даже репетиции пьесы (6, 9 и 11 ноября 1901 г.), которые были, однако, прерваны.

Узнав о подготовке «Иванова», Чехов отговаривал ставить пьесу: «По-моему, это труд напрасный, труд ненужный. Пьеса у вас провалится, потому что пройдет неинтересно, при вялом настроении зрителей» (О. Книппер, 9 ноября 1901 г.; см. также письмо Книппер от 15 ноября 1901 г. – *Переписка с Книппер*, стр. 67). Позднее К. С. Станиславский вспоминал, как Чехов противился постановке пьесы: «„Иванова“ своего он не любил. „Даже и читать его не смейте“, – говорил он. Ставить его он просто-таки не позволял нам» (*Nobody*. Станиславский и свобода творчества (Из бесед с К. С. Станиславским). – «Театральная газета», 1905, № 18 от 30 апреля, стр. 310). Леонтьев (Щеглов) также подтверждал: «...Чехов решительно не любил своего „Иванова“ и называл

его „Болвановым“ и „психопатической пьесой“ ...Лично мне он как-то высказался об „Иванове“, что это одна из тех пьес, „которая никогда не всосется в репертуар и будет даваться в провинции лишь в экстренных случаях, когда у антрепренера иссякнет запас новинок“» (Чехов в воспоминаниях, 1954, стр. 158).

Подбирая репертуар к сезону 1903/04 г., Немирович-Данченко вновь предложил, «чтоб подумали об „Иванове“» и называл пьесу «первым кандидатом» (письма В. В. Лужскому от 23 июля 1903 г. и Станиславскому от 25 июля – *Избранные письма*, стр. 247, 251). Но и тогда постановка пьесы осуществлена не была.

Правда, Немирович-Данченко все же поставил один акт с учащимися школы Художественного театра. Он извещал об этом Чехова 7 ноября 1903 г.: «В школе ставлю 1-й акт „Иванова“. Вот это перл! Лучше всего, кажется, что тобой написано» (там же, стр. 260). Показ этой работы состоялся 29 февраля 1904 г. Сообщая о нем, Книппер писала в этот день Чехову: «„Иванов“ оставил хорошее впечатле-

ние <...> Поставлен отрывок очень хорошо. Терраса, на ней лампа, из комнат – звуки рояля и виолончели, серенада Брага, – так на меня пахнуло чем-то близким, родным, теплым! Надо у нас „Иванова“ ставить» («Ольга Леонардовна Книппер-Чехова», ч. I. М., 1972, стр. 351–352).

Художественный театр поставил «Иванова» уже после смерти Чехова – 19 октября 1904 г. и посвятил спектакль его памяти (о работе Немировича-Данченко над пьесой и оценке спектакля современной критикой см. в книге: М. Строева. Чехов и Художественный театр. М., 1955, стр. 202–219).

7

Пьеса вызвала шумную полемику в печати, возбудила разноречивые толки и мнения. По словам А. Н. Плещеева, «одни превозносили пьесу до небес, другие страшно ругали» (письмо к В. Г. Короленко, 10 мая 1889 г. – ЛН, т. 68, стр. 302).

В большей части статей успех пьесы оценивался как «большой», «полный», «заслуженный», «громадный», «выдающийся», «колоссальный» и т. д. Говорилось о блестящем

дебюте Чехова-драматурга, о рождении нового, замечательного таланта.

В других отзывах, напротив, подчеркивалось, что как литературное произведение пьеса Чехова не из удачных, что она слишком слаба, или вообще не признавалось в ней никаких литературных достоинств.

Чехов сначала с интересом следил за потоком отзывов, даже собрал кипу рецензий и составил объемистое «Дело об Иванове» (В. . Тихонову, 10 февраля 1889 г.). После первых статей о пьесе он с удивлением замечал: «Как, однако, мелкая пресса треплет моего „Иванова“! На всякие лады, точно он не Иванов, а Буланже» (А. . Суворину, 6 февраля 1889 г.). Но вскоре он утратил прежний интерес к рецензиям и признавался Суворину: «„Иванов“ надоел мне ужасно; я не могу о нем читать, и мне бывает очень не по себе, когда о нем начинают умно и толково рассуждать» (5 марта 1889 г.).

Критика демократического и частью народнического направления отнеслась к пьесе враждебно, а Иванова трактовала как «ренегата», изменившего высоким идеалам 60-х го-

дов.

На страницах «Русской мысли» Глеб Успенский в одном из очерков («Грехи тяжкие») с горячностью выступил против пьесы. По его словам, она повергала читателей и зрителей в самое тяжелое душевное настроение, «лжесвидетельствовала», утверждала бесплодность, безрезультатность прошлой прогрессивной деятельности, укрепляла сознание «причинности царящей в обществе апатии к общественному делу».

Иванов охарактеризован в очерке Успенского как «живой труп», человек, изменивший «общему делу», отрекшийся от былых взглядов и убеждений, являющий собою наглядный пример «бессмысленного существования», «бессознательной», «пустопорожней» жизни, пребывающий «в гипнотическом сне», «без малейшего сознания самого себя».

Успенский рассказал в очерке о людях того же поколения и тоже переживших эпоху «ужаснейшей истерии, которая надолго пришибла сплошь все русское общество», но, в отличие от Иванова, сохранивших живую душу. Сойдясь вместе после представления

«Иванова», герои очерка язвительно вышучивают Иванова, который «изорвался в любви к ближнему до того, что, будучи земским гласным, не может ехать в собрание, а предпочитает отдохнуть от своих ужаснейших разочарований, все-таки, при ней»; а также Анну Петровну, человека с былыми «убеждениями», у которой теперь «до того все это в ней иссякло, что она этому самому Иванову, мужу, предлагает иногда *от скуки* кувыркаться!»

Чеховским персонажам Успенский противопоставил в очерке свою героиню – тоже Анну Петровну Иванову, земскую акушерку, женщину горячего сердца и живой деятельности. История ее жизни, по замыслу автора, убеждала, что на Руси еще не иссяк живой человек и «ничего не пропало» («О том, что натворила акушерка Анна Петровна». – «Русская мысль», 1889, № 4, стр. 146–166; в окончательной редакции – «Чуткое сердце (Из памятной книжки)» – из цикла «Невидимки»).

Н. К. Михайловский в своих «Случайных заметках» утверждал, что Чехов, «будучи очень талантливым молодым писателем, на-

писал плохую драму», которая может внести «известную смуту в умы читателей», «надуть что угодно в уши, настороженные в сторону „отрезвления“, умеренности и аккуратности, спокойствия и тому подобных прекрасных вещей». Критик обвинял Чехова в стремлении вызвать в зрителях сочувствие к Иванову и считал, что скорее следовало бы придать «сатирическое освещение фигуре Иванова». Вспоминая Салтыкова-Щедрина, Михайловский писал: «Он сделал бы из него комическую или презренную фигуру болтуна, который дует на воду, даже не попробовавши обжечься на молоке, и как же бы он исполосовал этого ломающегося болтуна, кокетничающего проповедью „шаблона“ и „серенькой, заурядной жизни!“» («Русские ведомости», 1889, 16 мая, № 133). Прочитав статью Михайловского, А. С. Лазарев (Грузинский) написал Н. М. Ежову: «Думается, что „Иванов“ либералам действительно не может нравиться уже и по сюжету...» (21 мая 1889 г. – «Вопросы литературы», 1960, № 1, стр. 103).

Вернувшись через год к оценке «Иванова», Михайловский снова повторил, что эта пье-

са – «пропаганда тусклого, серого, умеренного и аккуратного жития», «идеализация серой жизни». Он считал, что Чехов, «уступая наплыву мутных волн действительности», стремился в своей пьесе идеализировать отсутствие идеалов (Ник. Михайловский. Письма о разных разностях. IX. – «Русские ведомости», 1890, 18 апреля, № 104).

Такую же непримиримую позицию в оценке «Иванова» занял и В. Г. Короленко. В письме журналисту А. А. Дробыш-Дробышевскому, касаясь его выступлений в поволжской прессе, он утверждал: «Точно так же совершенно не согласен я с отзывом Вашим и Алекс<андры> Петровны <Подосеновой> об „Иванове“. Вы помните, что мы с Вами говорили об этом еще давно, в Нижнем. Я очень люблю Чехова, и, помнится, – мне приходилось когда-то несколько защищать его против Вашей же недостаточно высокой оценки. Но только не „Иванов“, нет, не „Иванов“! Это просто *плохая* вещь, хуже, чем говорит об ней Успенский. Плохая в литературном, в художественном и в общественном смысле». Короленко возмущался тем, что «Чехов в задоре ультрареализ-

ма заставляет *поклоняться* тряпице и пошлому негодяю, а человека, который негодяйством возмущается, который заступает за „жидовку“ и страдающую женщину, – тенденциозно заставляет писать анонимные письма и делать подлости». Он обвинял Чехова в «грубой тенденциозности» и считал, что его «тенденция направлена на защиту негодяйства против „негодующих“ и „обличающих“». Короленко укорял своего сотоварища по перу за сочувствие чуждой ему пьесе: «И этой-то отрыжке „нововременских“ влияний на молодую и свежий талант – рукоплещут. И кто же? Вы, Алексей Алексеевич, и Алекс<андра> Петровна – люди без сомнения совсем других взглядов и убеждений!» (письмо от конца мая 1889 г. – ГБЛ; В. . Короленко. Избр. письма, т. III, М., 1936, стр. 51).

Автор анонимной статьи, напечатанной в «Русской мысли», со злой иронией писал о сделанном Чеховым «открытии причин нытья современного человека»: «Итак, рецепт от болезни найден: нужно избегать сильных душевных движений, нужно по-аптекаарски отпускать на каждый час известную дозу увле-

чения и душевных сил, нужно устроить себе sereneкую монотонную жизнь по молчалинскому идеалу: „день за день, нынче, как вчера“; нужно побольше держать язык за зубами, а лучше всего удалиться прямо в келью под елью, – уйди от зла и сотворишь благо <...> Словом, диагноз поставлен и сообразно с ним придумано наивернейшее лекарство. Болезнь нашего времени – разочарование и тоска – не что иное, как следствие слишком усиленной умственной и общественной деятельности русской интеллигенции; нужно поступать как раз наоборот – сидеть смиреннько, жениться предусмотрительно, а не по увлечению, на ком попало, быть „умеренным и аккуратным“, спрятать молодость в карман – и будешь здоров. Удивительно просто все это у г. Чехова поставлено и разрешено! Просто, но зато действительно „оригинально“ в нашей литературе: подобного разрешения мучительного вопроса о „русской хандре“, кажется, еще не было представлено ни одним из наших писателей». В заключение статьи говорилось: «Г. Чехов вымолвил „свое“ слово, это правда, но это не истинно „оригинальное“ и вовсе уж

не новое слово. Отрицание „безумных дел, людей и мнений“ и идеализация „сереньких“ будней – вещь очень старая, гораздо старше, нежели „глупые и старые“ мнения, что среда нередко заедает хороших людей...» («Русская мысль», 1889, № 5, Библиографический отд., стр. 211–219).

Н. Г. Шелгунов в «Очерках русской жизни» отмечал, что Иванов – это одна из форм общественного типа, народившегося в последнее время, и стремился объяснить происхождение людей одного типа с Ивановым. Он полагал, что уже создается новая «умственно-нравственная среда», делающая, наконец, невозможным появление Ивановых, тип которого он рассматривал как некое звено в развитии нравственных понятий и жизни, как ступень в «геологическом напластовании слоев различных эпох», где на самой нижней стадии действует «закон приспособления», «жировое перерождение», а на уровне Ивановых – «форма более высокая, поступательно приближающаяся к тому активно-влиятельному типу, который, наконец, ее сменит» («Русская мысль», 1889, № 6, стр. 141–142. Под-

пись: Н. .).

Отрицательная оценка Иванова как «ренегата» разделялась также широкими кругами радикально-демократической и либерально-народнической интеллигенции. Об этом свидетельствовали письма, полученные Чеховым вскоре после выхода пьесы.

Петербургская курсистка В. М. Тренюхина с возмущением отзывалась о поучениях Иванова, о его «предостережениях», советах жить «ровно и осторожно», «беречь свои косточки» и т. п. Она была убеждена, что пьеса играет на руку «охранительной партии» и направлена против тех, кто «делали переворот, двигали прогресс», против «честной молодежи», у которой «много сил, горячей энергии, страстное желание отдать всего себя на служение чему-нибудь великому и полезному». Она сообщила также Чехову, что пьеса уже повлияла на судьбу кого-то из молодежи: «...какой горький упрек Вам, какое негодование и горе кипит против Вас в душе» (1 февраля 1889 г. – ГБЛ; см. отклик Чехова в его письме Суворину от 8 февраля 1889 г.). Корреспондентка Чехова из Вильны О. Бочечкарова под впечатлением

очерка Г. Успенского «Грехи тяжкие» упрекала Чехова за изображение изверившегося в себе «психопата», призывала прислушаться к «жизненной неподкупной правде» Успенского, который дал урок – «смотреть на людей иначе, чем Иванов», советовала «учиться у Успенского» изображению положительного героя времени, «живого человека» (28 апреля 1889 г. – ГБЛ).

Однако в отзывах большинства других рецензентов пьеса была встречена сочувственно, а образ Иванова понят как «цельный русский тип, заслуживающий общего внимания» («Новое время», 1889, 1 февраля, № 4644). При этом отмечалась близость Иванова типу «лишнего человека», угадывались отголоски многих образов, многих предыдущих наслоений: «он и Чацкий, и Печорин, и Обломов» («С.-Петербургские ведомости», 1889, 2 февраля, № 33).

Обозреватель «Недели» Р. А. Дистерло писал о пьесе Чехова: «Автор взял этот всеми чувствуемый, но не имеющий имени недуг, взял его прямо, искренно, правдиво и назвал его самую обыкновенною, ходячею, избитою

фамилией Иванова. В ряды „героев времени“, в ряды Онегиных, Печориных, Бельтовых и Рудиных пытается проникнуть новая, несколько уже не аристократическая личность Николая Алексеевича Иванова <...> Не знаем, долго ли удержится имя Иванова в родословной наших „героев времени“ <...> Но до сих пор этот образ является лучшим выражением господствующего среди нас настроения и дает нам право причислить г. Чехова к тем художникам, которые умели схватывать и изображать внутреннюю физиономию сменяющихся поколений» («Критические заметки». — «Неделя», 1889, № 11 от 12 марта, стлб. 357–362. Подпись: Р. .).

Провинциальная пресса тоже подчеркивала широкое собирательное значение образа Иванова и характеризовала его как «яркий тип настоящего», «больной продукт нашего нервного времени». В статье, принадлежавшей, видимо, А. П. Подосеновой (о ней упоминал Короленко в приведенном выше его письме Дробыш-Дробышевскому), говорилось: «Среди нашей литературной пустоты являются, однако, и произведения широкого разма-

ха, изображающие настоящую действительную жизнь и настоящих людей. Такова драма г. Чехова „Иванов“ <...> Эта драма – сама жизнь. В ней нет шаблонных положений, нет избитых, исключительно для сцены приготовленных типов. Каждое действующее лицо – само по себе живо и типично. Действие совершается на почве существующей действительности и совершается вполне легко и свободно». Приведя монолог Иванова из III акта (явл. 6), Подосенова писала далее: «Из этих слов ясен весь трагизм положения таких людей, как Иванов, а таких людей у нас теперь тысячи, десятки, сотни тысяч» («Журнальные наброски». – «Волжский вестник», 1889, 21 марта, № 72. Подпись: А. -ва).

Спор об Иванове разгорелся на страницах саратовской газеты. Критик аттестовал его как «ничтожного человека»: «...все советы и нравоучения г. Иванова на обыкновенном языке называются „ренегатством“, имеющим своим источником „душевную лень“ и „гнусную меланхолию“ <...> Весьма возможно, что г. Чехов заметил в современных людях характер Иванова, и мастерское воспроизведение

этого философствующего в духе Молчалина ренегата об умеренности своих желаний должно быть поставлено в заслугу г. Чехову. Но можно ли утверждать, что ренегатство г. Иванова основано на внутренней работе мысли, когда он сам неоднократно указывает на его источник в душевной лени русского человека, прикрываясь глупейшим рассуждением о том, что счастье людей в „раковине“ и мещанской жизни „по шаблону“?» (А. Фаресов . Петербургские письма. VI. – «Саратовский дневник», 1889, 28 марта, № 68).

Эта статья немедленно вызвала резкую отповедь со стороны постоянного литературного обозревателя той же газеты, который считал пьесу «одним из выдающихся литературных произведений последнего времени» и заявлял, что Чехову удалось «изобразить современное душевное настроение русского интеллигентного человека <...> и те последствия, которые являются результатом столкновения его идеалов с современной русской действительностью». Критик относил Иванова «к тому же поколению, к которому принадлежал покойный Гаршин, певцом которого был по-

койный Надсон; это то поколение <...>, которое на своих плечах выносит давление общественных условий настоящего времени <...> Нам, людям провинции, сверстникам и сотрудникам Ивановых, ближе и понятнее та гамма нравственных страданий, через которую они добиваются до самоубийства и запоя <...> Мы никогда не позволим себе бросить им в лицо слово „рenegат“, потому что они не изменники своим убеждениям, а глубоко несчастные люди, заслуживающие не укора, а сострадания и поддержки <...> Ясное дело, что гимназия, университет, школы, проекты и т. п. сами по себе не составляют тех мешков, от которых треснула спина Иванова. Но, повторяем, те общественные условия, среди которых интеллигентному русскому человеку приходится проходить науку общественной жизни, эта борьба „в одиночку“, без поддержки, без подготовки к ней, – вот то непосильное бремя, которое надрывает силы Ивановых, заставляет их безвременно гибнуть» («Литературные очерки». – «Саратовский дневник», 1889, 5 апреля, № 75. Подпись: В-ъ).

Критик С. А. Андреевский отмечал в киев-

ской газете, что Чехов затронул своей пьесой вполне жизненный вопрос и показал современного «расшатанного» человека, «дошедшего до болезненной раздражительности», которого «довели до этого состояния самые обыденные мелочи жизни и тупая, пошлая среда...» («„Иванов“ (драма в 4-х действиях А. Чехова)». – «Киевское слово», 1889, 18 мая, № 676. Подпись: Игла).

Симферопольская газета утверждала, что «Иванов – совершенно новый тип, созданный современными условиями жизни и впервые выведенный на сцену Чеховым <...> Таких людей, уставших жить, надломленных и надорванных, всякий из нас знает, и в Иванове все эти особенности получили, может быть, самое яркое выражение <...> и в этом смысле Иванов, может быть, имеет право быть отмеченным как литературный тип» («Театр». – «Крым», 1889, 24 мая, № 60, отд. Фельетон).

Рецензент иркутской газеты также писал о типичности образа Иванова; при этом литературную его генеалогию склонен был вести от Обломова: «Произведение это – первая попытка обрисовать тип интеллигентного чело-

века нашего времени <...> Иванов – представитель того разряда интеллигентных молодых людей нашего времени, которых разъедает рефлексия и, как результат ее, безверие <...> Сам Иванов, не умея объяснить своего состояния и страшась сближения с Гамлетом, все-таки сближает себя с ним. Это, конечно, неверно: в России Гамлетов нет или очень уж они редки, самое большее, что в ней есть – так это Чацкие, но зато в ней много Обломовых, и таким Обломовым, разбуженным на пятнадцать-двадцать лет, и представляется нам Иванов. Но теперь это уже утомленный своей непродолжительной работой, а потому и раздраженный Обломов. Многим, вероятно, непонятен Иванов с психологической точки зрения, потому что автор обрисовал только третий, последний фазис душевного состояния Иванова, фазис апатии и безверия» («Театральная хроника». – «Восточное обозрение», 1889, 12 ноября, № 46. Подпись: Д.).

В отдельных рецензиях можно найти утверждение «безгеройности» Иванова, деформирующего воздействия обстоятельств на его личность, указания на противоречия в его

духовной сфере, на его субъективную «вину». Критик А. И. Введенский одним из первых обратил внимание на эту сторону личности Иванова: «Одни считают его прямо „подлецом“; но читатель видит ясно, что это неправда. Другие смотрят на него снизу вверх, как на нечто высшее, блестящее, отличающееся необыкновенным умом и столь же необыкновенной честностью. Но читатель во второй раз видит, что и это – совершенная неправда. Но если так, скажет читатель, – если неправда, что Иванов нечестен, и в то же время неправда, что он честен и умен, то выходит, что он ни то, ни сё <...> Иванов, читатель это видит, честный человек, а между тем он живет и поступает совсем несообразно с простыми требованиями чести, он умен, но, право, кажется, ничего не делает, кроме глупостей. Можно сказать, что он вечно действует очертя голову. И ничего путного не создается из его действий. Он сознает это, но не в силах побороть себя, заставить себя действовать согласно с разумом, а не подчиняясь первому побуждению безвольной натуры. Он сознает это – и вот перед нами „нытик“, человек, веч-

но жалующийся на себя и на враждебные обстоятельства, ни пальцем не желающий шевельнуть, чтобы поработать над собою и против враждебных обстоятельств» («Журнальные отголоски». – «Русские ведомости», 1889, 1 апреля, № 90. Подпись: Ар.).

Близка к этой группе высказываний также статья постоянного обозревателя журнала «Артист» критика И. И. Иванова. Определяющей чертой героя пьесы он считал «стремление к мелкому, болезненному анализу всех своих чувств и действий, а также чувств и действий окружающих людей; эта недоверчивость ко всякому своему чувству лишила его сухую от природы душу всякой энергии, заставила считать себя несчастнейшим в мире человеком и не замечать, как эгоистичный нрав его губит и делает уже действительно несчастными близких ему людей, между тем как он за жалостью к самому себе не видит и не хочет знать, кто этому виною: он думает только о себе и драпируется в мантию современного Гамлета. Бессознательная способность губить кругом себя людей в силу свойств своей слабой, эгоистичной природы и

составляет основную мысль пьесы» («Театр г. Корша. Заметки и впечатления». – «Артист», 1889, кн. II, октябрь, стр. 107. Подпись: А.).

В рецензии на постановку пьесы в Ярославле, принадлежавшей, видимо, перу М. П. Чехова (см. в кн.: С. . Чехов. О семье Чеховых. Ярославль, 1970, стр. 158), давалась сходная психологическая характеристика Иванова, анализ его «патологического» душевного состояния: «Иванов – сын конца девятнадцатого века, натура нервная, сложная, сотканная из противоречий <...> От средней школы и университета, кроме вороха ненужных знаний или полужнаний и нескольких общих идей, он не вынес ничего. Багаж, с которым выступил Иванов в жизнь, был невелик. Не хватало ни практического навыка, ни осмысленного мировоззрения <...> У Иванова не было нравственных устоев, он руководился лишь нравственным „чутьем“ <...> В нем не было тех отправных точек, тех нравственных навыков, которые давали бы ему возможность ориентироваться в окружающих явлениях» («Северный край», 1899, 30 января, № 56, отд. Театр и музыка).

Отзывы реакционной печати и некоторых других рецензентов отличались откровенно тенденциозными и пристрастными оценками пьесы. В них утверждалось: «Иванов – это клевета на интеллигентного русского человека» («Сын отечества», 1889, 2 февраля, № 32); видеть в нем «изображение какого-то общественного типа, якобы усмотренного и пойманного автором, – совершенно неверно», так как Иванов – не «новый тип», а «субъект психически больной». Он «совершенно необъясним», потому что пьеса «отдает больничную хроникой душевной болезни» и в ней «чувствуется как бы патологическое исследование в драматической форме» («Письмо из Петербурга». – «Московские ведомости», 1889, 5 февраля, № 36. Подпись: К...ий).

Критик В. О. Михневич в своей рецензии на «Иванова» писал, что эта «слабая по концепции, скудная содержанием» пьеса является «клеветой и карикатурой на современное русское общество» и имеет «гораздо более психиатрический интерес, чем драматический», что персонажи ее олицетворяют не типичных представителей разных слоев обще-

ства, а «людей душевнобольных, разного рода маньяков и психопатов» («Новости и Биржевая газета», 1889, 2 февраля, № 33. Подпись: Клм. Канд.).

По мнению другого рецензента, Иванов – вовсе не ходячий тип, не «продукт общественной жизни», а продукт «личной фантазии» автора, «фальшь» и «утрировка», а вся пьеса – не очерк из действительной жизни, а «картинка нравов из захолустья психопатов» («Ум и правда». – «Гражданин», 1889, 23 февраля, № 54. Подпись: Кольцов; автор, видимо, драматург В. А. Тимашев-Беринг). Критик газеты «День» категорически не соглашался признать в Иванове типичного представителя современного поколения: «Это или выдумка автора или явление, хотя и подмеченное в жизни, но недостаточно наблюденное и не обобщенное, а потому и производящее впечатление чего-то единичного, исключительного, какими бывают редкие формы болезней, не подведенных ни под какой медицинский шаблон при классификации» («День», 1889, 6 апреля, № 306. Подпись: А-ъ).

Рецензенты высмеивали «тоску», «уны-

ние» и «усталость» Иванова. В отзыве ростовской газеты отмечалось, что мысли и намерения автора, воплощенные в пьесе, «неправдоподобны и утрированы»: Иванов совершает «такие неблагонамеренные действия и поступки, которые возможны только у людоедов и крайне невежественных людей». Истинным героем пьесы являлся, по утверждению газеты, не Иванов, а Львов: «Симпатии к этому человеку, являющемуся светлым пятном в темном царстве изображенных людишек, возвышаются до очарования» («Донская пчела», 1889, 19 февраля, № 13, отд. Хроника).

Обозреватель тифлисской газеты Н. Я. Николадзе порицал Иванова за внутреннее бессилие и ощущение пустоты жизни и в радужных красках рисовал воображаемое «поле безграничной деятельности» – «где есть простор каждой живой натуре, каждой оригинальности, каждой мысли <...> Работай себе, черт возьми, и преуспевай в своих задачах: какого тебе еще рожна!» («Новое обозрение», 1889, 14 апреля, № 1829).

Еще более резок в оценках Иванова был одесский рецензент, который укорял его в

нравственной дряблости, даже в подлости, и полагал, что автор пьесы чуть ли не намеренно делает все, «чтобы уронить своего героя в глазах читателя. Он заставляет его бесчеловечно жестоко и позорно-возмутительно обращаться с своей умирающей женой, пожертвовавшей для него всем. Наконец, убивши свою жену своим варварским и гнусным поведением, г. Иванов готов жениться на молодой и богатой девушке, бывшей причиной смерти его жены. Нужно новое, кровавое и публичное оскорбление сумасшедшего доктора чуть не в самый момент преступной женитьбы, чтобы этот негодяй, наконец, застрелился» (С. Сычевский. Литературные очерки. – «Одесский вестник», 1889, 29 апреля, № 112).

В типично разносном тоне, с прямолинейностью оценок написана также рецензия театрального критика Н. Тихонова, который утверждал, что «пьеса носит отталкивающий характер огульной клеветы на семью, людей, брак, на человеческие стремления к добру, одним словом, на все человечество, а так как пьеса написана из нашей русской жизни, то и на все русское общество». Завершая обзор

пьесы Чехова, критик заключал, «что написана им не драма, сюжетом которой послужили страдания живых людей из среды русской интеллигенции, а самый грязный, самый клеветнический памфлет» («Театральная хроника». – «Вестник литературный, политический, художественный», 1889, 20 сентября, № 1432. Подпись: Kot.).

Критика либеральная и либерально-реакционная, напротив, идеализировала и даже героизировала образ Иванова, видела в нем жертву действительности или героя «малых дел».

Отзвук такого понимания пьесы содержался, например, в большой рецензии Суворина, который широко использовал в ней выдержки из письма Чехова от 30 декабря 1888 г., однако в собственных оценках, вплетенных в изложение письма, сместил акценты и преподносил читателю вывод, чуждый Чехову. По утверждению Суворина, Чехов своей пьесой «хочет сказать, что надо жить просто, как все, и вносить свои лучшие силы, лучшие намерения в развитие этой простой, обыкновенной жизни, а не тратить их на подвиги несо-

размерные и без пути не стремиться зажигать моря <...> Мы легковерно беремся за непосильные задачи и слушаем с верою призыв: „Вперед, без страха и сомненья, на подвиг доблестный, друзья!“ <...> Мы воображаем, что за сильною возбуждаемостью последуют сильные результаты. И это как в личной жизни, так и в общественной. Создадим реформу и воображаем, что она сейчас же даст прекрасные результаты. Не дает она их сейчас, мы начинаем не только сомневаться в пользе реформы, но отрицаем ее вовсе» (А. Суворин. «Иванов», драма в 4 д., Антона Чехова. – «Новое время», 1889, 6 февраля, № 4649).

Рецензент «Петербургской газеты» находил, что Иванов, подобно Гамлету, «носит в груди сознание и страх своего небытия <...> В будничной обстановке, среди знакомых нам людей, в Иванова вселился дух Манфреда <...> простой Иванов носил в груди потухший вулкан, черную холодную пропасть, в которой ничто не отражается» («„Иванов“, драма г. Чехова». – «Петербургская газета», 1889, 2 февраля, № 32. Подпись: Н.). П. П. Перцов считал, что Иванов – «уставший боец», «довольно

обыкновенный тип *уставшего* человека, уставшего не столько от своей деятельности, сколько от слишком большого несоответствия этой деятельности, да и всей своей личности, с окружающей средой». Иванов «оказался выше своей среды и неизбежно должен был вступить в неравную борьбу с ней <...> В трагедии, изображенной Чеховым, как это обыкновенно и бывает, нет виноватых, и, вместо злобы и негодования на отдельных лиц, мы негодуем на весь жизненный строй изображаемого общества, на его пустоту и пошлость...» («Вне уровня». – «Волжский вестник», 1892, 12 января, № 11. Подпись: Посторонний). В более поздней статье того же автора о пьесе говорилось, как о «трагедии, в которой все действующие лица – жертвы, но в которой нет виноватых» (П. Перцов. Изъяны творчества. – «Русское богатство», 1893, № 1, отд. II, стр. 54–55).

Другой критик творчество Чехова относил к «молодой литературе 80-х гг.», характерную черту которой видел в отказе от общественных идеалов прошлой эпохи, в обращении к «незаметным героям», «героям практического

дела», «истинным работникам на родной ниве». Переходя к оценке пьесы, он писал: «И г. Чехов, наблюдая жизнь, приходит к выводу, что русское общество проявляет большую несостоятельность в общественных делах именно вследствие нравственной несостоятельности или вследствие той же неспособности соразмерять средства с целью» (Р. Сементковский. Шестидесятые годы и современная беллетристика. – «Исторический вестник», 1892, № 4, стр. 197).

При всем различии в оценках Иванова разными критиками общее мнение сходилось в том, что герой пьесы объяснен автором недостаточно. Чехова больше всего упрекали в неполноте обрисовки Иванова. В. В. Чуйко недоумевал по этому поводу: «...Нам нужно знать, почему он истрепан жизнью, какою была эта жизнь, откуда явилась эта его нравственная болезнь, вследствие каких условий жизни или обстоятельств он потерял волю, превратился в тряпку и, благодаря этому, сделался простым преступником <...> Если во всем виновата современная русская действительность, то надо было показать в яркой

картине эту действительность, выделить в ней именно те жизненные элементы, которые образуют таких людей, как Иванов. Одним словом, нужно было показать органическую тесную связь между средой и человеком и средой объяснить человека <...> Ничего подобного нет в драме г. Чехова: его Иванов так и остается неразъясненный, так и умирает в качестве загадки, которую даже приблизительно разгадать невозможно» (В. Чуйко. Журнальное обозрение. – «Одесский листок», 1889, 24 марта, № 80).

Л. Е. Оболенский упрекал Чехова в «пробелах мирозерцания, а быть может, и общественного чувства», в отсутствии у него «синтеза», «идеального фокуса», «социологической точки зрения», которая «совершенно подчинена (по крайней мере, в Иванове) более узкой и специальной». Он заявлял, что в пьесе «автор хотел нам представить продукт того явления, которое в современной науке известно под именем „переутомления“, однако, взявши темой художественного произведения такой широкий вопрос, он ограничил «сферу своих наблюдений узким кругом

фактов», отнял «у своего произведения всякую определенность, а у серьезного читателя всякую почву для суждения о мотивах своих героев», не показал «никаких определенных причин переутомления», характеризовал прошлое Иванова «очень поверхностно». По его словам, пьеса «вызвала огромное недоумение: что такое Иванов? Подлец, негодяй или хороший человек? Психопат или новый Чацкий? <...> Не принадлежит ли он к типу Обломовых, только под новым соусом?» («Обо всем (Критические заметки). „Иванов“, драма А. Чехова». – «Русское богатство», 1889, № 3, стр. 199, 204, 206, 207. Подпись: Созерцатель). Рецензент газеты «Крым» писал: «Трудно, собственно, решить, что он за человек этот Иванов, какого он цвета, какая его нравственная физиономия и какие требования он предъявляет к жизни? То, кажется вам, он смешон, жалок, тряпка, то он возвышается в глазах зрителей, готовых возвести его в герои и окружить его ореолом мученичества» (1889, 24 мая, № 60).

Отмечалось, что интерес драматурга сосредоточен исключительно на «психологиче-

ской комбинации»: «все, что относится к <...> психологической драме, написано рукой блестящего мастера». Однако «определенного общественного смысла нет ни в самой пьесе, ни в фигуре ее героя», в пьесе «кроется какой-то недостаток, который мешает понять истинный смысл этой фигуры». Иванов не показан как «общественный деятель», «и мы чувствуем прямо эстетическую неудовлетворенность – фигура Иванова не закончена, не полна: целая сторона ее – сторона несомненно ей присущая и весьма важная, осталась недорисованной» (П. Перцов. Указ. соч., стр. 54–55).

Критики считали, что «центральная фигура пьесы, Иванов, так слабо охарактеризована, что слушатель не в состоянии дать себе ясного отчета в том, что такое Иванов, не может, так сказать, классифицировать его» («„Иванов“, др. Ан. Чехова (Бенефис г. Шувалова)». – «Волжский вестник», 1894, 15 декабря, № 317, отд. Театр и музыка. Подпись: Г.). Е. А. Соловьев (Андреевич) говорил, что в Иванове показана лишь «одна черта, быть может, даже черточка» – его «переутомление», и хотя

это «важно для наших дней», «подкупает зрителя и возбуждает в нем несомненный интерес», но «разве одна черта, хотя бы доминирующая, составляет тип?» («Литературный кризис (По поводу современной беллетристики)». – «Научное обозрение», 1897, № 3, стр. 22. Подпись: Скриба). Тот же критик в другой статье писал, что «если болезнь Иванова есть болезнь общественного значения, то и причины ее должны быть того же характера», иначе «ничего не понимает читатель <...> Извольте распутать эти узлы и разгадать эти шарады!» («Литературная хроника. Пьесы г. Чехова». – «Новости и Биржевая газета», 1897, 10 июля, № 187. Подпись: Скриба).

Рецензенты упрекали Чехова в том, что не только сам Иванов «не видит тех причин, которые привели его роковым образом к гибели. Не видит их и читатель <...> Подобно Иванову, и читатель задает вопросы: что же именно порождает того или другого Иванова? и почему у нас так много Ивановых, что оказалось возможным появление специально-хмурого писателя?» (Ал. *Потанов*. Из жизни и литературы. А. П. Чехов и публицисти-

ческая критика. – «Образование», 1900, № 1, отд. II, стр. 18). Отмечалось, что «у читателя не создается цельных драматических иллюзий», «ему не уловить воплощения Иванова, не понять его <...> Если угодно – г. Чехов в „Иванове“ выставил нам между прочим портрет – и над ним мы довольно призадумались; но превращения холста в человеческий образ – так и не видели» (А. *Налимов*. Современный драматург. О драмах г. Антона Чехова. – «Литературный вестник», 1903, т. VI, кн. 7–8, стр. 213, 214).

Но все же этой критикой была замечена и драматургическая новизна пьесы Чехова, ее отличия от традиционной «проблемной» или «сюжетной» драмы. В. А. Тихонов подчеркивал, что в пьесе отсутствует театральная рутинность, что от нее «повеяло свежим, здоровым воздухом». О премьере «Иванова» он отзывался как о подлинном «театральном событии»: «С самого начала действия зритель чувствует себя в недоумении. Он еще не привык ко всему тому, что творится на сцене. Это все так ново, так необычно» («Неделя», 1889, № 6 от 5 февраля, стлб. 205–207, отд. Заметки). Говори-

лось также, что Чехов «рискнул ввести на сцену сложный психологический анализ» и что интерес драматурга «сосредоточивается на характерах и бытовых подробностях, а не на интриге» («Русский драматический театр». – «Север», 1889, № 8 от 19 февраля, стр. 159, отд. Смесь).

И. Н. Ге полемизировал с теми, кто считал пьесу «непонятной и даже скучной», и объяснял, что пьеса Чехова – совсем не то, что «*привыкли видеть* на сцене; его „Иванов“ дышит новизной, чем-то свежим <...> Мы привыкли видеть в пьесе непременно какую-то интригу, ряд хитросплетений <...> гражданскую скорбь или проведение автором какой-нибудь тенденциозной идеи, – но не привыкли к изображению на сцене нашей *серенькой жизни*, без прикрас, исключительных явлений и всяких интриг, – настолько не привыкли, что видим в жизненных, без всякого подъема, типах, живущих на подмостках театра настоящей общественной жизнью, – нечто неинтересное, непонятное, скучное» (И. . Ге. Товарищество московских драматических артистов. Бенефис В. Н. Давыдова. «Иванов», комедия в 4

действиях, соч. А. Чехова. – «Одесский листок», 1889, 30 апреля, № 113).

Киевский рецензент писал: «Эта драма, представляющая совершенно оригинальное явление, не похожее на обыденные типы гг. В. Крылова, Шпажинского и т. п., представляет выдающийся интерес» («Киевское слово», 1889, 14 мая, № 674, отд. Местная хроника).

Тифлисский обозреватель находил пьесу в высшей степени оригинальным произведением и отмечал, что «пьеса эта заинтриговывает зрителя не столько интригой ее и сюжетом, сколько талантливым воспроизведением, в самом реальном виде, движений человеческой души», высоко оценил данный в ней «психологический анализ личности», нашел «могучий талант в понимании и умении передавать психологические перипетии души человеческой» («Тифлисский театр». – «Кавказ», 1889, 30 июня, № 170. Подпись: В. –ч).

В журнале «Артист» утверждалось, что пьеса Чехова представляет несомненно выдающееся явление в современной драматической литературе, указывалось на «чрезвычайно тонкую психическую подкладку», на изоб-

ражение «неисчерпаемой области души человеческой» («Театр г. Корша. Заметки и впечатления». – «Артист», 1889, кн. II, октябрь, стр. 108. Подпись: А.). Через несколько лет критик В. Л. Кигн припоминал, «какой вздох облегчения вырвался у публики, и даже у критики, когда на сцене явился „Иванов“ г. Чехова» и от пьесы «пахнуло такой свежестью, свободой, умом и искренностью, что радость, с которой она была встречена, и законна и понятна» («А. Чехов». – «Книжки Недели», 1891, № 5, стр. 208, отд. Беседы о литературе. Подпись: 1).

Правда, те же критики, которые видели в «Иванове» элементы новизны, одновременно подчеркивали драматургическую неопытность Чехова, несовершенство драматической формы пьесы, ее несценичность и т. п. Тот же Тихонов указывал на «чисто технические недочеты», «несколько неуклюжие и угловатые приемы» («Неделя»); Дистерло выделил недостаток, «обличающий в авторе еще неопытного драматурга»: сам Иванов «совсем почти не действует», и его появления на сцене «не представляют настоящего драматиче-

ского изображения характера, раскрывающегося в действии» («Неделя»); Введенский – «необыкновенное обилие вводных, к делу не относящихся сцен и разговоров» («Русские ведомости»); Андреевский – «неумелость автора придать действию пьесы необходимую сценичность, интерес и оживление, а также и растянутость совершенно неинтересных разговоров между действующими лицами, а подчас и совершенно излишние повторения» («Киевское слово»).

Суворин хотя и признавал, что талант Чехова включает в себя «элемент драматический в значительной степени», однако обставил это признание рядом оговорок: «Драматическая форма, очевидно, еще стесняет автора или не подчиняется ему. Характеры сложились в голове автора не драматически, а беллетристически, а потому движения и действия в пьесе мало». «Центральная фигура в пьесе, Иванов, для полного и яркого своего развития требовала бы широких рамок романа или большой повести...» («Новое время»).

В статье И. Н. Ге говорилось: «...если можно в чем винить г. Чехова, так только в том,

что он не будучи еще вполне освоенным с условиями сцены, упустил из виду, что сцена – есть изображение жизни, а не сама жизнь <...> что поэтому автор, писавши сценическое произведение, обязательно должен *необходимые места в пьесе, называемые в картине пятнами, выдать яснее, усиливая их*» («Одесский листок»). Критик «Артиста» утверждал, что талант Чехова «направлен преимущественно к повествовательной форме», и отмечал в пьесе «многие крупные недостатки»: «самая концепция драмы, техническое строение ее мало удовлетворительны», характер Иванова «малоподвижен, он не развивается перед зрителем», «в пьесе мало яркости», «события часто заменяются рассказами действующих лиц» и т. д.

После выхода «Скучной истории» Кигн отметил единство настроения, которым проникнуты повесть и пьеса, и сходство героев, которые «уже носят в себе зачатки хандры» («Беседы о литературе». – «Книжки Недели», 1891, № 1, стр. 178. Подпись: 1). Подчеркивалось также их различие: если в пьесе Чехов ограничился «одним констатированием фак-

та», то в повести сделал уже «попытку объяснить существование столь ненормального явления в обществе» («Еженедельное обозрение», 1889, т. X, № 299 от 29 октября, стлб. 702–704, отд. Журнальные новинки. Подпись: А-ъ).

Михайловский тоже находил в обоих произведениях сходное «ощущение тоски и тусклости „действительности“», но в пьесе заметил только «идеализацию отсутствия идеалов», а в повести уже «тоску по общей идее и мучительное сознание ее необходимости» («Письма о разных разностях». – «Русские ведомости», 1890, 18 апреля, № 104). Было замечено, что Иванов имеет много общего со старым профессором: в обеих вещах показан «процесс падения человека» под воздействием «окружающего мрака, животных интересов, обыденной пошлости». При этом повесть рассматривалась как «разгадка этой, в отдельности взятой, довольно странной драмы»: Иванов – «не вполне законченный, выношенный профессор, а профессор – тот же Иванов, до конца продуманный» (В. Альбов. Два момента в развитии творчества Антона

Павловича Чехова (Критический очерк). – «Мир божий», 1903, № 1, стр. 97, 98, 101).

От Иванова протягивались нити к близким ему образам в других произведениях Чехова – «Дуэль», «Палата № 6», «Рассказ неизвестного человека» (см. М. Протопопов. Жертва безвременья (Повести г. Антона Чехова). – «Русская мысль», 1892, № 6; П. . Перцов. Изъяны творчества. – Указ. соч.; П. . Краснов. Осенние беллетристы. П. Ан. П. Чехов. – «Труд», 1895, № 1; И. . Мерцалов. Главные представители современной русской беллетристики. – «Известия книжных магазинов товарищества М. О. Вольф», 1898, № 8–9; Вс. Чешихин. Современное общество в произведениях Боборыкина и Чехова. Одесса, 1899; Волжский <А. . Глинка>. Очерки о Чехове. СПб., 1903, и др.).

Критика сравнивала Иванова также с героями последующих пьес Чехова. Т. И. Полнер находил, что «Иванов», «Дядя Ваня» и «Чайка» образуют своеобразную трилогию настроения, которое пронизывает все три произведения: если Иванову окружающий его мир представлялся «ненормальным, болезненным, исключительным», то в следующих пье-

сах «все бури, волновавшие Иванова, смолкают», и «бурный период сомнений, разочарований, озлобления уступает место равнодушию, спокойствию и апатии...» (Тихон Полнер. Драматические произведения А. П. Чехова. «Пьесы», СПб., 1897. – «Русские ведомости», 1897, 3 октября, № 273).

Соловьев (Андреевич) называл Иванова «благороднейшим провинциальным деятелем» и в его печальной истории, как и в истории Астрова, дяди Вани, видел «роковую судьбу лучших людей, культуртрегеров провинции» (Андреевич. Антон Павлович Чехов. – «Жизнь», 1899, № 4, стр. 198, 199). Основной чертой пьес «Иванов», «Чайка», «Дядя Ваня», «Три сестры» критик считал противопоставление мечты и действительности и называл эту особенность чеховских произведений «сатирой»: «Его сатира вся построена на основных противоречиях: иллюзии и действительности, мечты и прозы жизни, крошечных сил человека и огромности сил стихийных, претензий человеческого разума и не только не считающегося с ними, но и жестоко над ними надсмеющегося величия жизни». Пафос

произведений Чехова – не в «насмешке», не в «негодовании»; он хотя и сродни гоголевскому, но лишен его утверждающе-учительного начала: «...это как раз та сатира, которую только и могла создать неверующая, скептическая и метафизически настроенная эпоха 80-х годов» (Андреевич. Очерки текущей русской литературы. О хищниках и одиноких людях. – «Жизнь», 1901, № 2, стр. 367).

В ялтинском архиве Чехова сохранилась рукопись статьи петербургского критика В. К. Петерсена, видимо, предназначавшаяся для публикации, но затем пересланная автором Чехову. Критик находил пьесу «превосходным произведением» и считал, что она «является капитальным вкладом в сокровищницу русской литературы». По его мнению, в «Иванове» отражен «тяжелый этический кризис» современного поколения, «великий раскол между верой и правдой, между идеалом и действительностью», развенчано пустое «геройство» и претензии на «псевдоподвиги»: «Драма Чехова вводит нас именно в среду этих претенциозных героинь и героев, изнемогающих под бременем своих никому не

нужных подвигов <...> Г-ну Чехову бесспорно принадлежит заслуга первого трезвого отношения к этому ужасающему явлению эпохи. Он как истинный художник вывел ненужный героизм претенциозной бездарности на чистую воду».

Приведя слова Иванова из его последнего монолога, свидетельствующие о ясном сознании им причин своей измотанности и тоски, рецензент писал: «Несмотря однако на эту ясность сознания причины самого явления, в словах и действиях Иванова вы не чувствуете раскаяния, не чувствуете простоты отношения к предмету, потому что Иванов морализирующий, советующий жить по шаблону, серенькой обыденной жизнью, – другому Иванову, – самого себя не согласен исключить из числа героев. Он разбит, он упал, надломлен, болен наконец, но он все же горой, в свое время двигавший горами». В построении действия пьесы и неумолимом движении Иванова к гибели критик увидел сходство с «трагедией рока»: «Жертва обречена с первого же мгновения <...> В течение всей драмы зритель видит человека погибшего, но который про-

бует еще упираться, пробует оттянуть минуту неизбежной расплаты, хотя сам и чувствует и других заставляет понять, что это неизбежно и неотвратимо».

Автор статьи отмечал, что тип Иванова обрисован в пьесе «весьма разносторонне и полно благодаря оригинальному приему автора: разделять один тип на два или даже на несколько действующих лиц». Иванов и Львов – «оба представляют трагическую сторону претенциозного героизма. Львов – восходящую фазу, Иванов – нисходящую <...> В драме г. Чехова мы видим Иванова – молодого, стремящегося к подвигу – в лице Львова. Видим жертвы этих подвигов – восторженную (первая стадия) в лице Сашеньки, – убитую и замученную (вторая стадия) в образе Сарры. Сам Иванов изображает явление в момент проснувшегося сознания и предстоящего наказания. Наконец Лебедев – это Иванов уже убитый, уже наказанный».

К страждущим «подвига» критик причислял также Сашу: «Саша Лебедева – это почти та же Сарра до замужества, ей также хочется попасть в мышеловку, хочется принести себя

в жертву, хочется совершить подвиг».

Положительное значение драмы критик видел в том, что она отделяет «всякое нытье, всякое пустое геройство» от подвигов действительных и геройства настоящего: «Ну вот теперь, после чеховского Иванова, этому героизму пришел вожделенный конец <...> Покуда это еще драма и даже трагедия, но за нею появится непременно и здоровый смех комедии» (Н. Ладожский. Трагедия скуки и уныния. «Иванов», драма в 4-х действиях Антона Чехова («Северный вестник», № 3). – ДМЧ).

В июне 1903 г. Главным управлением по делам печати было рассмотрено ходатайство уездного комитета попечительства о народной трезвости в г. Александровске о разрешении к постановке на сцене народных театров пьес Чехова «Иванов», «Чайка» и «Дядя Ваня». В своем заключении цензор Е. Ламкерт писал, что «во всех трех пьесах рисуется быт образованных классов в непривлекательном виде, причем безнравственные с точки зрения общепринятой морали поступки и отношения выводимых автором лиц выставляются в симпатичном свете, вследствие чего не могут не

смутить народных воззрений на нравственность». На этом основании 6 июня 1903 г. ходатайство было отклонено и постановка пьес в народных театрах запрещена (ЦГИА; Чехов. Лит. архив, стр. 266). Пьеса «Иванов» – единственная из пьес Чехова, вошедших в издание А. Ф. Маркса, – была также запрещена Ученым комитетом министерства народного просвещения для народных читален и библиотек.

Пьеса была переведена на чешский язык Б. Прусиком, который сообщал Чехову 15/28 сентября 1900 г.: «„Иванова“ я <...> уже перевел и отдал в печать...» (ГБЛ). 24 августа 1903 г. к Чехову обращался А. В. Гурвич из Вильны с просьбой разрешить перевод пьесы «для еврейской сцены» (ГБЛ).

Татьяна Репина

Впервые – отдельный типографский оттиск: Татьяна Репина. Драма в 1 действии Антона Чехова (Посвящается А. С. Суворину). СПб., 1889.

С сокращением ряда мест из богослужения перепечатано в книге: М. . Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина». Пг., 1924. В полном виде – в сборнике: Чехов, «Атеней».

Печатается по экземпляру отдельного оттиска 1889 г. (ДМЧ), с сохранением имеющихся в нем некоторых отступлений от канонического текста церковного богослужения.

1

Пьеса написана в начале марта 1889 г. и сюжетно связана с одноименной четырехактной комедией А. С. Суворина, премьера которой состоялась в Петербурге 11 декабря 1888 г. и в Москве 16 января 1889 г. В пьесе действуют те же лица, что и в суворинской «Татьяне Репиной»: разорившийся помещик, светский жуир и «специалист по женской части» Петр Иванович Сабинин (пьеса Сувори-

на первоначально так и называлась – «Охота на женщин»); невеста Сабинина – молодая вдова и очень богатая помещица Вера Александровна Оленина; близкий друг Сабинина помещик Платон Михайлович Котельников; помещик Андрей Андреевич Кокошкин; его жена и тетка Олениной Анна Львовна Кокошкина; антрепренер театра, в котором когда-то играла Татьяна Репина, – Захар Ильич Матвеев; банкир Давид Соломонович Зоненштейн; адвокат Патронников.

Сюжет «Татьяны Репиной» Суворина навеян трагической судьбой актрисы Е. П. Кадминой, которая в 1881 г. во время представления «Василисы Мелентьевой» на сцене Харьковского театра приняла яд и через несколько дней скончалась (это событие отразилось также в повести И. С. Тургенева «После смерти» («Клара Милич»), в рассказе А. И. Куприна «Последний дебют» и ряде других произведений того времени).

Обстоятельства, при которых Чехов написал свою «Татьяну Репину», рассказал впоследствии его брат Михаил Павлович: «У него была своя библиотека из богослужебных

книг, часть которой еще и донныне находится в его доме в Ялте <...> И вот, в один из дней, задумав сделать старику Суворину подарок, он достал с полки служебник, открыл чин венчания и, только „для собственного удовольствия“ и нисколько не предназначая свое произведение для критики и публики, написал одноактную пьесу – продолжение суворинской „Татьяны Репиной“. Я напомним читателю, что суворинская драма кончается смертью Татьяны Репиной и что дальнейшее, т. е. удалось ли ее возлюбленному Сабинину жениться на вновь обольщенной им даме Олениной и если удалось, то каково было его душевное состояние, когда он узнал, что брошенная им Татьяна Репина отравилась – так и осталось невыясненным <...> И вот Антон Чехов и написал такое продолжение» (М. . Чехов. Антон Чехов. Театр, актеры и «Татьяна Репина», стр. 60–61).

5 марта 1889 г. Чехов, поблагодарив Суворина за обещание прислать иностранные словари, писал ему: «За словари я пришлю Вам подарок очень дешевый и бесполезный, но такой, какой только я один могу подарить

Вам. Ждите».

Свой «подарок», то есть пьесу, Чехов послал Суворину на следующий день и сообщал при этом: «Сочинил я его в один присест, спешил, а потому вышел он у меня дешевле дешевого. За то, что я воспользовался Вашим заглавием, подавайте в суд. Не показывайте его никому, а, прочитавши, бросьте в камин. Можете бросить и не читая».

Получив рукопись пьесы (не сохранилась), Суворин отпечатал с нее в своей типографии несколько экземпляров малого формата (в 1/64 долю листа). В начале мая 1889 г. он послал Чехову сначала корректурный оттиск, а затем готовый отпечатанный экземпляр. Чехов ответил ему 14 мая 1889 г. и высказал по этому поводу несколько замечаний: «Бумага очень хорошая. Фамилию свою я в корректуре зачеркнул, и мне непонятно, как это она уцелела. Зачеркнул, т. е. исправил, я и многие опечатки, к<ото>рые тоже уцелели. Впрочем, все это вздор. Для большей иллюзии следовало бы напечатать на обложке не Петербург, а Leipzig» (14 мая 1889 г.).

Указание на Лейпциг содержало, видимо,

намек на неофициальный характер издания: пьеса, изображавшая церковный обряд венчания с цитатами из богослужебных книг, безусловно не могла быть разрешена цензурой. Действительно, многие нелегальные издания, запрещенные к обращению в России, печатались в Лейпциге или маскировали ссылкой на Лейпциг подлинное место издания. Такой именно смысл упоминания о Лейпциге подсказывается также содержанием одного из предыдущих писем Чехова, где затрагивалась та же тема: он просил Суворина, собиравшегося в Германию, привезти ему из-за границы «запрещенных книжек и газет» (4 мая 1889 г.).

Суворин показал пьесу А. Н. Плещееву, который отозвался о ней в письме к Чехову от 22 мая 1889 г.: «Очень оригинальная вещица; мне понравилось. Жаль только, что там больше текста св. писания – нежели разговоров...» (ГБЛ). Одновременно он писал о пьесе Суворину: «Знаете, Алексей Сергеевич, она мне не так понравилась. Тут мало чеховского и слишком много текста писания» (7 июня 1889 г. – «Письма русских писателей к А. С. Су-

ворину». Л., 1927, стр. 127).

Об экземпляре пьесы, который оставался у Суворина и был обнаружен тотчас после его смерти в 1912 г., в печати тогда сообщалось: «В бумагах А. С. Суворина оказался печатный экземпляр пьесы-пародии в одном действии А. П. Чехова „Татьяна Репина“. В предисловии сказано, что пьеса отпечатана в трех экземплярах, один из которых принадлежит Суворину, другой Плещееву, а третий Чехову. Сохранился, очевидно, единственный экземпляр А. С. Суворина, так как остальных никто не видел и никто не слышал об них» («Новое время», 1912, 19 августа, № 13088, отд. Театр и музыка).

Однако о пьесе упоминалось ранее в опубликованных в 1907 г. воспоминаниях М. П. Чехова, который сообщал: «...уже будучи известным писателем, Антон Павлович написал пьесу, заглавие которой я позабыл. Кажется, продолжение суворинской „Татьяны Репиной“. К сожалению, у меня сохранились только четыре страницы печатного экземпляра этой пьесы. Она начинается так...» Далее приводился текст начала пьесы, после чего мему-

арист продолжал: «В бумагах Антона Павловича, вероятно, имеется полный экземпляр этой единственной в своем роде пьесы. Она напечатана; очень миниатюрного формата» (М. Чехов. Об А. П. Чехове. Воспоминания. – «Новое слово», 1907, № 1, стр. 199–200; см. также: «Шуточные произведения А. Чехова (Из воспоминаний М. П. Чехова)». – «Северные зори», 1910, № 6 от 15 января, стлб. 29–30).

Экземпляр, принадлежавший Чехову, находится в архиве Дома-музея А. П. Чехова в Ялте. О «плещевском» экземпляре никаких сведений не сохранилось. Не исключено, что в руках М. П. Чехова находились как раз его остатки. Среди материалов чеховского архива в ЦГАЛИ имеются четыре начальных страницы (без обложки) неизвестного экземпляра – возможно, те самые, о которых упоминал в 1907 г. М. П. Чехов.

Библиограф М. П. Кленский в своем указателе сочинений Чехова писал о напечатанных Сувориным *трех* экземплярах пьесы: «Один экз. получил автор, другие два хранились у А. С. Суворина. 31-го янв. 1890 г. он подарил один экз. П. А. Ефремову. Этот (Ефре-

мовский) экз., с надписью А. С. Суворина, был подарен Льву Эдуардовичу Бухгейм, а затем поступил в библиотеку Пушкинского Дома. О судьбе третьего экз. ничего неизвестно» (Чехов, «Атеней», стр. 294). В настоящее время в фондах Пушкинского дома (ИРЛИ) экземпляра «Татьяны Репиной» нет.

2

В литературе о Чехове долго бытовало мнение о пародийном характере чеховской «Татьяны Репиной» – мнение, впервые высказанное самим Сувориным, который на автографе письма Чехова к нему от 6 марта 1889 г. в пояснение строк о посланном ему «подарке» написал: «Пародия на мою „Татьяну Репину“» (см. т. III Писем, стр. 402).

Этот тезис решительно отверг А. С. Долинин в статье, сопровождавшей первую полную публикацию пьесы: он считал, что «не подражание имеем мы здесь и не стилизацию под эту пьесу, а совершенно самостоятельную художественную концепцию <...> Причем целью у него было – отнюдь не дискредитирование путем пародии художественного канона Суворина, а наоборот – попытка

положительного характера: обнаружить, в известном смысле, на опыте чужом, свой новый, в постепенном созревании, становящийся канон...»

В художественной ткани пьесы Долинин различал два сюжетных слоя: комический фон, данный статически и передающий комизм обстановки – «стилистический контраст между торжественностью венчального обряда, превращенного в зрелище, и пошлой болтовней рассеянной толпы»; и второй, главный, сюжетный слой – динамически развивающийся мотив тревоги и нарастающей трагической напряженности: «обряд уже больше никого не интересует, центр внимания весь сосредоточен на Репиной, вокруг смерти которой и ведутся шепотом разговоры».

Наиболее показательным для новых художественных приемов Чехова автор статьи считал сюжетный финал пьесы, возникновение «тени» Репиной – «дамы в черном»: «здесь первое яркое отражение исканий Чехова в области драматургии, его сознательного отступления от обычного драматургического канона и „Татьяны Репиной“ в частности <...>

Суворин был в своей „Татьяне Репиной“ целиком во власти господствовавшего тогда драматического шаблона, требовавшего от пьесы такого построения, чтобы она представляла собою нарастание сильных и ярких эффектов, число и сила которых по мере приближения к финалу должны были все более и более увеличиваться <...> И вот в этой наброске-оклике Суворину, в этой одноактной драме и сделана первая попытка, на опыте чужом, отступления от шаблона; что и сказывается прежде всего в ее сюжетном финале. Был бы возможен здесь эффект, аналогичный самому сильному драматическому эффекту суворинского финала, определяющему всю композицию пьесы: „дама в черном“ умирает в церкви на глазах у публики, проклиная Сабина. Этот завершающий сюжетный мотив Чехов не отвергает, но дает его в иной ситуации, тоже определяющей характер всей драмы; даму в черном он оставляет после всех одну в ее предсмертных страданиях <...> От эффектности сценической, которая, повторяем, еще была приемлема для Чехова в „Иванове“, центр тяжести переносится преимущественно в сто-

рону эмоционально-лирическую, намечаются первые проблески так называемой драмы настроения. Так будут строиться завершающие финалы во всех его будущих пьесах („Дядя Ваня“, „Три сестры“, „Вишневый сад“), такова будет основная тенденция в переделке „Лешего“ в „Дядю Ваню“. Так набросок опережает тот путь, на который Чехов вступил твердо уже после „Лешего“, созданного в том же 1889 г.» (А. . Долинин. Пародия ли «Татьяна Ренина» Чехова? – Чехов, «Атеней», стр. 62, 63, 76, 79, 81 и 82).

Отмечалась близость общей формы пьесы Чехова к сценке «Во время церковной службы» из романа «Около брака» («Autour de mariage», 1883) французской писательницы Г. де-Мартель-де-Жанвиль, писавшей под псевдонимом Жип. В этом эпизоде (сцена 5) также изображался торжественный обряд венчания, болтовня светской публики на фоне богослужения, появление в церкви дамы в полутраурной одежде – бывшей возлюбленной жениха, маркиза д'Алали и т. д. Это произведение Жип в сценической переделке К. Кремье было показано в Михайловском театре француз-

ской труппой в декабре 1888 г., когда Чехов находился в Петербурге (см.: Е. . Смирнова-Чикина. «Татьяна Ренина» Антона Чехова. – Сб. «В творческой лаборатории Чехова». М., 1974).

Трагик поневоле

Впервые – отдельное печатное издание: Трагик поневоле (Из дачной жизни). Шутка в одном действии А. Чехова. Издание Театральной библиотеки В. А. Базарова. СПб., 1889 (ценз. разр. 1 июня 1889 г.; вышло в свет с 24 по 30 июня 1889 г.; напечатано 600 экз.).

Перепечатано без изменений в литографированном издании: Трагик поневоле (Из дачной жизни). Шутка в одном действии А. Чехова. 2-ое исправленное издание. Литография Московской театральной библиотеки Е. Н. Рассохиной (ценз. разр. 22 ноября 1889 г.; вышло в свет с 1 по 8 января 1890 г.; напечатано 110 экз.).

С небольшими изменениями напечатано в журнале «Артист», 1890, кн. 7, апрель (ценз. разр. май 1890 г.).

Включено в сборник «Пьесы» (1897).

Перепечатано: «Для домашних и любими-

тельских спектаклей. Сборник пьес». Издание Театрального отдела <газеты> «Новости». СПб., 1899.

Вошло с единичными исправлениями в издание А. Ф. Маркса (1901).

Сохранился цензурный экземпляр пьесы (автограф): Трагик поневоле (Из дачной жизни). Шутка в одном действии А. Чехова. На обложке – штемпель с датой представления в цензуру: «9 май. 1889» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. Цензор драматических сочинений Альбединский. 14 мая 1889» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII, стр. 131–139, с восстановлением фразы, вычеркнутой цензором (см. ниже).

1

Пьеса написана в первых числах мая 1889 г. В основу пьесы положен рассказ «Один из многих» (1887). При переработке в пьесу действующим лицам рассказа – «дачному отцу семейства» Ивану Иванычу и его безымянному «приятелю» – даны полные имена и фамилии. Опущен ряд комически обыгранных упоминаний о «детском гробике», с которым

Иван Иваныч появляется у приятеля, чтобы затем везти на дачу для «окочурившегося» младенца Куркиных (первоначально в пьесе – Курицыных). Сделано несколько вычерков в длинном перечне упомянутых покупок и поручений: «нужно забежать к Тютрюмову взять у него две банки килек и фунт мармеладу для Марьи Осиповны...»; «у Марьи Михайловны варят варенье, и по этому случаю я ежедневно должен ей таскать по полпуда сахара»; «А о таких поручениях, как письма, колбаса, телеграммы, зубной порошок – и говорить нечего». Сокращен рассказ Ивана Иваныча о беспорядках в канцелярии и «дубине»-секретаре, который «ничего не смыслит» и «едва отличает входящую от исходящей», а также описание багажных злоключений на железной дороге. Снято несколько сальных фраз и фривольных замечаний Ивана Иваныча: об «интересном положении» подполковницы, в котором он «не виноват ни сном, ни духом»; о ночных страхах перед «донной супругой», предъявляющей на его особу «свои законные права», и т. д.

В то же время в текст пьесы внесено

несколько добавлений: расширена вводная ремарка о навьюченных на Ивана Иваныча коробках, узлах и кульках; помимо швейной машины, которой Мурашкин нагружает его, добавлена еще и клетка с канарейкой; вставлен рассказ Ивана Иваныча о находящей на него временами «чертовщине» и желании «кого-нибудь ножом пырнуть»; прибавлена, наконец, вся финальная сцена с преследованием Мурашкина и криками «Крови жажду!» (о переработке рассказа в пьесу см. также в книге: А. Дерман. Творческий портрет Чехова. М., 1929, стр. 90–92).

4 мая 1889 г. Чехов, живший тогда в Сумах, известил Суворина о завершении работы над пьесой: «Вчера вечером вспомнил, что я обещал Варламову написать для него водевиль. Сегодня написал и уж послал». 6 мая он писал о том же И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «На днях я вспомнил, что зимою мною было дано обещание Варламову переделать один из моих рассказов в пьесу. Вспомнил, сел и переделал довольно-таки плохо. Из рассказа на старую, заезженную тему получилась старая и плоская шутка».

Сохранился экземпляр Прошения, написанный рукой Чехова, датированный 4 мая 1889 г. и посланный в Петербург в Главное управление по делам печати. Одновременно посылались два экземпляра пьесы, которую Чехов просил разрешить к представлению на сцене, а цензурованный экземпляр выдать владельцу петербургской Театральной библиотеки В. А. Базарову (ЦГИА, ф. 776, оп. 25, ед. хр. 365, л. 9).

Не будучи лично знаком с Базаровым, Чехов 6 мая 1889 г. просил Леонтьева (Щеглова) поговорить с ним об издании пьесы. В ответном письме от 14 мая Леонтьев (Щеглов) сообщал: «Базаров поклялся в две недели изготовить Вашего „Трагика“. У вас есть „Трагик поневоле“ (для Варл<амова>), а у меня пьеса (для Арди) „Комик по натуре“. Это даже умилительно!..» (ГБЛ).

14 мая 1889 г. пьеса была рассмотрена цензурой и разрешена к представлению, однако в одной из фраз Толкачова цензором вычеркнуто упоминание бога, соседствующее со словами фамильярно-обиходного употребления: «Танцуешь с какой-нибудь Кривулей Иванов-

ной, улыбаешься по-дурацки, [а сам думаешь: „доколе, о господи?“]». Поэтому в официальном «Алфавитном списке сочинениям, рассмотренным драматической цензурой», пьеса Чехова была помещена в разделе сочинений, «дозволенных к представлению с исключениями» («Правительственный вестник», 1889, 9 июня, № 123).

В изданиях Базарова и Рассохиной фраза, обратившая на себя внимание цензора, была напечатана в урезанном и обесмысленном виде, что вынудило Чехова при очередной публикации пьесы (в журнале «Артист») исключить ее всю целиком. В наст. издании эта фраза восстанавливается по тексту автографа.

18 мая Чехов известил о написании пьесы секретаря Общества драматических писателей и оперных композиторов И. М. Кондратьева, который должен был занести ее в «Каталог пьес членов Общества...»

При подготовке первого печатного издания пьесы (петербургская Театральная библиотека В. А. Базарова) Чехов внес в текст небольшие поправки, смысловые уточнения и единичные замены слов (см. варианты).

10 ноября 1889 г. Е. Н. Рассохина предложила Чехову выпустить пьесу новым изданием в Москве: «...у нас не осталось ни одного экз<емпляра>, а между тем на эту пьесу есть спрос, который удовлетворить мы не можем. С Базаровым в настоящее время мы не имеем дела, а посему для удовлетворения спроса не найдете ли Вы удобным ее отлитографировать» (ГБЛ).

Сохранился экземпляр «базаровского» издания, с которого текст пьесы копировался для литографии, с пометой: «2-ое исправленное издание», с датой представления в Московский цензурный комитет: «18 ноября 1889», надписью цензора: «Дозволено цензурою. Москва, 22 ноября 1889 г.» и его росписью через все листы: «Исполняющий обязанности цензора Сергей Соколов» (ГЦТМ).

В выпуске этого «исправленного» издания Чехов не принимал никакого участия. Ряд мелких опечаток предыдущего издания в нем был, правда, устранен, однако в других местах допущены новые искажения текста, например, вместо: казнь египетская – напечатано: жизнь египетская; подполковница Вихри-

на названа полковницей и т. д.

Немногие исправления были внесены в текст журнала «Артист», в частности, исключено последнее из уцелевших упоминаний о детском гробике. Книжка «Артиста» с опубликованной в ней пьесой была прислана редактором журнала Ф. А. Куманиным в декабре 1890 г. по возвращении Чехова с Сахалина (см. ответное письмо Куманину от середины декабря 1890 г.).

В апреле 1899 г. заведующий Театральным отделом газеты «Новости» Н. В. Корецкий обратился к Чехову с просьбой дать в готовившийся к выпуску в свет в мае месяце сборник одноактных пьес для домашних и любительских спектаклей одну из его пьес по выбору (письмо без даты – ГБЛ). Корецкий взял на себя переговоры с А. Ф. Марксом, которому в январе 1899 г. перешло право собственности на издания Чехова, и писал Чехову 28 апреля 1899 г.: «Получив Ваше лестное для меня письмо, я считаю долгом сообщить Вам, что А. Ф. Маркс разрешает поместить в издаваемом сборнике Вашу пьесу „Трагик поневоле“, почему вторично обращаюсь к Вам с всепо-

корнейшей просьбой дозволить мне украсить издание Вашим дорогим для всех именем, за что заранее приношу Вам искреннюю сердечную благодарность» (ГБЛ; ср. также письмо Чехова от 1 мая 1899 г.).

Поскольку «Трагик поневоле» вошел в марксовское издание «Пьес» (1901), Чехов не включил в тома прозы рассказ «Один из многих», послуживший основой для водевиля. Это было замечено читателями, один из которых (подполковник Н. А. Возницын, родственник О. Л. Книппер) обратился к Чехову с просьбой поместить рассказ в очередном томе: «В этом рассказе столько юмору и жизни, что мы все очень жалеем, если его не будет в новом симпатичном издании Маркса» (ГБЛ). На это письмо Чехов ответил 1 декабря 1901 г.: «Рассказ мой „Один из многих“ есть не что иное, как сокращенный водевиль „Трагик поневоле“. Водевиль этот был напечатан в „Пьесах“ изд. Суворина, а теперь его можно найти в VII томе изд. Маркса» (ср. также письма Чехова к О. Л. Книппер от 25 ноября и 1 декабря 1901 г.).

Премьера водевиля состоялась на сцене петербургского Немецкого клуба (Первое общественное собрание) 1 октября 1889 г. с участием актера М. И. Бабикова в постановке антрепренера А. Дмитриева, который писал Чехову 20 сентября 1889 г.: «Пьесу постараюсь обставить возможно тщательнее, и если роль Толкачова не угодно будет Вам поручить мне, то передам ее г. Бабикову; я же, в таком случае, буду играть роль Мурашкина» (ГБЛ). Чехов ответил 21 сентября 1889 г.: «Сим разрешаю Вам и кому угодно ставить на частных сценах Петербурга мою пьесу „Трагик поневоле“ <...> Если г. Бабиков не откажется от роли Толкачова, то передайте ему, что, буде он пожелает, я не откажусь сократить длинный монолог, который, мне кажется, утомителен для исполнителя».

На первом спектакле присутствовали И. Л. Леонтьев (Щеглов) и В. В. Билибин, который писал Чехову о своем впечатлении через несколько дней: «В воскресенье был со Щегловым в Немецком клубе и смотрел Вашу шутку „Трагик поневоле“. Играл Бабиков и сыграл прекрасно: выучил и разучил роль»

(письмо без даты – ГБЛ). Леонтьев (Щеглов) воспринял водевиль Чехова как вторжение в свою заповедную территорию. Вернувшись с представления, он с обидой отметил в своем дневнике: «„Трагик поневоле“ – подражание моему „Дачному мужу“. Не по-товарищески, Антуан!!» (ЛН, т. 68, стр. 481). Найдя в разработке темы сходство со своими беллетристическими очерками «Дачный муж, его похождения, наблюдения и разочарования» (1888), переделанными вскоре в комедию «Дачный муж», Леонтьев (Щеглов) заявлял в письме к Чехову от 19 октября 1889 г., что «был исполнен чувства ненависти» к «Трагику поневоле», считает его «фальсификацией» и сохраняет за собой «привилегию на изобретение» (ГБЛ; ср. письмо Чехова от 21 октября 1889 г.).

В Москве пьеса была представлена в первый раз 25 октября 1889 г. на сцене театра М. М. Абрамовой в бенефис М. М. Глебовой. Роль Толкачова исполнял Н. Н. Соловцов.

В 1897 г. по просьбе А. С. Суворина Чехов отдал пьесу на два года театру Литературно-артистического кружка в Петербурге (письмо И. М. Кондратьеву, 6 октября 1897 г.).

Однако узнав, что артист М. А. Михайлов, на участие которого в пьесе он рассчитывал, не играет, Чехов замечал Суворину: «Если Михайлова у Вас нет, водевиль играть некому; надо выпустить его, то есть водевиль, на волю...» (24 ноября 1897 г.). Предложенную Сувориным кандидатуру П. Н. Орленева на роль Толкачова Чехов отверг: «Для моего водевиля „Трагик поневоле“ Орленев еще молод, в нем нет солидности дачного мужа – и потому лучше отложить до будущего года» (16 декабря 1897 г.).

10 января 1899 г. водевиль исполнялся в Париже участниками любительской труппы. Репертуар русского спектакля, состоявшего из трех пьес, был подобран Чеховым по просьбе переводчика Я. Мерперта, который писал ему 3 августа 1898 г.: «...я был бы очень рад, если бы вы могли прислать мне что-нибудь из ваших произведений в *одном акте* (кроме „Медведя“ – мы уже играли это в прошлом году)» (ГБЛ). Вместе с «Трагиком поневоле» были исполнены еще две рекомендованных Чеховым пьесы: «Приличия» Билибина и «Горящие письма» П. П. Гнедича (письма Мерперта

от 3, 8 августа, 6 сентября, 21 октября, 4 ноября и 24 декабря нов. стиля 1898 г. – ГБЛ).

При жизни Чехова пьеса переведена на немецкий язык: «Das Magazin für Litteratur», 1904, N 3 (перевод М. Шика).

Свадьба

Впервые – отдельное литографированное издание: Свадьба. Сцена в 1-м действии А. Чехова. Литография комиссионера Общества русских драматических писателей С. Ф. Рассохина. Москва (ценз. разр. 25 апреля 1890 г.; вышло в свет с 24 по 31 октября 1890 г.; отпечатано 110 экз.).

С изменениями вошло в издание А. Ф. Маркса (1902).

Перепечатано в сборнике пьес, выпущенном одновременно и отпечатанном с того же стереотипа: Свадьба. Юбилей. Три сестры. Пьесы Антона Чехова. Издание А. Ф. Маркса. СПб., 1902 (ценз. разр. 15 марта 1902 г.).

Сохранился цензурный экземпляр пьесы (автограф): Свадьба. Сцена в 1 действии А. Чехова. На обложке – штемпель с датой представления в драматическую цензуру: «31

окт<ября> 1889» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. С.-Петербург, 2-го ноября 1889 г. Цензор драматических сочинений Альбединский». Ниже – пометы, сделанные после представления рукописи в Московский цензурный комитет: дата регистрации – «18 апреля 1890 г.» и резолюция цензора – «Дозволено цензурой апреля 25, 1890 г. Москва», с его росписью через все листы рукописи: «На правах цензора Николай Трескин». В списке действующих лиц – карандашные записи рукой Чехова с фамилиями предполагаемых исполнителей – см. ниже (ГБЛ).

Сохранился также второй цензурный экземпляр пьесы (автограф), с незначительными разночтениями в тексте, – из библиотечного архива драматической цензуры, с тем же заглавием на обложке, датой регистрации и аналогичной резолюцией цензора. Ниже – штамп с пометой о разрешении пьесы «к представлению на народных театрах» и подпись: «СПб. 12 декабря 1903 г. Ценз<ор> драм<атических> соч<инений> Е. Ламкерт» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII2,

стр. 259–276, с исправлениями ошибок в написании морских терминов.

1

Пьеса написана в конце октября 1889 г. В основу ее положены рассказы 1884 г. – «Брак по расчету» и «Свадьба с генералом».

Современники угадывали реальных лиц, послуживших прототипами некоторых персонажей пьесы. Так, в забавной фигуре Дымбы отразились многие черты грека Скизерли, которого Чехов часто встречал в Таганроге, помогая отцу в его бакалейной лавке. Вспоминая о детских годах Чехова, его брат Александр Павлович писал впоследствии: «Грек Дымба („Свадьба“) срисован им с одного из завсегдатаев, с утра до вечера заседавших в лавке Павла Егоровича» (А. С<ед>ой. Антон Павлович Чехов лавочник. – «Вестник Европы», 1908, № 11, стр. 216; Чехов в воспоминаниях, стр. 55; см. также: П. Сурожский. Местный колорит в произведениях А. П. Чехова. – «Приазовский край», 1914, 3 июля, № 172).

Пьеса впитала в себя «свадебную» тематику и художественный материал других рас-

сказов Чехова: «Перед свадьбой» (1880), «Свадьба» (1887), а также подписей к серии рисунков Н. П. Чехова «Свадебный сезон» (1881).

Припоминая обстоятельства написания «Свадебного сезона», тетка Чехова М. И. Морозова (урожд. Лобода) в 1910 г. сообщала, что канвой произведения «послужило А<нтону> П<авлови>чу действительное событие, свадьба его дальнего родственника (И. . Лободы), на которой он присутствовал вместе с братом и другими родственниками. Некоторые из свидетелей этого происшествия и сейчас еще живут в Таганроге, их нетрудно узнать, потому что А. . не изменил даже их имен» («Еще о Чехове». – «Приазовская речь», 1910, 11 февраля, № 66). Этот факт подтверждал и М. П. Чехов в своих воспоминаниях (М. . Чехов. Антон Чехов на каникулах. – «Чеховский сборник». М., 1929, стр. 110).

В пьесе запечатлены также московские впечатления Чехова, который в 1885–1886 гг. жил на Якиманке в доме И. С. Клименкова, где находилась тогда кухмистерская П. А. Подпорина с залом «для свадеб и балов», и нередко присутствовал на этих празднествах (Лей-

кину, 19 января 1886 г.; см. также в воспоминаниях: Ив. Шмелев. Как я встречался с Чеховым. Гл. III «Веселенькая свадьба». – «Возрождение» (Париж), 1934, 16 сентября, № 3392; Н. Телешов. А. П. Чехов. – В кн.: Н. Телешов. Избр. сочинения, т. 3. М., 1956, стр. 75; Чехов в воспоминаниях, стр. 474).

В 1887 г. в Новочеркасске Чехов был шафером на свадьбе у сестры таганрогского врача И. В. Еремеева и в письме к родным описал встречу с одной из местных «девиц», своими манерами напоминающую «аристократку» Змеюкину из «Свадьбы»: «Одна из них, самая смелая и вумная, желая показать, что и она не чужда тонкого обращения и политики, то и дело была меня веером по руке и говорила: „У, негодный!“...» (Чеховым, 25 апреля 1887 г.).

Сохранились упоминания о различных источниках, из которых Чехов мог почерпнуть материал для роли Ревунова-Караулова и его флотской фразеологии. А. С. Лазарев (Грузинский) вспоминал по этому поводу: «Одна из старинных, купленных Чеховым на Сухаревке книг – „Толкователь слов разных терминов иностранных, в российском флоте употребля-

емых“ (заглавие цитирую на память, приблизительно), – по словам Чехова, дала ему тему для превосходного юмористического рассказа об отставном контр-адмирале Ревунове-Караулове, приглашенном в качестве почетного гостя на свадьбу и доведшем толкованием морских терминов всех хозяев до белого каления <...> Этот же персонаж под именем Федора Яковлевича Ревунова-Караулова, капитана 2-го ранга, позже вошел в забавную пьеску Чехова „Свадьба“» («А. . Чехов». – Чехов в воспоминаниях, стр. 153–154).

По мнению С. Д. Балухатого, морские термины в речи Ревунова-Караулова взяты Чеховым из словаря Н. М. Яновского «Новый сло-вотолкователь, расположенный по алфавиту, содержащий: разные в русском языке встречающиеся иностранные речения и технические термины, значения которых не всякому известно...», ч. 1–3. СПб., 1803, 1804 и 1806 (А. . Чехов. Полн. собр. сочинений, т. IX. М. – Л., 1932, стр. 342). Однако в этом словаре как раз нет «командных слов», приведенных в «Свадьбе».

Более вероятно использование другой кни-

ги, которая досталась Чехову в 1883 г. в наследство от умершего литератора Ф. Ф. Поппе. Вместе с многими книгами из его библиотеки и содержала перечень тех самых команд, которыми пестрит речь Ревунова-Караулова: «Командные слова для совершения главнейших на корабле действий». СПб., 1830 (*Вокруг Чехова*, стр. 108).

2

Написав пьесу, Чехов послал два экземпляра рукописи (автограф) в Петербург П. М. Свободину с просьбой представить их в драматическую цензуру. На это несохранившееся письмо Свободин ответил 31 октября 1889 г.: «Я очень, очень рад, милый Antoine, что у Вас, по-видимому, такое добропорядочное расположение духа: и шутите <...> и даже пустяки пишете в виде „Свадьбы“, которую я уже прочитал и немножко посмеялся». Свободин советовал Чехову изменить ремарку, касающуюся места действия пьесы, и писал далее: «„Действие происходит в одной из зал кухмистра Андропова“ – какого Андропова? Кто его знает и зачем это нужно? по-моему: в свадебной кухмистерской, у свадебного кух-

мистера, или что-нибудь подобное, но общее; а этак Вы цензора испугаете и публику в заблуждение введете». В заключение Свободин писал: «Все Ваши поручения охотно исполню» (*Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 213–214).

Получив из драматической цензуры один экземпляр «Свадьбы», Свободин выслал его Чехову 10 декабря 1889 г. (письмо от 13 декабря 1889 г. – *ГБЛ*). Перед сдачей пьесы в общую цензуру (Московский цензурный комитет) для получения визы на ее публикацию Чехов в этом экземпляре сделал вычерки и внес в текст ряд изменений.

В процессе правки была исключена комическая сценка, где Змеюкина целуется с Дымбой; фраза телеграфиста «Но держу пари, что в Греции нет таких прекрасных особ женского пола, как некоторые...»; одна из реплик шафера во время танцев. Однако ремарку, о которой ему писал Свободин, Чехов оставил без изменений.

Исправленная рукопись была представлена в Московский цензурный комитет за два дня до отъезда Чехова на Сахалин. Разрешение печатать последовало уже после его отъ-

езда – 25 апреля 1890 г.

Литографированное издание «Свадьбы» вышло в свет также в отсутствие Чехова – в октябре 1890 г. Оригиналом, с которого текст печатался в литографированном издании, служила рукопись пьесы с визами двух цензур – экземпляр ГБЛ. При этом в текст литографированного издания по вине копииста в отдельных местах внесены искажения: вместо «морям повелевал» – напечатано: «морем повелевал»; вместо «ницего» – «ничего»; вместо grand rond – granda ronda и т. д.

В начале 1900 г. при подготовке собрания сочинений Чехов послал А. Ф. Марксу экземпляр литографированного издания «Свадьбы» с надписью: «В полное собрание не войдет» (см. также письмо Чехова Марксу от 25 декабря 1901 г.). Он решил пока не публиковать водевиль потому, что, как объяснял позднее, «хотел местами переделать его и исправить» (Марксу, 22 декабря 1900 г.).

Эти окончательные исправления были внесены в текст водевиля в декабре 1900 г. Уничтожена первоначальная разбивка текста на явления и снято обозначение лиц, участву-

ющих в каждом явлении. В ряде мест сделаны добавления, заострявшие обрисовку свадебного обывательского «фона» и нравственного убожества персонажей. Введены презрительный отзыв Нюнина о гостях, не удостоившихся представления «генералу» («Остальные все – чепуха»), бестактное пристыживание Настасьей Тимофеевной нанятого «генерала» («Генерал, а безобразите!»), заключительные реплики Змеюкиной и Ятя («Мне душно! Дайте мне атмосферы!»; «Чудная! Чудная!»). Добавлена также привычка Ятя вставлять к месту и не к месту «Извините за выражение...»

В ролях Настасьи Тимофеевны, Апломбова и Дымбы сделан ряд сокращений. Исключены многие повторяющиеся корабельные команды в речи Ревунова-Караулова. В речи других персонажей сняты некоторые разговорно-просторечные формы. Устаревшее выражение «Яблочкова освещение» заменено более современным: «электрическое освещение».

Изменена пунктуация: вместо многоточий и восклицательных знаков в конце фраз во многих случаях поставлены точки. Искаже-

ния, внесенные ранее копиистом в текст литографированного издания, были теперь выправлены. Однако большинство пунктуационных замен копииста перешло в окончательный текст пьесы и сохранено в настоящем издании, поскольку эти отклонения от оригинала в целом совпадали с направлением окончательной правки самого Чехова.

Выправленный текст «Свадьбы» (оригинал неизвестен) Чехов выслал Марксу 10 декабря 1900 г. Водевиль был включен в состав 2-го издания тома «Пьес» (т. VII собрания сочинений). При этом Чехов распорядился, чтобы «Свадьба» была помещена «после пьесы „Трагик поневоле“» (А. Розинеру, 18 октября 1901 г.). Однако по техническим причинам пьеса была помещена после «Дяди Вани» – в конце тома, вместе с «Юбилеем» и «Тремя сестрами»: для удобства подписчиков и лиц, ранее купивших т. VII в первом издании, эти три пьесы издавались теперь отдельной книгой. Маркс писал Чехову: «Дело в том, что VII том будет печататься со стереотипа и при нарушении в нем прежнего порядка пьес пришлось бы сделать в стереотипе много измене-

ний не только в пагинации и счете листов, но и в сверстке» (4 января 1902 г. – ГБЛ).

3

В декабре 1889 г., получив рукопись «Свадьбы» из драматической цензуры, Чехов передал ее А. И. Сумбатову (Южину) для постановки в Малом театре в день премьеры «Макбета», назначенной на 15 января 1890 г. (бенефис Г. Н. Федотовой).

В рукописи в списке действующих лиц рукой Чехова набросан карандашом предполагаемый состав исполнителей: Жигалов – В. А. Макшеев, Настасья Тимофеевна – О. О. Садовская, Апломбов – М. П. Садовский, Ревунов-Караулов – А. П. Ленский, Нюнин – В. А. Охотин, Ять – Н. И. Музиль (экземпляр ГБЛ).

Посылая пьесу, Чехов писал Сумбатову (Южину) 14 декабря: «Я вчера получил ее из цензуры, прочел и теперь нахожу, что после „Макбета“, когда публика настроена на шекспировский лад, эта пьеса рискует показаться безобразной. Право, видеть после красивых шекспировских злодеев эту мелкую грошовую сволочь, которую я изображаю, – совсем

не вкусно».

«Свадьба» в Малом театре поставлена не была. В последующее время она часто игралась на любительской сцене.

28 ноября 1900 г. «Свадьба» исполнялась труппой Общества искусства и литературы в зале московского Охотничьего клуба на «Чеховском вечере», в программу которого были включены также другие одноактные пьесы Чехова («Лебединая песня», «Предложение», «Юбилей», «Медведь»). Роли исполняли: Жигалова – Беляев, Дашеньки – Арбатова, Апломбова – Протопопов, Ревунова-Караулова – Круссанов. Режиссер – Н. Н. Арбатов (Архипов).

Рецензент замечал по поводу «Свадьбы»: «Это – жанровая картинка, верно рисующая быт и отношения действительно существующих людей <...> Сцены разыграны живо, типично и правдоподобно, и эта пьеса имела наибольший успех» («Чеховский вечер». – «Московские ведомости», 1900, 1 декабря, № 332, отд. Театр и музыка. Подпись: А.).

16 декабря 1900 г. О. Л. Книппер сообщала Чехову: «На днях был Толстой на „Чеховском

вечере“ и смеялся, говорят, до упаду, и ему очень понравилось» (*Переписка с Книппер*, т. 1, стр. 227). Чехов ответил Книппер 28 декабря 1900 г.: «За слова насчет Толстого спасибо».

Премьера в Александринском театре состоялась 1 мая 1902 г. в бенефис вторых режиссеров и суфлеров. В пьесе участвовали: П. М. Медведев (Жигалов), В. В. Стрельская (Настасья Тимофеевна), И. А. Стравинская (Дашенька), И. Ф. Сазонов (Апломбов), К. А. Варламов (Ревунов-Караулов), Л. Н. Шувалова (Змеюкина) и др.

По поводу этой постановки Чехову писали управляющий труппой Александринского театра П. П. Гнедич и режиссер М. Е. Евгеньев. 17 апреля 1902 г. Гнедич обратился к Чехову от имени режиссеров и суфлеров театра с просьбой «разрешить для их бенефиса поставить „Свадьбу“» (*ГБЛ*). Получив разрешение, Евгеньев в письме от 25 апреля выражал Чехову «искреннюю благодарность» и сообщал о намерении ставить пьесу в течение предстоящего летнего сезона с той же труппой также в г. Павловске под Петербургом. 3 мая

1902 г. после премьеры он послал Чехову телеграмму: «Признательные режиссеры и суфлеры Александринского театра благодарят Вас за разрешение поставить их бенефисом „Свадьбу“. Пьеса имела большой успех» (все письма и телеграммы – ГБЛ).

С наступлением следующего сезона Гнедич предпринял ряд шагов для закрепления «Свадьбы» в репертуаре театра. По его инициативе С.-Петербургская контора императорских театров 11 декабря 1902 г. переслала Чехову для подписи Условие о предоставлении театру исключительного права на постановку «Свадьбы» в течение двух лет (письма Гнедича от 3 августа и 16 декабря 1902 г. – ГБЛ; см. также ответные письма Чехова от 19 августа и 22 декабря; сохранился подписанный Чеховым бланк Условия – ЦГИА). Пьеса снова была показана на сцене Александринского театра 3 мая 1903 г. – в спектакле «в пользу больного товарища» (видимо, П. И. Вейнберга, в пользу которого игрался также спектакль 26 апреля 1903 г.).

О предстоящей постановке «Свадьбы» в печати говорилось: «Из-под художественного

пера Антона Павловича и самые малые вещи выходят драгоценными ювелирными произведениями. В своих комедиях он задумчив, грустен, щиплет за сердце, в одноактных же сценах у того же автора веселье брызжет из каждой строки. Пьеса Чехова всегда желанный гость на русской сцене» («В пользу большого товарища». – «Новое время», 1903, 2 мая, № 9754, отд. Театр и музыка).

В Москве в театре Корша премьера состоялась 30 августа 1902 г. – в день 20-летнего юбилея театра. С. А. Найденов вспоминал, что в феврале 1902 г. перед поездкой в Крым к Чехову он получил для него от Ф. А. Корша письмо с просьбой разрешить постановку «Свадьбы» (С. *Найденов*. Чехов в моих воспоминаниях. – «Театральная жизнь», 1959, № 19, стр. 25). 16 сентября 1902 г. Книппер писала о своем намерении быть вместе с М. П. Чеховой на ближайшем представлении «Свадьбы» в театре Корша – 19 сентября. Но в день спектакля она известила Чехова о постигшей их неудаче: «Часов в 10 пошли с Машей к Коршу, посмотреть „Свадьбу“, но ее отменили по болезни кого-то. Жаль» (*Переписка с Книппер*, т. 2,

стр. 515).

По поводу постановки водевиля Чехову телеграфировал 17 сентября 1903 г. артист И. И. Судьбинин: «Ставлю 20 сентября петербург<ском> театре Неметти „Свадьбу“. Прошу телеграфировать разрешение» (ГБЛ). 30 октября 1903 г. В. М. Чехов сообщал из Таганрога, что «25 октября местная труппа чествовала» 25-летие литературной деятельности Чехова и в этот день ставила две его пьесы – «Дядю Ваню» и «Свадьбу» (там же). 21 ноября 1903 г. состоялась премьера спектакля в Херсоне в исполнении труппы «Товарищества новой драмы» под управлением В. Э. Мейерхольда, с участием А. П. Зонова, Н. Ф. Костромского, С. И. Карпова, О. П. Нарбековой, Е. А. Степной и др. («Юг», 1903, 21 ноября, № 1636).

При жизни Чехова пьеса была переведена на сербскохорватский и чешский языки:

Верење. – Чехов А. П. Верење. Прев. Д. Калићев. Нови Сад, 1901.

Svatba z vypočitalosti. Přel. F. J. Mateha. – Narodni Politika, 1901, nr. 164

Svatba. – Čechov A. P. Povídky a humoresky. Přel. K. Kysela. Praha, Topič, 1903

Леший

Впервые – отдельное литографированное издание: Леший. Комедия в 4-х действиях А. П. Чехова. Литография комиссионера Общества русских драматических писателей С. Ф. Рассохина, Москва (ценз. разр. 1 мая 1890 г.; вышло в свет с 16 по 23 августа 1890 г.; напечатано 110 экз.).

Сохранился рукописный цензурный экземпляр (переписанный несколькими лицами, с описками и грамматическими ошибками), с вычерками цензора в тексте и его резолюцией: «К представлению дозволено. Цензор драматических сочинений Альбединский. 10 октября 1889» (ЛГТБ).

Печатается по тексту литографированного издания, с восстановлением двух вычеркнутых цензором мест (имя Лассалья и слова: «я помогаю богу создавать организм» – см. ниже.

1

Пьеса написана в конце сентября – начале октября 1889 г., переделана в декабре 1889 г., окончательно завершена в феврале – апреле 1890 г.

Первое упоминание о пьесе содержится в письме Чехова к А. С. Суворину от 30 мая 1888 г. Он говорил, что собирается в Крым и там намеревается начать «лирическую пьесу». Однако к работе тогда не приступил и, уезжая из Феодосии, объяснял причину: «Мечтал я написать в Крыму пьесу и 2–3 рассказа, но оказалось, что под южным небом гораздо легче взлететь живым на небо, чем написать хоть одну строку. Встаю я в 11 часов, ложусь в 3 ночи, целый день ем, пью и говорю, говорю, говорю без конца. Обратился в разговорную машину. Суворин тоже ничего не делает, и мы с ним перерешали все вопросы» (Чеховым, 22 июля 1888 г.).

Несомненно, в числе обсуждавшихся «вопросов» фигурировала и будущая пьеса, которую Чехов намеревался тогда писать не один, а вместе с Сувориным. 18 октября 1888 г. он сообщил Суворину «афишу» пьесы – перечень основных действующих лиц и их краткую характеристику. Кроме работника Семена, все лица в «афише» названы иначе, чем впоследствии, и все же в этих первоначальных записях уже содержалось «зерно» будущей пьесы,

намечены характеры и даже отдельные моменты сюжетного развития – и не только «Лешего», но и выросшего из него «Дяди Вани».

Так, в Александре Платоныче Благосветлове, который, по замыслу Чехова, «должен действовать на зрителей и как умный, подагрический брызга и как скучная музыкальная пьеса», заметны черты будущего профессора Серебрякова. Это отчетливо видно из приведенной Чеховым характеристики Благосветлова: «Страдает подагрой, ревматизмом, бессонницей, шумом в ушах. Недвижимое получил в приданое. Имеет ум положительный. Не терпит мистиков, фантазеров, юродивых, лириков, святош, не верует в бога и привык глядеть на весь мир с точки зрения дела. Дело, дело и дело, а все остальное – вздор или шарлатанство».

Молодой помещик, медик Виктор Петрович Коровин, по прозвищу Леший, «поэт, пейзажист, страшно чувствующий природу», – прообраз главного героя пьесы Хрущова, от которого, в свою очередь, тянутся нити к доктору Астрову. В «афише» подчеркнуто богатство природы Лешего, его «талант», «широкий

размах идеи», «своеобразное творчество» – страсть к разведению леса и горячая проповедь в защиту живого дерева: «Дерево прекрасно, но мало этого, оно имеет право на жизнь, оно нужно, как вода, как солнце, как звезды. Жизнь на земле немыслима без деревьев. Леса обуславливают климат, климат влияет на характер людей и т. д., и т. д. Нет ни цивилизации, ни счастья, если леса трещат под топором, если климат жёсток и черств, если люди тоже жёстки и черствы...»

В «афише» был намечен будущий рассказ Лешего о «березке» (акт I, явл. 8): «Как-то, будучи еще гимназистом, он посадил у себя во дворе березку; когда она позеленела и стала качаться от ветра, шелестеть и бросать маленькую тень, душа его наполнилась гордостью: он помог богу создать новую березу, он сделал так, что на земле стало одним деревом больше!» Там же записан еще один эпизод, вошедший затем в пьесу (акт III, явл. 12), – сцена, где Леший прибегает к Благосветлову «и со слезами, всхлипывая, умоляет его, чтобы он не продавал своего леса на сруб...»

В характеристике дочери Благосветлова

Насти можно уловить некоторое сходство с Еленой Андреевной из окончательной редакции пьесы: «Она отлично образованна, умеет мыслить... Петербург ей скучен, деревня тоже. Не любила ни разу в жизни. Ленива, любит философствовать, читает книги лежа; хочет выйти замуж только ради разнообразия и чтобы не остаться в старых девах. Говорит, что может влюбиться только в интересного человека <...> Увидев и послушав Лешего, она отдается страсти до *pes plus ultra*, до судорог, до глупого, беспричинного смеха. Порох, подмоченный петербургской тундрой, высыхает под солнцем и вспыхивает с страшной силой... Любовное объяснение я придумал феноменальное».

В записях Чехова фигурировал также «брат покойной жены Благосветлова», управляющий его имением, Василий Гаврилович Волков – прообраз будущего Войницкого: «Он не ожидал, что петербургская родня так плохо будет понимать его заслуги. Его не понимают, не хотят понять, и он жалеет, что не крал. Пьет Виши и брюзжит. Держит себя с гонором. Подчеркивает, что не боится генералов.

Кричит».

Дочь Волкова Люба, «настоящая хозяйка», во многом напоминает будущую Юленьку: «Эта о земном печется. Куры, утки, ножи, вилки, скотный двор, премия „Нивы“, которую нужно вставить в раму, угощение гостей, обеда, ужины, чай – ее сфера. Считает личным оскорблением для себя, если кто-нибудь вместо нее берется наливать чай: „А, стало быть, я уж не нужна в этом доме?“ Не любит тех, кто сорит деньгами и не занимается делом». От Любы тянутся нити также к Соне из «Дяди Вани», хотя сходство с ней уже более отдаленное.

Вошел в будущую пьесу в несколько преобразованном виде также упомянутый в «афише» старик Анучин, названный так Сувориным в присланном начале (в пьесе это – «всеобщий крестненький» Орловский). О нем Чехов писал в «афише»: «Анучин натура рыхлая, масленистая, любящая, и речь его тоже рыхлая, масленистая, а у Вас он слишком отрывист и недостаточно благодушен. Надо, чтобы от этого крестного отца веяло старостью и ленью <...> Когда-то хандрил и брюз-

жал, имел плохой аппетит и интересовался политикой, но случай спас его: однажды по какому-то поводу, лет 10 тому назад, ему пришлось на земском собрании попросить у всех прощения – после этого он вдруг почувствовал себя весело, захотел есть и, как натура субъективная, общественная до мозга костей, пришел к тому заключению, что абсолютная искренность, вроде публичного покаяния, есть средство от всех болезней. Это средство рекомендует он всем, между прочим, и Благодетелю». Эпизод этот был включен затем в пьесу (акт IV, явл. 8).

В том же письме Чехов наметил план дальнейшей совместной работы над пьесой. В ближайший месяц-два («не позже Рождества») он собирался завершить I акт. Суворин должен был начать II акт – сцену с гостями. Чехов полностью отдавал ему также разработку ролей Благодетеля, Галахова («Галахов, сверстник Лешего, но уже статский советник, очень богатый человек, служащий вместе с Скальковским. Чиновник до мозга костей...») и терпеливой сиделки Благодетеля, француженки, которая тоже в восторге от

Лешего («Эмили добрая старушка, гувернантка, не потерявшая еще своего электричества»). Половина роли Насти тоже поручалась ему («Я один с ней не справлюсь»). Зато роль Лешего Чехов оставлял почти целиком для себя: «Леший до четвертого акта мой, а в четвертом до беседы с Благодетелем Ваш. В этой беседе я должен буду держаться общего тона фигуры, тона, которого Вы не поймаете».

Замысел пьесы пришелся Суворину, видимо, не по душе. 24 октября Чехов отвечал ему (письма Суворина не сохранились): «„Леший“ годится для романа, я это сам отлично знаю. Но для романа у меня нет силы <...> Если бы я писал комедию „Леший“, то имел бы на первом плане не актеров и не сцену, а литературность. Если бы пьеса имела литературное значение, то и на том спасибо». Чехов продолжал убеждать Суворина не бросать пьесу: «Отчего Вы отказываетесь писать вместе „Лешего“? Если бы пьеса не удалась или если бы она пришлась Вам почему-либо не по вкусу, то я дал бы Вам слово никогда не ставить ее и не печатать» (15 ноября 1888 г.).

Суворин продолжать пьесу не захотел, и

на этом попытка совместной работы прервалась. В течение нескольких месяцев Чехов за «Лешего» не принимался, и сроки возврата к пьесе представлялись ему тогда неопределенными: в «отдаленнейшем» будущем, «летом» (Суворину, 8 января, 6 февраля; Ал. П. Чехову, 2 марта 1889 г.).

Но уже 5 марта 1889 г. Чехов известил Суворина о начале работы над пьесой: «Шагая во время обеда из угла в угол, я скомпоновал первые три акта весьма удовлетворительно, а четвертый едва наметил. III акт до того скандален, что Вы, глядя на него, скажете: „Это писал хитрый и безжалостный человек“». 17 апреля он уже извещал, что «начал» пьесу.

П. М. Свободин выступал в это время, по выражению Чехова, в роли «демона-соблазнителя»: он торопил его закончить пьесу обязательно «к концу октября», когда в Александринском театре должен был состояться его бенефис (письма Чехову от 18 апреля и 2 мая 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 193–194).

Однако работа над «Лешим» шла довольно вяло. Чехов все время ощущал драматургиче-

скую «неправильность» пьесы и замечал: «Выходит скучища вроде „Натана Мудрого“» (Суворину, 17 апреля); «Пьеса вышла скучная, мозаичная» и т. д. (ему же, 14 мая; см. также письмо В. А. Тихонову, 31 мая 1889 г.).

Первый акт был закончен к 4 мая 1889 г. Чехов надеялся тогда, что «к началу июня пьеса будет готова» (Суворину, 4 мая 1889 г.). Вопреки ожиданиям, уже через десять дней был закончен и второй акт. Чехов сообщал, что «доволен своей работой» над пьесой, которая оставляет «впечатление труда» (ему же, 14 мая). Одновременно он известил о «Лешем» секретаря Общества русских драматических писателей и композиторов и просил включить свою новую «комедию в 4-х действиях» в каталог пьес (И. . Кондратьеву, 18 мая 1889 г.).

Но после этого работа снова застопорилась. В конце мая – начале июня Чехов говорил о пьесе: «надоело», «не пишется», «пьеса моя замерзла» (Тихонову, 31 мая; Н. Н. Оболонскому, 4 июня; А. Н. Плещееву, 26 июня). По воспоминанию И. Я. Гурлянда, беседовавшего с Чеховым в июле 1889 г. в Ялте, Чехов

привез туда «совсем сделанными два первые акта и конец четвертого. Третий акт ему решительно не давался, так что были дни, когда он говорил, что, кажется, пошлет своего „Лешего“ к лешему. Одна сцена этого акта рисовалась ему вполне: сцена с пощечиной» (Арс. Г. Из воспоминаний об А. П. Чехове. – «Театр и искусство», 1904, № 28 от 11 июля, стр. 520).

29 августа 1889 г. Чехов писал И. Л. Леонтьеву (Щеглову): «В этот сезон я ничего не дам для театра, ибо ровно ничего не сделал». На запросы волновавшегося Свободина Чехов отвечал, что «к нынешнему сезону» пьесы не будет и что законченные два акта он бросил в Псёл (приведено в ответных письмах Свободина от 22 и 27 сентября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 198, 200).

Текст I и II актов первоначальной редакции остался неизвестным. Во всяком случае действующих лиц в «Лешем» было тогда не тринадцать, как в окончательной редакции, а лишь «восемь, и из них только три эпизодические» (Суворину, 14 мая 1889 г.). Свободин, успевший ознакомиться с «Лешим» в июне 1889 г., припоминал через несколько месяцев,

что в пьесе были изображены «бездарный профессор», «мнящий себя талантом и человеком, способным открыть истину»; «профессорша» – «молодая интеллигентная девушка, полюбившая в профессоре *идею*, а не его самого»; «у профессорши сестра – простой, молодой, жизненный человек, без всяких претензий на „идеи“ – девушка, способная полюбить того, кто ей понравится – и только, не спрашиваясь о том, достоин ли он ее любви, достаточно он *идеен*»; изломанный «зуда» – «никогда сам никого не любивший, а следовательно и взаимности любви не знающий, пристаёт и лезет к жене бездарного профессора и жужжит ей в уши <...> намекает ей на то, что уж если сам он ей не под парю, так ведь вот есть настоящий человек „леший“...» (28 сентября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 200–201).

Чехов вернулся к пьесе лишь после завершения работы над повестью «Скучная история», над которой работал параллельно с «Лешим». Кончая повесть, он необычайно удивил Свободина своим известием, что «„Леший“ будет» еще в текущем сезоне (приведе-

но в ответном письме Свободина от 22 сентября 1889 г. – там же, стр. 198).

На этот раз Чехов работал «с большим удовольствием, даже с наслаждением» (Суворину, 13 октября 1889 г.), и «Леший» был закончен в какие-нибудь десять дней. 27 сентября 1889 г. Чехов известил А. П. Ленского: «Пьесу начал и уже написал половину первого акта». А 30 сентября он извещал Плещеева: «Пишу, можете себе представить, большую комедию-роман и уж накатал залпом 2½ акта. После повести комедия пишется очень легко. Вывожу в комедии хороших, здоровых людей, наполовину симпатичных; конец благополучный. Общий тон – сплошная лирика».

В письме к Свободину он тогда же заметил: «два новых акта вышли <...> так хорошо, что прежние два в сравнении с новой редакцией – невинный лепет младенца; а третий акт тоже „хорош“ и поражает своей бурностью и неожиданностью» (приведено в ответном письме Свободина от 30 сентября 1889 г. – Там же, стр. 202). В то же время его сильно беспокоило, что пьеса получается «несценичной» (в письмах 1 и 2 октября – там же, стр. 204,

205).

Чехов был в это время «в лихорадочном периоде писанья» (приведено в ответном письме Свободина от 2 октября 1889 г. – там же, стр. 204). 6 октября он сообщил Плещееву о завершении работы: «А я написал комедию! Хоть плохую, а написал! В сентябре и в начале октября работал так, что в голове даже мутно и глаза болят. Теперь 2 недели буду отдыхать». Одновременно он информировал Ленского: «Пьеса готова и уже переписывается начисто» (7 или 8 октября).

Передав переписанный набело экземпляр «Лешего» Свободину, который специально для этого приезжал в Москву, Чехов следом выслал еще и письмо «о поправке в IV действии» (10 октября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 206). И все же концом пьесы он остался неудовлетворен и замечал в письме Суворину 1 ноября 1889 г.: «Пьеса „Леший“, должно быть, несносна по конструкции. Конца я еще не успел сделать; сделаю когда-нибудь на досуге».

С авторского экземпляра пьесы, который был привезен Свободиным в Петербург (не со-

хранился), членами его семьи были изготовлены две копии. 9 октября 1889 г. они были представлены Свободиным в драматическую цензуру.

Цензор вычеркнул упоминание имени Лассалья в реплике Войницкого (д. I, явл. 6) и слова Хрущова: «я помогаю богу создавать организм» (д. I, явл. 7). В окончательном тексте пьесы (литографированное издание) Чехов в этих местах сделал замены: вместо «Лассаль тоже умер» – «Шопенгауэр тоже умер»; вместо «и помогаю богу создавать организм» – «благодаря мне на этом свете одною жизнью больше...» В настоящем издании первоначальный текст, исключенный цензором, восстанавливается (см. стр. 136 и 141).

Газеты поторопились с известием, что новая пьеса Чехова «пойдет в бенефис г. Свободина в Александринском театре 30 октября» («Петербургская газета», 1889, 10 октября, № 278; ср. также «Новое время», 1889, 11 октября, № 4892). Театрально-литературный комитет, без одобрения которого ни одна пьеса не могла появиться на сцене казенных театров, «Лешего» не пропустил. Свободин читал

пьесу членам этого неофициального комитета 9 октября. На заседании присутствовали Д. В. Григорович, А. А. Потехин, Н. Ф. Сазонов и в качестве председателя – директор императорских театров И. А. Всеволожский.

В письме Чехову Свободин объяснял, что Всеволожский был напуган предстоящим визитом в театр великих князей, собиравшихся посетить его бенефисный спектакль, и опасался, что пьеса Чехова покажется им скучной и «отобьет у них охоту ездить в Русский театр» (10 октября 1889 г. – *Записки ГБЛ*, вып. 16, стр. 207; ср. также письмо Плещеева Чехову от 18 октября 1889 г. – *ЛН*, т. 68, стр. 352).

О решении Театрально-литературного комитета Свободин рассказал также в письме В. М. Лаврову: «...этот „Леший“, которого я жаждал поставить в бенефис мой, *не годится* для представления на сцене, по мнению импровизированного комитета (директор, Григорович, Потехин, Сазонов и я), потому что в нем нет крыловских эффектов, пережеванных положений и лиц, глупых, бездарных пошлостей, наводняющих теперь Александринскую сцену. Он скучен, растянут,

странен, как и все даровитое и глубокое перед судом ничего не смыслящих людей. Я и сам скажу, как говорил тебе в Москве еще, что „Леший“ не комедия по форме, но живые лица, живые речи и характеры таковы, что вся александринская дребедень не стоит и половины пьесы Чехова. Несценичность, в угоду которой расплодилось столько драматических мастеров, поставлена тут также в число недостатков пьесы» (11–12 октября 1889 г. – «Вопросы литературы», 1960, № 1, стр. 104).

«Петербургская газета» известила своих читателей, что «драма г. Чехова „Леший“, читанная на днях в частном собрании комитета, встретила некоторое колебание в ее постановке. Говорят, будто бы нашли, что это прекрасная драматизированная повесть, а не драматическое произведение» (19 октября 1889 г., № 287).

Все, кому Чехов давал тогда читать пьесу, обратили внимание на имевшиеся в ней отступления от привычных драматургических правил и на отсутствие «сценичности».

Чехов отнес рукопись Ленскому в надежде, что «Леший» будет принят и поставлен Ма-

лым театром. Однако Ленский вернул пьесу с суровым приговором. Не щадя авторского самолюбия, он советовал Чехову вообще оставить драматургическое поприще: «Одно скажу: пишите повесть. Вы слишком презрительно относитесь к сцене и драматической форме, слишком мало уважаете их, чтобы писать драму. Эта форма труднее формы повествовательной, а Вы, простите, слишком избалованы успехами, чтобы основательно, так сказать, с азбуки начать изучать драматическую форму и полюбить ее» (1 или 2 ноября 1889 г. – ГБЛ).

После этого Чехов обратился к Вл. И. Немировичу-Данченко, которому показал и пьесу, и письмо Ленского. Немирович-Данченко не разделял скептического отношения Ленского к чеховской драматургии в целом и совершенно иначе понимал требования «сценичности», однако «Леший» его тоже не удовлетворил. Впоследствии он припоминал, что «в сценической форме у автора» ему тогда «казалось что-то не все благополучно» (*Из прошлого*, стр. 32).

Чехову он объяснял в письме от 6 ноября

1889 г.: «Ленский прав, что Вы чересчур игнорируете сценические требования, но презрения к ним я не заметил. Скорее – просто незнание их <...> И с моей точки зрения, Вам легко овладеть сценой». Не называя прямо «Лешего», он указал далее на те требования «сценичности», игнорировать которые, по его мнению, действительно невозможно: «Что они там ни говори – жизненные, яркие лица, интересные столкновения и правильное развитие фабулы – лучший залог сценического успеха. Не может иметь успеха пьеса без фабулы, а самый крупный недостаток – неясность, когда публика никак не может овладеть центром фабулы. Это важнее всяких сценических приемов и эффектов» (*Избранные письма*, стр. 54).

Письмо Суворина к Чехову по поводу «Лешего» не сохранилось, однако его мнение о пьесе известно по письму к Свободину, от которого он получил экземпляр «Лешего»: «По моему, это талантливая вещь, весьма правдивая, оригинальная, но написана не по общепринятому шаблону. Скажу даже, что Чехов слишком игнорировал „правила“, к которым

так актеры привыкли и публика, конечно. Мне не нравится только окончание 3-го акта – Евгения <!>) Андреевна могла просто сама убежать на мельницу – и весь 4 акт, который надо было построить иначе. Я бы выкинул совсем два лица – Ивана Ивановича и Федора Ивановича, и это дало бы возможность несколько развить другие лица, в особенности Лешего» (11 ноября 1889 г. – *ЛГТБ*; т. III Писем, стр. 470).

Свободин на другой день ответил Суворину: «Вы написали мне слово в слово все то же, что и я говорил и говорю об этой решительно-таки талантливой, свежей по замыслу и по жизненности типов вещи. Замечательно, что и во взглядах на недостатки пьесы мы также совершенно сошлись с Вами: два ненужных лица в комедии, нескладный побег с одним из них Елены Андреевны – на мельницу, а отсюда естественная перестройка всего 4-го акта, во всяком случае не стихотворное, вредное для действия окончание пьесы. Ведь это все я говорил Антону Павловичу, но он упорствовал, как петербургский климат. Вы заметили полторы страницы зачеркнутых

стихов в 4 акте? Это он уступил мне в 4 часа утра, после трехчасового спора, когда я ездил к нему в Москву за пьесой» (ЦГАЛИ; «Вопросы литературы», 1960, № 1, стр. 104).

В ответ на замечания Суворина Чехов объяснял ему 12 ноября 1889 г.: «Я и сам знал, что IV акт никуда не годится, но ведь я же давал пьесу с оговоркой, что сделаю новый акт. Больше половины Ваших замечаний таковы, что я ими непременно воспользуюсь».

К доработке пьесы Чехов приступил после 16 декабря 1889 г., когда дал окончательное согласие на постановку «Лешего» в театре М. М. Абрамовой. В оставшиеся до премьеры дни он готовил, по свидетельству М. П. Чехова, «по акту» каждый день: «Работа кипела. Брат Антон писал, Соловцов сидел сбоку и подгонял, я переписывал – и, таким образом, пьеса к сроку была готова...» (Вокруг Чехова, стр. 200).

Доработка первых трех актов была закончена к 20 декабря 1889 г. Н. Н. Соловцов, ставивший «Лешего» в театре, сообщал в этот день Чехову: «Роли готовы трех актов, декорации *рисуют*» (ГБЛ). Работа над последним,

четвертым, актом несколько затянулась и была завершена лишь за два дня до премьеры, состоявшейся 27 декабря. 25 декабря Соловцов просил Чехова: «Приезжайте сегодня на репетицию в 7 часов и привозите 4-й акт» (там же).

Текст этой промежуточной редакции, по которой пьеса игралась на сцене, остается неизвестным, так же, как неизвестна точная дата окончательной доработки «Лешего», хотя несомненно, что такая доработка была и относилась к зиме или даже весне 1890 г.

В одной из рецензий на спектакль приводился отрывок речи Войницкого в сцене перед его самоубийством: «Я не жил! Я истребил, уничтожил лучшие годы своей жизни» (Ив. Иванов. Театр г-жи Абрамовой... «Леший», ком. в 4 д. г. Чехова. – «Артист», 1890, кн. 6, февраль, стр. 124). Однако в первоначальной цензурной рукописи этих реплик нет, отсутствуют они и в окончательном тексте литографированного издания. Следовательно, какие-то изменения несомненно вносились в текст пьесы после ее постановки, уже в начале 1890 г.

Это подтверждается также заявлениями самого Чехова, который говорил тогда, что согласится на публикацию пьесы только после внесения в нее дополнительных исправлений. Так, он потребовал от редакции журнала «Артист» обратно рукопись пьесы, мотивируя свой отказ от публикации необходимостью «поработать еще над „Лешим“» (Ф. . Куманину, 8 января 1890 г.). Передавая затем пьесу в «Северный вестник», он снова предупреждал, что перед этим «„Леший“ будет еще раз прочитан, исправлен...» (Плещееву, 10 февраля 1890 г.). Наконец, неизбежность внесения в пьесу поправок стала, видимо, еще более очевидной после получения Чеховым отзыва и замечаний Плещеева, которому он выслал пьесу 17 марта 1890 г. Плещеев ответил Чехову 24 марта 1890 г.: «...скажу вам прямо и откровенно, – что „Леший“ меня не удовлетворил <...> Первый акт, наполненный разговорами, на 3/4 ненужными, – очень скучен <...> Леший – не есть вовсе центральное лицо, и неизвестно почему комедия названа его именем. Он действует в ней столько же, сколько и все другие. И что это за „идеалист“, который

на основании каких-то сплетен позволяет себе грубо оскорбить женщину. Он в этой сцене, по-моему, противен, так же, как и в отношениях своих с Соней <...> Войницкий – хоть убейте, я не могу понять, почему он застрелился! – Жена Серебрякова – не внушает мне, несмотря на свое жалкое положение, никакой симпатии. Ушла от мужа – затем только <...> чтоб опять хныкать всю жизнь. – Отношения ее к Войницкому – какие-то неопределенные, не то она любит его, не то нет... Орловский-сын – банален, – это какое-то вдевильное лицо, которое надоедает читателю своим остроумием – армейского юнкера» (*ГБЛ; Слово*, стр. 279–280, с ошибочной датой: 24 апреля).

После получения рукописи от Плещеева у Чехова до отъезда на Сахалин (21 апреля 1890 г.) оставалось несколько недель. Перед отъездом он сдал пьесу на литографирование – уже с теми исправлениями, о которых неоднократно упоминал ранее как непременно условии публикации. Московский цензурный комитет утвердил «Лешего» к печати 1 мая 1890 г. – то есть после отъезда Чехова.

Само литографированное издание вышло в свет еще позднее и также в его отсутствие – во второй половине августа 1890 г.

Текст литографированного издания 1890 г. существенно отличается от первоначально-го варианта пьесы (цензурный экземпляр 1889 г.), при этом наибольшие изменения коснулись IV акта.

В числе сделанных добавлений – романтически приподнятая декларация Лешего, его жизненное кредо: «...надо быть человеком и твердо стоять на ногах <...> Пусть я не герой, но я сделаюсь им! Я отращу себе крылья орла, и не испугают меня ни это дерево, ни сам черт! Пусть горят леса – я посею новые!» (д. IV, явл. 9). Дополнительно включены в текст также фразы Лешего, поясняющие скрытый смысл его прозвища и заглавия пьесы: «...не я один, во всех вас сидит леший, все вы бродите в темном лесу и живете ощупью», «...нет истинных героев, нет талантов, нет людей, которые выводили бы нас из этого темного леса, исправляли бы то, что мы портим...» (д. IV, явл. 8 и 9).

В то же время вычеркнуты места, где про-

являлась его нервная слабость, болезненно-обостренная чувствительность: в сцене с Серебряковым – рыдания и мольбы не продавать лес (д. III, явл. 12), в сцене на пикнике – момент крайнего возбуждения, вызвавший всеобщее замешательство: «Все погибло! Бегите все, кричите...» (д. IV, явл. 5).

В сюжетном развитии IV акта мотив таинственного исчезновения Елены Андреевны перестает играть прежнюю главенствующую роль. Тайна ее местонахождения теперь открывается зрителю сразу, и появляется она на сцене уже не в самом конце пьесы, как было раньше, а с первых же реплик в начале акта. Интерес зрителя переключался на обрисовку внутреннего состояния Елены Андреевны, в характере которой на первый план выдвинуты черты социально-психологического типа женщины, обреченной играть в жизни роль «эпизодического лица» и довольствоваться «канареечным» счастьем.

Заметно преобразован образ Федора Ивановича: в окончательной редакции он предстает лишенным прежних «мефистофельских» замашек и ореола человека «роковой

страсти». Изменена сцена с Еленой Андреев-ной, где он стремится запугать ее наглым приставањем: ранее он уходил победителем, теперь же получает с ее стороны решитель-ный отпор – пощечину, после которой мгно-венно смиряется и отказывается от донжуан-ских замыслов (д. III, явл. 7).

Снят и финальный эпизод того же акта, где в первоначальном варианте Федор Иванович под занавес скандальным образом увозил па-давшую к нему на руки Елену Андреевну. Со-ответственно с этим в начале IV акта снят рассказ Вафли о ее последующем побеге от Федора Ивановича.

Далее в IV акте вычеркнута сцена, где Фе-дор Иванович предлагал Серебрякову «вы-куп» за Елену Андреевну, исключен эпизод его ссоры с Желтухиным и затем с Лешим, двойной вызов их на дуэль и, наконец, вне-запный перелом в его отношениях с окружа-ющими, вызванный известием о смерти отца. В окончательной редакции IV акта Федор Иванович представлен совершенно иным – добродушным, подвыпившим «фараоном» и «мотыгой», влюбленным в Юленьку и делаю-

щим ей предложение.

Изменена также линия поведения Серебрякова, который после бегства жены уже не перерождается и не испытывает чувства вины и раскаяния, как это было первоначально, а остается таким же непреклонным и самонадеянным, до конца выдерживает роль «статуи командора».

В речи Желтухина выброшен ряд высказываний, повторявших избитые трафаретные образцы либерально-народнической фразеологии: тирады о «кулаках и щедринских героях», о «всеобщем невежестве», «инертности руководящих классов», исключен его тост «за лучшие времена, за лучших людей, за идеалы», декламация стихотворения Некрасова и т. д.

Сделаны сокращения и в роли Юленьки – в основном, за счет реплик, выражавших преувеличенную озабоченность хозяйственными делами: ее упоминания о гусях и индюшатах, цыплятах и карасях, телушках и бычке, мешках и «сардиночке», о «пироминдальных» тополях и т. п.

Сжаты сцены бытового плана – приезд Се-

ребряковых в гости к Желтухиным, разговоры за столом и т. д. В то же время расширен эпизод ссоры Войницкого с Серебряковым, в котором усилена напряженность действия.

В ремарках в написании имени Марьи Васильевны в текстах рукописи и литографированного издания допущен разнобой (Мария и Марья). В настоящем издании написание это всюду в ремарках унифицировано и дано как в перечне действующих лиц («афишка»): Марья Васильевна.

2

«Леший» был впервые поставлен в Москве 27 декабря 1889 г. труппой общества драматических артистов на сцене театра Абрамовой, куда перешла часть артистов из театра Корша. Роли исполнили: В. В. Чарский (Серебряков), М. М. Глебова (Елена Андреевна), Н. Д. Рыбчинская (Соня), И. П. Киселевский (Войницкий), Н. А. Мичурин-Самойлов (Желтухин), Н. Н. Соловцов (Федор Иванович), Н. П. Рощин-Инсаров (Хрущов) и другие.

Премьера была приурочена к бенефису Соловцова и, как сообщали газеты еще в конце ноября, должна была состояться «в непродол-

жительном времени» («Московский листок», 1889, 25 ноября, № 328). Однако ввиду реорганизации театра переговоры с Чеховым затянулись.

После перехода руководства от Абрамовой к товариществу артистов (подписание договора состоялось 12 декабря 1889 г.) Соловцов, возглавивший труппу, обратился к Чехову с просьбой о передаче пьесы новому театру. 16 декабря, продолжая, видимо, начатый накануне разговор, он писал: «Утро вечера мудренее, и не принесет ли сегодняшнее утро мне счастливую весточку, что Вы согласитесь дать Вашего „Лешего“ и тем вывести нас, заблудившихся, из леса на широкую дорогу и тем сделаете доброе дело всему нашему товариществу. Жду с замиранием сердца весточки <...> Условия от Вас какие пожелаете» (ГБЛ).

20 декабря Соловцов встретился с Чеховым, чтобы договориться о распределении ролей и репетициях: «Сегодня пред спектаклем заеду к Вам. Вы назначите репетиции и роли <...> Привезу Вам условие, подписанное мною...» (письмо без даты – ГБЛ). По тексту этого Условия, Чехов отдавал пьесу Соловцову

ву «в исключительное пользование <...> сроком 15 февраля 90 г.» (ГБЛ; см. т. III Писем, стр. 481).

25 декабря Соловцов пригласил Чехова на репетицию пьесы: «Пожалуйста, приезжайте, поправите, если я что-нибудь не так сделал в постановке» (ГБЛ). В тот же день Чехов сообщил Плещееву: «Был я на репетиции. Мужчины мне понравились в общем, а дам я еще не разглядел. Идет, по-видимому, бойко. Актёрам пьеса нравится <...> Насколько можно судить по репетиции, пьеса шибко пойдет в провинции, ибо комического элемента достаточно и люди все живые, знакомые провинции».

В день спектакля Чехов оповестил Суворина: «Сегодня идет „Леший“. IV акт совсем новый. Своим существованием он обязан Вам и Влад<имиру> Немировичу-Данченко, который, прочитав пьесу, сделал мне несколько указаний, весьма практических. Мужчины не знают ролей и играют недурно; дамы знают роли и играют скверно. О том, как сойдет моя пьеса, напишет Вам нудный Филиппов...» (27 декабря 1889 г.).

В своем письме к Суворину от 28 декабря 1889 г. московский театральный рецензент С. Н. Филиппов сообщал о «шумных вызовах Чехова и исполнителей в первых трех актах пьесы» и «легоньких протестах» после четвертого, который написан, по его мнению, «слабее предыдущих» и «скомкан». Далее он отметил «режиссерские просчеты», из-за которых, например, сцена завтрака «пропала наполовину», так как «публика почти ничего не слыхала, что говорили действующие лица» (ГБЛ).

Присутствовавший на премьере М. П. Чехов впоследствии вспоминал, что Чехову очень понравился актер Н. Н. Зубов, исполнявший роль Орловского-отца, но что в остальном пьеса была поставлена «ужасно»: «...необыкновенно тучная и громоздкая актриса М. . Г<лебова> взяла на себя роль молодой первой инженерю <...> Зарево лесного пожара было таково, что возбуждало усмешки» (*Вокруг Чехова*, стр. 200).

Другой очевидец премьеры А. С. Лазарев (Грузинский) в неуспехе спектакля винил праздничную рождественскую публику, рав-

нодушную к драматическим тонкостям и достоинствам. И хотя артисты играли, по его мнению, очень недурно и первые акты публике понравились, однако последний длинный акт «показался скучным и утомил праздничную публику, которая, между прочим, была разочарована тем, что настоящего *лешего*, на что она рассчитывала, так и не увидела на сцене».

Причиной неуспеха пьесы было также, по свидетельству мемуариста, недоброжелательство явившихся на спектакль артистов театра Корша, конкурировавшего с театром Абрамовой: «На вызовы артистов они отвечали отчаянным шиканьем; когда же несколько голосов попробовали вызвать автора, раздался неистовый рев: из артистических лож шипели, свистали в ключи (я могу сослаться на многих свидетелей этого), чуть не мяукали <...> После провала „Лешего“ Чехов бежал из Москвы, его не было дома несколько дней даже для близких друзей» (А. . *Грузинский-Лазарев*. Шипы и тернии в жизни Чехова (Из моих воспоминаний). – «Южный край», 1904, 18 июля, № 8155).

После пяти-шести спектаклей пьеса, шедшая со все убывающими сборами, была снята с репертуара. Н. Е. Эфрос, видевший пьесу на сцене театра Абрамовой, впоследствии отмечал, что хотя «некоторые моменты „Лешего“ глубоко взволновали, нашли отклик в душе», «но в общем до публики спектакль не дошел» (Ник. Эфрос. Московский Художественный театр. 1898–1923. М., 1924, стр. 26).

3

В рецензии известного театрального критика того времени С. В. Флерова-Васильева говорилось, что пьеса «скучна» и «зритель совершенно прав», а «автор кругом виноват»: он «не хочет знать законов драмы» и со сцены «рассказывает нам повесть»; все персонажи расположены «на одной плоскости», и пьеса лишена «действительного центра комедии». «Хрущов, носящий прозвище *лешего*, ни в каком случае не есть центральная фигура этой пьесы. Он простой аксессуар, точно так же как и все остальные лица». По мнению критика, на сцене все действие ограничено едой: «происходит трапезование, а во время него идут разговоры», «неудержимо говорят,

говорят все время, без умолку, не стесняясь, по-домашнему, только и делают, что говорят, говорят всё, что взбредет им на ум». Большим недостатком пьесы критик считал ее «объективность», находил, что это даже не пьеса, а «протокол», «фотография», в которой отсутствует авторский «синтез» и явления внешнего мира «не преломляются сквозь призму его внутреннего ока»; в пьесе нет «вывода», не высказано «личной мысли и личного чувства художника», «своего отношения» к персонажам, не определено, «кто из них прав и кто виноват» (С. Васильев. Театральная хроника. Театр г-жи Абрамовой. *Леший*, комедия в 4 действиях, сочинение Ант. Павл. Чехова... – «Московские ведомости», 1890, 1 января, № 1).

Редактор «Будильника» Н. П. Кичеев считал, что новая пьеса Чехова, сравнительно с «Ивановым», – произведение более широкого замысла: «Там известный *тип*, тут – целое общество, зараженное „повальной“ болезнью. Эта болезнь – стремление к разрушению, безотчетный эгоизм, полная неспособность к альтруизму, к желанию делать добро другим... Этой-то болезненной „жилке“ совре-

менного общества и посвящена новая пьеса г. Чехова». И в то же время критик считал, что как пьеса «Леший» значительно слабее «Иванова»: «...я вижу в ней только сцены, страдающие некоторой растянутостью и недостатком действия, но бесспорно свежо и талантливо написанные. Скажу более: пьесы нет, – из-за неумело построенных сцен выглядит повесть или даже роман, к сожалению, втиснутый в драматическую форму» («Театр Абрамовой: „Леший“, комедия А. П. Чехова». – «Новости дня», 1890, 1 января, № 2334, отд. Театр и музыка. Подпись: Никс).

Автор анонимной корреспонденции «Из Москвы», напечатанной в «Новом времени», писал, то пьеса производит «странное» впечатление: «Зритель как будто читает интересный, умно написанный рассказ или роман, неизвестно для чего перелитый в драматическую форму. Условия сцены, по-видимому, игнорируются автором; как пьеса „Леший“ длинен и вял; недюжинные достоинства произведения молодого писателя смешиваются с недостатками, которые явились следствием превращения романа в комедию». Критик от-

мечал, что «заголовок пьесы неверно определяет центр ее тяжести», что «„леший“ и его любовная интрига с интеллигентной девицей-помещицей не составляют главного интереса комедии», а другие намеченные в ней конфликты – «брачные несчастья старого больного профессора и его молодой жены», «любовь пожилого человека к жене профессора», «интрига отчаянного „донжуанистого“ мужчины с юной хозяйственной девицей» – разработаны недостаточно (2 января, 1890, № 4973, отд. Театр и музыка).

В других рецензиях также указывалось, что пьеса «не сценична и не имеет материала для артистов», а потому «в чтении» более интересна, чем «на сцене» (<В. . Левинский>. По театрам и увеселениям. – «Будильник», 1890, № 1, 7 января. стр. 10. Подпись: Неприсяжный рецензент). Говорилось, что в пьесе нет «решительно-таки никакой фабулы», «никакой законченности», что «зрителя не в силах заинтересовать эти „обыкновенные“ люди, эта серенькая жизнь, эта цепь плохо связанных между собою, обыденных сценок» («Московские театры...» – «Новости и Биржевая газе-

та», 1890, 7 января, № 7. Подпись: К).

Критик И. И. Иванов упрекал Чехова за то, что он «обрушивается на людей, посвятивших свою жизнь науке и труду», которых он казнит «с особенным наслаждением» как в прозе («Скучная история»), так и в драме («Леший»). По его мнению, Войницкий, работая всю жизнь ради благополучия профессора, «поступал хорошо и во всяком случае не имел никакого резона стреляться задним числом». В страсти Лешего к разведению лесов он увидел лишь «мелодраму на учено-эстетической основе», «неестественную и комичную». Критик утверждал, что в пьесе нет событий, «необходимо вытекающих из хода ее действия», а изображено несколько «казусов», лишенных общего интереса: «Казусы эти переплетены в массу семейных разговоров, крайне длинных и утомительных» (Ив. Иванов. Театр г-жи Абрамовой... «Леший», ком. в 4 д. г. Чехова. – «Артист», 1890, кн. 6, февраль, стр. 124–125). Впоследствии тот же критик, уже в качестве члена Театрально-литературного комитета, выступит против допущения на сцену «Дяди Вани» – пьесы, переделанной

из «Лешего».

Одним из приверженцев пьесы, твердо убежденным в ее драматургических достоинствах, являлся А. И. Урусов. Он намеревался поместить в журнале «Артист» статью о «Лешем», приуроченную к постановке пьесы. 5 января 1890 г. он сообщал редактору журнала Куманину, что уже *«начал писать о комедии Чехова»* и что его статья *«едва ли будет согласна с ходячими отзывами о „Лешем“...»* (ГЦТМ). Он выпросил у Куманина рукопись пьесы, однако к сроку не успел и 3 февраля 1890 г. пояснял: *«Возвращая Вам при сем рукопись „Лешего“, я с живейшим сожалением должен заявить, что не мог кончить статьи об этой замечательной вещи к сегодняшнему дню. Завтра я уезжаю в Петербург. Так как меня А. П. Чехов особенно интересуется, то я напишу о нем этюдик, но когда – сказать не могу»* (там же).

В 1892 г. Урусов собирался ставить «Лешего» с артистами-любителями в московском Обществе искусства и литературы. Об этом писала Чехову в марте 1892 г. Е. М. Шаврова: *«Вчера я познакомилась с кн. Урусовым и за-*

числена в члены Общества. Будем играть „Лешего“. Князь очень симпатичный, и цели, которые он хочет поставить Обществу, мне очень нравятся. Он будет ставить только серьезные вещи хорошего репертуара, – и ненавидит „любительское отношение“ к делу» (письмо без даты – ГБЛ).

Урусов настойчиво добивался опубликования «Лешего», но всякий раз наталкивался на возражения Чехова. В 1895 г., заручившись согласием обновленной редакции «Северного вестника» на публикацию пьесы, он отвечал фактическому руководителю журнала А. Л. Флексеру (А. ольинскому) на его письмо от 18 октября 1895 г.: «Я сегодня же пишу А. П. Чехову <...> Он решительно не хотел печатать этой интересной пьесы, бог знает почему: кажется, его смутило ожесточение, вызванное в профессорски-либеральных кружках <...> Пьеса в высшей степени оригинальна и интересна. Чехов ее возненавидел, однако разрешил ее литографировать. В этом виде она и продается у Рассохина. Я хотел ее ставить в Москве с любителями. Он разрешил и прислал мне экземпляр. Думаю, что разрешит

ее и напечатать» (14 ноября 1895 г. – «Князь Александр Иванович Урусов. Статьи. Письма. Воспоминания», т. II–III. М., 1907, стр. 283).

В тот же день Урусов обратился к Чехову: «Вы знаете мое пристрастие и увлечение к „Лешему“ – Вашему несправедливо-нелюбимому детищу. Я его хвалю всем, и все им интересуются. Редакция „Северного вестника“ просит меня написать Вам: не разрешите ли Вы напечатать Вашу комедию? Разрешите, Антон Павлович. Со стороны виднее, какие достоинства заключает в себе эта превосходная, глубоко оригинальная вещь» (ГБЛ). Повторив свою просьбу в письме на следующий день, Урусов добавлял: «Я всем проповедую поэтическое достоинство пьесы, к которой никто не относится так строго и несправедливо, как Вы» (там же; см. также письмо Чехова от 21 ноября 1895 г.). 18 декабря 1895 г. он снова напоминал Чехову: «...я спешу напомнить Вам о себе и о Вашем „Лешем“, с которым Вы обращаетесь жестоко. Разрешите только – а я уж похлопочу, чтобы один из моих экземпляров (Рассохина) был доставлен без замедления в „Сев<ерный> вестн<ик>“» (там же).

Последнюю попытку добиться от Чехова разрешения на публикацию пьесы Урусов предпринял в 1899 г. в связи с наметившимся открытием нового театрального журнала «Пантеон» под редакцией молодых участников «Мира искусства» во главе с С. П. Дягилевым. Урусов сообщал тогда Чехову: «Я посоветовал им просить у Вас „Лешего“ и напечатать его как замечательный вариант „Дяди Вани“ <...> Они схватились за эту мысль с восторгом! <...> Поверьте чести: это дитя Вашей музыки Вас не пристыдит. Вы ужасно к себе строги. До жестокости!» (около 13 октября 1899 г. – ГБЛ). Чехов ответил ему: «...я не могу печатать „Лешего“. Эту пьесу я ненавижу и стараюсь забыть о ней. Сама ли она виновата или те обстоятельства, при которых она писалась и шла на сцене, – не знаю, но только для меня было бы истинным ударом, если бы какие-нибудь силы извлекли ее из-под спуда и заставили жить. Вот Вам яркий случай извращения родительского чувства!» (16 октября 1899 г.).

Юбилей

Впервые – отдельное литографированное издание: Юбилей. Шутка в 1-м действии А. Чехова. Литография комиссионера Общества русских драматических писателей С. Ф. Рассохина. Москва (ценз. разр. февраль 1892 г.; вышло в свет с 1 по 8 мая 1892 г.; отпечатано 110 экз.).

С изменениями вошло в издание А. Ф. Маркса (1902).

Одновременно был выпущен сборник пьес, отпечатанный с того же стереотипа: Свадьба. Юбилей. Три сестры. Пьесы Антона Чехова. Издание А. Ф. Маркса. СПб., 1902 (ценз. разр. 15 марта 1902 г.).

Сохранилась беловая рукопись пьесы (автограф) с текстом первоначальной редакции, с авторской правкой: Юбилей. Шутка в 1 действии А. Чехова (*ГЦТМ*), а также две скопированные с нее рукописи, с незначительными разночтениями – экземпляры, представленные в драматическую цензуру (*ГЦТМ* и *ЛГТБ*).

На обложке цензурного экземпляра *ГЦТМ* – штампель с датой представления в драмати-

ческую цензуру: «21 дек<абря> 1891» и резолюция цензора: «К представлению дозволено. С.-Петербург, 30 декабря 1891-го года. Цензор драматических сочинений С. Донауров». Там же – пометы, сделанные после представления рукописи в Московский цензурный комитет: дата регистрации – «25 января 1892» (год обозначен ошибочно: «1891») и резолюция цензора – «Дозв<олено> цензур<ой>. М<осква>. <дата нрзб.> 1892 г.», с его росписью через все листы рукописи: «Цензор Назаревский».

На обложке второго цензурного экземпляра, хранившегося в библиотеке драматической цензуры, – то же заглавие, та же дата регистрации и аналогичная резолюция цензора. Ниже – штамп с пометой о разрешении пьесы «к представлению на народных театрах» и подпись: «8 июня 1904 г. Цензор драматических сочинений Верещагин» (ЛГТБ).

Печатается по тексту: Чехов, т. VII2, стр. 277–294.

1

Пьеса написана в декабре 1891 г. В основу ее положен рассказ 1887 г. «Беззащитное существо». Из него в водевиль

целиком перенесена комическая фигура старухи-просительницы и сцена, где она выклянчивает у «его превосходительства» деньги. Фамилия ее сохранена пока та же – Щукина, однако она в водевиле уже не «майорская дочь», а только «поручицкая», и муж ее также понижен в иерархии чинов на четыре класса: вместо коллежского асессора – губернский секретарь. «Генерал» Кистунов сохранил в водевиле прежнюю фамилию, но стал уже директором коммерческого банка. Соответственно с этим перенесено место действия из учреждения, относящегося к ведомству путей сообщения, в банк. Второстепенный персонаж экзекутор Алексей Николаич превращен в одного из главных действующих лиц в пьесе – бухгалтера Кузьму Николаича Хирина. Все остальное было написано заново: подготовка к юбилейному торжеству, неожиданный приезд жены Кистунова Татьяны Алексеевны, появление депутации акционеров и т. д.

При работе над рукописью Чехов внес в текст пьесы ряд исправлений. Несколько изменена сцена, где разъяренный Хирин набра-

сывается на женщин: в первоначальном варианте Кистунов не только не останавливает его, но даже сам гонит Щукину. В предыдущей сцене в разговоре Кистунова с Хириным вычеркнуто замечание Кистунова о женщинах: «Женщины, батенька, это... такая штука... это когда... это аромат жизни...» и ответная реплика Хирина: «Ароматы разные бывают...». О поправках Чехова в автографе пьесы см. также в сообщении Н. А. Роскиной «Белая рукопись пьесы-шутки „Юбилей“» (ЛН, т. 68, стр. 129).

17 декабря 1891 г. Чехов извещал А. С. Суворина: «А я водевиль написал». В этот же день он отослал рукопись владельцу театральной библиотеки и литографии С. Ф. Рассохину с просьбой: «Будьте добры, прикажите переписать прилагаемый водевиль в двух экземплярах и отправьте его в цензуру».

Через месяц Рассохин ответил Чехову: «Пьеса Ваша „Юбилей“ из цензуры получена и к представлению дозволена. За ней присылали из театра г. Корша, но я, без Вашего разрешения, – ее не выдал. Не разрешите ли приступить к ее литографии? Очень обязали бы»

(16 января 1892 г. – ГБЛ).

22 февраля 1892 г. Чехов известил секретаря Общества драматических писателей и оперных композиторов о том, что им «написана и цензурою разрешена пьеса „Юбилей“...»

Текст для литографированного издания, вышедшего в свет в начале мая 1892 г., копировался не с цензурного экземпляра, который содержал ряд мелких отклонений от текста оригинала, а непосредственно с автографа (ЦГТМ). Однако при этом в текст литографированного издания по вине копииста проникли ошибки: вместо «приготовлял позу» напечатано – «приготовлял пару», вместо «окутан» – «укутан», вместо «Николаич» – «Николаевич» и т. д. Множество отклонений от оригинала допущено также в пунктуации (в вариантах пунктуация дается в исправленном виде – по автографу).

В сборник «Пьес», вышедший в 1897 г., Чехов водевиля не поместил. В. В. Билибин, получив от Чехова экземпляр сборника, благодарил его, но с удивлением спрашивал: «Почему Вы не включили „Юбилей“?» (26 апреля

1897 г. – ГБЛ).

Не вошел «Юбилей» и в 1-е издание т. VII сочинений («Пьесы»), подготовленного к печати в 1900 г. Экземпляр литографированного издания пьесы Чехов отослал А. Ф. Марксу с надписью: «NB. В полное собрание не войдет» (ГБЛ).

В декабре 1901 г. водевиль был исправлен, и только после этого Чехов включил его в состав собрания сочинений – во 2-е издание т. VII. Он писал Марксу 25 декабря 1901 г.: «С корректурой <„Свадьбы“> будет прислан мною водевиль „Юбилей“, который тоже войдет в VII том; он исправлен мною». 4 января 1902 г. Маркс известил, что тексты обоих водевилей он уже «передал в типографию для набора» (ГБЛ).

При переработке водевиля для издания Маркса устранено первоначальное деление текста на явления и снято обозначение лиц, участвующих в каждом явлении. Кистунов переименован в Шипучина, а Щукина – в Мерчуткину. Уточнено название учреждения и должности служащих: вместо «Коммерческого банка» – «Банк взаимного кредита»,

вместо директора банка – председатель правления Общества взаимного кредита, вместо акционеров – члены банка и т. д.

Полностью исключена последняя сцена (явл. VII), в которой Кистунов и Хирин ссорились после ухода депутации и начинали гоняться друг за другом, чем ранее и заканчивался водевиль. Ряд реплик Кистунова перенесен при этом в другие места пьесы.

Мерчуткина, ранее уходившая сразу после юбилейной речи акционера, теперь оставлена на сцене до конца пьесы. По всему тексту ее роли сделаны сокращения и сняты многие реплики. В роли Шипучина во многих местах добавлена привычка говорить: «Не будь я Шипучин!» В речи Хирина исключены ругательства, адресованные Мерчуткиной: «старая ведьма», «шельма» и т. п.

Текст пьесы во многих местах дополнен авторскими репликами, определявшими сценическое поведение персонажей: «плача», «тихо», «посмотрев на часы», «обмахивается платком» и т. д.

«Юбилей» был поставлен в московском Обществе искусства и литературы 28 ноября 1900 г. в программе «Чеховского вечера» (см. примечания к «Свадьбе»). По мнению рецензента, в пьесе изображены «совершенно неестественные люди, неестественное положение». В рецензии говорилось: «Странная пьеса кончается тем, что директор показывает бухгалтеру кукиш, а тот рвет на куски книги и доклад, бросая смятые листы в лицо директору» («Чеховский вечер». – «Московские ведомости», 1900, 1 декабря, № 332, отд. Театр и музыка. Подпись: А.). Указанная здесь сцена, имевшаяся только в первоначальной редакции пьесы (явл. VII), впоследствии была Чеховым исключена.

16 июня 1902 г. водевиль сыгран в Павловском театре под Петербургом на гастролях императорской русской драматической труппы под руководством М. Е. Евгеньева, который с просьбой разрешить эту постановку обращался к Чехову еще 25 апреля 1902 г. (ГБЛ).

После удачного гастрольного спектакля было решено включить «Юбилей» также в основной репертуар Александринского театра.

Управляющий труппой П. П. Гнедич писал Чехову 3 августа 1902 г.: «Не позволите ли вы поставить ваш „Юбилей“? Я поручу Санину – бывшему режиссеру у Станиславского – посмотреть за чистоплотностью постановки. Если да, – черкните мне в Петербург...» (ГБЛ). 19 августа Чехов ответил согласием.

11 декабря 1902 г. С.-Петербургская контора императорских театров выслала Чехову составленное 15 ноября того же года Условие о предоставлении театру исключительного права на постановку «Юбилея» в течение двух лет (хранится в ЦГИА). 22 декабря Чехов известил Гнедича, что бумаги уже «подписал и возвратил». Тут же он выражал сомнение в успехе пьесы у публики: «„Свадьба“ еще туда-сюда, быть может, и пройдет нескучно, на счет же „Юбилея“ позволительно будет усумниться». О своих опасениях он писал также О. Л. Книппер-Чеховой 20 января 1903 г.: «Опять будут говорить, что это новая пьеса, и злорадствовать».

На сцене Александринского театра «Юбилей» был поставлен 1 мая 1903 г. в бенефис вторых режиссеров и суфлеров драматиче-

ской труппы. В пьесе участвовали: Г. Г. Ге (Шипучин), М. А. Потоцкая (Татьяна Алексеевна), К. А. Варламов (Хирин), Е. И. Левкеева (Мерчуткина). По воспоминаниям Гнедича, часть публики на премьере «негодовала», в партере раздавались даже возгласы: «Можно ли ставить на образцовой сцене такой балаган!» (П. . Гнедич. Книга жизни. Воспоминания. 1855–1918. Л., 1929, стр. 178; первоначально – «Исторический вестник», 1911, № 1, стр. 63).

Однако в письме к Чехову от 2 мая 1903 г. Гнедич отмечал несомненный успех пьесы: «Ваши опасения касательно „Юбилея“ не оправдались. Это была не пьеса, а сплошное щекотанье под мышками. Прилагаю вам оправдательные документы и жму руку вашу» (ГБЛ). «Оправдательными документами» служили вклеенные в письмо вырезки из неназванных рецензий. В одной из них, автором которой являлся Н. А. Россовский, говорилось, что хотя «Юбилей» – «пьеса-карикатура» и все, что в ней происходит, «в жизни не бывает», все же водевиль имел успех и «шел под несмолкаемый хохот публики» (Н. Р-ский).

Александринский театр. – «Петербургский листок», 1903, 2 мая, № 118, отд. Театральный курьер). В другой рецензии, принадлежавшей А. А. Измайлову, отмечалось, что пьеса прошла «при невероятном хохоте»: «Стон стоял в театре во время энергичного объяснения г. Варламова с г-жой Левкеевой. В ложах и в галерее, по-видимому, уже не смеялись, а просто катались со смеху. За юмористически-карикатурными разводами на чисто реальном фоне, которые так удаются Чехову в сценических вещицах, рассчитанных на комизм, нельзя было в самом деле следить без улыбки» (Смоленский. Александринский театр. Бенефис вторых режиссеров и суфлеров русской драматической труппы. – «Биржевые ведомости», 1903, 2 мая, № 215, отд. Театр).

Рецензент «Нового времени» тоже отметил несомненный успех «Юбилея»: «Мы давно не помним такого хохота, какой стоял в театре во время представления этой пьесы» («В пользу больного товарища». – «Новое время», 1903, 2 мая, № 9754, отд. Театр и музыка).

Однако А. Р. Кутель в своих отзывах на тот же спектакль подошел к оценке водевиля бо-

лее сурово. В первой рецензии говорилось: «...относительно поставленной в первый раз сценки Чехова „Юбилей“ приходится удивляться грубоватому комизму талантливому автору, переделавшего в сценку значительную часть своего старого и довольно натянутого рассказа» (*Ното novus*. Александринский театр. – «Петербургская газета», 1903, 2 мая, № 118, отд. Театральное эхо). В другом отзыве он же отмечал: «„Юбилей“ А. Чехова – решительно неудачная, грубовато сколоченная сцена <...> Грубая водевильная сцена грубо-водевильно разыгрывается гг. Варламовым, Ге, г-жами Потоцкой и Левкеевой. Выходит что-то плоское и натянутое» (*Н. nov.* Александринский театр. – «Театр и искусство», 1903, № 19 от 4 мая, стр. 389–390, отд. Хроника театра и искусств).

17 декабря 1903 г. премьера «Юбилея» состоялась в Херсоне в исполнении труппы «Товарищества новой драмы» под управлением В. Э. Мейерхольда с участием Н. А. Будкевич, О. П. Нарбековой, И. Н. Певцова и В. А. Рокотова («Юг», 1903, 17 декабря, № 1655).

Ночь перед судом

Впервые – «Слово». Сборник второй. Под ред. М. П. Чеховой. Книгоиздательство писателей в Москве, 1914, стр. 37–46.

Сохранился черновой автограф с авторской правкой (ЦГАЛИ).

Печатается по тексту рукописи.

Судя по почерку, пьеса написана в начале 1890-х гг.

В ее основу положен рассказ 1886 г. с тем же заглавием.

При переработке рассказа в пьесу усилена вина подсудимого Зайцева: теперь он привлекался к суду не просто за двоеженство и нанесение побоев, а за двоеженство, подделку завещания и покушение на убийство. Значительно расширена сцена «врачебного» обследования Зиночки и пошлого ухаживания за ней Зайцева. При этом подчеркнуто, что Зиночка сама является опытной кокеткой и не прочь наставить супругу рога.

В тексте рукописи отсутствует имевшаяся в рассказе сцена прощания Зайцева на следующее утро с новыми знакомыми и упомина-

ние о плате ему за «честный труд». Нет в пьесе также развязки – сцены в судебном заседании, когда Зайцев неожиданно узнавал в прокуроре обманутого им супруга Зиночки.

Видимо, пьеса осталась незавершенной. На это указывает также черновой вид рукописи, сокращения слов в тексте, отсутствие в конце обозначения «Занавес», которое всегда проставлялось Чеховым в рукописях законченных пьес.

В 1914 г. пьеса была представлена в машинописной копии в драматическую цензуру (вероятно, М. П. Чеховой) и 24 марта 1914 г. разрешена к представлению на сценах (ЛГТБ).

1

идите-ка сюда (нем. *kommen Sie her*).

[^^^]

Кто это (*франц.*).

[^^^]

между нами (*франц.*).

[^^^]

Повторим! (*лат.*)

[^^^]

5

Здесь: карман (франц. *etrouscher* – класть в карман).

[^^^]

Ступайте, зулусы... – В ранней редакции пьесы Лебедев с этими словами обращался к «пещерным людям» – Дудкину и Косых (см. т. XI, стр. 273). Затем Дудкин был исключен из числа действующих лиц; в предыдущей сцене собеседником Косых сделан теперь доктор Львов – уже совсем не «зулус». Однако прежняя реплика, относившаяся когда-то к Косых и Дудкину, в тексте сохранилась.

[^^^]

...пачулями разит... – Тропическое растение из рода погостемон, содержащее эфирное масло, которое шло для изготовления недорогих духов с резким запахом.

[^^^]

Зафилософствуй – и ум вскружится. – Из «Горя от ума» А. С. Грибоедова. В речи Фамусова: «Пофилософствуй – ум вскружится» (д. II, явл. 1).

[^^^]

...на «Скандал в благородном семействе» или на какую-нибудь «Мотю»... – Водевиль Н. И. Куликова (1812–1891) и К. А. Тарновского (1826–1892), известные Чехову еще по репертуару театральных спектаклей в Таганроге (см.: М. Семанова. Театральные впечатления Чехова-гимназиста. – В кн.: А. П. Чехов. Сборник статей и материалов. Вып. 2. Ростов н/Д, 1960).

[^^^]

...*Это казнь египетская...* – По библейскому сказанию, на вею египетскую землю, на людей и скот, налетело множество мошек – таково было третье из десяти губительных бедствий, посланных Моисеем на Египет по воле Яхве, чтобы заставить фараона отпустить израильтян из многолетнего плена (Исход, гл. 8. 16–19).

[^^^]

«Я вновь пред тобою стою очарован...» – «Цыганский» романс на слова «Стансов» В. И. Кривошеина («Опять пред тобой я стою очарован...»).

[^^^]

...к Чечотту или к Мержеевскому. – Известные петербургские врачи-психиатры и невропатологи. О. А. Чечотт (1842–?) – главный врач больницы «Николая чудотворца» для психических больных; И. П. Мержеевский (1838–1908) – директор клиники душевных болезней, профессор Военно-медицинской академии.

[^^^]

...«Крови жажду! Крови!» – Слова Отелло в одноименной трагедии Шекспира (д. III, сцена 3).

[^^^]

Я не Спиноза какой-нибудь, чтоб выделявать ногами кренделя. – Леоне Эспинозе (1825–1903), известный «танцовщик-гротеск», выступавший в московском Большом театре в 1869–1872 гг., которого Апломбов путает со знаменитым нидерландским философом Бенедиктом Спинозой (1632–1677). См. заметку В. М. Красовской «Почему Спиноза выделявал „кренделя“». – «Вопросы литературы», 1959, № 6.

[^^^]

«Я вас любил, любовь еще, быть может...» – Известны многие романсы, написанные на слова этого стихотворения А. С. Пушкина (1829) – А. А. Алябьева, П. П. Булахова, А. Е. Варламова, А. Л. Гурилева и др.

[^^^]

А он, мятежный, ищет бури... – Из стихотворения М. Ю. Лермонтова «Парус» (1832).

[^^^]

дорогая (*франц. та chere*).

[^^^]

...Буланже. – Французскому генералу Ф. Э. уланже (1837–1891) пресса создала шумную славу и репутацию «героя». В 1886–1887 гг. был военным министром, затем возглавил движение «национального протеста». Разоблаченный в связях с монархистами, в апреле 1889 г. бежал в Бельгию.

[^^^]

«Напрягши ум, наморщивши чело...» – Из стихотворения И. И. Дмитриева «Чужой толк» (1794).

[^^^]

Заткни фонтан! – Из «Мыслей и афоризмов»
Козьмы Пруткова: «Если у тебя есть фонтан,
заткни его; дай отдохнуть и фонтану» (№ 22).

[^^^]

А слона-то и не заметила. – Из басни
И. А. Крылова «Любопытный».

[^^^]

Не искушай меня без нужды... – Из элегии Е. А. Баратынского «Разуверение» (1821), положенной на музыку М. И. Глинкой (дуэт), М. Д. Бутурлиным, А. И. Дюбюком и другими композиторами.

[^^^]

С ВЫСОТЫ ПТИЧЬЕГО ПОЛЕТА (*франц.*).

[^^^]

...«у́ймитесь, волнения страсти»... – Романс М. И. Глинки на слова стихотворения Н. В. Кукольника «Сомнение» (1838).

[^^^]

«И будешь ты царицей мира, подруга верная моя». – Из партии Демона в опере А. Г. Рубинштейна (д. I, карт. 2 и д. II, карт. 4); либретто П. А. Висковатова на текст одноименной поэмы М. Ю. Лермонтова.

[^^^]

Как-то раз после войны... – Имеется в виду русско-турецкая война 1877–78 гг.

[^^^]

...сброшу тебя с Тарпейской скалы... – С этой скалы на Капитолийском холме в Древнем Риме, по преданию, сбрасывали осужденных преступников.

[^^^]

Люби, покуда любится! – Из стихотворения
Н. А. Некрасова «Зеленый шум» (1862).

[^^^]

Я пригласил вас ~ едет ревизор. – Слова Городничего, которыми начинается комедия Н. В. Гоголя «Ревизор» (д. I, явл. 1).

[^^^]

...*manet omnes una nox*... – всех ожидает одна ночь (лат.). Из оды Горация (кн. 1, ода 28).

[^^^]

слуги (франц. *domestique*).

[^^^]

...но зачем же стулья ломать? – Часть фразы Городничего в «Ревизоре»: «Оно, конечно, Александр Македонский герой, но зачем же стулья ломать?» (д. I, явл. 1).

[^^^]

«Невольно к этим грустным берегам...» – Каватина Князя из оперы А. С. Даргомыжского «Русалка» (д. III, карт. 2). У Пушкина в одноименной драме этими словами Князя открывается последняя сцена – «Берег».

[^^^]

«Сейте разумное, доброе, вечное...» – Из стихотворения Некрасова «Сеятелям» (1876).

[^^^]

...из Лефоше ~ Смита и Вессона! – Различные виды револьверов. Как человек, прошедший военную службу, Федор Иванович отдает предпочтение револьверу системы Смита – Вессона, принятого в то время на вооружение в русской армии.

[^^^]

...некий Парис прекрасную Елену! – Миф о похищении Парисом жены спартанского царя Менелая лег в основу «Илиады» Гомера; в пародийном переосмыслении тот же сюжет использован в оперетте Ж. Оффенбаха «Прекрасная Елена» (1864).

[^^^]

...друг Горацио, на свете есть много такого, что не снилось нашим мудрецам! – Слова Гамлета в одноименной трагедии Шекспира (д. I, сцена 5).

[^^^]

...бери меня, статуя командора, и проваливайся со мной... – Подразумевается конечная сцена в легенде о Дон Жуане, на сюжет которой создано множество произведений: пьеса Тирсо де Молина «Севильский обольститель, или Каменный гость», комедия Мольера «Дон Жуан, или Каменный пир», трагедия Пушкина «Каменный гость» и другие.

[^^^]

Тут чудеса, тут леший бродит... – Не совсем точная цитата из вступления к поэме Пушкина «Руслан и Людмила».

[^^^]

Какой Гамбетта, подумаешь... – Французский государственный деятель Л.-М. амбетта (1838–1882) получил широкую известность как блестящий политический оратор.

[^^^]

исповедание веры (*франц.*).

[^^^]

...с женщинами держите себя, как какой-нибудь Джэк. – В 1890 г. газеты пестрили сообщениями из Англии о преступнике-маньяке («Джек-потрошитель»), охотившемся за женщинами и зверски убивавшем их.

[^^^]

на широкую ногу (*франц.*).

[^^^]

...*ватерпруф* – женский плащ из легкой водонепроницаемой ткани (*англ.* waterproof).

[^^^]

Онегин, я скрывать не стану, безумно я люблю Татьяну!.. – Из арии князя Гремина в опере П. И. Чайковского «Евгений Онегин» (д. III, карт. 1); либретто П. И. Чайковского и К. С. Шиловского.

[^^^]

...в пробирную палатку. – В России до 1896 г. в этом учреждении производилось наложение пробы, то есть клеймение золотых и серебряных изделий.

[^^^]

...фуляровое платье... – из недорогой легкой шелковой ткани.

[^^^]

...шли два приятеля вечернею порой... – Из басни И. А. Крылова «Прохожие и собаки».

[^^^]

Не говори, что молодость сгубила... – «Цыганский» романс Я. Ф. Пригожего на слова стихотворения Н. А. Некрасова «Тяжелый крест достался ей на долю...» (1856).

[^^^]

Воняет ~ кислятиной... – В автографе: «кислятиной» – видимо, описка. В тексте рассказа «Ночь перед судом»: «меня обдало густым запахом кислятины» (т. III, стр. 118).

[^^^]

Благодарю, не ожидал! – Рефрен стихотворения В. А. Соллогуба, сказанного им экспромтом в 1860-х гг. Встречается также в стихотворениях П. А. Вяземского «Ильинские сплетни» (1869) и других (см.: Н. . Ашукин, М. . Ашукина. Крылатые слова. М., 1960, стр. 50). У Чехова это выражение приведено также в рассказе «Беззаконие» (см. т. VI, стр. 249) и в других произведениях.

[^^^]

Так проходит... Мирская слава... Дистиллированной воды (*лат.*). Позднелатинское изречение («Так проходит мирская слава»), разбитое здесь на отдельные части – по общепринятой формуле врачебной рецептуры.

[^^^]

Условные сокращения – см. т. XIII, стр. 337.

[^^^]

Неточность: последний рассказ написан позднее. В 1888 г. в «Северном вестнике» была напечатана еще повесть «Огни».

[^^^]